Андрей Бондаренко

Историческая фантастика

Страж Государя

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Егору Летову, профессиональному военному, предложен контракт, от которого невозможно отказаться.

Гонорар – миллионы долларов. А вот задание…

Он должен отправиться в прошлое и стать телохранителем Императора Всея Руси Петра Алексеевича, которого очень хотят прикончить нехорошие инопланетные спецслужбы.

И чтобы выполнить этот контракт, Егору предстоит стать… Александром Меньшиковым. Светлейшим князем. Военачальником. Соратником Петра Первого.

Потому что не должно быть в Истории лишних персонажей.

С заданием Егор справляется блестяще. Правда, избежать вмешательства в Историю ему не удается.

Да и с возвращением домой возникают проблемы…

- Андрей Бондаренко
  - От автора
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвёртая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - Глава восьмая
  - Глава девятая
  - Глава десятая
  - Глава одиннадцатая
  - Глава двенадцатая
  - Глава тринадцатая
  - Глава четырнадцатая
  - Глава пятнадцатая
  - Глава шестнадцатая
  - Глава семнадцатая
  - Глава восемнадцатая
  - Глава девятнадцатая
  - Глава двадцатая
  - Эпилог
- notes
  - 1
  - 2
  - 3

- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15

Андрей Бондаренко
Страж Государя

От автора

Российский Император Пётр Первый – фигура в истории российской очень и очень неоднозначная, противоречивая и загадочная…

Одни уважаемые и заслуженные историки, увешанные многочисленными званиями и регалиями, чётко и непреложно утверждают:

– Император Пётр, прежде всего и вся, искренний патриот и талантливый реформатор, под чутким руководством которого Россия в рекордно короткие сроки вошла в почётный перечень – ведущих европейских держав…

Их менее маститые оппоненты упорно предлагают совершенно противоположную версию:

– Пётр – обычная марионетка в руках искусных европейских политиков и случайных авантюристов. А он лично, как человек, что представляет собой? Да просто бессовестное чудовище, сатрап, монстр, самодур, серийный насильник, кровавый маньяк…

Самое лёгкое в данной ситуации – это важно так сказать, мол: «Истина, как и всегда, как ей и положено, находится где-то посередине…» Но однажды мне подумалось, что уважаемому читателю будет интересно попутешествовать по тем загадочным Временам, а также познакомиться с различными людьми, жившими в ту противоречивую Эпоху: с безобидными мечтателями и расчётливыми коммерсантами, с честными служаками и коварными политиками, с записными авантюристами, не боящимися крови, и с прекрасными и романтическими барышнями…

Вот так и родилась эта книга.

О её качестве и полезности судить не мне…

Глава первая
Странные сны и капля с микробами

Мужчина в чёрном распахнутом плаще идёт по берегу моря. Под плащом – всё тоже чёрное: брюки, рубашка, даже шейный платок. А вот широкополая шляпа и кожаные сапоги – цвета беж. Скучные серые волны, в бессильной злобе кусающие каменистый берег, жёлтые дюны, местами поросшие тёмно-зелёными кустиками цветущего вереска. Сапоги мужчины тонут в сыпучем песке…

Вот он выбирается на пологий холм, с которого открывается шикарный вид на узкий морской залив: по спокойным изумрудным водам медленно двигается неуклюжий громоздкий двухмачтовый бриг – без каких-либо опознавательных флагов и вымпелов. У самой береговой кромки замерла – в напряжённом ожидании – очень красивая русоволосая женщина – в нарядном белом платье, отделанном пышными сиреневыми и лиловыми кружевами. Женщина, поднеся ладонь правой руки к глазам, с тревогой всматривается в проплывающее судно.

В десяти-двенадцати метрах от женщины, на большом шаровидном валуне, расположился седоволосый старик-сиу, одетый в традиционную индейскую одежду. Старик невозмутимо курит длинную трубку, вырезанную из корня вереска, мундштуком которой служит полый стебель маиса. Мужчина торопливо покидает вершину холма, спускается вниз, к морскому берегу…

Женщина оборачивается на звук шагов мужчины, взволнованно указывает рукой на странный бриг:

– Егор, это не по нашу ли душу?

Мужчина не успевает ничего ответить: на клотике передней мачты корабля взмывает флаг – белый, с двумя перекрещивающимися синими полосами, над левым бортом судна появляется желтоватое дымное облако.

Нарастающий свист, два ядра, соединённые короткой цепью, встречаются с головой старого индейца: фонтан ярко-красной крови, серые мозги, разлетающиеся в разные стороны, страшный крик женщины… Егор проснулся, смахнул ладонью со лба капельки холодного пота, с трудом дотянулся до большой фарфоровой кружки с холодным чаем, сделал несколько жадных глотков, поставил кружку на место, устало откинулся на подушку, снова погружаясь в зыбкую таинственную полумглу очередного сна…

Берег холодного мрачного озера.

Совсем недалеко от берега – небольшой овальный остров, на острове – приземистая старинная крепость, сложенная из светлых северных камней-валунов.

Лодки, полные неуклюжих вооружённых мужиков, одетых в зелёные смешные кафтаны, смело плывут на решительный штурм – под пушечными ядрами и мушкетными пулями. Грохот, яростные крики штурмующих, жалобные стоны раненых, густой пороховой дым, застилающий всё вокруг…

– Алексашка, сволочь последняя! – вопит, обращаясь к Егору, высокий костистый мужик, обладатель абсолютно диких круглых глаз, которые, того и гляди, выскочат из своих орбит. – Что ты тут делаешь, сучий потрох? Быстро на штурм, трусливый гадёныш! В первых рядах чтоб у меня…

Грохот, яростные крики, клубы белого дыма…

Картинка вдруг мутнеет и исчезает, словно бы растворяясь в странной розово-сиреневой дымке, покрытой редкими, нежно-зелёными всполохами…

Он идёт по улицам города. Обычного современного города, разве что тротуары значительно шире обычных, да по проспекту проезжают редкие автомобили совершенно неизвестных марок. Люди, радостно улыбаясь, дружно идут по тротуарам – в одном и том же направлении, несут в руках большие букеты цветов, о чём-то возбуждённо переговариваясь между собой. Обычные, в общем-то, люди, разве что одеты чуть странно и непривычно…

На деревянной скамейке, выкрашенной в цвета российского флага, сидит симпатичный старичок: чуть мятый, светло-бежевый летний костюм, старомодное пенсне на носу, на голове – новенькое соломенное канотье.

– Дедушка! – спрашивает Егор, присаживаясь рядом. – А куда народ-то так спешит?

– Как это, куда? – удивляется пожилой господин. – На Дворцовую площадь, к Романовскому храму. Сегодня же Коронация. Государь Пётр Шестой официально восходит на Престол Российский…

– Коронация, Пётр Шестой? – удивляется Егор. – А где же эти, ну, как их? Демократы, коммунисты, эсеры всякие?

Старичок внимательно смотрит на Егора, озабоченно качает головой:

– Странный вы какой-то, молодой человек! Приболели, наверное, или с похмелья сильного. Вот и слова говорите – всё незнакомые какие-то…

Мерзкий звон будильника…

Егор проснулся, открыл глаза и сильно ударил по кнопке, расположенной на макушке голосящего монстра, противный звон тут же прекратился.

– Какие странные сны, очень странные, – пробормотал Егор себе по нос. – Так всё было натурально: цвета, звуки, голоса… Приснится же такое!

На Северном кладбище было тепло и где-то даже уютно: лёгкий ветерок ласково перебирал волосы, лучи утреннего солнышка бесшумно купались в придорожных лужах, в ветвях кладбищенских деревьев чуть слышно чирикали какие-то мелкие пичуги.

Сосновая аллея, двадцать второй ряд, крайняя, ещё совсем свежая могила, новенький деревянный крест – без каких-либо табличек.

– Эх, мама, мама, что ж ты не дождалась меня? Всего-то – две недели… – горестно вздохнул Егор, осторожно присаживаясь на хлипкую скамейку у соседнего (в другом ряду), гранитного памятника-плиты. – Как же так?

Перекурив, он поднялся на ноги, тщательно собрал с прямоугольного холмика разный мелкий мусор: берёзовые веточки, рыжую сосновую хвою, одинокий конфетный фантик. Руками выкопал в свежей земле (вперемешку с жёлтым песком) несколько неглубоких ямок-лунок, вытащил из полиэтиленового пакета торфяные горшочки с рассадой неизвестных ему растений, купленных у бабушек, торговавших всякой всячиной у ворот кладбища, вставил горшочки в лунки, тщательно прикопал. Достал из того же пакета пластиковую бутылку с водой, полил свои посадки. Остатками воды сполоснул руки, обтёр их носовым платком…

Сев обратно на скамью, Егор вытащил из внутреннего кармана куртки водочный «малёк», сорвал крышку-кепку, в семь-восемь глотков опорожнил стеклянную ёмкость до дна, обтёр рот ладонью, поморщился, положил пустую бутылку обратно в пакет, снова посмотрел на свежий холмик с безымянным крестом, проговорил – медленно, чуть дрожащим голосом:

– Пусть, мама, земля тебе будет пухом! Спи спокойно! – сглотнул предательскую слюну, закурил новую сигарету, после минутной паузы продолжил: – Знаешь, мама, я тут тебе памятник заказал. Красивый такой! Сама потом увидишь… Только его установкой Никита Иванов займётся. Помнишь Ника? Мы с ним в одной школе учились – до десятого класса, а потом он переехал в Купчино… Вот он всё и сделает. Я и доверенность на Никиту

оставил – чтобы он комнатёнку продал нашу. Зачем мне она – без тебя и Наташки? Невеста-то моя, знаешь уже? Тоже не дождалась, вышла замуж. Что ж, бывает… А Ник – он славный, не обманет, потом отдаст деньги. А я улетаю на Кубу, самолёт уже сегодня вечером. Там у меня друзья хорошие в Гаване – Хосе и Диего. Служили мы с ними вместе – в одной южной стране… Впрочем, рассказывать про это нельзя – военная тайна. Что я там буду делать? Толком не знаю ещё. Отдохну немного. Белоснежные заброшенные пляжи, юные мулатки, тоненькие и беззащитные – с жёлтыми розами, вплетёнными в угольно-чёрные волосы… Да, ладно, это я просто шучу. У Диего есть возможность выправить визу в Сальвадор. Или в Никарагуа? Не помню точно, да и неважно это совсем… Повоюем немного – за местных повстанцев. Там, говорят, платят неплохо… Так что сейчас меня в России и не держит ничто, да и никто. Я, мама, не навсегда уезжаю, вернусь ещё, конечно. Обязательно вернусь! Хоть бы для того, чтобы с тобой поговорить, цветы новые посадить на могилке… А когда вернусь, уже дом, наверное, достроят, в котором мне генералы обещали дать квартиру. Я её тоже продам. А потом все деньги сложу вместе и уеду на юг, к морю… Ты же, мама, всегда мёрзла в Питере и мечтала о домике на берегу тёплого моря, чтобы сад был фруктовый – обязательно с черешней и грецким орехом, чтобы цветов было много…

В международном аэропорту Пулково-2 было многолюдно, шумно и нестерпимо душно. Суетливые зарубежные и отечественные туристы и туристки, обременённые многочисленными чемоданами на колёсиках и толстыми неподъёмными сумками, выстроились в длинные бесконечные очереди к регистрационным стойкам.

Суета, запах пота – вперемешку с ароматами изысканных духов и дорогой туалетной воды, иностранная речь и незримая нервная аура, царящая над всем этим бедламом…

Егор, легкомысленно закинув свой тощий рюкзачок за спину, вежливо отодвигая издёрганных и нервных иностранцев в стороны, прошествовал в самый дальний угол зала, непроизвольно отмечая, что многие иностранные и местные тётеньки поглядывают на его ладную плечистую фигуру с нескрываемым интересом.

У стойки номер двадцать два никакого ажиотажа не наблюдалось.

«Оно и понятно, – промелькнула в голове ленивая мысль. – Желающих посетить солнечную Гавану нынче немного. Турция и Египет – намного ближе. Да и дешевле гораздо…»

Егор предъявил милой молоденькой сотруднице аэропорта билет и паспорт, подошёл к стойке пограничной службы.

«Вот и всё, – подумалось с лёгкой грустинкой. – Ещё несколько минут, и прощай, милая Родина! Когда-то ещё вернусь обратно… Через год, через два?»

На плечо легла тяжёлая свинцовая рука.

– Леонов Егор Петрович? – осведомился тусклый металлический голос.

– Он самый.

– Пройдёмте!

Перед глазами маячили чьи-то широкие плечи в зелёной форме – с майорскими погонами, по бокам насторожённо сопели ещё двое здоровяков-пограничников, угадывалось и чьё-то присутствие сзади. Вошли в боковую широкую дверь, поворот, коридор, поворот, ещё одна дверь, новый коридор…

«Лихо это они тебя, братишка, взяли в оборот! – заботливо поделился своими опасениями внутренний голос. – Неспроста это, ох, неспроста!»

Шеи коснулась тонкая острая игла, десятые доли секунды – и весь мир пропал куда-то, в неизвестном направлении…

На уровне подсознания он ощущал, как его аккуратно и бережно кладут на носилки, куда-то несут, потом сыто загудел двигатель автомобиля, приятно закачало на мощных рессорах…

Сознание медленно вернулось. Егор уже слышал тиканье настенных часов (старинных, скорее всего – с кукушкой), ощущал незнакомый запах: пахло то ли больницей, то ли театральной гримёрной. Странное такое сочетание…

– Ну, открывай глазоньки, бродяга! – раздался чей-то противный голос, щёки ощутили лёгкое похлопывание.

Егор открыл глаза – перед ним стоял неприятный скользкий тип: среднего возраста, с обширными залысинами и колючими серыми глазами, одетый в элегантный чёрный костюм. Этакий типичный халдей – в галстуке цветастом.

– Что, оклемался? – спросил неприятный тип и, не дожидаясь ответа, подошёл к круглому столику на длинной ножке, поднёс к уху чёрную телефонную трубку: – Шеф? Он пришёл в себя. Хорошо, ждём! – положив трубку обратно на рычажки аппарата, снова обратился к Егору: – Через пять минут с вами будут говорить, советую вести себя прилично, без глупостей всяких…

Егор огляделся по сторонам. Он сидел в низком и массивном, наверняка очень тяжёлом кресле, руки специальными браслетами были прикреплены к деревянным подлокотникам, ноги, по ощущениям, также были несвободны, во рту было нестерпимо

сухо – с оттенком рвотной кислятины. Тип с залысинами замер возле самой обычной двери, приняв позу покорного ожидания – скрестив руки на груди, насторожённо и неприязненно поглядывая на Егора.

Через некоторое время входная дверь приоткрылась, пропуская внутрь помещения ещё одного мужчину – высокого, уже достаточно пожилого, как принято говорить – позднего предпенсионного возраста. Орлиный нос, тёмное морщинистое лицо, обрамлённое длинными, до плеч, седыми волосами, бархатная профессорская куртка на широких плечах. А вот взгляд голубых глаз незнакомца был необычным – одновременно волевым и печальным.

«Очень волевым и очень печальным – одновременно, – подумал Егор. – Такие вот – многознающие глаза, полные тоской звериной – от тех знаний…»

Незнакомец уселся на антикварный стул, предупредительно пододвинутый «халдеем», заглянул Егору в глаза, проговорил негромко:

– Томас, дайте-ка нашему гостю выпить чего-нибудь тонизирующего, после чего покиньте нас на время!

– Слушаюсь, шеф! – Тип с залысинами исчез из поля зрения Егора, послышался шум льющейся жидкости, через пару секунд губ Егора коснулся край стеклянного стакана.

– Смело пейте, молодой человек! – седоволосый незнакомец говорил приятным глубоким баритоном. – Поверьте, сейчас нет никакой необходимости подмешивать яд в ваш напиток. Пейте, пейте, вам сразу полегчает!

Глоток, второй, третий. Обладатель всезнающих глаз не обманул: терпкий, чуть кисловатый напиток оказал на организм Егора воистину волшебное действие. Голова стала абсолютно ясной, обострились зрение и слух, по всему телу прошла-пробежала приятная и тёплая волна.

Мужчина улыбнулся – скупо, ободряюще, но вместе с тем – и строго:

– Меня зовут – Координатор, для вас этого вполне достаточно. Как зовут вас, я, как вы понимаете, знаю. Вы не будете против, если на этом этапе нашего разговора я буду говорить, а вы, в основном, слушать? Вот и хорошо. Впрочем, не возбраняется и обмениваться вопросами. Итак, Леонов Егор Петрович, двадцать три года с небольшим.

Родились ещё в Ленинграде, маленькая комната в коммунальной квартире – на Средней Охте, мать-одиночка, отца своего не знаете. С детства имели склонность к точным наукам, окончили специализированную физико-математическую школу.

Всегда отличались повышенной любознательностью, имели очень широкий круг интересов. В младших классах вы посещали химический кружок при Дворце пионеров – пока этот Дворец ещё работал, потом активно занимались в театральной студии, в старших классах посвятили себя спорту: самбо, дзюдо, карате… Особых спортивных успехов не достигли, но получили определённые навыки, весьма полезные в жизни повседневной… И с театральной студией вы никогда не порывали до конца, и факультативные занятия по английскому языку не обделяли своим вниманием, умудряясь как-то совмещать вещи, мало и плохо совместимые. Интересный такой вот сплав, право… После одиннадцатого класса вы оказались перед выбором: поступать на физико-математический факультет Санкт-Петербургского Университета, или – в один из театральных вузов. Победила – и совершенно напрасно, между нами говоря, – любовь к театру… Хотя, кто знает, в конечном итоге? Продолжаем. Вы подали документы сразу во все питерские театральные учебные заведения. Не поступили, ну, так сложилось, со многими бывает… День рождения у вас в феврале, поэтому весной 2005 года вас забрали на воинскую службу. Честно отслужили два года по призыву, потом ещё два – по контракту: в разных южных, немного странных и беспокойных странах. Причём в элитных войсках особого назначения. Не будем уточнять, в каких конкретно… Владеете приёмами восточных единоборств, прошли специализированные курсы военных телохранителей, знакомы с азами диверсионной деятельности. Все эти четыре года ваша невеста Наталья регулярно писала вам письма, клялась в своей верности, обещала дождаться. Но четыре года? Не многовато ли, мон шер, для девушки современной? Когда вы демобилизовались, выяснилось, что недавно Наталья вышла замуж – за юного лейтенанта-связиста, и вместе со своим мужем уехала куда-то на Дальний Восток, на заброшенную пограничную заставу. А ваша любимая матушка, примите мои уверения в искреннем сочувствии, умерла от рака за две недели до вашей демобилизации. О её болезни вы совершенно ничего не знали… Пока я излагаю всё правильно? Тогда продолжаю… Вы решили на какое-то время (или даже – навсегда?) уехать из России. Для начала – на Кубу, где живут ваши кубинские сослуживцы, с которыми вы успели подружиться. Как вы выразились сегодня утром на кладбище: «У Диего есть возможность выправить визу в Сальвадор. Или – в Никарагуа? Впрочем, неважно! Повоюем немного – за местных повстанцев. Там, говорят, платят неплохо…» Что ж, военный наёмник – вполне уважаемая профессия – по нашим мутным временам, можно и солидный

капитал заработать – на безбедную старость, если, конечно, не убьют… Разрешите вопрос. А почему именно Куба, Никарагуа, Сальвадор? Разве на этой прекрасной планете мало других интересных мест, где наёмникам тоже платят – приличные деньги?

Егор неопределённо и легкомысленно пожал плечами:

– Да мне, собственно, всё равно. Можно и в другое место… Район Карибского моря – просто потому, что там тепло и много стройных мулаток. Старика О'Генри я в юности много читал – «Короли и капуста», например, вот и решил. Опять же друзья там мои живут хорошие, проверенные… А вы, уважаемый господин Координатор, представляете интересы ФСБ? Какой-нибудь другой знаменитой спецслужбы?

– Можно и так сказать: какой-нибудь другой международной спецслужбы. Но вам, как и всем прочим – рядовым жителям этой планеты, совершенно неизвестной! Что совсем и неважно – в данной конкретной ситуации. Здесь важно только то обстоятельство, что вам совершенно всё равно, куда уезжать. Ведь так?

– Только не в Антарктиду! – неожиданно для самого себя заволновался Егор. – С детства не люблю холода!

– Нет, не в Антарктиду, – мимолётно улыбнувшись, успокоил его собеседник. – Климат для вас будет вполне привычным, без неожиданностей. Как вы отнесётесь к такому предложению: уехать, м-м, в другое время?

– Не знаю пока! – честно ответил Егор. – Неожиданное такое предложение…

– Не удивляетесь, не возмущаетесь, не требуете прекратить эти дурацкие шутки. Почему, собственно?

Егор смешно наморщил нос:

– Всё очень просто, господин Координатор! Когда-то всё написанное Жюлем Верном многим казалось фантастикой и глупыми сказками. Потом эти сказки начали сбываться – одна за другой… Так что я не вижу ничего странного и необычного, если и перемещения во времени когда-нибудь станут обыденной реальностью.

– Браво! – Мужчина несколько раз негромко поаплодировал, кисти рук у него были очень странными: коричневыми, морщинистыми, изрезанными многочисленными белыми, длинными и короткими, шрамами. – Вы, Егор Петрович, весьма занятный молодой человек. Вот и в вашей характеристике из воинской части написано: «обладает ярко-выраженным философским складом ума, склонен к сложным логическим построениям, на основании которых может принимать абсолютно

авантюрные решения!» Вы, что называется, воистину «наш клиент»!

– Я очень рад за вас! – пессимистически улыбнулся Егор. – Но нельзя ли более подробно узнать о сути вашего предложения?

Координатор внимательно посмотрел ему в глаза.

– Вы в школе изучали биологию? Наблюдали через микроскоп за капелькой воды, наполненной разными микробами?

– Было такое дело, наблюдал…

– И острой иголкой тыкали в капельку? Егор задумчиво поморщился:

– Да, вроде. Ещё песчинку помещали в эту каплю, что-то там ещё. Экспериментировали по-разному, так сказать.

– Очень хорошо! – в очередной раз обрадовался Координатор. – Тогда вы должны правильно понять меня. Представьте себе, что наша с вами древняя и прекрасная планета Земля, вместе со всеми её обитателями, это просто обычная «капля воды, наполненная микробами», – под чьим-то микроскопом. Для нас проходят века, для того, кто сидит за микроскопом, – часы, а может даже – и минуты. И этот неизвестный исследователь, а по факту – многочисленные исследователи, упрямо ставят над бедными «микробами» разные опыты!

– Какие… опыты?

– Самые разные. Например, определённому виду бесконечно глупых обезьян делаются инъекции, способствующие активизации работы головного мозга. Стимулируют и катализируют, выражаясь по-научному, процесс естественной эволюции. Время от времени доверчивому человечеству подбрасывают коварные «подарки»: колесо, технологию плавки бронзы и железа, счёты, современную демократию, двигатель внутреннего сгорания динамит, ядерную бомбу, Интернет… Чтобы придать всему исследовательскому процессу требуемую динамику. Параллельно с этим осуществляются сложные и неоднозначные психологические эксперименты, моделируются различные поведенческие ситуации, провоцируются экстремальные процессы…

– Моделируются ситуации, провоцируются экстремальные процессы… – непонимающе и хмуро проворчал Егор. – А можно поподробнее, уважаемый мистер Координатор?

– Да без вопросов, уважаемый господин Леонов! Допустим, только на минутку, что такие одиозные фигуры, как Александр Македонский, Нерон, Наполеон, Пётр Первый, Емельян Пугачёв, Ленин, Гитлер, Сталин – и многие другие неординарные личности, достаточно серьёзно поменявшие ход развития истории

человечества, появились не сами по себе…

– А откуда?

– От верблюда. Их ввели в игру наши «экспериментаторы». Понимаете теперь?

– Нет! – честно признался Егор. – Кто они такие, эти «экспериментаторы»? И чьи интересы тогда представляет ваша спецслужба?

– «Экспериментаторы», как легко догадаться, не являются жителями нашей планеты, – строго и печально произнёс обладатель многознающих глаз. – А служба, которую я имею честь предоставлять, как раз и отстаивает интересы «капельки воды, наполненной мирными микробами». Человеческой расой, то бишь. Пресекаем, по мере наших скудных сил, наиболее опасные и изощрённые эксперименты. Вот и вам, господин Леонов, мы предлагаем: оказать одну важную услугу – всему человечеству, так сказать, в целом…

Координатор загадочно замолчал, молчал и Егор, пытаясь хоть как-то переварить полученную информацию. Только минут через пять-шесть он спросил:

– И есть конкретные успехи у вашей славной службы? Много гадких и изощрённых «экспериментов» вам удалось пресечь?

– Много! – Глаза мужчины стали жёсткими и холодными. – Например, Третья мировая Война, с широкомасштабным использованием ядерного оружия, так и не началась. Хотя наши «оппоненты» пытались спровоцировать начало этого события не один десяток раз. Первая попытка была предпринята ещё весной 1944 года, когда Вермахт был оснащён «грязной» атомной бомбой. Только усилия нашей специальной группы позволили предотвратить её применение – ценой серьёзных и невосполнимых потерь… А ведь это, в свою очередь, могло коренным образом изменить и весь ход Второй мировой войны. Не так ли?

– Запросто – могло! – подтвердил Егор. – Только вот – почему именно я вас заинтересовал? Только не говорите, что, мол, из-за моего философского склада ума и врождённой любви к различным авантюрам… Идиотов всегда в зеркале надо искать…

Его собеседник резко поднялся со своего стула, отошёл куда-то в сторону.

«Сколько же ему лет? – подумал Егор. – Прямая спина, осанка – двадцатилетнего юноши, а морщин на лице и шее – как будто ему уже далеко за восемьдесят…»

Координатор ловко подкатил элегантную тележку на колёсиках, на которой был укреплён портрет мужчины средних лет: объёмный рыже-оранжевый парик, старинный кафтан, щедро

украшенный красно-зелёными самоцветами и пышными сиреневыми кружевами, на боку – длинная шпага в позолочённых ножнах.

– Вам никого не напоминает сей важный вельможа? Егор внимательно всмотрелся, ответил – совсем даже неуверенно:

– Пожалуй, этот господин очень похож на меня… Или – я на него? Только здесь ему лет тридцать пять, да и этот дурацкий кудрявый парик… А так – да, есть очень даже много общего. Кто это такой?

– Это – Светлейший Князь Меньшиков Александр Данилович! – непонятно чему скупо улыбнулся собеседник. – Должен вам сообщить, что вы, Егор Петрович, его прямой потомок – по материнской линии: ваши генетические характеристики совпадают самым поразительным образом с аналогичными характеристиками Светлейшего…

– А что дальше? Чем я могу быть вам полезен? Обладатель кистей рук, покрытых многочисленными белыми шрамами, неторопливо прошёлся по комнате – туда-сюда, остановился напротив Егора, рядом с портретом величественного вельможи.

– Проект «Пётр Первый» был, естественно, спланирован и осуществлён нашими инопланетными «исследователями». Как и что? Детали сейчас совершенно неважны, не забивайте себе голову лишним хламом. Несколько слов по сути этого проекта. В конце семнадцатого века Россия отставала по целому комплексу самых различных показателей от стран Западной Европы. Лет на двести—двести пятьдесят. Планировалось выяснить: может ли один сильный человек, облечённый практически безграничной властью, кардинально, в очень короткий исторический период времени, изменить данную негативную ситуацию? Чем завершился этот «эксперимент», вы, безусловно, знаете…

– Очень успешно завершился! – уверенно кивнул головой Егор. – Что же дальше?

– По сведениям, поступившим по нашим секретным каналам, стало известно, что наши «учёные» разрабатывают следующий проект – абсолютно логическое завершение первого… Они хотят понять, как крутое изменение в Прошлом – путём искусственного вмешательства – может изменить Настоящее. Это первый эксперимент такого рода. Понимаете – первый! И для нас, и для «экспериментаторов». Следовательно, существует очень много неясностей… По ряду критериев была выбрана именно Петровская эпоха. Задумано следующее: в самый разгар реформ, или даже в самом их начале, Пётр неожиданно погибает. Что происходит при этом с Россией как с государством? Какой путь развития выберет русская элита того времени? В каком состоянии

Россия, в этом раскладе, подойдёт к рубежу двадцатого века? Сохранится ли, как единое и великое государство, или распадётся – на десяток-другой мелких? Бесспорно, вопросы очень интересные…

– Действительно, интересные, – подтвердил Егор. Координатор нахмурился:

– Не перебивайте сейчас меня, пожалуйста, господин Леонов! Мы подходим к вашему заданию, к вашей миссии – высокопарно выражаясь. С точки зрения моего руководства, такой эксперимент с Прошлым абсолютно недопустим: его последствия могут быть непоправимы – как для государства российского, так и для всей планеты в целом. Вся «капелька с микробами» может погибнуть, испариться, исчезнуть навсегда… Принято однозначное решение – «закрепить» за Петром Романовым опытного телохранителя из Настоящего.

– Есть многие тысячи телохранителей гораздо более опытных, чем я, – скромно доложил Егор. – Я в этом деле, если совсем честно, полный дилетант. Так, по верхам нахватал всякого…

Координатор согласно кивнул головой:

– Да, это так. Ваша профессиональная подготовка очень далека от истинного совершенства. Но, всё же, некоторые навыки у вас есть, что очень хорошо. Да и задатки неплохого артиста у вас налицо, что, безусловно, важно… А вот со временем у нас всё очень плохо, надо торопиться. Существуют такие термины, как «окна в Прошлое», «временные петли»… Впрочем, не стоит вас загружать такой специфической информацией. Тем более что и мы сами о многом только догадываемся… Дело осложняется тем, что напрямую послать «агента» в Прошлое невозможно. Можно только осуществить «подмену», «замену»… Причём «заменяемые» объекты должны непременно быть родственниками, обладать похожими генетическими характеристиками. Теперь – понимаете?

– То есть я отправляюсь в семнадцатый век – старательно охранять и оберегать царя Петра, а мой генетический пращур – сюда?

– Совершенно верно. Кстати, Александр Данилович Меньшиков – личность, бесспорно, неординарная. Мы и в наше время найдём для него достойное и серьёзное занятие. Кроме всего прочего, о том, что «замена» пройдёт успешно, говорит и следующий факт: вы со Светлейшим даже родились в один и тот же календарный день![1] Перенестись вам придётся в июль 1687 года, за один день до знакомства настоящего Алексашки Меньшикова с царём Петром. Вы, конечно же, сейчас немного старше (если так можно выразиться) вашего заменяемого пращура, но это ничего, выпьете соответствующую микстуру,

скинете внешне года три-четыре…

– Стоп, стоп! – повысил голос Егор. – Я ещё не давал своего согласия! С чего это вы взяли, что я всю свою оставшуюся жизнь хочу провести «в шкуре» Светлейшего? Тем более что я прекрасно знаю, чем Меньшиков закончил, знаю, как он умирал в ссылке! Читал когда-то в книжке Пикуля – про времена Анны Иоанновны кровавой, что очень обожала жирную буженину…

– Не кипятитесь вы так, молодой человек! – устало поморщился Координатор. – Мы предлагаем вам заключить контракт всего-то на пять лет, самых спокойных лет в настоящей биографии вашего славного пра-пра-пра-прадеда.

– Только на пять лет? А что же дальше будет с Петром? – забеспокоился Егор.

– Вы не единственный прямой потомок Светлейшего подходящего возраста. Только все остальные пока – порядочные шалопаи, безо всяких полезных навыков… За пять лет мы подготовим вам достойную замену, многократно превосходящую вас по всем профессиональным и функциональным возможностям. А может, и настоящего Меньшикова вернём на прежнее место, если это будет признано целесообразным. После соответствующей и вдумчивой подготовки, конечно же. Пять лет – очень даже большой срок, за это время можно воспитать настоящего Джеймса Бонда… Но столько ждать мы не можем. Время – очень странная и хрупкая штука. Надо начать данную операцию раньше наших «экспериментаторов» – в современном, сиюминутном понимании… Нельзя обогнать твоего противника в Прошлом, задействовав Будущее, которого, между нами говоря, может и не быть… Теперь по вам лично. Здесь всё просто: уехали в страны Карибского бассейна и пропали там без вести. А через пять лет вернулись в Санкт-Петербург – очень богатым человеком. Как граф Монтекристо в своё время… Например, обнаружили на одном тропическом острове клад знаменитого капитана Флинта. Как вам такая версия? Не волнуйтесь, все необходимые бумаги будут оформлены должным образом, налоги – скрупулёзно выплачены… Впрочем, вы будете первым из людей, кто вернётся из Прошлого в Настоящее, так что детали будем уточнять, что называется, в рабочем порядке…

– Не хочу обратно в Питер! – упрямо заявил Егор.

– Вы прямо как ребёнок! – Сотрудник неизвестной международной спецслужбы недовольно и осуждающе покачал головой. – Хорошо, мы купим, персонально для вас, небольшой, но очень уютный и удобный островок в Карибском море, где-нибудь в архипелаге Тринидад и Тобаго. Устраивает? Островок с современным коттеджем, с закрытой и тщательно оборудованной

бухтой, отличным садом, ухоженными цветниками, в придачу – двухмачтовая красавица-яхта… Ну, и на ваши банковские счета поместим миллионов сорок долларов. Как же иначе? Содержание частного острова – дело накладное… Да что вы так глупо и недоверчиво улыбаетесь?

– А где гарантии? – набычился Егор. – Когда меня отправляли в Ливию… Извините, в одну очень странную и беспокойную южную страну, мне тоже много чего обещали… Нет, не частные острова и миллионы баксов. Просто – солидные ежемесячные деньги и однокомнатную квартиру в Питере…

– Неужто – обманули? – притворно охнул Координатор.

– Обманули! – хмуро подтвердил Егор. – Живых денег – после всех вычетов, штрафов и налогов, раза в два меньше вышло, чем я предполагал. А квартира обещанная оказалась совсем и не в Питере, а в Колтушах – даже и не в пригороде, а, вообще, в Ленинградской области. Да и дом тот, где эта клетушка, только строится ещё! А вы говорите – частный остров, яхта, сорок миллионов… Как-то и не верится!

Координатор, как показалось, нисколько и не обиделся. Наоборот, улыбнулся так – насквозь понимающе и где-то даже удовлетворённо и неожиданно заявил:

– Знаете, уважаемый Егор Петрович, я искренне рад, что наш разговор принял такое направление – коммерческое и меркантильное. Не верю я всем этим бессеребреникам и записным романтикам. Не верю! И никогда не верил. Сегодня его деньги не интересуют, а завтра, когда изменилась ситуация, он без них уже и жить не может… Нет уж, мне по нраву работать с людьми взрослыми, знающими, что они ждут от этой жизни… Итак, вы, Егор Петрович, хотите гарантий? Это весьма похвально.

– Похвально, блин, непохвально, блин, – недовольно и презрительно процедил сквозь зубы Егор. – Но будьте так добры предоставить железобетонные гарантии! Как простейший акт доброй воли, мол: «Хотим, действительно „капельку с мирными микробами“ – уберечь от страшных и непоправимых бед»…

– Без вопросов, господин Егоров! Насколько мне известно, контракт ливийский вы подписывали только с российской стороной, но оплата по нему предусматривалась двойная: половинная её часть (российская) – в рублях, на соответствующие счета в Государственном казначействе, другую половину платили французы – в евро. На счета, открытые в любых банках мира, кроме французских. Обычная практика европейская, мон шер! Деньги за дела скользкие принято прятать тщательно… Не так ли?

– Я-то здесь при чём? – поморщился Егор. – Там при нас

генерал был важный. Он и советовал – чего, как и где. Ко мне лично – какие претензии? Мы солдаты, а Устав – не портянка заскорузлая…

Координатор улыбнулся – ещё шире:

– Никто с этой мудрой и вечной сентенцией и не спорит, господин Егоров! Я же вам говорю совсем про другое… Вы, мон шер, по совету вашего мудрого генерала под евро открыли два расчётных счёта: один – в скромном швейцарском банке, другой – в не менее скромном, люксембургском. Но не в этом дело. Вы, любезный, при наличии Интернета, можете проверить состояние своих счетов?

– Могу, конечно! – подтвердил Егор. – А при наличии телефонной связи – могу и перепроверить! Только денег там и не густо совсем, тысяч по пять с хвостиком – на каждом…

Координатор нажал на красную кнопку в стене и обратился к незамедлительно появившемуся в дверях «халдею»:

– Томас, первым делом – освободите нового сотрудника от этих неэстетичных пут, предложите ему что-нибудь выпить, перекусить, прочее… Вторым делом – предоставьте ему нормальный, «быстрый» Интернет и полноценную международную телефонную связь (только для разговоров с банками!), газеты там всякие… В завершение – подготовьте стандартный пятилетний контракт. Далее…

На швейцарском и люксембургском счетах Егора обнаружилось по двадцать нежданных миллионов Евро. Причём эти деньги были оформлены в виде безотзывных банковских аккредитивов, которые должны были раскрыться (стать доступными) только через пять лет, не ранее.

Говоря по-простому, Егор смог бы самостоятельно распоряжаться этими суммами только через пять полновесных лет и только при предоставлении строго определённых документов, оформленных должным образом… Тем не менее, оба первоклассных европейских банка однозначно подтвердили серьёзность возможных финансовых преференций…

Через четыре часа контракт был успешно подписан. Причём три часа из четырёх ушло на выбор конкретного островка – по многочисленным видео и печатным типографским материалам… Само подписание произошло уже совсем в другом помещении, оборудованном под библиотеку – в викторианском классическом стиле…

– Что у нас дальше? – негромко поинтересовался Егор, почтительно замерев рядом с элегантным журнальным столиком, почему-то в присутствии Координатора ему постоянно хотелось принять положение «смирно».

– «Перенос» будет осуществлён только через две с половиной недели. За это время вам придётся ознакомиться с некоторыми материалами, – Координатор властно махнул рукой в сторону письменного стола, над столешницей которого возвышалась целая бумажная гора, состоящая из толстых и тонких книг – в основном антикварного вида, современных скоросшивателей и кожаных старинных папок.

– Ничего себе! – расстроенно присвистнул Егор. – Да мне этого и за полгода не прочесть!

– И за отведённое время справитесь! – строго заверил его пожилой седовласый сотрудник спецслужбы, которая в контракте была обозначена как «Сторона SV». – Томас Самуилович вам непременно поможет. Он у нас доктор исторических наук, академик и всё такое прочее. Специализируется именно на Петровской эпохе… Вы должны прибыть к месту новой службы во всеоружии: зная досконально всё о быте и нравах тех времён. Речевые характеристики данной эпохи должны быть освоены вами в совершенстве. Необходимо существенно пополнить и расширить словарный запас. А местами, наоборот, жёстко ужать! Забыть о современном сленге, особенно – молодёжном… Прошу уделить повышенное внимание информации, связанной с тогдашними обитателями Немецкой слободы, лично – с Францем Лефортом. Война с Турцией – тоже очень важная тема… Времени у вас мало, так что – приступайте!

– Что, прямо сейчас?

– Прямо сейчас!

Следующий раз Егор встретился со «стальным человеком», как он называл про себя Координатора, только через полторы недели. Координатор вошёл в библиотеку стремительной походкой, коротко поздоровался, скупо улыбнулся:

– А вы, молодой человек, сильно изменились за это время: похудели, осунулись, даже немного повзрослели. Глаза серьёзными такими стали, вдумчивыми, усталыми… Что, так тяжело усваивается информация?

– Не в этом дело, – тяжело вздохнул Егор. – Просто мои представления о Петровской эпохе были несколько иными. Роман Алексея Толстого, разные современные фильмы, «Россия молодая», например… Казалось: времена как времена, немного архаичные, ужасно героические. Но, всё же, немного похожие на наши… А это – колоссальная ошибка! Совсем ничего похожего и нет… Нравы там – не приведи Господь! Зверство сплошное! Скотство, ничем не прикрытое!

– Что, господин Леонов, страшно?

– Очень страшно! – честно признался Егор. – Но и интересно! Особенно про штурм Азовской крепости, про взаимоотношения с Османской империей. Я, всё же, военный, моя тема, как-никак…

Координатор неторопливо полистал старинный фолиант в кожаном переплёте, подошёл к двери, уверенно поманил Егора за собой:

– На несколько суток придётся прервать ваши книжные экзерсисы. Как известно, Меньшиков начинал свою головокружительную карьеру с того, что был мальчиком на побегушках при Франце Лефорте. А это совсем не так просто, как вам кажется! Необходимо уметь седлать лошадей – и скаковых, и каретных, правильно ухаживать за ними, запрягать в повозку. Надо знать, как правильно расчёсывать господский дорогущий парик, как начищать туфли до зеркального блеска, выбивать и чистить курительные трубки… Кроме того, точно установлено, что в молодости Александр Данилович, тогда для всех – просто Алексашка, лихо отплясывал русские народные танцы, умел хорошо играть на ложках, дуть в берестяные трубицы. Так что вам придётся всему этому научиться – в самые кратчайшие сроки, поедемте на нашу загородную базу. Там и микстуру примете «омолаживающую»…

До «переноса» оставалось минут пятнадцать-двадцать.

– Запомни самое главное, Алексашка! – давал свои последние, очень чёткие наставления Координатор. – Франц Лефорт – это твой главный помощник, но он же и главная опасность. Только через него ты можешь познакомиться с Петром Алексеевичем Романовым, будущим Императором России, но Лефорт – человек очень умный и наблюдательный, он может легко распознать подмену. Общайся с ним как можно реже. Есть у вас, Егор Петрович, вопросы ко мне?

– Два вопроса, – кивнул головой Егор. – Во-первых, по поводу влияния изменений в Прошлом на Настоящее. Вы же понимаете, что мне не удастся полностью повторить все поступки Александра Даниловича… Вольно или невольно, но я окажу влияние на ход Истории. Например, мне как телохранителю Петра придётся убить энное количество людей, которых настоящий Меньшиков не убивал. Это же повлияет на Настоящее?

– Бесспорно повлияет! – подтвердил его опасения Координатор. – Но мы вынуждены смириться с этими издержками.

– С издержками?

– Вот именно! По сравнению с историческими изменениями, которые могут наступить после ранней смерти Петра, это сущие мелочи, которыми можно спокойно пренебречь…

– Вам, конечно, виднее, – пожал плечами Егор.

– А второй вопрос?

– Вы ничего не рассказывали мне о механизме «замещения». В чём он заключается?

– Тут всё просто, – совершенно спокойно ответил Координатор. – В строго определённое время вам сделают совершенно безболезненную инъекцию, вы мгновенно уснёте, проснётесь уже в нужном 1687 году. Как видите, всё очень элементарно и безопасно…

Егор недоверчиво прищурился:

– Что-то вы определённо не договариваете, дорогой господин начальник… В чём тут, спрашивается, подвох?

Голубые в красных прожилках, всезнающие глаза пожилого мужчины смотрели на Егора очень строго, недоверчиво и испытующе.

– Всё дело в том, что одновременно (если так можно выразиться) точно такая же инъекция будет сделана и настоящему Александру Даниловичу Меньшикову.

– Кто же эту инъекцию сделает? – заинтересованно спросил Егор. – У вас там есть ещё один «агент»?

– Да, есть. Он был «замещён» ещё три с половиной года назад, но по гораздо более сложной и главное – по гораздо более болезненной и рискованной схеме. Так что вам ещё повезло, молодой человек…

Предчувствуя некий подвох, Егор нахмурился:

– Как зовут моего напарника? Или, быть может, напарницу?

– Извините, но не могу назвать! – Координатор резко и демонстративно отвернулся в сторону. – Этот человек, безусловно, будет вас поддерживать и страховать. Но у него, или, допустим – у неё, есть и своё, очень конкретное задание.

– Какое?

– Если вы попытаетесь активно и целенаправленно менять Прошлое (вдруг на вас найдёт такая вредная блажь?), то этот «агент» обязан уничтожить вас. Однозначно и безжалостно…

– Очень мило! – обиженно надулся Егор.

– Да ладно вам! Вы же взрослый человек, должны прекрасно понимать, что в таких серьёзных делах без тщательной подстраховки нельзя, не полагается…

До нужного времени оставалась одна минута.

Егор, одетый только в узкие льняные штаны-ноговицы – по моде конца семнадцатого века, сидел на старинном музейном табурете посередине маленькой квадратной комнаты, скупо освещённой двумя жёлтыми электрическими лампочками,

которые регулярно мигали через каждые три секунды. За его спиной стоял противный Томас Самуилович со шприцом наготове.

– Семь, шесть, пять, четыре… – неторопливо отсчитывал хриплый нудный голос, свет окончательно погас, полная чернота заполнила собой всё. – Четыре, три, два, один. Всё – пора!

Нестерпимо острая боль в темечке, абсолютная тишина…

Глава вторая
Первые шаги по Прошлому

Егор летел с огромной скоростью по узкому чёрному туннелю. Где-то в самом конце туннеля чуть виднелось, вернее, только угадывалось, крохотное белое пятнышко. Пятно неуклонно приближалось, расширялось, из него, словно щупальца спрута, вылетали разноцветные спирали, крепко опутывали Егора, пеленая в плотный радужный кокон…

– Господи, страшно-то как! Господи!!! Когда же это закончится? Когда???

Всё закончилось неожиданно и сразу.

Тишина, только где-то на втором плане слышалась бодрая барабанная дробь.

Словно юный пионер-тимуровец наяривал упрямо зорьку пионерскую…

Он вслушался: никакая это не барабанная дробь, а просто стук его собственного, неожиданно трусливого сердца!

«Следовательно – что? – строго спросил внутренний голос, с которым Егор полюбил общаться за время своей недавней службы в одном неприметном военном поселении на ливийско-алжирской границе, и тут же сам уверенно ответил: Следовательно, мы живы с тобой, дурилка картонная! В попу тебе, да и всем остальным, живущим на этой несимпатичной планете – по огурцу пупырчатому, перезрелому! Следовательно – ура!»…

Егор открыл глаза – крошечная комната: три с половиной метра на два с половиной, в одном торце виднелась дверь, небрежно сколоченная из плохо струганных досок, в другом – маленькое окошко. Судя по скупым солнечным лучам, с трудом пробивающимся через мутное стекло, было раннее утро. Почему утро, а не вечер? Да потому, что солнечные лучи были светло-жёлтыми, откровенно утренними такими…

А вот запах был совершенно незнакомым, не то чтобы очень противным и гадким, но определённо странным: одновременно пахло заброшенной деревней, свежими деревянными стружками, вчерашней баней и грязным постельным бельём, пролежавшим в барабане стиральной машины не одну полновесную неделю.

Постельного белья, впрочем, и вовсе не наблюдалось, Егор лежал на толстой войлочной подстилке, под головой располагалась войлочная же скатка, покрытая льняной, не очень-

то и чистой тряпкой.

Под правой коленкой неожиданно сильно зачесалось, Егор ощутил сильный укус, пальцами нащупал неизвестное коварное насекомое, раздавил, по каморке распространился характерный коньячный запах.

– Вот же чёрт! – ругнулся Егор сквозь зубы. – Надо срочно найти воды и умыться!

Но выполнить это пожелание незамедлительно он не мог: необходимо было строго соблюдать инструкции, касавшиеся его первых минут пребывания в Прошлом.

Егор осторожно спустил босые ноги на гладкий, умиротворяюще прохладный деревянный пол. В свете тусклых солнечных лучей выяснилось, что он сидит на некоем подобии нар, покрытых войлоком, называется – «кошма», вспомнилось. В полутора метрах от нар к стене была прибита короткая и широкая доска (словно столик в купе железнодорожного вагона), возле дверей к стене крепилась ещё одна, но уже более узкая доска, по обе стороны от оконного проёма на железных костылях висела какая-то нехитрая одёжка. Он встал и тут же чуть не споткнулся о кожаные сапоги (как выяснилось позже – о низкие и где-то даже элегантные полусапожки бордовой кожи, щедро обитые мелкими медными бляшками), ругнувшись, прошёл к узкой полке, висевшей рядом с дверью.

Инструкция не обманула: на полочке обнаружились массивный бронзовый подсвечник с десятисантиметровым огрызком свечи, кремневое кресало, огрызок трута. Егор, как учили, покрутил колёсико кресала, подул на искры, падающие на трут, родился крохотный язычок пламени. Зажёг свечу, поплевал на пальцы, аккуратно затушил кончик трута, осмотрелся.

Широкий столик оказался плотно завален самыми разными вещами.

Тяжёлый серебряный нательный крест на красном льняном шнурке Егор сразу же повесил себе на шею. Туда же последовал и бронзовый ключ – на хилой медной цепочке, покрытой местами тонким слоем зеленоватой патины. Ослабив завязки на кожаном мешочке-кошельке, он высыпал себе на ладонь десятка два монет: полушки, копейки, алтыны, несколько серебряных.

«Рубля четыре с половиной будет, – прикинул Егор на глазок. – Не густо. Хотя – это как посмотреть. На эти деньги сегодня можно купить небольшое стадо баранов, или даже – дойную корову с хорошей тёлкой в придачу…» Он засыпал монеты обратно, отложил кошель на кошму, взял в руки посеребрённую коробочку.

«Элементарная блохоловка! – предупредительно подсказал

опытный внутренний голос. – Абсолютно ничего хитрого!»

Словно подтверждая правильность этого предположения, с мочки левого уха на шею сполз кто-то очень маленький, стало нестерпимо щекотно.

– Чтоб тебя! – Егор сильно хлопнул по шее ладонью. – А с элементарной гигиеной, ребята, тут у вас совсем и не важно…

Ещё на столике обнаружилось множество стеклянных и керамических флакончиков.

Егор наугад открыл один из них, поднёс к носу. Пахло свежим огурцом.

«Огуречный лосьон после бритья! – обрадовался внутренний голос. – А вон и опасная бритва!»

Егор взял в руки опасную бритву (на деревянной ручке, нескладную, лезвие было спрятано в кожаный чехольчик), повертел в руках, ухмыльнулся, положил на место.

Понюхал содержимое ещё нескольких флаконов, один из запахов показался знакомым – натуральный «Тройной» одеколон. Тщательно протёр «одеколоном» шею, прижёг укушенную клопом ногу под коленкой. Открыл ещё одну плоскую коробочку, наполненную белым порошком, ткнул пальцем, лизнул, порошок оказался самым обыкновенным мелом. Рядом с коробочкой лежала длинная дубовая палочка с разлохмаченным концом.

«Вопрос с гигиеной полости рта выяснили – уже хорошо! – подумал Егор. – Хотя с этим-то и непонятно: согласно всей прочитанной литературе, русские простолюдины в это время к своим зубам относились безо всякого почтения. С другой стороны, я сейчас нахожусь в посёлке немецких и голландских поселенцев – под названием Кукуй. Могли эти переселенцы и научить моего предшественника всяким полезным вещам, с них станется. Да и флакончики эти – больно уж их много, не иначе Алексашка тырил их у всех иностранцев подряд, безо всякого почтения и смысла…»

Осмотр других вещей он отложил «на потом», так как неожиданно захотелось по малой нужде, подошёл к костылям, вбитым в стены по обеим сторонам от оконного проёма, осторожно – стараясь ничего ненароком не порвать, снял с них одёжку, бросил на кошму, начал внимательно рассматривать – одну вещь за другой. Определившись, начал одеваться.

Егор надел на ноги широкие холщовые штаны: длинные, светло-коричневые, расшитые красными нитками – широкими вертикальными полосами. Завязал поясок, продёрнутый через добрый десяток аккуратных дырочек, несколько раз подпрыгнул на месте, проверяя удобство этой детали туалета.

«Нормально, могло быть и хуже!» – решил он для себя, а на

мускулистый торс набросил широкую палевую рубаху, щедро расшитую мелким цветным бисером (концертная придумка герра Лефорта), две верхние пуговицы, по наитию, оставил расстегнутыми.

С обувкой получилось несколько сложней.

Под узкой полочкой, в правом углу, обнаружилась целая горка заскорузлых матерчатых квадратов и прямоугольников – ситцевых, холщовых, льняных и даже – бархатных.

– И что тут – онучи, а что – портянки? – пафосно, но одновременно и очень тихо вопрошал Егор, торопливо роясь в тряпичной куче.

Через некоторое время выяснилось, что квадратные куски материи – это портянки, они полностью заправляются в сапоги. А онучи – они имеют двойное предназначение: первое – сделать встречу «ступня – сапог» максимально комфортной, второе – плотно обмотать штанину, предотвращая её выползание из сапога – в самый неподходящий момент. Да и вообще, мягкие они такие, приятные для кожи… Ладно, намотал онучи, аккуратно заправил в них концы своих холщовых штанов.

Что там у нас непосредственно с обувью?

Обуви при внимательном осмотре обнаружилось целых шесть пар: кожаные стильные полусапожки, две пары жёстких (явно – сильно ношенных) иностранных туфель на высоких каблуках, две пары практически новых лаптей, от которых остро пахло свежей древесной стружкой, и пара очень низко обрезанных серых валенок.

Туфли Егору не приглянулись: сразу было видно, что их до него носило множество людей. Крутой «секонд хэнд», одним словом. Да и лыковые лапти явно не совпадали со статусом зарубежного посёлка Кукуй. Надел бордовые полусапожки, притопнул пару раз – просто чудо: обувка сидела на ногах как влитая, что было, безусловно, странным…

Непонимающе пожав плечами, он подошёл к маленькому оконцу, попытался высмотреть, что там делается снаружи. Всё было спокойно и благостно: жёлто-розовое солнышко медленно восходило на востоке, стыдливо выставив над линией горизонта свою дай Бог десятую часть, не более. В видимой части двора также не наблюдалось ничего сверхординарного: несколько заспанных простоволосых девок, босых, одетых в серые холщовые рубахи, длинными хворостинами выгоняли за красивые, широко распахнутые ворота небольшое коровье стадо. Пять пятнистых и рогатых коров, три крепкие тёлки, с десяток голенастых телят.

Дружно повздыхав о чём-то неопределенном, девки отошли в сторону и стали полностью невидимыми…

Уяснив, что так другой полезной информации не добыть, Егор решил выйти в Мир, да и переполненный мочевой пузырь давал о себе знать. Он подошёл к двери отодвинул два массивных засова, толкнул легонько – нет, дверь не поддавалась.

Снаружи раздались неясные звуки: кто-то довольно и ехидно хмыкнул, послышалось какое-то чирканье, звук удаляющихся шагов, из-под двери плотоядно заструились тоненькие спирали желтоватого и очень вонючего дыма.

«Хреново-то оно как-то», – подумал Егор и сильно закашлялся.

Дождавшись, когда приступ кашля пройдёт, он снял с шеи медную цепочку с бронзовым ключом, засунул ключ в замочную скважину, повернул. Нет, чем-то подпёртая снаружи дверь даже не шелохнулась, дыма становилось всё больше…

Закрывая нос рукавом рубахи, Егор отошёл к противоположной стенке, прыгнул вперёд, ударил в дверь плечом. Ещё раз, ещё. Было больно, лёгкие буквально «горели». Удар, ещё один, ещё… Только с двенадцатой попытки дверь распахнулась, слетев с верхних петель.

Егор вышел из своего жилья, набрал в лёгкие – полной грудью свежего воздуха: был обычный русский рассвет, уже даже «зарассветье», часов шесть утра. Где-то далеко печально мычало кукуйское стадо, уходящее в русские поля…

Домик горел сразу в двух местах: лениво дымился правый северный угол, да низ дощатой двери, видимо, щедро облитый каким-то хитрым составом, пылал достаточно бодро и весело.

Заскочив обратно в помещение, Егор схватил первую подвернувшуюся под руку дерюжку, выбежал обратно, в течение трёх минут оперативно затушил оба источника возгорания.

Вокруг было тихо, ни души.

– Ничего себе – встреча! – возмутился вполголоса Егор. – Только что прибыл, а кто-то уже сжечь хотел, спалить заживо! И почему это никто дыма не заметил, не поднял тревоги?

«Совсем не обязательно, что это именно меня хотели отправить на тот свет, – подумалось. – Может, это настоящий Александр Данилович здесь кому-то насолил знатно. Ладно, разберёмся…»

Он с трудом повесил тяжёлую дверь обратно на петли, защёлкнул замок с помощью бронзового ключа, отошёл на несколько метров в сторону. Выяснилось, что его каморка являлась половинкой маленького домика под плоской крышей, с двумя одинаковыми входными дверьми по бокам.

«Интересно, а кто у нас сосед? – озаботился Егор. – Надо

будет как-то прояснить…»

Просторный ухоженный двор, с южной стороны – симпатичный кирпичный домик, практически – коттедж. Далее поляна – сплошной газон, зелёный и нежный. Со всех сторон на приличном расстоянии у низенького забора располагались самые различные строения: низенький амбар, скотный двор, сарай, русская баня, сенник, конюшня, пара треугольных погребов, колодец-журавль…

«Неплохой у Лефорта земельный участок, – отметил Егор. – Гектара полтора будет, а то и все два…»

Навстречу ему выскочила, радостно лая, низенькая и смешная собачка – сплошные уши. Собачка не верещала, не пласталась, она просто рассказывала о том, что она очень рада этому светлому утру, этому скромному рассвету…

Егор, ласково почесав собачонку за развесистыми ушами, не мешкая, пошёл к дворовым постройкам, надеясь обнаружить там нужник. Ага, вон пожилой мужик в потёртом кафтане и в смешном войлочном колпаке на голове, держа в руках несколько зелёных листьев лопуха, вошёл в небольшой деревянный сарайчик, стоящий на отшибе. Через минуту-другую туда же попытался пройти молоденький парнишка в длинной холщовой рубахе, подпоясанной красным кушаком. Выяснив, что дверь заперта изнутри, паренёк недовольно сплюнул в сторону и справил малую нужду прямо на угол сарайчика.

Не долго думая, Егор последовал примеру мальца, отойдя за ближайший амбар.

Что ж, теперь можно было заняться и серьёзными делами.

Егор пошёл на неясные голоса, раздававшиеся со стороны конюшни. Повернул за угол, там три мужика разного возраста окружили крохотного гнедого жеребёнка, о чём-то оживлённо споря.

– Данилыч, соседушка! Утро доброе! – радостно приветствовал Егора высокий кряжистый тип в кузнечном фартуке на груди и животе, заросший чёрной курчавой бородой, такое впечатление – по самые глаза. – У тебя же батяня – знатный лошадник! Вот, рассуди ты наш спор. Я говорю, что этот стригунок в бабках слабоват, да и дёсны у него желтоватые и рыхлые… Продавать его надо срочно, пока не отбросил копыта. Вот и Вьюга согласен со мной. А Васька балаболит, – ткнул корявым пальцем в худосочного юнца, лицо которого было щедро покрыто россыпью крупных алых прыщей, – мол, добрый конь получится из этого уродца. Вот рассуди ты нас, друг сердечный!

– Доброе утро, воистину – доброе! – важно провозгласил Егор, внимательно рассматривая лица спорщиков.

«Судя по тому, что кузнец обратился по отчеству, я здесь, определённо, в авторитете! – решил про себя Егор. – Поэтому и вести себя надо соответственно. Ну и лица у них: мальчишка весь в прыщах, у кузнеца физиономия разукрашена какими-то ямками и угрями, старик Вьюга и вовсе – одни сплошные оспины и родимые пятна. Видимо, совсем здесь плохо с косметическими препаратами…»

Егор неторопливо обошёл вокруг жеребёнка, присел, с видом знатока ощупал его ноги, нежно пальцем погладил по ноздрям, осторожно помял верхнюю губу, веско высказал своё мнение:

– Ты, Васенька, завсегда слушай старших. Они много чего видали по этой жизни. Никуда не годится этот коняшка-стригунок! Совсем слабый и хилый, чисто первый комар по ранней весне…

– Ну, Данилыч, ты горазд по-умному говорить! Иногда так завернёшь, хоть стой, хоть падай! – восхитился кузнец. – Только ты лучше здесь не ходи, хоронись, поближе жмись к господскому дому…

– Что так? – нарочито небрежно поинтересовался Егор.

– А то сам не знаешь?

– Не, ни сном, ни духом. Вот те крест!

– Да Фома тебя, Санюшка, ищет. Прибить грозится, бугай здоровый, – проинформировал рябой старик Вьюга. – Кто-то ему донёс, что ты его дочку Марфутку… Ну, того самого, сам знаешь, чего…

– Врут всё! – искренне возмутился Егор. – Наговор сплошной! Домогалась эта дура меня, врать не буду. Но отказал я ей, не нравятся мне такие глупые бабы. Где сам Фома-то сейчас?

– У себя, где ж ему быть ещё! – Прыщавый Василий махнул рукой в сторону сенника. – Мастерит чегой-то.

– Покедова вам, люди добрые! – кивнул головой Егор и бодро зашагал в сторону высоченного сарая, где складировали сено на зиму.

– Санюшка, ты уж там сторожись, не лезь сразу на рожон-то! – долетел обеспокоенный голос Вьюги.

У распахнутых настежь дверей сенника на массивной деревянной колоде сидел здоровенный детина средних лет, сноровисто насаживал на новое осиновое древко железные грабли. Большой такой дяденька – семь на восемь, восемь на семь, конкретный. Шикарная русая борода, пудовые кулачища, маленькие злобные глаза-щёлочки.

– Искали меня, дяденька? – вежливо спросил Егор, остановившись в семи шагах. – Так вот он я, пришёл сам!

– Иди ты! – вскинув голову, от души изумился Фома. – Сам пришёл? И не сгорел в огне? Сейчас я тебя казнить буду! Помирать будешь в муках страшных!

– Ничего не получится у тебя, боров грязный! – спокойно сообщил русобородому детине Егор.

– Почему это?

– По кочану это…

Фома резко вскочил на ноги, выпрямился во весь свой двухметровый рост, ткнул в сторону наглеца граблями, целя в лицо.

Егор ловко перехватил сельскохозяйственный инструмент за древко, вырвал из рук Фомы, отшвырнул далеко в сторону.

– Ну, а что дальше?

– Ты так-то? – взревел басом здоровяк и двинулся на ловкача, закатывая рукава своей льняной рубашки, расшитой весёлыми красными и зелёными котятами.

Уловив краем глаза, что к сеннику целенаправленно стягиваются любопытствующие, Егор несколько раз качнулся влево-вправо и, дождавшись, когда противник широко, от всей русской души, размахнётся своей правой рукой, ударил левым крюком Фому в область печени. Тот сразу же согнулся в три погибели, неловко присел на корточки…

Егор примерился и послал сопернику в ухо хук справа. Бить кулаком, правда, не решился, опасаясь нанести противнику серьёзное повреждение. Ударил открытой ладонью. Звон разлетелся – на всю округу, Фома отлетел метра на два в сторону, упал, покатился по земле, тоненько подвывая и отчаянно матерясь.

– Данилыч, сзади! Берегись! – громко прокричал кузнец.

Егор обернулся – прямо на него нёсся ещё один двухметровый амбал, украшенный холёной русой бородой, разве что помоложе Фомы лет на десять-двенадцать.

«Младший брат, наверное», – подумал Егор, ловко принял здоровяка на обычную «мельницу» и, пользуясь инерцией, отправил далеко вперёд. Покувыркавшись по траве, «младший брат» смачно приложился головой о деревянную колоду и затих, по его щеке потекла узенькая струйка крови.

– Убили, убили Федьку-конюха! – громко запричитала простоволосая растрёпанная бабища бомжеватого вида с фиолетовым фингалом под глазом.

– Цыц, ведьма! Умолкни! – гаркнул на бабу Егор, подошёл к неподвижно лежащему конюху, нагнулся, приложил указательный палец к жиле на шее, вслушался, после чего выпрямился и доходчиво объяснил зрителям:

– Живой он! Скоро придёт в себя. Вы ему, убогому, водички полейте на голову… А мне недосуг точить здесь с вами лясы. Прощевайте, братцы! – упруго зашагал в сторону кирпичного господского дома.

Подойдя к задней стене дома вплотную, Егор обнаружил, что дом был вовсе и не кирпичный – обычный бревенчатый сруб, аккуратно обшитый гладко струганными досками, которые, в свою очередь, были старательно выкрашены «под кирпич».

– Санька! Санька! – надрывался мужской голос с мягким иностранным акцентом. – Где ты, исчадье ада?

– У Алексея Толстого все называли Меньшикова в юности сугубо «Алексашкой», а здесь – кто во что горазд! – недовольно проворчал Егор и громко прокричал:

– Здесь я, бегу уже! – запихал за щеку войлочную полоску, предварительно скатанную в шарик.

По песчаной дорожке он обежал коттедж, оказавшись на стороне парадного входа: круглые и прямоугольные цветочные клумбы, неизвестные, обильно цветущие деревца в кадках, крошечный пруд с золотистыми рыбками, посередине пруда – весёлый звонкий фонтанчик, скамейка-качели под навесом, низенький забор из штакетника, выкрашенного в голубой цвет, высокие двухстворчатые ворота. На резном высоком крылечке рядом с входной дверью, украшенной цветными стеклянными витражами, стоял худенький мужчинка средних лет в длинном бархатном халате, лысоватый, остроносый, в его правое ухо была вставлена крохотная золотая серёжка – с красным рубином.

– Тебе надоело служить у меня, оглоед? – строго спросил мужчинка, и золотая серьга в его ухе гневно задрожала. – Хочешь опять торговать вонючими пирогами? Ночевать под мостом, рядом с повешенными татями?

– Виноват, господин Лефорт, виноват! – слёзно заканючил Егор, тыкая пальцем в свою «распухшую» щёку. – Зубы заболели, проклятые! Всю ночь мучился напролёт, не спал совсем! Флюс вскочил, видите?

– Флюс? – смягчился Лефорт. – Это есть очень плохо! Зачем же терпел? Ты же неглупый человек! Надо было сразу же идти к доктору Фогелю. Он больных принимает в любое время, лишь бы платили деньги… Ладно, сходишь потом. Сейчас одежду мне приготовь. Парик расчеши, начисть туфли. Потом заседлай коня. Пусть сегодня это будет Карий. Как подашь к крыльцу, мне сообщи…

Денщик из Егора был так себе, всего-то четыре дня и обучали его этому высокому и непростому искусству. Но справился – в

общих чертах, даже нюхательный табак сменил в серебряной табакерке господина Лефорта, по собственной инициативе, добросовестно вычистил две курительные фарфоровые трубки.

Покончив с домашними делами, Егор отправился на конюшню.

Фёдор, голова которого была замотана белой льняной тряпкой, хмуро расчёсывал гриву каурому голенастому жеребцу.

– Как здоровье драгоценное? – вежливо поинтересовался Егор.

– Да пошёл ты! – отмахнулся Федька. Егор тяжело вздохнул:

– Да не обижайся ты, чудак, право! Ну, получилось так. Бывает. Скажи лучше, как Карий нынче?

– Сам что ли не видишь? – кивнул Фёдор головой на каурого коня. – Хорошо всё. Его, что ль, седлать велено?

– Его самого.

– Вот и седлай, раз велено! – Конюх в сердцах сплюнул себе под ноги и отошёл в сторону, бормоча себе под нос неразборчивые ругательства.

Егор подошёл к жеребцу. Тот недоверчиво покосился на человека злым лиловым глазом, испуганно заржал, гневно всхрапнул, сильно ударил несколько раз подкованными копытами задних ног по доскам стойла.

«Распознал, гад такой, подмену! – понял Егор. – Это человека можно обмануть, а с животными – оно гораздо сложней будет…»

А время поджимало, следовало поторопиться, пока господин Лефорт не разгневался по-настоящему.

– Федь! – позвал Егор. – Запряги вместо меня. А то руки дрожат после вчерашнего, перепил малость…

– Да пошёл ты! – Лексикон конюха разнообразием не отличался.

– Не кочевряжься ты, дурик. Я тебе алтын заплачу. Мало? Хорошо, два.

– Сказал нет, значит – нет!

Оттолкнувшись от горизонтальной перекладины, Егор ловко перепрыгнул на другую сторону – относительно конского стойла, одним широким прыжком преодолел расстояние, отделяющее его от упрямца.

– Ты что удумал, злыдень? – Федька неуверенно потянулся за вилами, прислонёнными к досчатой стене.

Егор несильно ткнул указательным пальцем конюху в солнечное сплетение. Мужик громко охнул и сложился напополам.

– Запрягай, Федя! Седлай, родной! – ласково попросил Егор. – Я очень не люблю дважды повторять свои скромные просьбы…

Взяв запряжённого и осёдланного коня под уздцы, Егор обернулся к конюху, бросил ему под ноги два медяка.

– Заработал – получи! Я хоть и строгий, но – справедливый!

Он несильно постучал костяшками пальцев в оконное стекло.

– Господин Лефорт, ваш благородный Буцефал подан! Ехать извольте!

Через несколько минут на крыльце появился Франц Лефорт – весь из себя напудренный и напомаженный, в нарядном камзоле, украшенном пышными лиловыми и сиреневыми кружевами, в кудрявом длинном парике благородного пепельного цвета – с отдельными платиновыми прядками.

– Герр Франц, вы – само совершенство! – льстиво заверил хозяина Егор.

– Благодарю, Александр, благодарю! – довольно улыбнулся Лефорт. – Кстати, мой друг, откуда тебе известно про коня Буцефала?

– Бродячий старец третьего дня рассказывал на Варварке, – не моргнув глазом, браво соврал Егор, а про себя подумал: «Осторожней надо быть, не стоит козырять своими знаниями. Ведь Алексашка Меньшиков – юноша пока неграмотный, дремучий…»

Неловко забравшись на жеребца, Франц Лефорт внимательно посмотрел на Егора.

– Если зубы перестали болеть – поешь обязательно. У Лукерьи на кухне сегодня зайчатина и рябчики. Очень вкусно. К полудню сходишь к фройляйн Анхен Монс, она даст тебе одно небольшое поручение, – многозначительно и весело подмигнул. – Она всё расскажет, что надо сделать. А нынче вечером у нас гость, сам русский царь Пётр. Готовься, будешь много плясать, петь песни.

Смотри, не напейся раньше времени! О, я смотрю, мои старые сапоги налезли на твои огромные ноги. А ты всё говорил: «Малы, мол, малы!»

– Это я просто с вечера не пил жидкости, вот опухоль и сошла с ног, сапоги и пришлись впору…

– Ха-ха-ха! – трескуче рассмеялся Лефорт. – Какая смешная шутка. Браво! Два литра Мозельского – это называется – «ничего не пил с вечера»! Ха-ха-ха!

Закрыв за Лефортом ворота, Егор отправился на поиски кухни, – в животе уже громко и противно урчало.

Приоткрыв входную дверь, он уверенно вошёл внутрь коттеджа, принюхался: съестным пахло из правого крыла. Короткий коридор упёрся в запертую тёмную дверь, Егор

подёргал за ручку, нетерпеливо постучал.

– Кто там? – спросил за дверью высокий женский голос. – Ты что ли, Алексашка?

– Я, конечно, кто же ещё, открывай!

– Не открою, ты опять будешь приставать, охальник! – непреклонно и чуть дразняще сообщила женщина.

«Вы, мон шер, судя по всему, слывёте здесь записным кобелём, большим любителем женского пола!» – глумливо шепнул внутренний голос.

– Открывай, Луша, открывай! Не буду я приставать к тебе! – пообещал Егор. – Поем и пойду к фройляйн Анхен.

– К Монсихе, что ли?

– К ней самой. Так что открывай, не трону! Клянусь всеми Святыми Угодниками!

Только минут через шесть-семь, после усердных уговоров и страшных клятв, дверь широко распахнулась, пропуская Егора на кухню. Узкая и длинная дровяная плита, широкий стол, стеллажи, заставленные жестяными банками, глиняными горшками, берестяными корзинками, холщовыми и льняными мешками и мешочками.

Он сел на низкую деревянную скамью. Лукерья – полная женщина лет тридцати пяти, с добрым конопатым лицом, поставила на стол перед ним две круглые глиняные миски: первая была до самых краёв заполнена жирным сметанным соусом, в котором плавали большие куски тёмного мяса, во второй находились жареные птичьи ножки и крылышки. Рядом с мисками стряпуха положила большую деревянную ложку и серебряную двузубую вилку, придвинула дощечку с крупно нарезанными кусками серого хлеба – с ярко выраженным запахом отрубей.

Егор, никуда не торопясь, ел, раздумывая о всяком разном, в первую очередь – о предстоящем вечере. Зайчатина и рябчики были недурны, Лефорт не обманул.

– А попить дашь что? – спросил у поварихи.

– Квасу хочешь? А то господин Франц не велели тебе давать хмельного…

– Можно и кваса. Почему нет?

– Ладно, – непонятно вздохнула Лукерья, – так и быть, нацежу наливки, Бог с тобой…

Она подошла к большому дубовому бочонку, стоявшему на толстенном берёзовом полене, открыла краник, наполнила на три четверти высокую оловянную кружку, поставила её рядом с хлебной дощечкой, посмотрела на Егора – странно так, тревожно.

– Выпей, что ли! Странный ты какой-то сегодня, на себя не

похожий. Всё молчишь, не пристаёшь, не щиплешься… Заболел никак?

Егор молча пожал плечами, отпил из кружки. Напиток оказался классической вишнёвой наливкой – очень ароматной, лёгкой, десять-двенадцать алкогольных градусов.

– Знаешь что, – смущённо проговорила Лукерья, глядя на Егора глазами верной дворовой собаки. – Ты приходи ночью, когда закончится эта пирушка. Я тебе, так и быть уж, открою дверь…

«Попробуй пойми этих женщин!» – пафосно воскликнул внутренний голос.

– Приду, если будет время, – вслух ответил Егор, про себя точно зная, что не придёт. Хотя с женским полом у него уже с полгода и не наблюдалось плотных контактов, но Егор не был ещё готов к близким отношениям с местными барышнями, элементарно опасаясь заразиться какой-нибудь гадостью. Тут предварительно надо было разобраться тщательно – как и что, чтобы без всяких негативных последствий…

Из ранее изученных архивных материалов Егор знал, что дом виноторговца Иоганна Монса находится недалеко от коттеджа Лефорта, под металлическим флюгером в виде чёрного лебедя. А вот сведения о самой девице – по имени Анна Монс – серьёзно расходились. Одни источники утверждали, что Анна была дочерью Иоганна, девицей благонравной и в 1687 году абсолютно непорочной и целомудренной. Согласно другим свидетельствам, Анна была виноторговцу совсем даже и не дочерью, а жизнь вела беспутную, беря с мужчин деньги за свои разнообразные услуги. Обычной проституткой, по их словам, она была, если говорить прямо, безо всяких дипломатических увёрток.

Он нашёл нужный дом быстро: тщательно оштукатуренные стены, выкрашенные в кремовый цвет, узкие окошки, бордовая черепичная крыша, над которой медленно вращался чёрный флюгер-лебедь. Егор откинул крючок, открыл калитку, поднялся на крыльцо, вежливо постучался в узкую дубовую дверь, снова запихал за щеку войлочный катышек.

– Фройляйн Монс! Антвортен! Дас ист ихь! Алексашка Меньшиков, червь недостойный!

– Входи, червь, вползай, не заперто! – ответил ему приятный, с лёгкой пикантной хрипинкой, голосок.

Через прихожую Егор прошёл в большую квадратную комнату, служившую, судя по всему, столовой. Комната была плотно заставлена различной мебелью, на поверхности которой располагались многочисленные безделушки: фарфоровые мопсы

и кошечки, деревянные фигурки слонов, японские веера, шкатулки, щедро украшенные перламутровыми вставками. На стенах столовой висели чёрно-белые гравюры с видами Баварских Альп, портреты каких-то мрачных мужчин и чопорных женщин.

– Ты что, уснул там, мой маленький озорник? – позвал голосок из приоткрытой правой двери напротив. – Забыл, где мой будуар?

Егор, слегка робея, вошёл в будуар фройляйн Анхен.

Будуар как будуар: широкая кровать под красным пологом, платяной шкаф, китайская ширма, прикроватный столик, трёхстворчатое зеркальное трюмо напротив которого и сидела на элегантном стуле с изогнутыми позолоченными ножками означенная фройляйн.

На первый взгляд – лет девятнадцать-двадцать, белокурые волосы до плеч, нос-кнопка, голубые глаза, на щеках – милые ямочки и лёгкая угревая сыпь. Ничего особенного, короче говоря. Одета девушка была в скромное домашнее платье с оголёнными плечами, на стройных ногах были надеты мягкие бархатные туфли без задников. Голубые глаза Анхен, отражённые зеркалом трюмо, были умными и лукавыми, с лёгкой развратинкой.

– Ну, что стоишь столбом? – удивилась милая барышня, она говорила по-русски достаточно правильно и почти без акцента, только немного замедленно, короткими усечёнными предложениями. – Иди ко мне. Увалень деревенский. Целуй! – указала пальчиком на свою лебединую шею.

Делать было нечего, Егор подошёл к девице, старательно изобразил страстный поцелуй.

– Ой, щекотно! – громко завизжала Анхен, отстранилась и посмотрела внимательно на своего кавалера: – Какой-то ты сегодня другой, Алексашка. Словно замороженный. Может, приболел?

– Я, я. Их бин кранк! – подтвердил Егор, указывая пальцем на свою щёку с войлочным шариком. – Зубы, проклятые, ноют. Флюс вскочил…

– Бедненький ты мой! – всплеснула девушка руками. – Тогда сегодня целоваться мы не будем. У тебя же, наверное, воняет изо рта. Впрочем, ты мне уже прилично надоел. Я не из тех женщин, которые долго спят с одним и тем же ухажёром. Особенно – без денег. Кстати, – подозрительно прищурилась, – ты стал говорить по-немецки совсем по-другому. Грамотно. Вот даже артикль «бин» употребил. С чего это вдруг?

– Стараюсь, моя прекрасная наяда! – влюбленно глядя на фройляйн Монс, горячо заверил Егор. – Обещаю, что непременно освою германскую речь. Вот и стараюсь…

– Молодец, хороший мальчик! – одобрила Анхен, ласково потрепала его по щеке и тут же стала серьёзной. – Раз на сегодня любовные утехи отменяются, сразу же перейдём к делам. Возьмёшь мою коляску. Ту, с откидывающимся верхом. Иван запряжёт, я прикажу. Поедешь на Разгуляй. Найдёшь там мастерскую чулочных дел мастера Шварца. Он твой тёзка. Скажешь, что от меня. Заберёшь пакет. Потом посетишь аптеку месье Жабо. Там для меня должны приготовить микстуру от кашля. После этого заедешь в Рыбные ряды. Купи чёрной и красной икры. Только смотри, свежей! Осетрового балыка – большой кусок. Две средних стерлядки. Как это будет по-русски? Копчёных, вот! Возьми деньги, – небрежно протянула несколько серебряных монет. – Сдачу потом отдашь. Пересчитаю!

– Это всё, моя нежная госпожа? – склонился Егор в шутовском поклоне.

– Не паясничай, мужик! – гневно прикрикнула молодая женщина и даже гневно топнула ножкой. – Главное будет вечером. Сегодня к герру Лефорту приезжает царь Петер. Гадкий, противный молокосос. Я его буду очаровывать. Говорят, он до сих пор ещё не знает женщин. Это очень хороший шанс. Мы с Францем решили, что пришло время. Буду приручать этого дикаря. Понимаешь? Вот и хорошо. Я его очарую. Как? Так, что он потеряет голову. Навсегда. Я очарую и исчезну. Петер начнёт искать меня. Ты его проводишь. Утром отвезёшь мальчишку во дворец, в Преображенское…

– Провожу, отвезу. – Егор покладисто кивнул головой.

Анхен Монс неожиданно превратилась в разъярённую фурию:

– Ты что усмехаешься, русский недоносок? Не сметь улыбаться, дурак сиволапый! Если не приведёшь ко мне царя, сотру в порошок! Лично отрежу твой любимый отросток! Отсеку топором!

Глава третья
Знакомство с Петром, первое покушение

Коляска, в которую была запряжена смирная гнедая лошадка, чуть заметно переваливаясь с боку на бок, плавно катилась по пыльному российскому просёлку. Светило ласковое июльское солнце, в голубом бездонном небе весело щебетали еле видимые жаворонки, тёплый ветерок нежно шевелил волосы на голове. Но Егору было не до любований красотами русской природы, он усиленно размышлял:

«А может быть, эта Анхен и „заменена“ экспериментаторами на своего „агента“? Почему бы и нет? Теоретически – вполне даже возможно. Хотя, рановато, честное слово. По идее, они должны дождаться, когда начнутся реальные Петровские реформы. Когда эти реформы и прочие нововведения серьёзно навязнут в зубах у бояр, плешь у них протрут. Тогда и ответная реакция на неожиданную смерть Петра будет сильнее, Россия с удвоенной скоростью понесётся обратно, в убогую патриархальную старину. Так-то оно так, но надо все варианты просчитывать…»

В конце концов, Егор решил ограничиться только подменой пузырька с микстурой от кашля. Вполне логично если предположить, что там коварно подмешан яд – для неожиданно закашлявшего царя…

Показались знаменитые Покровские ворота.

Нет, всё было совсем даже и не так: сперва в ноздри ударил сильный трупный запах (уж в этом-то Егор разбирался – служил, всё-таки, не в стройбате!), поднял глаза – вот они, Покровские ворота. Смешные такие – деревянные, слегка помпезные. Несколько стрельцов уныло бродили рядом с воротами – в красных (клюквенных?) и зелёных кафтанах, горели костры – невесёлые, дымные, тоскливые. Но противно пахло вовсе не от костров: в обе стороны от ворот шёл полуразрушенный неглубокий ров, а по городской стороне рва стояли виселицы, визуально – несколько сотен.

«Ничего не понимаю! – брезгливо заявил внутренний голос. – Ну, повесили гада, какие вопросы? Заслужил – получи! Это как раз и понятно. Повесили – сняли и закопали. Нет же, всё должно висеть – в назидание другим… Вон – скелет висит в обносках… Да, бывает. Но как же – воняет, так его! Ладно – перетерпим…»

А ещё рядом с дорогой, метрах в десяти, стояла толстая

дубовая колода, возле которой горкой лежало с пару десятков отрубленных, уже почерневших воровских рук, над этим холмиком настырно кружили, хищно жужжа, разноцветные жирные мухи…

Егор спокойно проехал через ворота.

Все эти поручения по чулкам-микстурам – дело плёвое: гаркнул пару раз, что шкуру снимет, бросил вожжи, вошёл, забрал посылки, дальше поехал. Правда, около аптеки какие-то серые личности явно намеревались увести повозку, но – успел, по ходу дела сорвал с аптечного фасада плоскую вывеску, метнул. Попал, конечно, будут, уроды, знать в следующий раз, с кем связались…

А вот с Рыбными рядами – это да! Блин, это был реальный 1995 год, самые что ни на есть натуральные и тёмные бандитские времена. Подъехал – лучше бы не подъезжал: вонюче, людно, нищих и калек – несчитано, такое впечатление, что раза в два больше, чем обычных людей – покупателей и продавцов вместе взятых…

– О, кукуйский хват пожаловал! – известил тоненький наглый голосок. – Чечаз мы его смешаем в солянку польскую! Гы-гы-гы!

Подошедший паренёк был низкорослый и худенький, лет восемнадцать-девятнадцать, но по глазам было сразу видно, что парнишка тёртый, скользкий и смышлёный. К ногам юнца преданно жался здоровый тёмно-серый волкодав.

– Ты сторожишь, Швелька! – с усмешкой посоветовал пареньку безногий калека, скромно стоящий у обшарпанной стены двухэтажного дома. – Данилыч-то у нас нынче обитает при знатных чужеземных господах. Пожалуется на тебя немчуре, а те ребята страшные, вмиг задерут – как дикого кабана, ха-ха, – засмеялся невесело, словно бы через силу.

– Ну, чего тебе надо, вьюноша шустрый? – дружелюбно спросил Егор. Сперва-то он хотел по-простому заехать наглецу в зубы, но потом присмотрелся: за худосочной спиной Швельки маячило несколько хмурых личностей – полных отморозков, по внешнему виду. Да и у волкодава глаза посвёркивали очень уж недобро. Опять же следовало и приятелей здесь заиметь, к которым можно было бы обращаться с разными вопросами.

– Да ты совсем забурел, морда кукуйская! – неожиданно возмутился парнишка. – Всего-то и старше меня на один годок, а обзывается «вьюношей»!

Егор нахмурился слегка:

– Ты по делу говори, земеля, нет у меня времени точить лясы с тобой!

– Можно и по делу. Одна копейка с тебя – возок постеречь. И

ещё две – за прошлый раз.

– Какой ещё такой – прошлый раз?

– А неделю назад, запамятовал? Кто уехал, а за охрану так и не заплатил, мол, очень торопился к зазнобе?

– Ну, было такое дело, – легкомысленно пожал Егор плечами. – Бывает. А почему две деньги, когда полагается одна?

– Одна – за честный пригляд, другая – честный штраф, чтобы не забывал в другой раз. Так-то вот, если по правде!

Бросив вымогателю три копейки-чешуйки, Егор прошёлся по рядам. Рыбное изобилие откровенно поражало: каких рыбин тут только не было, всевозможных видов и размеров! Рыба свежая и вяленая, копчёная и солёная – в больших бочках. Один из осетров явно весил больше ста пятидесяти килограммов, гигантский сом был длиной больше трёх метров… И всё это было безумно и непривычно дёшево: за пару-тройку копеек можно было купить приличный по размерам бочонок с солёной воблой или полновесный килограмм (на глазок) свежайшей чёрной икры.

Быстро сделав покупки, Егор подошёл к возку, уверенным барственным жестом подозвал к себе Швельку.

– Чего тебе ещё? – недовольно скривился паренёк, провожая жадным взглядом дородную боярыню в собольем капоре (и это летом!). – Говори быстрее, а то у меня ещё дел невпроворот!

Волкодав солидно гавкнул, словно соглашаясь со своим хозяином.

– Ты уважаешь хлебное вино?

– А кто же его не уважает? Ты знаешь такого человека?

– Тогда давай через следующий первый день недельный встретимся в царском кружале, в том, что на Разгуляе. Посидим, покалякаем с тобой за жизнь нашу скорбную…

– Дело намечается какое? – Глаза Швельки заблестели заинтересованно.

– Может, и дело! Там видно будет…

– Тогда я с собой ещё прихвачу Алёшу Бровкина. Помнишь, вы с ним пирогами тухлыми торговали вместе?

– Помню, прихвати, конечно! – согласно кивнул Егор головой, а про себя подумал: «А Толстой-то свой роман писал – со знанием дела, глубоко копал, видимо…»

Он доставил все покупки в скромный домик Монсов, предварительно подменив флакончик с микстурой от кашля на аналогичный, купленный в другой аптеке, отчитался, отдал сдачу.

– Как пообедаешь, так сразу же иди к Лефортовой дворне! Старик Вьюга уже спрашивал о тебе, – сообщила Анхен, поправляя на своей голове многочисленные бигуди. – Да смотри,

не забудь про Петера! Как только, так сразу веди его ко мне. Да и на вино с наливками не налегай, молодой пропойца…

На обед Лукерья предложила постные щи с репой и капустой, совершенно невкусные и несолёные, а вот белый пшеничный хлеб был что надо – мягкий, ароматный, духовитый, с аппетитной коричневой корочкой. Запив всё это пенным забористым квасом, Егор отправился на задний двор – искать Вьюгу.

За сенником проходила самая настоящая репетиция ансамбля русских народных песен и танцев: старик Вьюга являлся художественным руководителем этого самобытного коллектива и главным режиссером – в одном лице.

– Ты, Санюшка, сегодня сам на себя не похож! – недовольно сетовал старик, мотая седой бородой. – Варёный какой-то, прямо. Твой выход – на восьмом коленце, – кивнул головой в сторону ложечников, возглавляемых хмурым Фомой, одно ухо которого было гораздо больше другого. – Восьмого! Считать разучился? И рука… Кто так при поклоне машет рукой? Ты же не дрова рубишь, в конце концов!

– Ну, извини, старинушка! – оправдывался Егор, пальцем показывая на свою щёку, за которой снова находился войлочный катышек. – Зубы с утра ноют, проклятые! Спасу никакого нет…

Через два часа за сенник пожаловал сам Франц Лефорт. Опираясь на массивную трость, послушал некоторое время, достал из кармана камзола часы в круглом позолоченном корпусе, щёлкнул крышкой, замахал рукой:

– Всё, завершайтесь! Через час царь Петер будет здесь! Переодевайтесь, живо, живо! Всем надеть синие порты и лазоревые рубахи. Те, что петушками расшиты… Живо, живо! И никаких лаптей мне! Всем надеть сапоги! Высокие кожаные. В батоги всех, неучи!

Стемнело, в доме зажгли длинные и толстые свечи, на улицах ярко загорелись масляные фонари – под стеклянными колпаками.

Возле высоких Лефортовых ворот послышались громкие крики, смех, звонкий разбойничий посвист.

– Стоять! Стоять, кому говорено! Стоять! – раздался басовитый юношеский голос, тут же, впрочем, сорвавшийся на звонкий фальцет. – Открывайте ворота, лентяи! Быстрее! Принимайте великого посла от еллинского бога Бахуса!

Егор и Вьюга бросились к воротам, мгновенно развели створки в разные стороны.

Во двор въехала низенькая позолоченная карета на резных колёсах, в которую была запряжена четвёрка здоровущих чёрно-белых свиней. Из окошка высовывалась чья-то красная испитая

физиономия с мочалом (вместо парика) на голове. Рядом с каретой с вожжами в руках, вышагивал рослый юноша в немецком платье и пышном рыжеватом парике на голове, с редкими «кошачьими» усишками над верхней губой. Юноша выглядел каким-то неловким: непропорционально длинные, «журавлиные» ноги, длиннющие руки, узкие плечи. Сразу было видно, что зеленоватый кафтан с чёрными отворотами его обладателю откровенно мал, а рыжеватый парик, небрежно сбившийся на сторону, – так же откровенно велик. Юнец явно смущался, напуская при этом на себя бесшабашный и весёлый вид. Петру можно было смело дать лет двадцать с небольшим, хотя Егор точно знал, что царю совсем ещё недавно исполнилось только пятнадцать.

Пётр открыл дверцу кареты, за воротник заячьего тулупа вытащил наружу пожилого, благообразного и низенького человечка, сильно толкнул его в спину, отчего человечек, пьяный до изумления, тут же повалился на колени. «Никита Зотов! – узнал Егор. – Царёв воспитатель, пёс верный, человек правильный!»

Многочисленные обитатели Кукуйской слободы, собравшиеся перед парадной дверью коттеджа Франца Лефорта, подбадривающе захлопали в ладоши.

– Это очень весёлая шутка, мои добрые господа! – громко заверил всех присутствующих Лефорт. – Царь Петер – очень умелый шутник!

– Мейн либер генерал, я привез тебе великого посла с великим виватом – от эллинского бога Бахуса! – чуть заикаясь и бешено вращая круглыми глазами, заявил юноша. – Мит херцлихен грус… Сиречь, бьет челом… Свиней и карету шлет в подарок…

Лефорт, подняв высоко вверх руки, громко захлопал в ладоши, залился веселым и беззаботным смехом:

– Какая замечательная и весёлая шутка! Мы, глупцы, думали поучить его забавным шуткам, но он ещё сам поучит нас шутить… Эй, музыканты, марш в честь бахусова посла!

За кустами жасмина слаженно ударили барабаны и литавры, громко заиграли трубы.

Пётр облегчённо вздохнул и довольно засмеялся… Лефорт взял царя под руку:

– Прошу проследовать в мой скромный домик! Откушать, что Бог послал, как вы, русские, любите говорить! А потом будут танцы до упада! Позвольте, герр Петер, познакомить вас с очаровательной и прелестной Анной Монс, дочерью почтенного виноторговца Ивана Монса. Анна – самая красивая девушка

нашей слободы!

Анхен склонилась в почтительном полупоклоне, демонстрируя свои оголённые белоснежные плечи и великолепную полную грудь – в очень откровенном декольте…

Лефорт взмахнул рукой, грянула русская плясовая, Егор пошёл вприсядку, отбивая подковами каблуков звонкую дробь, – с переворотами и подлётами, завертелся юлой…

Гости прошли внутрь дома, расселись за заранее накрытыми столами.

– На улице будь! – краешком рта строго приказал Егору Лефорт. – Стой у открытого окна, посматривай и не зевай… Жди нужного момента!

Оркестр без устали наигрывал плясовые мелодии: русские, немецкие, совершенно непонятного происхождения. Пары кружились в плавных менуэтах, скакали в весёлых ритмах удалой польки. Над столами клубился табачный дым, спиртное лилось нескончаемой рекой…

Егор, наблюдая, не отходил от раскрытого окна. Пётр явно захмелел, глупо и смущённо улыбался, сильно прижимаясь своей длинной ногой к крутому бедру Анхен. Девушка громко и заливисто смеялась, многозначительно и развратно подмигивая царю. Процесс развивался в соответствии с тщательно разработанным планом…

Наконец на крыльце забелела пышная юбочка Анхен.

– Алексашка, ты здесь? – раздался громкий шёпот.

– Здесь!

– Я пошла к себе. Не зевай! Жду тебя с этим малолеткой… До чего же противный типус! Он, похоже, даже зубов никогда не чистит! Доннер веттер!

Петр выбрался на свежий воздух минут через двадцать пять, недоверчиво огляделся, пошатываясь, подошёл к высокому кусту сирени, помочился, пробормотал себе под нос:

– Где же теперь искать эту чертовку сисястую? А? Сбежала, ну надо же…

– Я провожу, государь, если хочешь! – подал Егор голос, выходя на свет, падающий из открытого окна. – Она недалеко тут живёт, да и папенька ейный у герра Франца пьянствовать изволит, так что – не помешает…

– Ты кто таков будешь?

– Алексашка я, Меньшиков, денщик Лефортов!

– А, плясун! Лихо это у тебя получается. Молодцом, одобряю! Ну, тогда веди, плясун, веди!

У входной двери дома Монсов Пётр неожиданно остановился и нерешительно замялся:

– А вот с женщинами – как оно? Что делать-то надобно?

– Что делать с женщинами? – негромко и удивлённо присвистнул Егор. – Тут, государь, в двух словах не расскажешь! Внимательно слушай, твоё Величество…

Минут пятнадцать Егор излагал некоторые прописные истины. Пётр заинтересованно слушал, удивлённо вертел головой, иногда нервно переспрашивал… В конце этого просветительского повествования царь-подросток строго погрозил Егору пальцем:

– Поверю тебе, Алексашка, на слово… Но смотри, если всё это – дурацкие шутки, головы тебе не сносить!

– Да что ты, государь! – Егор молитвенно сложил ладони своих рук перед грудью. – Как же я могу – шутить над самим тобой? Ты же – надёжа наша! Общее русское сердце! Мин херц – то бишь… Ты уж иди, государь, не сомневайся! Я пока двуколку запрягу, к рассвету отвезу тебя в Преображенское, во дворец. Всё будет в лучшем виде, не переживай! Иди, ужо, к барышне, резвись…

– Ладно, посмотрим, что к чему! Порезвимся! – Пётр трижды сплюнул через левое плечо, постучал костяшками пальцев по деревянным перилам, взялся за дверную ручку, широко распахнул дверь…

– Это ты, папенька? – долетел чуть испуганный, нежный голосок Анхен…

Егор самостоятельно запряг Карего в двухместный возок, не торопясь, подъехал к домику Монсов, привязал коня к забору, бесшумно подкрался к приоткрытому окошку, прислушался. Страстные женские охи и стоны, юношеский звериный рык…

«Идёт процесс, идёт, родимый!» – усмехнулся про себя Егор и отошёл обратно, забрался в повозку, настраиваясь на долгое ожидание…

Пётр вышел на крыльцо только на раннем рассвете – розовая нитка зари загадочно и целомудренно теплилась на востоке. В той стороне, где находился Преображенский дворец, на небе висела чёрная-чёрная туча, из которой, время от времени, вылетали узкие жёлтые молнии, басовито и угрожающе гремел гром.

– Ты где, Алексашка? – хрипло спросил царь.

– Здесь я, мин херц, здесь! – предупредительно откликнулся Егор.

– Ну и имечко ты придумал мне, холоп! – довольно хохотнул Пётр, залезая в повозку. – А впрочем, можешь и так называть… Заслужил!

– Что, всё так и было, как я рассказывал?

– Ты даже и половины не поведал! – широко и хищно улыбнулся царь. – Да, занятное это дело, очень даже занятное! Ладно, хватит языками чесать, поехали! Мне спать хочется – как не знаю что… Ты плащи-то догадался захватить? А то – как бы не попасть под дождь сильный!

– Захватил, да и туча уходит в сторону…

Коляска медленно ехала через поля, заросшие густым разнотравьем, солнышко уже оторвалось от линии горизонта, со всех сторон раздавался весёлый и беззаботный птичий щебет, над крупом коня кружили редкие комарики.

– Ты, Алексашка, у Лефорта ходишь в денщиках? – очнувшись от дрёмы, неожиданно спросил Пётр.

– Да вроде того, помогаю – как умею.

– А ко мне пойдёшь в услужение? Сперва – постельничим, потом переведём в денщики. Так как?

– Так с нашим удовольствием, мин херц! За честь почту! Только ты это, мин херц, с господином Францем договаривайся сам!

– Договариваться? Царям по чину не полагается договариваться! Прикажу, пусть только попробует кочевряжиться, немчура худосочная, по плечи вобью в землю! А ты что же, оружия никакого не прихватил с собой? Вот люди лихие появятся, чем своего царя защищать будешь?

– А вот этим! – Егор глазами указал на ровный, хорошо оструганный берёзовый дрын: сантиметра четыре с половиной в диаметре, длиной – один метр сорок сантиметров, заостренный с двух сторон. – Хорошая вещь – в умелых руках!

– Ну-ну, – недоверчиво проворчал царь, снова погружаясь в тяжёлый сон…

Повозка выехала на высокий холм, сильно запахло горелым. Справа от просёлка возвышалась недостроенная крепостная стена: деревянные сваи, переплетённые ивовыми фашинами, по углам – симпатичные башенки, вдоль стены тянулся глубокий ров. А с левой стороны сильно дымилась совершенно непонятная чёрная конструкция, состоящая из трёх рваных глыб-обрубков.

– Мин херц! – Егор невежливо толкнул царя локтем.

– А? Что? – испуганно отреагировал Пётр, бестолково пуча свои круглые глаза.

– Что это такое там, впереди?

– Это? Так крепость моя, стольный город Прешпург. Недостроенная пока, правда.

– Не, про крепость-то я понял. Я спрашиваю вон про ту чёрную штуку, откуда поднимается дым…

– Ничего себе! – Царь был непритворно удивлён. – Святые Угодники! Тут же ещё вчера вечером рос трёхсотлетний дуб! Могучий такой, высокий. Красавец – одним словом… Это что же, его молнией так шандарахнуло?

Велика твоя сила, Господи! Давай, Алексашка, правь прямо к этому месту! Осмотрим всё!

Повозка остановилась в десяти метрах от сгоревшего дерева, Пётр ловко соскочил на землю.

Тут они и появились – выскочили из-за разломанного молнией дуба, где, видимо, и прятались. Двое, по всем внешним признакам и показателям – отъявленные душегубы, бродяги с Большой Дороги – в каких-то совершенно жутких лохмотьях. Один был вооружён стрелецким бердышом, другой умело и привычно держал в руках классический кистень.

– Назад! – истошно закричал Егор, взял в руки свой заострённый дрын, выскочил из коляски, невежливо схватил Петра за шиворот, отшвырнул себе за спину.

– Ой, лихо мне! Ой, убивают! – жалостливо причитал царь, опускаясь на землю и обнимая приступок возка.

– Не сцы, лягуха! – подбодрил Егор, ловко вертя дрыном над головой. – Прорвёмся, не впервой! Подходи, корявые!

Если честно говорить, то было страшновато: хоть он и умел многое – касаемо боя рукопашного, но кто их, этих тутошних, знает? Вдруг они тоже обучены каким-то своим, хитрым и коварным примочкам? Первый бой, он и есть – трудный самый! Дальше всё уже должно легче пойти – по дорожке накатанной…

– Деньги давай, боярин! – завизжал один из нападавших, широко размахнулся кистенём и бросился вперёд.

Егор легко ушёл в сторону, сделав резкое колющее движение навстречу противнику, раздался страшный вопль, полный дикой боли. Пируэт, блок, отбивающий в сторону бердыш, качественная маваша-гири – в грудь второму нападавшему, поворот, новый колющий удар, новый крик боли…

Потом он и сам искренне удивлялся такой своей невиданной ловкости и удачливости: нападавшие-то мужики были больно уж здоровы, да и, судя по всему, опытны – по-настоящему…

«От страха, видимо, ты и совершил-то геройство беспримерное!» – подытожил с лёгкой издёвкой вредный внутренний голос.

Через семь-восемь секунд два человеческих тела мирно лежали на зелёной травке: одно – непреложно мертвое, второе – умирающее, с берёзовым дрыном в солнечном сплетении.

– Кто вас послал? Говори! – Егор (героически поборов

тошноту), сжав зубы, чуть покачал палку из стороны в сторону, присел на корточки, пристально вгляделся в лицо поверженного врага. – Кто тебя сюда послал? Кто послал? Говори! Говори! Говори!

– Стёпка Одоевский, боярин! – болезненно выдохнул бродяга, обладатель реденькой бородёнки и пегих сальных волос. – Не мучай ты меня! Кончай уже!

– Как скажешь! – покладисто согласился Егор и ударил бродягу «орлиным клювом» – простейшим ударом из арсенала боевого карате, прямо по сонной артерии…

«Нормально всё, браток! – зашептал внутренний голос. – Тут времена – не приведи Бог! Только сильные выживают да жестокие! Нормально, не переживай, привыкнешь!»

А Егора откровенно мутило. Приходилось ему уже, в жизни своей совсем недлинной, и людей убивать, да и всякое… Но эти Времена чётко обещали, мол: «Здесь кровь – дело обычное, каждодневное…»

Сзади послышались странные звуки, Егор резко обернулся. Пётр безвольно лежал на земле, всё его длинное и неуклюжее тело сотрясала сильная дрожь, на губах пузырилась розовая пена. Егор метнулся к царю, положил его голову себе на колени, крепко зажал правой рукой левой достал из-за голенища сапога нож, аккуратно разжал царские зубы, вставил между ними лезвие ножа.

Припадок длился минут десять. Наконец, тело царя перестало выгибаться в дугу, на лице появилась маска блаженства, губы сложились в неуверенную улыбку.

– Всё, кажется, отпустило! – облегчённо выдохнул Пётр, глядя на Егора чуть смущённо и жалобно. – А эти двое? Убежали?

– Успокоились, родимые! – невесело усмехнулся Егор. – Кстати, их подослал князь Степан Одоевский. Знаешь такого?

– Как не знать! – Глаза Петра вспыхнули от нешуточного гнева. – Верный пёс моей сестрицы-Софьи. Гадюка! Никак не может успокоиться, сволочь! Зло тихо летать не может…

Бросив удивлённый взгляд на два мёртвых тела, царь взобрался в повозку, похвалил скупо:

– А ты, Алексашка, хват! Далеко пойдёшь, братец, не заворуешься если…

Подхватив свою берёзовую палку, Егор уселся рядом с Петром, нежно взмахнул вожжами, ласково попросил сонную лошадку:

– Поехали, дорогуша!

До Преображенского дворца они добрались уже без всяких

приключений. Ехали молча, почти не разговаривая, Егор только вскользь полюбопытствовал о природе недавнего припадка.

Пётр нахмурился:

– Года три назад отравить пытались меня… Лекарь Фурье насилу отпоил тогда каким-то отваром. Но иногда всё возвращается, особенно если волнуюсь…

«Особенно если испугаешься до полусмерти!» – незлобиво усмехнулся про себя Егор.

Проехали через распахнутые ворота, окованные широкими железными полосами, от ближайшего деревянного терема им навстречу побежали взволнованные люди: конюхи, стольники, офицеры, кто-то в генеральском мундире, впереди всех – Никита Зотов, абсолютно трезвый, расчёсанный, без парика, с ухоженной кудрявой бородкой, в тёмной ферязи, – совершенно не похожий на себя вчерашнего.

– Государь, государь! А мы-то уже извелись все! Уже и не знали, подумать чего! Матушка ваша, Наталья Кирилловна, всю ночь не сомкнула глаз…

– Помолчи, Моисеич-Зотыч![2] – устало прервал его Пётр, ткнул указательным пальцем в Егора. – Вот этого человека зовут – Алексашка Меньшиков! Данилыч – по отцу… Подготовь Указ. Назначаю означенного Алексашку своим спальником! Нет! – задумался на минуту. – Назначаю его «царёвым охранителем»! Так и пропиши!

– Батюшка, Пётр Алексеевич! – повалился на колени Зотов. – Нет у нас такого чина, не гневайся!

– Нет, так будет! – сказал царь, словно припечатал. – Пока вы тут ворон да галок ртами ловили, на меня два страшных злыдня напали. И этот Алексашка безродный меня спас, обоих ворогов отправил в ад, к чертям на сковородки раскалённые! Вот так оно… Произвести в «охранители»!

– Кто напал? Где? Я сейчас пошлю людей! – с сильным акцентом залопотал подбежавший пожилой генерал.

«Генерал Теодор фон Зоммер!» – сразу же узнал говорящего мужчину Егор и чётко ответил:

– Дорога на поселение Кукуй. Напротив Прешпурга стоял трёхсотлетний дуб. На рассвете в него попала молния, сожгла до корней, остатки развалила на три части. Вот около этих дымящихся пеньков и лежат тела. Убил я их с помощью этой берёзовой палки. При допросе было установлено, что убивцев подослал боярин Степан Одоевский. У меня всё!

– Молодец, дельно! – похвалил Егора фон Зоммер и обратился к высокому молодому человеку в кафтане Преображенского полка: – Василий! Возьмёшь людей, подводу

пачканную. Тела воров привези. Осмотри округу. Тщательно осмотри! Каждый кустик проверь! Выполнять!

Пётр поманил Егора пальцем:

– Пойдём спать! Ляжешь в моей светёлке!

В опочивальне Егор разул царя, снял кафтан, развязал белый шейный шарф. Петр, предварительно разогнав в разные стороны стайку наглых рыжих тараканов, улёгся на толстую войлочную кошму, велел Егору лечь рядом. Прислонив голову к его плечу, негромко попросил – ломким юношеским голосом:

– Ты, братец, охраняй меня… Хорошенько охраняй! – Через десять секунд тоненько засопел, мгновенно погрузившись в спасительный сумрак сна…

Через некоторое время Егор сквозь чуткий сон услышал, как тихонько заскрипела входная дверь, приподнял голову, всмотрелся. В дверном проёме показалось непроницаемое лицо Никиты Зотова. Зотов веско кивнул головой, мол, давай на выход, молодчик, разговор есть!

Глава четвёртая
Будни охранителя

Егор торопливо натянул на босые ноги сапоги (с онучами решил не возиться), впопыхах набросил на плечи какую-то одёжку – первую подвернувшуюся под руку в темноте, через короткий коридор вышел в светлицу.

По центру широкого дубового стола располагался массивный бронзовый подсвечник, в полусферических чашечках которого были закреплены пять толстых, ярко горевших свечей. Рядом с подсвечником стояли высокая бутылка синего стекла, три широких оловянных стаканчика, фарфоровое блюдце с кусками тонко нарезанной солонины, глиняная миска с маринованной редькой.

За столом сидели Никита Зотов и генерал фон Зоммер. Оба смурые и слегка нетрезвые. Судя по высокому солнцу, с момента ухода Егора в спальню Петра прошло часа два с половиной – три.

– Садись, Алексашка, сын Данилов! – предложил Зотов, сверля Егора хмурым и недоверчивым взглядом. – Сам себе нацеди щедро из бутыли, выпей за здоровье нашего государя, Петра Алексеевича. Это ромус с дальних островов, инфант испанский презентовал даве. Смело пей, напиток добрый, проверенный уже!

Позёвывая и почёсываясь со сна – совсем чуть картинно, Егор нацедил себе полный стакан рома, мимоходом мелко перекрестился, выдохнул, браво, единым глотком, опрокинул содержимое посудины внутрь организма, чуть передёрнулся, бойко захрустел мелкой фиолетовой редькой.

«Градусов семьдесят будет! – уверенно определил внутренний голос. – Хотя, ещё и не такое пивать доводилось – в городке военном, на ливийско-алжирской границе…»

– О-о! Силён! – уважительно поднял вверх указательный палец генерал Зоммер.

Зотов же стал темнее тучи грозовой:

– В том-то всё и дело, что силён… Взялся не пойми откуда. Без роду и племени. Теперь, видишь ли, в государевы «охранители» его записывай! А он уже, гляди, царский кафтан напялил на себя! Во, хват шустрый, право слово!

Егор бросил взгляд на свою одежду и слегка смутился: действительно, со сна да в темноте он случайно прихватил Петровский кафтанчик.

«А Зотов-то – ох, непрост! – подумалось. – Глазастый, чисто

Мюллер – из фильма про Штирлица!»

– Извиняйте, дяденьки! – Егор торопливо скинул кафтан, ловко повесил его на спинку стула. – Случайно это получилось, не со зла!

– Случайно, понимаешь! – продолжал ворчать Зотов. – А двух душегубов, вооружённых с ног до головы, ты, молодец, тоже успокоил случайно? Берёзовой палкой?

– Палкой, потому как не было ничего другого под рукой, – начал оправдываться Егор и тут же забеспокоился: – А что, Никита Моисеевич, не надо было трогать тех смирных и добрых ворогов?

– Смотри-ка! – искренне удивился царский воспитатель. – Он и отчество знает моё! Откуда, спрашивается?

– Так молва же народная! Люди говорят, мол: «При царе-батюшке боярин Никита Моисеевич Зотов состоит, благой человек, великого ума!» А я что? Слышал просто, да и память хорошая… Есть ли в том грех?

– Пройдоха! – махнул Зотов рукой. – Прохиндей скользкий!

– Стоп, стоп! – вмешался Теодор фон Зоммер. – Это всё не есть очень важно. Скажи, отрок, а где ты научился так ловко убивать людишек?

– Я, когда убежал от своего отца, много где скитался. Убежал – почему? Порол он меня очень сильно, дрался палкой. Не, я понимаю, отцова рука – владыка, и всё такое. Терпеть надо. Через битьё и умнеют ребятишки… Тут я совсем даже не спорю! Но когда ни за что? Когда – просто так? Если я вижу, что ему просто нравится – лупить меня? Чем больше бьёт, тем больше нравится бить ему! И не важно уже, за что… Не, смотрю, я так скоро стану полным уродом! Калекой убогим! Вот и убежал… Цыгане приютили, два года с ними кружил вокруг Москвы. А в таборе был старик один – Ли Хо по имени, немощный такой, седой, но очень умелый. То ли китаец, то ли ещё кто – из желтолицых и узкоглазых. Вот он и научил меня всякому: драться на палках, без палок, метать ножи, звёздочки серебряные… Потом старик умер, стрельцы цыган разогнали, предварительно ограбив. А я к герру Лефорту попал в услуженье. Вот так оно всё было…

Фон Зоммер довольно прищурился:

– Хорошо. Зачем говорить лишние слова? Драться умеешь? А вот ты нам с Зотычем и покажи, чего умеешь! Может, не ты это убил тех двух татей? А что? Царь-то не видал своими глазами, как ты их убивал безжалостно? Не видал! Вот и покажи! – властно кивнул головой на окно.

Егор внимательно посмотрел в ту сторону: на ровной зелёной полянке синхронно махали косами три молодых мужика –

высоких, костистых, широкоплечих.

– А чего сделать-то надо с ними, просто огорчить немного? – спросил достаточно непринуждённо, даже слегка дурашливо.

Зотов притворно зевнул:

– Вроде этого. Бери свой берёзовый дрын, и вперёд! Приголубь царских холопов немного, но без протыканных животов и прочих серьёзностей… А может, это они тебя? Ну, покажи нам удаль молодецкую!

– Можно и показать! – Егор демонстративно стал до неприличия серьёзен. – Только, бояре, давайте всё сделаем по-честному: дрыны те мужикам выдадим, а я, так и быть, с голыми руками пойду на них… Как вам такое предложение? Хотя зачем – дрыны? У них же косы в руках, тоже оружие знатное… Может, ещё кликнуть человек пять, в помощь этим хилякам?

– Шутишь, бродяга? – повысил голос фон Зоммер. – Ты смотри, голытьба, на каторгу пойдёшь у меня! В Сибирь лютую! Знаешь, что это такое?

– Слыхивали про ту Сибирь! Страшное дело! – покладисто согласился Егор. – Ладно, не буду брать ничего лишнего на себя! Пусть будут только эти трое, ладно! Отдавайте, бояре, команду…

Зотов бодро убежал куда-то – в один из боковых дворцовых коридоров, в окошке появился только минут через шесть-семь, подозвал к себе усердных косарей, что-то доходчиво объяснил им, раздавая злые тычки во все части тел, громко прикрикнул, снова пропал из видимости, прокричал откуда-то:

– Давай, Данилыч, вылезай прямо в окно. Давай, давай! Покажи нам с генералом Зоммером своё умение!

Егор выглянул в окошко. Ситуация была просто идеальной: три здоровенных мужика нерешительно и испуганно топтались в относительном отдалении, явно стесняясь близко подходить к царёвым хоромам, зелёная поляна была воистину безгранична – бегай – не хочу. Футбольное поле натуральное… Сомнений никаких и не было: бой на безграничном пространстве – это вам совсем не то что схватка на пространстве ограниченном. Бегай себе – и мочи всех поодиночке, в порядке живой очереди… Элементарно, Ватсон!

Он коротко разбежался и рыбкой нырнул в открытое окно. Перекувырнулся несколько раз подряд, подобрав по дороге в ладонь полусухой конский катышек, вскочил на ноги, бросил катышек в направлении группы потенциального противника, метко попав в густую пшеничную гриву одному из её бойцов, неторопливо побежал в сторону.

– Ты так-то вот? – взъярился обиженный детина. – Догоню – убью! – и незамедлительно рванул следом, зажав в ладони правой

руки древко косы.

Подпустив обиженного богатыря на расстояние не более двух метров, Егор резко упал на колени, догоняющий споткнулся и улетел вперёд, врезавшись головой в низкий берёзовый пенёк, жалобно застонал… Крестьянская коса, выпавшая из ослабевших рук своего хозяина, естественно, досталась Егору…

Со всеми остальными он справился похожими методами, но никого из своих невольных противников не наградил открытым жестоким ударом в область жизненно важных органов, так – сплошные чудеса ловкости и находчивости.

Вразвалочку, не торопясь (даже дыхание почти не сбилось!), Егор подошёл к открытому окошку в светлицу, небрежно попросил Зотова:

– Никита Моисеевич, покурить дали бы! А то я свою трубку оставил у герра Лефорта. И, вообще, надо бы мне съездить туда, забрать вещички личные, полезные…

Со второго – холодного этажа (с мансарды – по-нашему) раздался громкий и заливистый смех Петра:

– Жги, Алексашка! Так их, лапотников! Ну, потешил, охранитель…

Зотов многозначительно переглянулся с Зоммером и зашипел:

– Ладно, ходи пока! Но переговорим ещё. Да и мать царская, Наталья Кирилловна, тобой интересуется сильно…

Пётр был бодр и одновременно хмур. Бодр, видимо, по причине природного дара, хмур – по причине вчерашнего похмелья.

– Ну, наигрался? – неприязненно уставился царь на Егора. – Красавец, право слово! Мужикам лупит морды… Охранитель, тоже мне! А кто позаботится о здоровье государя? Во рту – уличные кошки нагадили, голова трещит, тоска на душе, мать его! Охранитель хренов, оглоблю тебе – в срачное место! Матушка, наверное, уже с самого утра распорядилась всё хмельное за семь вёрст увести от дворца! Ну, что делать будем, охранитель?

Егор, скромно улыбаясь и смотря в сторону, достал из-под войлочной скатки объёмную кожаную флягу (наполненную вишнёвой настойкой, предоставленной доброй Лукерьей):

– Мин херц! Ты меня за кого держишь? За лахудру дешёвую? Да я за тебя… Душу отдам! Не говоря уже о пошлой заначке. Бери, пользуйся!

Царь неверной рукой отвернул с фляги крышку, надолго приник к горлышку, фыркая и значимо подрагивая юношеским кадыком.

– Ну, блин, хороший у тебя охранитель?

– Ох, хороший! И наливка – хороша! Только вот – «блин»-то здесь при чём?

– Да так, пришлось к слову…

Пётр очень быстро восстановился, повеселел, стал строить развёрнутые планы на ближайшее будущее:

– Сейчас перекусим и двинем в Прешпург. Проверим, как там мужики возводят восточную стену, не ленятся ли… Опять же, Преображенский и Семёновский батальоны должны сегодня упражняться в огневом бое. Вечером поедем на Кукуй, Анна Ивановна звала, мол, вечером петь будет. Хотя, я её и без всяких предварительных песен – готов… Э, да ещё же и обед будет… Зотыч! Иди сюда! – заорал так, что задрожали стёкла в оконных рамах. – Мы с Алексашкой вернёмся к обеду во дворец. Ты девок дворовых, что покрасивше и помоложе, всех сгони к столу! Осмотрим, выберем… Чего ты, Алексашка, морщишься? И тебе перепадёт, не боись! Хочется мне вот опыт вчерашний расширить, с другой стороны посмотреть на это дело! Чего это вы нахмурились оба? Перемигиваетесь? Или вам царское слово – не указ уже? – Пена полетела во все стороны. – Обоих – в каторгу! Головы поотрубаю, вороги…

А Зотов старательно моргал. Мол, молчи, дурилка, слушай, не перечь, а то – ещё хуже будет. Вот когда замолчит, выговорится, тогда и отвечай…

Егор и молчал послушно: одну минуту, пять, семь, десять…

Наконец Пётр замолчал, нервно провёл ладонью по лицу, чуть подёргал под столом левой ногой, спросил хрипло:

– Чего не возражаете-то, гниды? Родственные души обнаружились? Срать я хотел на это дело! Сказано, чтоб гладкие девки были выстроены к обеду? Сказано! Вот пусть и будут выстроены, как я велел! Кто чего сказать хочет?

– Дозволь мне, государь? Как твоему верному охранителю? – очень вдумчиво попросил Егор. – Никто же не оспаривает твоего царского права – иметь всех этих девок: хоть по одной, хоть скопом. Тут дело в другом! Заболеть можно от тех утех… Серьёзно так заболеть, вплоть до самой смерти! Есть такие хитрые болезни… Зотыч, подтверди!

– Зотыч?

– Подтверждаю, государь! И нос иногда отваливается от тех дел, и ноги отказываются ходить! Тут надо каждую, до того дела как, проверять на здоровье обязательно. Господом Богом нашим клянусь – проверять требуется!

После долгого молчания Пётр спросил – требовательно, нетерпеливо:

– Так чего делать-то, советчики? Давайте, решайте, мне ждать недосуг, хочется очень! Ну, слушаю вас!

Егор, понимая, что нельзя оставлять без боя завоёванные рубежи, предложил с ходу:

– По этому вопросу необходимо назначить «матку», ну, как у пчёл! Такую опытную женщину, обязательно – хорошего роду-племени, в возрасте уже, чтобы бес под рёбра не стучался, но – с полными понятиями. Как и что, что можно, что – нет. И чтобы в болезнях женских всё понимала-соображала… А, Зотыч? Есть такая на примете? Чтобы ты ей верил, как себе? Давай, соображай! Может, у самого в молодости было чего? В том плане, что имеется зазноба, к которой до сих пор дышишь неровно? Вопрос-то серьёзный! Сам царь спрашивает…

Никита Моисеевич был мужиком тёртым и умным. В том смысле, что его глаза тут же превратились в нули арифмометра. Егор понял, что их обладатель занят серьёзными и тщательными подсчётами: сколько денег можно срубить за продажу такой серьёзной и скользкой должности?

Пётр, несмотря на свою внешнюю несообразительность, тут же взревел по сути:

– Чего кумекаешь-то там? Кому должность продать подороже? Быстро называй имя! Башку снесу!

Зотов довольно зажмурился, явно вспоминая что-то приятное:

– Есть одна достойная боярыня, из рода Толстых. Ну, такая плотная, весёлая, жена дяди твоему, государь…

– А, знаю! – Пётр повеселел. – Достойная тётка! Всё мне чего-то подмигивает. Я ей сам всё объясню… Не, и вы ей всё объясните, чего уж там! Исполняйте – ваши должности…

Перекусили наскоро: слегка пованивающая, бело-розовая солонина, овальные ржаные лепёшки-плетёнки, вареные куриные яйца, квашеная капуста, маринованная редька. На десерт – красная, но очень кислая – до сведенных скул, вишня, мелкий сладкий розовый крыжовник, пенный квас… Поев, царь непрерывно рыгал, явно не догадываясь, что это неприлично.

Краем глаза уловив осуждающий взгляд Егора, Пётр, тем не менее, нашёл время и для вопроса:

– Чего лыбишься-то? Ты и вчера ещё морду воротил на сторону. Раз я твой «мин херц», то и говори всё как оно есть!

– А чего, и скажу, не буду молчать! – осмелел Егор. – В том плане, что таким женщинам, как Анна Ивановна, – не нравится… А в Европах женщины ещё красивей, ещё капризней! Не, мин херц, я только про них! Не будешь обижаться? Точно, не прикажешь рубить голову, на дыбу поднимать? Ну, ладно. Тогда –

слушай…

И рассказал: о том, что зубы чистить иногда нужно, что рыгать – лучше не рыгать, и пукать при женщинах – тоже не стоит… Да и о многом другом ещё…

– Понятно излагаешь, охранитель! Завтра ещё раз повторишь – полезное дело! – криво усмехнулся Пётр. – А сейчас поедем – отдадимся, так сказать, утехам воинским…

Отдача, правда, на взгляд Егора, слабоватой получилась. Выехали верхом на смирных лошадках на высокий холм, вооружились подзорными трубами.

Семёновцы знатно и тщательно обустроились на менее высоком, но крутом холме: за их позицией располагался густой сосновый лес, солдаты выкопали глубокие и широкие рвы, навязали поверх рвов густые фашины, спрятали за фашинами пять-шесть бронзовых пушек. Преображенцы же шли в тупую атаку – выстроившись в пять строёв, не пригибаясь, крича разные весёлые и солёные ругательства. В них стреляли молодой репкой, скатывали со склона холма берёзовые брёвна, бросались еловыми шишками и камнями.

– Форверст! – размахивая тонкой шпагой, кричал генерал фон Зоммер. – В атаку, за мной!

– Хрен вам всем! – отвечал ему генерал Автоном Головин, возглавлявший обороняющихся семёновцев.

Часа два с половиной длилась эта уморительная эпопея – с переменным успехом.

– Ну, как тебе, Алексашка? Здорово? – азартно блестя своими круглыми глазами, спросил Пётр. – Вот она – воинская потеха! Вот чем надо заниматься! Как считаешь? Слышал про великого Александра Македонского?

– Слышал, как не слышать! – понятливо откликнулся Егор. – Только это здесь при чём? Александр-то по-другому бы воевал!

– Чего? Как это – по-другому?

Егор легкомысленно махнул рукой по направлению позиций Преображенского батальона:

– Поставил бы человек двадцать перед этим холмом, чтобы создать видимость атаки. А основные силы послал бы в обход. За батареей же – густой сосновый лес! Выбежали оттуда – и всех порезали – на раз! В полные лоскуты!

– Зачем? – опешил Пётр. – Когда можно победить в честной атаке?

– Если войн много – каждый солдат дорог… Подошедший сзади Теодор Зоммер в полном восторге похлопал Егора по плечам:

– Очень верно! У мальца – голова на плечах, а не глиняный

горшок!

Когда уже возвращались обратно во дворец – каждый своим путём: генералы с полками пешим строем, как и полагается, Егор и Пётр – верхом, царь спросил – очень и очень серьёзно:

– Многие говорят, за моей спиной, что я просто сумасшедший: эти потешные полки, кораблики ещё строю на Яузе… Как думаешь? Зачем всё это? Может, бросить? Бабами плотно заняться? Их же – несчитано вокруг. А?

Вот тут Егор задумался: а что, собственно, отвечать? По Контракту он был обязан делать всё, чтобы ход Истории не изменялся. Поэтому и ответил – достаточно заумно и обтекаемо:

– Один мудрый и головастый царь говаривал: «У Государства есть только два верных союзника – его Армия и его Флот». Поэтому, мин херц, я считаю, что ты всё правильно делаешь. В общих чертах. Тут даже вопросов нет…

– Только в общих чертах? – Пётр смотрел на Егора испытующе и серьёзно. – Следовательно, можно лучше делать?

– Лучше? Непонятный термин. Серьёзнее, упрямее, по-настоящему… – Егор замолчал, не стоило лишнего говорить. Контракт, всё же…

Впрочем, Пётр неожиданно легко отвлёкся от военной темы: вечерние поездки на Кукуй, заканчивающиеся жаркими ночными объятиями умелой фройляйн Анхен, дневные эксперименты с контингентом дворовых девок, вдумчиво сформированным «маткой» Толстой. Всё шло своим чередом…

Лефорт же был доволен: обеспечение потешных полков и строительство крепости Прешпург шло теперь сугубо через него. Да и масштабы этих поставок, благодаря усилиям Егора и фон Зоммера, постоянно возрастали. Закапала нешутейная деньга, стала копиться прибыль, наметились серьёзные перспективы. Егору Лефорт никогда не забывал выплачивать полагающиеся проценты…

Анхен тоже не могла пожаловаться на происходящее: Егор постоянно, по поручению царя, ездил в город, где покупал у разных ювелиров, сугубо с немецкими фамилиями, ценные кольца, броши, браслеты, табакерки и блохоловки.

Однажды ночью осенней, когда царь пошёл проведать свой недавно созданный (и проверенный) гарем, Никита Зотов неожиданно подмигнул и многозначительно мотнул головой в сторону. Егор, привычно стоящий «на часах» рядом с дверью, ведущей в «девичий» покой, скорчил неопределённую гримасу: мол, не могу я сейчас отлучиться, обязан бдить, охранять, и всё такое прочее…

Зотов мотнул головой ещё раз, на это раз демонстративно, властно, очень акцентированно. Егор проследил взглядом в указанном направлении: цветной шёлковый полог, над которым сияли глаза – необычайно ясные, пронзительные, молящие, спрашивающие. Страшные глаза, которым ни в чём и никогда отказать нельзя, материнские глаза…

Егор неслышно, мелкими шагами приблизился к шёлковому пологу, склонился в низком поклоне.

– Я весь – сплошное послушание, ваше царское Величество! Всё, что вам угодно, высокородная Наталья Кирилловна!

– Просто посмотри мне в глаза, охранитель, – попросила царица. – Просто – посмотри мне в глаза…

Он посмотрел. Минута, две, пять… Царица не выдержала первой, отвела свой взор в сторону.

– Хорошо, охраняй сыночка моего, Данилов сын. Только… Когда я буду умирать – ты приди ко мне. Я тогда скажу что-то важное…

На следующее утро Егор представил Зотову и фон Зоммеру развёрнутый план по организации охранной службы.

– Однако! – непритворно изумился генерал. – Намного вперёд смотришь, мальчик! Молодец! Но где же мы тебе найдём столько дельных людишек? Самим не хватает! Одни дураки и воры кругом! А тут – ты ещё! Двоих требуешь на проверку пищи государевой… Ладно, это как раз просто, из стольников подберём, они всё равно ничего не делают: только жрут и спят. Троих на постоянное сопровождение. А, это они по очереди дежурить будут? Понятно, подумаем…

– А вот ещё! – непонимающе вмешался Зотов. – Пятеро человек – на внешнее вмешательство… Это ещё что за притча?

– Да вот, к примеру, со Стёпкой Одоевским разобраться надо, – пояснил Егор. – Вы, Никита Моисеевич, не забыли, что именно Степан подослал тех душегубов к сгоревшему дубу?

Зотов скривился недовольно:

– Я никогда и ничего не забываю. Никогда и ничего! Поэтому и приставлен к царю… А что ты имеешь в виду, когда говоришь – «разобраться»? Убить, что ли?

– Для начала присмотреться, наладить постоянное наблюдение. Понять, что от этого человека можно ожидать, кто управляет его подлой рукой. Потом уже и принять решение. Если будет надо, то и убить!

– Степан очень знатного рода! – нахмурился царский воспитатель. – Многие бояре будут недовольны, буча поднимется кровавая…

Егор упрямо передёрнул плечами:

– Значит, так надо убивать, чтобы никто ничего не понял. На лихих людей всё можно списать, на случайность, на чудную болезнь… Но, согласен, тут действовать надо осторожно, чтобы комар носа не подточил!

– Дельно говоришь, Алексашка, дельно! – согласно пыхтел Теодор фон Зоммер, выпуская к потолку кольца ароматного табачного дыма. – Поможем с людьми! Но ты и сам ищи, сам присматривайся…

Предварительно пробовать царскую снедь и напитки приставили (по рекомендации Зотова) двух братьев Бухвостовых – Сергея и Василия, ребят сообразительных и шустрых. Егор в течение трёх часов инструктировал братьев, можно даже сказать, прочёл настоящую полноценную лекцию: рассказал об основных видах ядов, о характерных запахах, присущих некоторым из них, о противоядиях.

– Вы, сиволапые, уясните главное, – терпеливо втолковывал Егор. – Пробовать всё подряд – дело нехитрое. Отведал отравы – и отбросил копыта, что тут хорошего? А надобно так работу поставить, чтобы и царя уберечь от смертельной опасности, и самим остаться в живых. Уяснили? А для этого надо много знать, читать книжки учёных мужей. Грамотой-то владеете? Уже хорошо! Я переговорю с господином Лефортом, он вам подберёт соответственное чтиво. По противоядиям потолкуете с доктором Гансом Фогелем. Спасительную аптечку надо всегда держать под рукой… Ещё вот по животным. Особо подозрительную пищу надо давать пробовать собакам и кошкам. Для этого существуют специальные породы. Впрочем, по собакам я заведу отдельного человека, есть у меня один на примете. Вот он вас и обеспечит четвероногими помощниками…

Зоммер тоже не обманул – откомандировал к Егору боярского сына Василия Волкова.

Василий был на пару лет старше Егора, но слушался во всём, впитывал как губка всю полезную информацию. С первого же дня (по утрам, пока царь изволил сладко спать) Егор начал заниматься с Волковым рукопашным боем, учил метать специальные ножи – с облегчённой ручкой и тяжёлым булатным лезвием. Зотов, ставший случайным свидетелем одного из таких занятий, без долгих раздумий высказал пожелание присоединиться. Скоро группа пополнилась ещё двумя «слушателями» – Якимом Ворониным и Данилой Картиным, этих прислала лично Наталья Кирилловна…

А ещё через два дня и Указ вышел царский, сообщавший всему русскому люду, что образована Служба охранителей, коей всем предписывалось помогать неустанно, со всем прилежанием.

Даже вводились специальные бляхи отличительные…

В заранее назначенный понедельник (после воскресных посиделок у кукуйских друзей Пётр имел привычку дрыхнуть до самого вторника) Егор подъехал к царскому кружалу на Разгуляе, где была назначена встреча со Швелькой. С собой он прихватил Василия Волкова – пусть молодой боярский сын обучается искусству общения с интересными людьми и процессу вербовки новых перспективных сотрудников.

Он с самого утра тщательно побрился, оделся в голландское платье (Лефортов подарок), на голову нахлобучил короткий пегий парик, поверх парика – широкую шляпу с павлиньим пером. Кожаные же башмаки с бронзовыми пряжками ему совершенно не понравились, да и неудобно в них было до невозможности, кровавые мозоли запросто можно было заработать.

Пришлось ехать на Кукуй. У голландского кузнеца Гаррита Киста Егор за тридцать копеек приобрёл ношеные низкие ботфорты жёлтой кожи, добавив ещё полтинник, разжился хорошей шпагой в потёртых ножнах, прикрепил к широкому поясу – с левой стороны. Уже в полной экипировке Егор зашёл в дом Лефорта, генерал как раз заканчивал свой скромный завтрак.

– О, какой симпатичный молодой кавалер! Тебя, Алексашка, запросто можно принять за молоденького баронета из свиты настоящего немецкого принца крови. Правильным путём следуешь, одобряю! – обрадовался Лефорт и подарил Егору тонкий золотой перстенёк с грубо огранённым ярко-красным рубином.

Егор подошёл к большому, во весь рост, зеркалу, висящему в гостиной герра Франца, внимательно изучая своё отражение.

«А что! – хвастливо заявил внутренний голос. – И мы не лыком шиты! То ли ещё будет, уважаемые господа! Потерпите немного…»

Разгуляйское кружало было классическим: состояло из двух отделений, по сути – прямо противоположных друг другу, как женское и мужское отделения общественной бани. Впрочем, во многих русских банях того времени – для люда подлого – и такого разделения не было: мужики и бабы мылись совместно, что называется – бок о бок…

В одной части кружала, обставленной соответствующим образом, собиралась богатая и «чистая» публика: купцы, приказчики, юные отпрыски знатных боярских родов, швейцарские мушкетёры, несшие службу в Кремле. Здесь было тихо и пристойно, велись неторопливые и солидные разговоры,

часто звучала иностранная речь. Посетители пили сбитень, имбирное пиво, дорогие зарубежные вина, чай – самоварами, ели пироги с различной начинкой, запеченных в русской печи молочных поросят, покрытых аппетитной золотистой корочкой.

Во втором зале всегда было шумно, публика здесь был разношерстной и беспокойной: то и дело раздавались громкая брань и шум скандалов, иногда перераставших в безобразные и кровавые драки. Пили здесь так называемое хлебное вино, представляющее собой обыкновенную русскую водку, правда, совершенно неизвестной градусности. Закусывали её, как правило, мятыми ржаными калачами…

Возок Егор остановил около широких ворот, над которыми висел большой бараний череп – идеально отбелённый солнцем, дождями и ветрами, передал вожжи Сергею Бухвостову:

– Здесь нас дожидайся, мы недолго. Смотри, не зевай и от коляски не отходи далеко, вмиг уведут! Наблюдай, запоминай…

У входа в кружало сидел, устало вывалив на сторону розовый язык, знакомый тёмно-серый волкодав, следовательно, Швелька уже был на месте.

Вошли внутрь: Егор – в зарубежном платье, шёл первым, следовавший за ним Василий Волков был одет в скромный зелёный кафтан Преображенского батальона, при этом на Васькиной голове красовалась шикарная бобровая шапка. Вот такое вот сочетание нового с патриархальной стариной… Целовальник, чернявый суровый мужик, завидев солидно одетых посетителей, отвесил уважительный поклон и предупредительно махнул рукой направо, приглашая гостей в «чистый» зал.

– Ты, милок, вот что сделай! – обратился к целовальнику Егор, поглядывая сверху вниз и презрительно цедя слова через гордо выпяченную вперёд верхнюю губу. – Отыщи-ка мне в том «подлом» зале одного человечишку. Его звать Швелька, он хват с Рыбных рядов. При нём ещё один вьюныш должен обретаться. Найдешь – тут же приведи ко мне. На стол выставь два кувшина с имбирным пивом, пирогов разных, студень говяжий, ещё какой-нибудь… Выполняй, родимый!

Егор и Волков уселись на широкую скамью, стоящую рядом с массивным дубовым столом. Через несколько минут к столу, явно немного робея, подошёл Швелька, за спиной которого смущённо пыхтел широкоплечий русоголовый парнишка, обладатель лучистых васильковых глаз.

– Э-э, – начал Швелька, заикаясь и краснея. – Это вы нас з-звали, бояре?

– Садитесь, добры молодцы! – небрежно указал Егор пальцем на скамью по другую сторону стола. – Ты что же, Швелька, не

узнал меня?

– Н-нет, не узнал, милостивец, извини…

– Меньшиков я, Александр, Данилов сын.

– Алексашка? Не может быть! – Швелька неуверенно оглянулся на своего синеглазого напарника. – Лёша, узнаёшь своего дружбана? Ты же с ним торговал пирогами. А сейчас, гляди на него, натуральный господин с Кукуя! Немец вылитый!

Но его голубоглазому приятелю было сейчас не до Егора, он неотрывно и испуганно пялился на Василия Волкова – словно беззащитный кролик на грозного удава.

– Да это же холоп мой беглый, Алёшка Бровкин! – наконец прозрел Волков. – В железо его, гада, в кандалы!

– Отставить! – прикрикнул Егор и стукнул кулаком по столу. – Не надо вопить как резаные, привлекать внимание нездоровое! Мы, чай, занимаемся государевыми делами, это понимать надо… Вот сейчас, Васенька, этот отрок является твоим холопом беглым. Плохо это, согласен… А если он примет моё предложение, тогда как? А вот тогда – он станет царёвым слугой, а это, согласись, совсем другое дело! Ладно, оставим этот разговор на потом… Присаживайтесь, ребятки, сейчас пива принесут, закуски разной. Перекусим немного, вот и переговорим тогда…

Попили пивка, отведали пирогов – с горохом, со свининой, осетровой тешей, побаловались говяжьим и заячьим студнями.

– Такое у меня к вам, бродяги, будет предложение! – веско сказал Егор, старательно вытирая руки об льняное полотенце. – Указом нашего государя, Петра Алексеевича, всея Великия и Малыя Руси, я назначен царёвым охранителем. Более того, по этому Указу я должен создать особую охранную службу. Вот и вас, шалопаев, хочу пригласить – послужить нашему государю. Плату обоим положу дельную, хорошую, для начала – по шестьдесят рублей на одного в год, ну и столовое довольствие, бесплатная одёжка и обувь. Как оно вам?

– А делать-то чего будет надо? – сонно спросил Швелька, слегка разомлевший от пива и сытной еды.

– Алёшка при мне будет состоять: сперва – на посылках, потом отдельное дело поручу ему, серьёзное… А ты, Швелька, будешь по собачьей части. С цепными кобелями надо разобраться, порядок навести. Да нужны и другие собаки…

– Охотничьи? – посветлел Швелька лицом. – Для псовой охоты?

– Это вряд ли! – зевнул Егор, вежливо прикрывая рот ладошкой. – Наш Пётр Алексеевич относится к охоте прохладно. Он у нас всё больше по военной части… А вот собаки-нюхачи,

могущие идти по следу человека, собаки для прочих охранных нужд, вот это – да, очень даже нужно!

– Да мы, Александр Данилович, полностью согласные! – напустив на себя полную покорность, высказался Швелька. – Шестьдесят рублей – деньги совсем неплохие. Ежели, конечно, для начала. А вот дополнительные выплаты: ночные, заревые, праздничные, по ранению, свадебные… Они-то предусмотрены?

– Предусмотрены! – совершенно серьёзно подтвердил Егор. – Меня, кстати, называйте просто и доходчиво – «командиром». – Он обернулся к окну, на какой-то неясный шум…

Правая рама мутного окна была широко открыта, из неё торчала очень странная трубка – расширяющаяся на конце. Опа, да это ствол стрелецкой стандартной пищали!

– Лечь всем! – заорал Егор, падая вниз и сдёргивая со стола льняную скатерть – со всем находящимся на ней…

Грохнуло, всё помещенье тут же заволокло густым белым дымом…

Глава пятая
Охота на охотника и голубой луч

Тоненько и жалобно вскрикнул Алёшка, глухо застонал Волков.

Егор быстро вскочил на ноги, выхватил из-за голенища ботфорта метательный нож, обернулся к окну. Сквозь дымную пелену было видно, что дуло стрелецкой пищали уже исчезло.

– Целовальник, ко мне! – взревел Егор. – Перевязать раненых, живо у меня! – подскочил к столику, за которым сидела троица швейцарских мушкетёров (наёмники-бездельники, несшие формально-охранную службу в Кремле), выхватил из кармана серебряную бляху, вручённую совсем недавно Никитой Зотовым: – Их бин охранитель кёнига Петера. Указ читали? Быстро за мной! Форверст! Найти воров!

Отшвыривая в разные стороны посетителей кружала, случайно оказавшихся на его пути, Егор бросился к входной двери. Рядом бежал Швелька с ножкой от табурета в руках, сзади грохотали сапоги мушкетёров, слышался лязг вынимаемых из ножен шпаг…

Найти никого не удалось, только несколько нищих и калек испуганно жались возле ворот кабацких.

– Взять всех! – приказал Егор. – Швелька, допроси тщательно! Можешь не стесняться, лупцевать от души по мордасам, отрезать пальцы и уши! Я – сейчас…

Он выбежал за ворота, подскочил к повозке, на облучке которой сидел невозмутимый Сергей Бухвостов.

– Кто пробегал здесь только что?

– Никого подозрительного не было, Александр Данилович! – браво отрапортовал Серёга.

– Кто пробегал, я тебя спрашиваю, чавка сонная? – Егор крепко схватил Бухвостова за отвороты кафтана, сильно затряс – как дерево-грушу. – Хоть кто-нибудь пробегал? Отвечай, рак варёный, не молчи!

– Только два стрельца, больше никого!

– Что за стрельцы, какого полка?

– Да не знаю я, не разбираюсь в этом…

– Какого цвета у них были кафтаны, сучий выползок?

Оказалось, что Сергей Бухвостов – дальтоник, и в цветах не понимал абсолютно ничего…

У Швельки дела продвинулись гораздо дальше: после жёстких допросов нищих было непреложно установлено, что

стрельцы принадлежали к Пыжову полку.

– Ну, и что это нам даёт? – спросил Егор. Швелька лукаво заулыбался:

– Это как посмотреть! С одной стороны – и ничего. А вот с другой… Настоящий хозяин Пыжова полка – князь Иван Андреевич Хованский, по прозвищу – Таратуй. А князь Иван, он состоит в приятельских отношениях с боярином Степаном Одоевским. В очень странных отношениях, как говорят люди знающие… А ещё Хованский у Правительницы Софьи в почёте. Смекаешь, господин охранитель?

– Смекаю…

У Алёшки рассекло голову, но совсем неглубоко, хотя и крови натекло целое море. А у Василия Волкова свинцовый шарик прочно засел в ляжке.

– Это подлые стрельцы шарахнули в нас картечью! – пояснил Швелька. – Если бы мы не попадали на пол, то давно бы уже танцевали на небесах кадриль – с ангелами небесными…

Отвезли раненых в Преображенское, туда же оперативно доставили доктора Фогеля.

– Ничего страшного, герр Александэр! – заверил Егора опытный врач. – Мальчик с голубыми глазами может уже через три дня подняться с постели. А герр Волкофф – недели через полторы, я вынул из его ноги свинцовую пулю, сильно повезло боярину, что кость не задело…

Вечером состоялось срочное совещание.

Присутствовали: Егор-Алексашка, Никита Зотов, генерал Теодор фон Зоммер и Пётр Романов – государь всея Великия и Малыя Руси. Пётр, по своему вечернему обыкновению, собирался удалиться в свой дворцовый «гарем» (а может, и в токарную мастерскую, где обожал возиться с разными железяками, – ещё не решил до конца), но Зотов взмолился слёзно:

– Государь, надёжа наша, останься! Дело-то наиважнейшее – о жизни и смерти!

– Ладно, остаюсь! – смилостивился царь. – Только давайте быстрей, без лишних речей!

Слово взял фон Зоммер: кратко обрисовал цепь последних событий, сжато доложил об утреннем покушении. Царь хмурился, но внешне был спокоен, только нервно качал своей длинной ногой.

– Разрешите, государь? – незамедлительно подхватил эстафету Никита Зотов, дождался короткого кивка: – Сегодня утром за Яузой были замечены стрельцы в клюквенных кафтанах. Судя по всему – из Пыжова полка. Внимательно осматривая

местность, они тремя группами якобы проследовали к Москве, но на самом деле встали лагерем в трёх с половиной верстах от Преображенского. Всего их больше сотни…

Вот тут-то Петра проняло крепко, уже по-настоящему, он мгновенно вскочил на ноги, запаниковал:

– Преображенцев и семёновцев – поднять в ружьё! Усилить посты, приготовиться к обороне! Что вы тут все расселись? Живо на позиции! Смерти захотели моей? Я помню, помню, как стрельцы боярина Матвеева подняли на свои пики… Помню! – На юношеских губах запузырилась пена, зубы начали отстукивать громкую барабанную дробь…

Насилу успокоили царя – совместными усилиями.

– Алексашка! – жалобно обратился Пётр к Егору. – Ты молчишь почему? Что думаешь, охранитель?

Егор солидно откашлялся, расправил плечи.

– Первым делом, Пётр Алексеевич, надо обязательно усилить преображенцев и семёновцев! Солдат ещё надо – человек шестьсот, да вооружённых настоящими ружьями и мушкетами. К ним офицеров толковых. Из Пушкарского приказа необходимо выписать бронзовых пушек, мортир, единорогов, пороху с запасом великим, ядер чугунных, бомб зажигательных… Мушкеты, офицерские пистолеты, доброе холодное оружие – всё это можно выписать через герра Лефорта, я у него намедни видел новые образцы. Он всё доставит за неделю…

– Постой-ка, братец мой! – остановил царь Егора и строго посмотрел на Зотова и фон Зоммера: – Запоминайте, высокоумные мои, запоминайте! Можете и записать, если память плоха! – снова обратился к своему охранителю: – Продолжай, Данилыч!

– Второе. Надо срочно установить наблюдение за домом Степки Одоевского, выяснить распорядок его дня, изучить все ходы и выходы…

– Зачем? – округлил от удивления свои карие глаза царь, задёргал худым мальчишеским кадыком.

– Степан охотится за тобой, государь! Упрямо охотится. А теперь уже и за мной… Кто стоит за ним, кто управляет его злой рукой? Этого тебе никто точно сказать не сможет. Может, это сама Правительница Софья, может – кто-то другой. Не понять пока…

Помолчали.

– Так что со Степаном-то? – нерешительно спросил Пётр.

Егор тяжело вздохнул:

– Со Степаном что? А вот изучим обстановку, тогда и примем решение. Если можно уничтожить, не поднимая лишнего шума,

то и уничтожим. А можно и просто покалечить, например, лошадь понесла и сбросила, или у кареты колесо неожиданно отвалилось на ходу…

Уже перед сном он зашёл в каморку, где расквартировались его новые сотрудники. Убедившись, что Алёшка чувствует себя нормально, почесал за ухом серо-чёрного волкодава по кличке Хмурый (можно и просто – Хмур), вызвал Швельку в коридор – на пару слов.

– Смотри, с завтрашнего дня начинаешь плотно заниматься собаками! Послезавтра уже доложишь мне – сколько надо ещё прикупить и каких. Далее. Заметил уже, что во дворце полно убогих старушонок и нищенок, которые своими разговорами развлекают Наталью Кирилловну, матушку царскую? Вот и поищи возле Рыбных рядов всяких бабушек, которые и царицу могли бы заинтересовать, и нам бы чётко докладывали – что делается во дворце, чем он дышит на самом деле… Уяснил?

На разведку (через трое суток после неприятного происшествия в кружале) к дому Степана Одоевского Егор взял с собой Алёшку Бровкина. Голова у мальца была ещё обмотана льняной повязкой, но ничего, держался он молодцом.

Ранним утром они сели в двуколку, в ногах сложили деревянные лотки с ремнями, заехали на Кукуй, где Лукерья, стряпуха Лефорта, напекла вдоволь подовых пирогов – с капустой, горохом, луком, зайчатиной, свининой, калачей с мёдом и изюмом, – решили вести наблюдение под привычной личиной, изображая из себя пирожников с Серпуховских ворот. Оделись соответственно с образом, даже лапти напялили на ноги.

– Ой, Санюшка, какой ты смешной в лапоточках! – всплеснула руками Лушка. – Прямо деревенский! Да и помолодел, года три сбросил, когда расчесался вот так…

Повозку оставили у Рыбных рядов – на попечение Швельки, который ради такого дела вспомнил старые связи, да и среди пожилых нищенок и уродок проводил определённую работу – на предмет вербовки надёжных кадров.

– Ну, и где здесь дом нашего князюшки Одоевского? – шепнул Швельке Егор, передавая ему вожжи.

– Пройдете направо вон по тому переулку, вот и выйдите на Варварку. У Одоевских – угловой дом, широкие синие ворота с двумя жёлтыми петушками. Напротив дома – лавка мануфактурная: если что, то один товар смотрит-разглядывает, а другой его ждёт на скамеечке и лузгает семечки…

– Ладно, мы пошли. Посматривай здесь! Разложили пироги по лоткам, накинули ремни на плечи, пошли мимо Рыбных рядов,

изредка покрикивая:

– Налетай, родимые, расхватывай!

Особого ажиотажа не наблюдалось, подходили только отдельные покупатели: одинокий пьяненький стрелец, парочка стряпчих, дородная купчиха, которая, похоже, есть готова была всегда – всё и без всяких ограничений.

Варварка оказалась улочкой достаточно широкой (относительно близлежащих), тихой и сонной, щедро заваленной конским навозом – как уже высохшим, так и совсем свежим.

Возле нужных ворот трое сытых и широкоплечих холопов увлечённо играли в пристенок, лениво переругиваясь между собой. Впрочем, один из игроков посмотрел на проходящих пирожников очень уж недобро и внимательно.

«Профессиональный взгляд, фиксирующий такой! – отметил Егор. – Дежурство у мануфактурной лавки придётся отменить, тут же срисуют. А жаль! Удобное место, идеальное для наблюдательного пункта…»

Додумать он не успел, сзади послышался громкий стук копыт, звонкий, чуть визгливый голос скомандовал:

– Открывайте ворота, морды ленивые! Живо мне, запорю!

На всякий случай Егор прижался к стене дома на противоположной стороне Варварки и обернулся. Около синих ворот с «сидящими» на них жёлтыми петушками нетерпеливо приплясывал каурый в яблоках красавец-конь с ловким седоком на спине, чуть дальше застыл знакомый кожаный возок с запряжёнными в него двумя неказистыми гнедыми лошадками.

Всадник выглядел очень нарядно и даже импозантно: широкие синие шаровары, алые сапоги с вздёрнутыми вверх носами, зелёный кафтан-ферязь с высоким воротником, тонкие губы ярко накрашены, глаза подведены до висков, кривая татарская сабля на боку.

Холопы торопливо вскочили на ноги и, раболепно кланяясь, бросились открывать ворота.

Через две минуты и разряженный всадник, и кожаный возок въехали во внутренний двор, ворота тут же плотно закрылись.

Пирожники-шпионы, подмигнув друг другу, торопливо свернули в ближайший переулок.

– Возок принадлежит нашему любезному доктору Фогелю, и это очень странно! – зашептал Егор. – А вот кто этот, на коне в яблоках? Размалёванный, как девка гулящая?

– Михайла Тыртов, из мелкопоместных! – так же тихо ответил Бровкин. – Он это, того… Сожительствует с боярином Степаном…

Егор с чувством сплюнул в сторону и мысленно выругался: «Ну, надо же! И здесь всё то же самое, пэдорасты – куда ни плюнь,

мать их!»

После непродолжительных раздумий он принял решение:

– Слушай сюда, Лёха! Сейчас возвращаешься к Швельке: сразу же выезжаете к дому Фогеля и там ждёте приезда доктора. Мол, приехали от меня, за каплями от красноты и рези в глазах. Пусть Швелька выпытает, зачем герр Фогель приезжал к Одоевскому. Только сделать это надо красиво, без деревенской глупости, чтобы доктор не заподозрил чего плохого. Понимаешь? После этого ты, Алёшка, возвращаешься сюда и ищешь, где мы с тобой сможем скоротать время до темноты – не привлекая нездорового внимания. Далее, эти глазные капли забери у Швельки, запихай за пазуху и береги как зеницу ока. Но пробку не открывай! Ага, вот ещё. Пусть от доктора Швелька сразу скачет в Преображенское и все микстуры, порошки и настойки, которые поступили от Фогеля, у всех отберёт, сложит в одну плетёную корзину и спрячет в надёжное место. Всё, встречаемся за теми широкими торговыми рядами, где продают раков, как зазвонят к вечерней молитве… Да, пироги-то оставь, поторгую уж за тебя… Э, переложи их на мой лоток, а пустой возьми с собой. Куда мне два?

Егор, сделав широкий круг, снова оказался на Варварке, но он уже не подходил близко к синим воротам, чтобы не попадаться на глаза тому холопу с внимательными глазами. Ходил себе по диагонали в самых разных направлениях, изредка покрикивая:

– Налетай, родимые, расхватывай! Пироги подовые, медовые! С зайчатиной, с горохом, со свиным боком! Подходи, православные, пироги славные!

Может, скороговорки эти работали, может, Лушкин поварской талант тому виной, но народ подходил, исправно платил просимые копейки, некоторые, попробовав, даже говорили добрые слова и покупали ещё…

Наконец, вдали показалась повозка доктора. Егор тут же отошёл в сторону, прикрыл лицо рукой, наблюдая сквозь пальцы за улицей. В боковом окошке мелькнуло лицо герра Фогеля – очень озабоченное и даже – откровенно испуганное…

– Что ж! – тихонько пробормотал себе под нос Егор. – С этим всё понятно – более-менее… Ладно, теперь ещё раз сделаем кружок и зайдём с другой стороны, дом-то у нашего боярина угловой…

Он узким переулком снова подошёл к высокому (два метра с небольшим) забору, ограждавшему княжеский двор Одоевских. В переулке было очень тихо, пыльно, тоненько попискивали комары, изредка о чём-то перекликались мелкие пичуги.

– Смотри-ка ты, ещё одни ворота! Скромные только такие,

узкие, одностворчатые, – тихонько удивился Егор. – И натоптано-то как! Причём, только с одной стороны…

Действительно, от ворот до Варварки переулок был достаточно сильно заросшим лебедой и подорожником, а в противоположную сторону вела очень хорошо натоптанная тропа, судя по многочисленным отпечаткам подков на чёрной земле – конная.

В метре от этих тайных ворот росла высокая и толстая вишня, ветки которой были густо увешаны мелкими красными ягодами. Егор долго раздумывать не стал: поставил лоток с оставшимися пирогами на землю, закатал рукава рубахи, поплевал на ладони, ловко полез вверх по шершавому стволу. Поднялся метра на три и насторожённо замер, прячась в густой зелёной листве: где-то совсем близко кто-то громко и надсадно кашлял.

«Ага, это из открытого окна второго этажа! – понял Егор. – Дальше лезть не стоит, заметят ещё…» – Ох-ти, Степан Семёнович, где ж ты простыл так-то? – потёк медовой патокой подобострастный голосок. – Ты микстурку-то немецкую пей, милостивец, оно и полегчает!

Послышалось горькое бульканье и тихое причмокивание, ещё через полминуты жёсткий, слегка свистящий голос облегчённо произнёс:

– Фу, отпустило! Мокроты отходить начали, знает Фогель своё дело, знает, гадёныш… Будем думать, что и наказ мой выполнит, сделает всё, как приказано ему…

– Сделает, князюшко! – заверил медовый голосок. – А ежели что, то я его, старого колбасника, ужо попользую по-своему, так попользую…

– Уймись, Мишка! – недовольно прикрикнул Одоевский (кто же ещё – раз Степан Семёнович?). – Сюда лучше слушай…

– Слушаю, князюшко, слушаю!

– Сегодня ночью без меня поедете на тракт. Делать так. Морды обмотайте тряпками или наденьте маски – у кого есть. Когда ярославский обоз возьмёте, то пару ямщиков и купчишек оставьте в живых, а Матвейку Шошина – величайте Львом Кирилловичем. Понял? Громко величайте, чтобы те дурики крепко запомнили… – Князь Степан опять зашёлся в сильном приступе лающего кашля.

– Отойди, милостивец, от окошка! – тут же заныл Тыртов. – Отойди, Христом Богом прошу, продует ведь…

Встретились за «рачьими» рядами, возле серого купеческого амбара, в чугунных дверных петлях которого висел полупудовый бронзовый замок.

– Ну, докладайте, орлы! – велел Егор. – Да не суетитесь, расслабьтесь, времени у нас ещё много. Вон – завалинка подходящая. Присядем…

– Выведал я всё у Фогеля! – зачастил Швелька. – Заболел наш Стёпушка, жар у него, сильный кашель. Доктор ему всяких микстур прописал, капель, порошков… Но глаза у герра Фогеля были – при этом его рассказе – очень испуганные, бегали туда-сюда, словно рыжие тараканы по избе. А когда я начал толковать про те глазные капли, так он сразу побелел, засуетился, начал грызть свои ногти… Потом убежал на второй этаж и вернулся назад уже нескоро, – я даже соскучиться успел. Протягивает стеклянный флакон с лекарством, а руки-то – дрожат… Алёшка, где этот пузырёк?

Бровкин бережно достал из-за пазухи маленькую стеклянную бутылочку, протянул Егору:

– Странная она, командир. То есть очень уж холодна: как была ледяной, так ледяной и осталась, не хочет нагреваться от тела…

Егор осторожно потрогал флакон ладонями, оглядел на просвет, недобро усмехнулся, спрятал в карман холщовых штанов, спросил, непонятно к кому обращаясь:

– А вот тот узкий проулок, что у княжеского дома, он куда выходит?

Швелька задумчиво почесал в затылке:

– Это тот, который Варварку пересекает? Ну, в одну сторону, там, где конная тропа, это к Москве-реке, там недалеко проходит Серпуховская дорога. А в другую – это уже к Покровским воротам. Да, ты, Данилыч, просил место подобрать, где до темноты можно пересидеть…

– До полночи! – уточнил Егор.

– Так вот, есть такое место, и отсюда совсем недалеко, через две улицы.

– Что за место? Надёжное?

– Надёжное, очень надёжное! – заверил Алёшка. – Постоялый двор такой, тайный. Там холопья беглые время пережидают, стрельцы-дезертиры, люди лихие, что числятся в розыске. Да мы же с тобой там ночевали както, Ляксандра Данилыч, в том году, когда ты сбежал от батяньки своего… Помнишь?

– Было дело, – осторожно кивнул Егор головой. – Только вот само место запамятовал…

Они вышли за ворота тайного «постоялого двора» уже чёрной ночью. Впрочем, полной темноты не было: небо было ясным, в северной части небосклона висела яркая жёлтая луна,

многочисленные звёзды подмигивали – лукаво и совершенно по-приятельски…

– Значится так! – громким шёпотом объявил Егор. – Ты, Швелька, езжай прямо сейчас к Покровским воротам. Бляха-то с собой? Если стрельцы пристанут, сразу им в морду пихай бляху-то и посылай куда подальше… Всё понял? А ты, Алёшка, на стрёме постоишь, пока я слажу в гости к нашему князю. Если что, сигнал подашь. Петухом-то умеешь кричать? Вот и прокукарекаешь ежели что. Неосторожно это – ночью вопить петухом, да ладно уж, сойдёт на первый раз…

Они затаились за высокими кустами сирени, что росли на углу нужного проулка и улицы Варварки.

– Чего ждём-то, Данилыч? – жарко зашептал ему в ухо Бровкин.

– Ты, Лёха, привыкай меня называть «командиром»! – так же тихо ответил Егор. – В нашем деле мелочей не бывает! Чего ждём? Ты что, не слышишь, как шумят за забором? Вон и кони всхрапывают…

– Похоже, они лошадей седлают! – неуверенно предположил Алёшка. – Куда это наши молодцы собираются – на ночь глядя?

– Куда, куда… Туда, на дела лихие, на разбой ночной…

Наконец раздался тоненький противный скрип, одностворчатые ворота распахнулись, в переулок начали (в свете одинокого факела) один за другим выезжать едва различимые всадники: шестеро – в тёмных и неприметных одеждах, седьмой – в белом атласном кафтане и в боярской бобровой шапке.

«Подо Льва Кирилловича, любимого царского дядю, кто-то вырядился! – отметил про себя Егор. – Лицедеи, тоже мне! Только вот интересно, кто придумал такую запутку?»

– Ну, с богом, ребятушки! – проскрипел жестяной голос князя Степана. – Делайте всё, как я вам велел!

Мягкий перестук лошадиных копыт, предусмотрительно обмотанных тряпьём, затих в проулке, коротко проскрипели петли, ворота закрылись, вокруг снова установилась чуткая ночная тишина…

Выждав примерно (по ощущениям) минут сорок, Егор махнул рукой, выбрался из сирени, по нетоптаной траве подошёл к одностворчатым воротам, положил руку на ствол вишнёвого дерева:

– Всё, Алёха, я пошёл! Не зевай тут, при первой же подозрительной ерундовине кричи громко молоденьким петушком…

Он за одну минуту поднялся на четырёхметровую высоту,

ловко перебрался с дерева на деревянный приступок, шедший по всему периметру дома и отгораживающий первый этаж от второго, ухватился за распахнутую и закреплённую ставню, осторожно заглянул в распахнутое окно, откуда нестерпимо повanивало грязным постельным бельём и давно не мытыми мужскими ногами.

В просторной комнате тускло горели три свечи, вставленные в гнёзда подсвечника, одиноко стоящего на прямоугольном дубовом столе, украшенном искусной резьбой. В большом удобном кресле сидел, устало подперев голову рукой, странный человечек, в жилах которого, несомненно, добрая половина крови имела татарское происхождение. Выпуклый безбровый лоб, раскосые карие глаза, маленький, слегка кривоватый нос, на безвольном подбородке – несколько тонких и длинных рыжеватых волосин. Одет человечек был в парчовый халат восточного кроя, богато расшитый золотыми и серебряными нитями, на маленькой голове красовалось некое подобие тюбетейки, украшенной разноцветными каменьями, на столе, рядом с татарским господином, лежала пижонская тросточка – тонкой иноземной работы.

«Это и есть Степан Семёнович Одоевский! – решил Егор, вспомнив нужную главу из романа Алексея Толстого. – Действительно – хиляк хиляком, не то что соплёй, обычным плевком запросто можно перешибить. Так перешибить или как? Может, достаточно просто запугать до полусмерти и тщательно допросить?»

Неожиданно со стороны широкой печной трубы, едва видимой в дальнем углу, раздался мужской голос – приятный глубокий баритон, говорящий с едва заметным, мягким иностранным акцентом:

– Уважаемый Степан, свет Семёнович! Всё ещё сомневаетесь? Тысячу ефимок мой казначей отсыпал вам ещё утром. Не так ли? Ещё две тысячи будет вручено по окончательном завершении дела… Надеюсь, ваши обязательства также будут полностью выполнены?

– Выполню, выполню! – заскрипел Стёпка своими жёлтыми и кривыми зубами. – Только одного не могу взять в толк, господин…

– Не надо никаких имён! Мы же договаривались…

– Хорошо, хорошо! Просто никак не могу взять в толк, чем вам царь Пётр так не угодил? Зачем его надо убивать? Обычный мальчишка, глупый, недалёкий, совсем не опасный…

– Э-э, не опасный… – сладко зевнул баритон. – Очень даже опасный! Если вам, мой милый князь, не нужны деньги, то и

другие желающие найдутся. Найдутся – непременно! Вы уж поверьте мне…

– Да верю, верю! Это я так просто. Царь, всё же…

– Ну что ж, князь. Тогда разрешите мне откланяться, время уже достаточно позднее, а я с утра уезжаю из России, дела…

Егор решил действовать: очень уж хотелось взглянуть на этого иностранного заказчика Петровой смерти, поболтать с ним – вдумчиво и по душам, пока тот не покинул просторов русских… Ловко оттолкнувшись от бревенчатой стены, Егор влетел в комнату, подскочил к столу, хуком справа послал Стёпку на пол, мгновенно переместился к печной трубе, крутанул обычную «вертушку», крепко приложив пяткой по грудине неизвестного господина, чьё лицо было скрыто чёрной широкополой шляпой. Убедившись, что «чёрная шляпа» отключилась, он вернулся к дубовому столу, поднял с пола безвольное княжеское тело, бережно усадил в кресло, положил указательный палец на сонную артерию, пытаясь нащупать пульс.

«Дурак ты, братец! – совершенно невежливо сообщил внутренний голос. – Действительно – перешиб! Однозначный хладный труп…»

Недовольно пожав плечами, Егор достал из кармана флакон с микстурой от доктора Фогеля, осторожно вытащил деревянную пробку, капнул Степану на закрытый глаз (капли-то – глазные!). Сильно зашипело, запузырилось, через десять секунд на княжеском лице зияла чёрным страшным провалом (на месте глаза) пустая глазница…

– Ну, доктор, сука старая! – не стерпел Егор. – Так торопился, что залил в бутылочку чего-то навроде кислоты… Доберусь я до тебя, немецкий недоносок! Хотя, если так торопился, то уже, наверное, и не найти его. Свалил – не иначе…

Он обернулся, чтобы заняться вторым пленным, но – не успел. Всё вокруг неожиданно заполнилось ярким голубым свечением, по ушам больно ударило взрывной волной…

Уже теряя сознание, Егор услышал, как где-то звонко и тревожно прокричал молоденький петушок…

Он открыл глаза, чуть шатаясь, поднялся на ноги, прислушался: где-то внизу надрывались испуганные голоса, слышался громкий топот сапог.

«Ага, это я в обмороке минуты две всего провалялся!» – подумал Егор и мельком огляделся вокруг. Судя по всему, он находился в крестовой палате: многочисленные иконы и образа, стены, обитые тёмно-синим бархатом, на полу – роскошные мягкие ковры, многочисленные сундуки и ларцы, покрытые

парчой и шёлком, у окна – напольные часы с медным слоником на верхней башенке.

Понимая, что времени уже – в обрез, он подошёл к печной трубе, где горкой лежали какие-то тёмные тряпки, над которыми поднимались худенькие спирали молочно-желтоватого дыма.

– Куда же подевалось тело нашего загадочного иноземца? – тихонько удивился Егор, поддевая носком лаптя чёрную, в нескольких местах дырявую шляпу. Выяснилось, что под шляпой располагался нарядный тёмно-коричневый камзол, а под камзолом – высокий конус серого пепла…

По лестнице дробно зацокали подковки, прибитые к каблукам чьих-то сапог, Егор метнулся к раскрытому окну, влез на подоконник, перепрыгнул на вишнёвое дерево, разодрав при этом правую щёку, скользнул по стволу вниз.

– Живой, командир! Слава Богу! – облегчённо выдохнул Алёшка. – А я уж подумал…

– После! – недовольно отмахнулся Егор. – Ходу! Давай за мной…

Пробежав по проулку примерно половину расстояния – до Покровских ворот, они остановились.

– Ну, рассказывай, что там произошло… Чего кукарекал-то?

– Сейчас я, сейчас… – всё никак не мог отдышаться Бровкин. – Сейчас, командир…

– Ну, ты даешь! – искренне возмутился Егор. – Пробежали всего ничего, версты полторы, наверное, а он уже и запыхался! С завтрашнего дня бегать у меня будешь по утрам: кроссы по пересечённой местности, так тебя растак…

Через две минуты Алёшка доложил:

– Сперва всё было спокойно. А потом молния – как сверкнёт!

– Откуда взялась молния? Туч-то нет! – Егор ткнул указательным пальцем в безоблачное небо.

– Молния! – настаивал Алёшка. – Только тёмно-голубая, и такая, э-э… Прямая, вот!

«А ведь очень похоже, что это наши „экспериментаторы“ проявили себя! – подумалось вдруг. – Видимо, был предусмотрен такой механизм самоуничтожения для „агента“, когда он попадает в плен к противнику… Очень дальновидно и эффективно, надо признать! Теперь – что? Нового пришлют? Есть ли у них быстрые каналы для дополнительной переброски? Или это – совсем не быстрый процесс? Ладно, поживём – увидим…»

Без всяких происшествий они добрались до Покровских ворот, сели в повозку, тронулись.

– Открывай! – что есть мочи закричал Швелька на сонных стрельцов, расположившихся у дымного костра, рядом с ночным

корявым «шлагбаумом». – Открывай, солдатушки ленивые! Царёв охранитель следует!

Ехали в сторону Преображенского, уже никуда не торопясь, обсуждая вполголоса недавние события, когда окончательно рассвело, остановились на плоской вершине пологого холма.

– Значится так! – давал наставления Егор. – Ты, Швелька, завтра с утра езжай к доктору Фогелю. Свяжешь его, засранца, доставишь во дворец. А ты, Алёшка, побегай по городу, узнай, не пропал ли с концами иноземец какой. Вдруг слуги господина потерявшегося разыскивают…

– Что это? – тревожно вскинул правую руку вверх Алёшка. – Слышите, братцы? Никак копыта стучат?

– Трое конных нас догоняют! – сообщил Швелька, привстав на месте и усиленно вглядываясь вниз, в молочную утреннюю дымку. – Один из них – в белом кафтане… Может, по наши души?

Глава шестая
Почти спокойная жизнь

Егор, взяв лежащую у Швельки в ногах бухту толстой верёвки (куда же справному ямщику без крепкой верёвки?), проворно соскочил на осеннюю желтоватую траву, щедро покрытую утренней росой, скомандовал:

– Вот что, орлы! Вы сейчас быстро спускайтесь с холма, громко крича при этом, мол, обнаружили погоню и ужасно испугались… А я погуляю здесь немного. Швелька, дай-ка мне твой кистень! Давай-давай, не жадничай…

– А чего кричать-то? – спросил Бровкин, непонимающе округляя свои большие, «коровьи» глаза.

– Чего хотите – то и вопите! Лишь бы погромче да поиспуганней… У самого подножия холма разворачиваетесь и дожидаетесь моего сигнала. Как только прокукарекаю, так и возвращайтесь… Ну, поехали, что ли!

Повозка быстро понеслась вниз с холма.

– Эге-гей! Преображенцы – на помощь! – в два голоса истошно заорали Алёшка и Швелька. – Убивают! Караул! Эге-гей!

Усмехнувшись, Егор спустился с холма метров на пятнадцать, туго натянул верёвку над просёлком – сантиметрах в семидесяти от земли, надёжно закрепив концы к толстым рябинам, росшим по разные стороны от дороги, прошёл ещё немного вперёд, залёг в ближайших густых кустах ракитника.

Через некоторое время послышался громкий конский храп, сопровождаемый азартным гиканьем, на вершину холма выехали три всадника.

– Вон они, подлые вороги! За мной, живо! – мрачно скомандовал «белый кафтан», указывая рукой на удаляющийся возок, истово пришпорил своего коня и устремился в погоню, его спутники послушно последовали следом…

Через несколько секунд, встретившись с туго натянутой верёвкой, кони неуклюже закувыркались по склону холма, подминая всадников… Егор мигом выскочил из своего укрытия, ножом в двух местах чиркнул по натянутой верёвке (пригодится!), подбежал к ближайшему противнику, сразу же вылетевшему из седла, всмотрелся.

– Больно-то как, Господи! Нога, больно, сломал, наверное… – чуть манерно запричитал пострадавший.

«Да это же Мишка Тыртов, пэдораст известный! – непонятно чему обрадовался внутренний голос. – И зачем тебе трое

пленных? У этого, тем более, нога сломана. Двойной открытый перелом, сразу видно. Возись с ним, голубым уродцем…»

– И то верно! – пробормотал Егор себе под нос и резко взмахнул кистенем…

Но в последний момент он благородно остановился, сплюнул, брезгливо отбросил кистень в сторону и неторопливо пошёл дальше. Даже вязать-спутывать Тыртова не стал: куда он со своей сломанной ногой сбежит с этой подводной лодки?

Второй невезучий всадник ударился головой о свежий берёзовый пенёк и пребывал, по этому случаю, в полностью бессознательном состоянии. Наскоро связав ему верёвкой руки-ноги, Егор, наконец, подошёл к «белому камзолу», придавленному своим, судя по всему, уже мёртвым конём.

– Помоги, добрый человек, ногу мне придавило, помоги, – жалостливо и тоненько стонал мордатый детина, по чьим пухлым щекам текли крупные слёзы. – Я отблагодарю. – И тут же замолчал, видимо, узнав Егора (то есть – Алексашку).

Егор поднёс ко рту сложенные рупором ладони, звонко и задорно прокукарекал, после чего вежливо спросил, прожигая мордатого совсем даже недобрым взглядом:

– Как зовут тебя, гнида подзаборная? Отвечать!

– Матвеем меня кличут, Шошин я, дворянин столбовой…

– Дерьмо ты прошлогоднее, засохшее, а не дворянин, – незлобиво усмехнулся Егор…

Очередная рабочая планёрка состоялась уже после обеда. Кроме Егора, Петра, Никиты Зотова и генерала фон Зоммера на нём присутствовали ещё Алёшка Бровкин и Швелька, которые страшно смущались, а на грозного царя старались и вовсе не смотреть.

Пётр в этот раз был в одних несвежих подштанниках до колен и в рваной на спине льняной рубахе, от царских немытых ног явственно попахивало диким зверёнышем.

Егор, впрочем, за время своего недолгого пребывания в семнадцатом веке уже успешно притерпелся и «принюхался» – к самым разным запахам и ароматам…

– Ну, и где эта старая гадина Фогель? – строго спросил Зотов, невзначай поигрывая японской метательной звёздочкой, изготовленной самим Петром (большим охотником возиться с разным железом) по чертежу Егора. – Что, упустили, голодранцы?

– Упустили, Никита Моисеевич! – сознался Швелька, красный, как хорошо проваренный речной рак. – Виноват. С утра приехали к нему домой, а нет его, улетела наша птичка! Я тут же прислугу допросил, жёстко…, – боязливо покосился на Егора. –

Оказалось, что наш доктор ещё со вчерашнего вечера уехал – весь, без остатка. Передал мне эти ядовитые глазные капли и тут же начал собираться в дальнюю дорогу… Уехал на самом закате, по направлению к Пскову. Я уже послал в погоню десяток семёновцев, на лошадях, конечно же, бляху свою дал капралу…

– Что?! – тут же весенним голодным медведем взревел фон Зоммер. – Что ты сейчас сказал, смерд? Ты послал десять семёновцев? Во главе с капралом? Ты? Даже не он? – Генерал ткнул пальцем в Егора. – Застрелю, сукина сына…

– Молчать! – Пётр стукнул своим кулачищем по столу. – Потом разберётесь, кто у вас главный! Что там ещё раскопали? – вопросительно посмотрел на Егора. – Что ещё за голубая молния такая?

Егор неопределённо пожал плечами:

– Сам пребываю в полном недоумении, государь, поверь! Уже даже и не знаю, чего думать-то… Не слышал никогда о таком…

– Божья рука это! – принялся истово креститься Зотов. – Божья рука покарала этого злодея бесстыжего! Провидение это, ей-ей…

– Успокойся, Зотыч! – недоверчиво усмехнулся Пётр и строго посмотрел на Бровкина: – А что у нас с пропавшими иноземцами?

Алёшка тут же смутился, его широкое лицо покрылось овальными розовыми пятнами и мелкими бисеринками пота, но ответил он достаточно внятно и доходчиво:

– Никак не могут найти кавалера Монтиньи! Его слуга уже обегал полгорода. Говорит, что сегодня утром они с господином должны были выехать на Варшаву. А Монтиньи, он непонятно откуда и появился. Думали, что из иезуитов. Проверили – так и нет… Слуга его говорит, что появился тот Монтиньи в Варшаве из ниоткуда.

Кто он, чего? Неизвестно… Вот, возжелал проехаться в Россию. Проехался…

– Ладно, Бог с этим Монтиньи! – строго вымолвил Егор. – Всё равно ничего непонятно! Кстати, смерть Одоевского мы спишем на мерзавца Фогеля: мол, подсунул, сукин кот, вместо глазных капель какую-то богомерзкую отраву. Слухи уже распускаем… Распускаем слухи? – строго посмотрел на Швельку.

– Конечно, командир! – торопливо закивал тот головой. – Рыбные ряды только об этом и говорят без устали, целовальники в кружалах о Фогеле-злодее сказки страшные рассказывают…

– А ну-ка помолчите, оглоеды! – сердито велел царь и очень внимательно посмотрел на Егора. – Объясни-ка мне, охранитель, а чем это я так насолил – всяким и разным кавалерам Монтиньи?

Егор задумчиво почесал правую бровь, нахмурился,

неопределённо покачал головой, закашлялся…

– Отвечай, холоп, коль я велю! – тут же вскипел Пётр. – Запорю до самой смерти! Сгною в сибирском остроге!

– Боятся они, суки, то бишь политики европейские, тебя до полного безумия, государь, надо предполагать! – очень вдумчиво и значительно поведал Егор.

– Меня боятся? С чего бы это вдруг?

– Упрям ты больно! Если решил чего, так никто и не остановит… А вдруг тебе придёт в голову сделать из России великую державу? К морям выйти? Флот построить знатный? Торговлю наладить серьёзную, всякое иное? А?

– Захочу – так и сделаю!

– Вот то-то и оно! Знать, деньги потекут в казну российскую, вместо карманов иных, европейских… Вот и нервничают наши худосочные иноземцы, опасаются тебя!

Пётр громко и довольно засопел, подошёл к Егору, крепко обнял, влюбленно заглянул в глаза, звонко расцеловал…

Вечером в своей крохотной комнате-кладовке (напротив – через узкий коридор, от царской опочивальни), на кровати, Егор обнаружил странную записку.

«Обычная немецкая бумага из тряпок и ветоши! – определил первым делом. – Гусиным пером писано, чернила самые обычные, Лефорт такие поставляет из Берлина на Москву. Ага, одни только цифры – в шестнадцать рядов, аккуратно так всё выписанные… Стоп! Да это же шифр, один из тех, которым Томас Самуилович обучал меня в Москве!»

Он вытащил из-под кровати (из-под нар – чего уж там!) плоский невзрачный ларец, откинул крышку, достал с самого дна ларца маленький бумажный листок и обломок хорошо заточенного самшитового уголька, стал делать в уме необходимые вычисления, постепенно перенося на бумагу зашифрованный текст. Минут через десять-двенадцать негромко прочёл вслух:

– Спасибо за хорошо выполненную работу! По техническим причинам следующего агента «экспериментаторы» могут внедрить (заместить) очень нескоро. Поэтому продолжайте совершенствовать охранную структуру. Готовьте подробные записи и пояснения для вашего преемника, который заменит вас по истечении срока Контракта.

Ваш соратник.

Дни замелькали – один за другим, проносились мимо недели и месяцы. Служба крепчала, обрастала новыми официальными сотрудниками и абсолютно тайными агентами…

Егор лично, по мере возможности, конечно, проводил занятия по восточным единоборствам. И у Волкова, и у Алёшки Бровкина к этому искусству обнаружилась сильная природная склонность, дополняемая и некими знаниями по русскому бою рукопашному…

Впрочем, Егор никогда не делал акцентов на важности знания навыков единоборств разных: по-настоящему действенный охранитель – он многими искусствами должен обладать, комплексно, так сказать, опираясь на командную сплочённость…

Егор даже уговорил Лефорта дать вольную старику Вьюге. Теперь Вьюга, по отдельному поручению, взял на себя непростые функции «службы внутренней безопасности», тщательно контролируя деятельность всех других Егоровых сотрудников и подчинённых.

Всё шло строго по заранее составленным планам и графикам, даже скучно становилось иногда, даже хотелось, исподволь, чтобы неожиданность произошла, хоть какая-нибудь…

Набрали ещё порядка семисот солдат, Преображенский и Семёновский батальоны начали прямо на глазах превращаться в полноценные, хорошо обученные полки. Из Пушкарского приказа доставили три десятка новеньких пушек, мортир и единорогов, постоянно проводились полноценные учебные стрельбы – настоящими ядрами и специальными картечными гранатами.

Окончательно достроили и крепость Прешпург, расположенную очень удобно – со стратегической военной точки зрения: недалеко от берега Яузы, чуть пониже по течению – относительно Преображенского дворца. Крепостные стены сделали выше и шире, укрепили надёжными дубовыми сваями, снаружи выкопали глубокие и широкие рвы, на углах стен возвели крепкие башни с бойницами, из которых высовывались грозные орудийные жерла. Посредине крепости построили различные жилые помещения, выкопали глубокие и надёжные погреба, где разместили солидные продовольственные и огневые запасы.

– Запросто, если будет надо, переживём полугодовую осаду! – уверял фон Зоммер, даже слегка помолодевший от всех этих весёлых дел и нововведений…

Да и многие знатные люди, из тех, что поумнее, полюбили наезжать в Преображенское, участвовать в разных потехах: кто – в серьёзных воинских, кто – в пьянственно-беззаботных… Борис Алексеевич Голицын да братья Стрешневы бывали чуть ли не каждый день, сам князь Фёдор Юрьевич Ромодановский, мужчина весьма достойный, появлялся неоднократно…

Егор же по-настоящему подружился со своим сверстником

Яковом Брюсом. Как без настоящего друга, да ещё во Времена такие – тяжёлые и мрачные? Был Яшка из рода обрусевших шотландских дворян, в его генеалогическом древе имелись и самые натуральные короли шотландские.

Брюс был очень любопытен и интересовался всем подряд: начиная с классической математики и астрономии и заканчивая откровенной алхимией. А ещё Яков обожал долгие и вдумчивые беседы – о литературе, поэзии и философии. Когда Егора охватывала беспричинная тоска, он всегда, прихватив из царских кладовых несколько бутылок хорошего вина, приезжал в дом Брюсов на Якиманке. Сидели у камина, болтали о всяком разном, строили планы на будущее…

– Эх, съездить бы в Европу! – мечтал Яшка. – Посмотреть там всё, поговорить с тамошними мужами учёными, накупить книжек! Как ты, Саша, мыслишь: отпустит меня Пётр Алексеевич в Европу?

– А что не отпустить? – обнадёживал друга Егор. – Отпустит обязательно! Мало того, он и сам уже подумывает о вояже европейском…

К зиме 1689 года Наталья Кирилловна вдруг решила женить сына. Присмотрела подходящую и миловидную невесту – Евдокию Лопухину, из древнего, но обедневшего дворянского рода, сама тщательно осмотрела молодуху, поговорила с ней – долго и вдумчиво, потом позвала к себе Егора – посоветоваться.

– Как тебе, охранитель, Евдокия? – спросила, строго нахмурив свои собольи брови. – Если что не так, и ты имеешь серьёзные возражения, подозрения, то сразу сказывай о том!

Совсем не нравилась Егору государева невеста: глупа, ограниченна, слаба, подвержена влиянию любого, кто её сильней внутренне. Но не имел он права по заключённому Контракту вмешиваться в течение Истории… Поэтому ответил, насколько мог убедительно, глядя на царицу честными, до полной невозможности, глазами:

– Хорошая жена получится из Евдокии Лопухиной! Очень хорошая! Полностью, высокородная Наталья Кирилловна, одобряю ваш выбор, смело засылайте сватов! Только вот одно…

– Говори, охранитель, говори! Егор заиграл желваками на скулах:

– Эти её родственники многочисленные, дядья да братья – родные и двоюродные… У всех Лопухиных глаза голодные, жадные, злые, хитрые. Так и зыркают по сторонам, будто высматривают, что бы такого стащить…

– Что есть, то есть! – согласилась матушка Петра. – Можешь гнать их в три шеи… Нет, не прямо сейчас, попозже. Вот сыграем

весёлую свадьбу, недели через две и давай… Но чтобы повод был веским: пусть кто-нибудь из них попадётся на откровенном воровстве, или начнёт нагло приставать к нашим девкам дворовым… Ну, не мне учить тебя, охранитель…

Свадьбу сыграли, Лопухиных от двора отвадили. Всё бы и ничего, так новая напасть… Царь был теперь человеком женатым, поэтому «гарем» – вместе с «маткой» Толстой – пришлось потихому перебросить в отдалённую деревушку Петровку, да и количество свиданий с прекрасной и умелой Анхен резко сократить. Сильно не понравилось это Петру, посопел он недельку-другую, поскрипел зубами, да и нашёл новый отличный повод сбежать из дворца Преображенского.

Старый Картен Бранд, опытный корабельщик, давно уже предлагал царю организовать на берегу Переяславского озера настоящую судостроительную верфь, только слегка уменьшенную. К кораблям (как, впрочем, и к воинским потехам, женщинам и токарно-слесарным работам) Пётр всегда испытывал определённую слабость, мог часами рассматривать голландские и немецкие гравюры, на которых были изображены эпизоды морских сражений и баталий, завороженно изучать чертежи корабельных деталей, повторять названия хитрых парусов…

Вот и появился на свет строгий царский Указ, в соответствии с которым и была заложена вышеозначенная верфь. На берег озера пригнали семьдесят душ монастырских крестьян, обученных плотницкому и кузнечному ремеслам, да ещё столько же – обычных землекопов. А ещё чуть позже и два десятка молодых баб добавили – усердно паруса шить корабельные. Для комплектации непосредственно судовых команд из Семёновского и Преображенского полков было отписано с полсотни солдат (из тех, кто посообразительнее) – обучаться основам непростого морского дела под руководством португальца Памбурга, человека злобного и вспыльчивого, но, безусловно, опытного и знающего. Было оперативно выстроено необходимое количество жилых изб, бараков, амбаров, бань, погребов. Естественно, что и царский «гарем» перебрался поближе к Переяславскому озеру в самые кратчайшие сроки…

Дела уверенно пошли в гору: вскоре на верфи было заложено четыре серьёзных судна, способных плавать на большие расстояния и нести на своих бортах серьёзное пушечное вооружение. Особенно хорош получился трёхмачтовый бриг «Стольный град Прешпург»: тридцать восемь широченных царских шагов в длину, с крутым носом, украшенным деревянной скульптурой морской богини, выкрашенной золотой краской, под верхней палубой с каждого борта высовывалось по восемь

бронзовых пушек.

Большую часть времени теперь царь и его ближайшие соратники проводили на берегу Переяславского озера наведываясь в Преображенский дворец раз в месяц – на два-три дня, не больше. Егора сильно беспокоили только два обстоятельства: во-первых, приближалось время решающего столкновения с Правительницей Софьей (события, известные ему из учебника истории), во-вторых, как-то странно и подозрительно начали блестеть глаза у Швельки, который оставался во дворце старшим по всем охранным мероприятиям на время, когда Егор сопровождал Петра в его частых поездках на переяславскую верфь.

С первым делом всё было достаточно просто: по настойчивой просьбе Егора царица Наталья Кирилловна загодя съездила в Троицкую лавру, привезла архимандриту Викентию богатые подарки, наговорила целую кучу цветастых комплиментов, заручилась твёрдыми обещаниями приютить в чёрный день.

Генерал Теодор фон Зоммер выставил вдоль берега Яузы многочисленные караулы, вооружённые пищалями и немецкими ружьями, на стенах Прешпурга ночами постоянно горели яркие факелы, возле заряженных пушек дежурили только самые опытные и надёжные солдаты.

Никита Зотов взялся за подготовку путей отхода на самый пиковый случай: если стрельцы пойдут на внезапный и решительный штурм силами нескольких полков.

В Троицу заранее были завезены солидные продовольственные припасы, на всех перегонах разместились специальные подменные команды – со свежими лошадями и полевыми кузницами.

Существовал и специальный секретный регламент, написанный Петром под диктовку Егора (Алексашка Меньшиков до сих пор считался пареньком безграмотным) на случай спешной эвакуации в Троицу, где были очень подробно и доходчиво расписаны все действия, обязанности, очерёдность и ответственность…

А вот что касается Швельки… Мало того, что глаза у него нехорошо блестели, так ещё пару раз уходил он в неизвестном направлении от дворца, подозрительно оглядываясь по сторонам. Об этих случаях Егору доложили его личные агенты, о существовании которых не знала ни одна живая душа. Стоило незамедлительно разобраться с этой неприятной и скользкой ситуацией…

Вечером Егор засобирался в город, велел Алёшке Бровкину

запрячь двуколку.

– Что, командир, решил навестить Степаниду Титовну? – нарочито небрежно поинтересовался подошедший Швелька.

– Да, знаешь ли, решил навестить, – так же небрежно ответил Егор. – Завтра опять уезжаем на озеро, Вьюга говорит, что у него ломит поясницу, а это, мол, к сильным ветрам… Будем «Стольный град Прешпург» испытывать – под всеми парусами! Сколько пробудем на озере? Может, неделю, а может – и все три. Кто же знает точно? Тут уж как Петру Алексеевичу угодно будет… Поеду, повидаюсь со Стешенькой. Когда-то ещё свидимся? А все строгие наказы я тебе с утра дам, подробно, уже перед самым отъездом. Сейчас очень тороплюсь, извини, не хочу терять времени… Эй, Алёшка, подавай!

Он разместил в заднюю часть возка объёмистый узелок с гостинцами, из которого торчали узкие горлышки двух бутылок с «Мозельским», сам уселся на облучок, поехал, нетерпеливо покрикивая на коней, в сторону моста через Яузу. У всех, кто видел этот отъезд, должно было создаться устойчивое впечатление, что он очень торопился на встречу со своей зазнобой.

Да, приблизительно через полгода после своего появления в семнадцатом веке Егор завёл себе постоянную подружку. А что ещё оставалось делать, если природа и молодость брали своё? Тем более что и в покинутом на пять лет мире его никто, собственно, и не ждал… Долго выбирал, наконец, остановился на Степаниде, двадцатипятилетней купеческой вдове, женщине весьма достойной во всех отношениях: фигуристой, богобоязненной, в меру страстной.

«Эх, а ведь действительно надо было проведать Стешку! Скучать будет, бедняжка…» – всерьёз опечалился Егор, свернул за молоденькую берёзовую рощицу, вставил в специальное отверстие в дне повозки длинный бронзовый стержень, каблуком сапога вбил его глубоко в землю, повесил на морды лошадок холщовые мешки, наполненные отборным овсом. Ещё до наступления темноты он, осторожно пробравшись через рощу, залёг на невысоком холмике, с которого открывался неплохой вид на Преображенский дворец.

Примерно через час в лунном свете мелькнула знакомая низенькая фигурка, вскоре в стороне замелькал одинокий огонёк.

«Ага, это он запалил факел! – догадался Егор. – Куда ж это он направляется, чудак такой? Не иначе – в сторону Кукуя…» – непонимающе передёрнув плечами, он осторожно двинулся следом, отставая от Швельки метров на сто двадцать…

Неожиданно сквозь ветки ракитника впереди замаячило

маленькое светлое пятнышко. Вскоре Егор понял, что на крохотной полянке, что располагалась сразу за старым дубом, разбитым молнией на три составные части, горел весёлый костёр. Очень осторожно, стараясь, чтобы под ногой предательски не хрустнула сухая ветка, он подошёл к дубу. Странно, после страшного удара молнии прошло уже два года, но могучее дерево выжило: во многих местах почерневшая тогда кора была густо покрыта нежной зелёной порослью.

Преодолев центр разлома дубового ствола, Егор осторожно выглянул из-за него, прикрываясь молоденькими дубовыми веточками. В восьми-девяти метрах от покалеченного лесного великана вокруг большого и жаркого костра сидели трое: Швелька – его лучший и самый способный сотрудник, практически – «доверенное лицо», и двое здоровенных мужиков – матёрых, с лицами, не заслуживающими никакого доверия: сплошные кривые шрамы, рваные ноздри, холодные и страшные глаза. Бугаи такие – полностью отвязанные…

Швелька, давясь и перхая, выщедил до дна оловянный стаканчик с какой-то неизвестной жидкостью, браво крякнул, отставил стаканчик в сторону, несколько раз подряд громко икнул.

– Как всё получилось? Да этот Александр Данилович оказался полным дурнем, бестолковкой обычной. Не, сперва-то я думал, что он – из настоящих псов, вмиг меня выведет на чистую воду и прикончит самолично… Чего-чего, а в этом он – дока. А потом смотрю, а он всякое враньё принимает за чистейшую правду, да ещё и денег платит за это. Ну, и давай его старательно грузить всяким разным. Опаньки, а он мне верит! Короче говоря, я теперь у него хожу в верных помощниках! Правда, этот мерзкий старикашка Вьюга что-то подозревает, копает под меня старательно…

– Может, мы этого Вьюгу – того, по-тихому… – предложил один из «бывалых», резко проведя по своему горлу длинным грязным ногтем большого пальца.

– Не стоит! – презрительно скривился Швелька. – Учишь вас, сиволапых, учишь, а толку никакого… Всё – прирезать или дрыном вмазать сзади по башке! Мы сделаем по-другому. По-умному. Завтра, сразу после утренней трапезы, они все уезжают на Переяславское озеро – кататься на построенном корабле, там и пробудут с неделю, а то и поболе. И Пётр уезжает, и Меньшиков, и генерал. А Зотов со Стрешневым и Голицыным как раз в Москву собрались – по делам денежным, ефимок выпрашивать у правительницы Софьи… Так что, считай, я в Преображенском останусь за самого главного. Вот слушайте сюда. Завтра, на

самом закате, я сниму кобелей от северного забора, пролезете через лаз, где доски отгибаются в сторону, я вам показывал на той неделе… В светёлке, что сразу за луковой башенкой, я оставлю круглое окошко открытым. Влезли, сразу направо – там молельня. Мощи Святые заберите – они в золотой оправе, а ларец, где они хранятся, сам весь в самоцветах чудных, денег стоит немалых. Зотыч сказывал, что, мол, целых триста пятьдесят рублёв… Иконы берите только те, что висят на дальней стенке. Ясно? В коридоре за дверью – сундучок стоит, и его прихватите с собой. Что там? Не знаю. Но старая царица, Наталья Кирилловна, очень уж им дорожит. Потом там вещи Вьюги разбросайте – вот его войлочный колпак, пояс, фляга…

– А ты-то как? – заботливо спросил второй бугай. – С тебя-то не спросят потом?

– Чёрт, чуть не забыл! – долетел до Егора тоненький голосок Швельки. – Подставного с собой обязательно возьмите. Долю пообещайте малую. Как будете уходить через окошко, так сразу его, родимого, и кончайте. Только ножом, чтобы много ударов было – во все места… Ещё с собой возьмите большую флягу со свиной кровищей. Когда будете отходить к забору, то следом лейте кровь. Щедро так лейте! Я потом ножом у себя жилу кровяную открою около плеча, меня и найдут – рядом с мёртвым терпилой. Мол, я воров пытался задержать, одного убил, второго ранил, да и самому досталось, вот душа меня и оставила – на время… Думаю, медаль ещё дадут, да и серебра отсыпят, опять же…

– Голова ты, Швелька, голова! – дружно забухтели бугаи.

Егор резко развернулся и медленно пошёл назад: от поляны к селу Преображенскому вела только одна дорожка, натоптанная Потешными полками, ночью лесом в обход не пойдёшь по доброй воле… Он спрятался за знакомым толстым вязом. Ожидание – дело привычное: пять минут, десять, двадцать, час. Визуально, понятное дело, сугубо на ощущениях…

Ага! Вот где-то вдали послышался весёлый беззаботный свист, это Швелька, довольный жизнью и самим собой, следовал к месту постоянной дислокации. Как только неверный сотрудник прошёл мимо вяза, Егор одним прыжком оказался на просёлке, сильно и резко ткнул костяшками пальцев правой руки предателя в область копчика, в строго определённую болевую точку.

– Ох, ты! – выдохнул Швелька, медленно и плавно опускаясь на колени.

Одна рука крепко обхватила шею молодчика, другая – голову. Резкий рывок, противный громкий хруст… Он просто развёл руки в стороны и спокойно пошёл дальше, тело, негромко стукнувшись

о землю, осталось лежать безвольной тряпичной куклой на тропе. Приберутся потом, благо – было кому…

Жалко было Швельку? Безусловно – жалко! Да вот Времена эти… Не любили здесь слабых. В том плане что сжирали тут же, без лишних разговоров, а кости обгладывали добела и выплёвывали…

Егор вернулся к оставленному возку, снял с лошадиных морд уже пустые холщовые мешки, вытащил из земли тормозной штырь, забрался на облучок, громко щёлкнул кнутом. Совершенно не заботясь о тишине, безалаберно и беспечно напевая какую-то глупую песенку, он, ориентируясь только на лунный свет, подъехал к первому кольцу постов (покойным Швелькой и выставленному), громко чихнул.

– Стой! Кто следует? – тут же отозвался слегка испуганный голос. – Назовись, путник! Стрельну же!

Широко улыбнувшись, Егор гордо ответил:

– Царёв охранитель следует!

Ранним-ранним утром – солнце ещё только робко выглядывало из-за линии горизонта, он совершенно беспардонно растолкал крепко спящего Бровкина.

– А, что? Уже отъезжаем? – разволновался Алёшка, старательно протирая заспанные глаза.

– Да тихо ты, увалень, не шуми! – сердито зашептал Егор. – Давай, быстро одевайся и выходи на двор! Разговор есть серьёзный…

Алёшка, зевая сладко и безостановочно, наконец, выбрался на свежий воздух, зачем-то мелко перекрестился на утреннее солнышко, неловко и сонно присел на высокую завалинку рядом с Егором, ещё раз бестолково спросил:

– Так когда едем-то, Данилыч? – завертел головой, прислушиваясь к приглушённому тоскливому вою. – Что это, никак Хмурый блажит? Что это с ним, заболел? А где же наш Швелька? Дрыхнет ещё, лентяй?

– Сколько вопросов! – невесело усмехнулся Егор. – Отвечаю – по мере их поступления. Ты с нами сегодня на озеро не едешь…

– Как, почему?

– Так, по кочану! Слушай очень внимательно…

Егор подробно рассказал Бровкину обо всех событиях прошедшей ночи. Алёшка слушал, пребывая в полном обалдении и недоверчиво качая головой, в самом конце рассказа выдохнул расстроенно:

– Как же так, Швелька? Как же так? И зачем тебе это было надо? Как теперь это втолковать Хмуру? Он же не поймёт…

– Жадность русская всему виной! Пожирней, погуще и вообще – желательно на халяву! Ладно, Лёша, не грусти! – посоветовал, поднимаясь с завалинки, Егор. – Остаёшься здесь главным. Как мы отъедем, так подбери там Швельку, похорони, как полагается, Хмурого утешь… Да, завтра на закате убери собак от северного забора, возьми с собой двух солдат с ружьями, успокой тех двух бугаёв с ноздрями рваными…

К осени – в строгом соответствии с исторической хронологией – свергли и заточили в Новодевичьем монастыре правительницу Софью. Кому надо было отрубить головы – отрубили, кого надо было сослать – сослали, всех отличившихся щедро наградили… Егор даже получил чин поручика – года на полтора раньше, чем настоящий Меньшиков!

Пытался, конечно же, помня о Контракте, отказаться, да куда там. Пётр был непреклонен, даже гневаться начал всерьёз, устав уговаривать. Пришлось согласиться…

Вот тогда-то Егор и совершил фатальную ошибку, благодаря которой и вся эта история получила совершенно другое продолжение, в корне отличное от сценария, разработанного мудрым Координатором…

Глава седьмая
Цена доброты и одна странная тайна

Случилось всё как-то буднично, случайно, без всякой задней мысли. А вот последствия этого происшествия оказались, в конечном итоге, куда как серьёзными…

Осозналось это, правда, только через много лет…

После того, как царевну Софью заточили в Новодевичий монастырь и путь к власти был свободен, Пётр неожиданно для всех расслабился и в Москву совершенно не торопился. Дождались, когда вся знать разъедется – кто куда, проводили в Преображенское высокородную Наталью Кирилловну и царицу Евдокию с младенцем Алексеем и всей весёлой компанией проверенных и верных сподвижников, в сопровождении Преображенского и Семёновского полков, а также царского «гарема», проследовали в Александровскую слободу, где и встали воинским лагерем – рядом с догнивающими развалинами дворца царя Ивана Четвёртого.

Первым делом закатили на трое суток крепкую пирушку, со всеми обычными кукуйскими непотребностями: пьянством до потери сознания, купаньем лунной ночью в ближайшем пруду совместно с голыми гаремными девками, шутливыми скачками верхом на упитанных деревенских свиньях… На четвёртый день хмурый Пётр, неожиданно для всех, велел попойку завершить и устроить потешное сражение между преображенцами и семёновцами.

Тут-то Егор и вспомнил: если верить роману Алексея Толстого, то именно во время этих воинских учений генерал фон Зоммер и должен был, упав с норовистой лошади, сильно покалечиться и через некоторое время – успешно помереть. Жалко было бедного Теодора…

«Хороший ведь мужик! – без устали нашептывал внутренний голос. – Умный, добрый, храбрый! Ну, может, того… А?»

Часа два бродил Егор между почерневшими срубами старинного дворца: рассуждал, взвешивал, спорил сам с собой… С одной стороны – Контракт, а с другой – славный старикан, которого он за время их двухлетнего знакомства успел искренне полюбить…

«Да, ладно тебе, трусишка! – упорствовал внутренний голос. – Никто ничего и не заметит! Подумаешь, старенький генерал… Координатор ведь сам тогда говорил, мол, издержки – ерунда! Главное – царя Петра охранять! Ну, будем проявлять

элементарное человеколюбие – или как?»

А тут ещё Яшка Брюс – друг закадычный, философ доморощенный, рыженький потомок древнего рода шотландского. Королевского рода – как Яков уверял всех, пребывая в крепких объятиях Бахуса. Что-то Брюса в последнее время стало регулярно пробивать на разговоры – с заумной подоплёкой: о смысле жизни, о переселении душ, где есть правды суть, что истина представляет из себя…

В конце концов, Егор принял судьбоносное решение: заманил, совместно с Алёшкой Бровкиным, фон Зоммера в дальнюю землянку на самой окраине слободы, напоил до полного беспамятства, да и запер дверь снаружи на крепкий засов, предварительно оставив на столе энное количество выпивки и закуски.

– А где же наш генерал Зоммер, жопа старая? – недовольно поинтересовался Пётр перед началом шутейной баталии. – Перепил, что ли?

– Есть немного! – браво доложил Егор. – Печень слегка прихватило у дедушки! Ничего, мин херц, я вместо него покомандую семёновцами! Фон Зоммер мне велел заменить его в этот раз…

Царь только хищно усмехнулся:

– Ну, тогда держись, господин поручик Меньшиков! Во главе преображенцев я сам тогда встану, лично…

Учебное сражение продолжалось трое суток с небольшим: побили в воинской горячке кучу крестьянской скотины, неосторожно гулявшей в осенних полях, да и служивого народу знатно покалечили – человек двадцать…

– Отбой, объявляю полное перемирие! – устало объявил Пётр. – Все молодцы, знатно потешили своего царя! Победителей нет, быстро собираемся домой… А ты, Алексашка, далеко пойдёшь, братец! Так и генералом станешь ещё, если буйну голову не отрублю тебе, паршивцу, когда – под горячую руку…

На долгожданное освобождение генерала Егор послал старика Вьюгу. Через некоторое время явился, слегка пошатываясь и сильно икая, полупьяный и ужасно опухший фон Зоммер, поорал от души на Егора – минут десять-пятнадцать, а потом неожиданно смутился:

– Ты, Данилыч, это… Тоже – сильно не обижайся! Я там твоему старому холопу, что дверь отворял в землянку, в гневе пьяном голову проломил. Табуретом… Кончается он, похоже. Тебя, бедняга, зовёт. Поторопись уж…

– Эх, незадача! – скорбно помотал головой Егор и быстрым шагом направился к дальней землянке. Следом за ним поспешили

Алёшка Бровкин, Василий Волков, ещё кто-то – из верных сотрудников…

Вьюга, действительно, умирал: седая голова была наспех обмотана какой-то серой тряпкой, на дрожащих губах лениво пузырилась розовая пена, на совершенно белом морщинистом лице выступили мелкие капельки холодного пота…

– Нагнись, Данилыч, нагнись ко мне! – с трудом произнёс несчастный старик и, дождавшись, когда ухо непосредственного начальника приблизится к его губам, совершенно неожиданно прошептал: – Егор Петрович, гони ты всех этих любознательных зевак куда подальше! Мне тут много важного надо тебе сказать…

Ничего ещё толком не понимая, Егор невежливо выгнал из землянки всех любопытных, плотно прикрыл низенькую дверь, зажёг толстую свечу, присел на табурет (очевидно, тот самый, послуживший орудием убийства), стоящий рядом с нарами, на которых лежал этот странный умирающий человек, знавший его настоящее имя-отчество.

– Слушаю тебя, Вьюга. Говори! Старик печально улыбнулся:

– Какой я тебе Вьюга? Меня зовут… Впрочем, это уже совсем неважно… Привет тебе – от Координатора!

Егор понятливо вздохнул:

– Следовательно, это вы делали инъекцию настоящему Алексашке Меньшикову?

Вьюга утвердительно кивнул забинтованной головой.

– И за мной усердно присматривали, чтобы я Контракт не нарушал, в течение Прошлого намеренно не вмешивался? Записку шифрованную – тоже написали вы?

– Более того, при завершении вашей пятилетней смены, Егор Петрович, именно я и должен был сделать соответствующий укол, чтобы вы вернулись обратно… Не судьба, видно, умираю, мне ничем уже не помочь… В семнадцатом веке такие серьёзные раны ещё не научились лечить успешно…

– А как же теперь я? – забеспокоился Егор. – Ну, когда истечёт срок Контракта?

– Не знаю, честное слово! Мой перенос сюда готовился на протяжении восьми с половиной лет… И то – откровенно повезло. «Окна в Прошлое» – редкая штуковина, их высчитывать надо, ловить – в буквальном смысле… То же касается и обратной дороги…

Егор звонко хлопнул ладонью себя по лбу:

– Где у вас хранятся запасы этой сыворотки? Ведь, наверное, все равно, кто вколет инъекцию? Координатор заранее (уж – как-нибудь!) сообщит точное время, тот же Яков Брюс и сделает мне укол… А?

– Ничего не получится! – болезненно и недовольно поморщился умирающий старик. – Я и есть тот сосуд, где хранится эта волшебная «микстура», то бишь – моя кровь… Сам не знаю, в чём тут фокус, не спрашивай… Только кровь надо забирать из вены не позднее одного часа – до момента переноса…

Егор внимательно всмотрелся в морщинистое лицо Вьюги, неожиданно отметил про себя: «Да он же определённо похож на Томаса Самуиловича! Почему я раньше не замечал этого?» А вслух негромко подытожил:

– Следовательно, я завис в семнадцатом веке, в облике Александра Меньшикова – на совершенно неопределённое время? Без всякой внешней помощи и поддержки?

– Может, даже, и в восемнадцатом… – неловко утешил старик, тихонько вздохнул – и умер…

После всех этих неординарных событий (свержения правительницы Софьи, смерти Вьюги – верного агента Координатора) наступило какое-то вязкое и откровенно скучнейшее затишье.

«Хотя разве можно назвать многие и многие месяцы, проведённые в весёлом, бесшабашном и буйном пьянстве – затишьем? – спрашивал сам себя Егор и тут же уверенно отвечал: – Если с профессиональной точки зрения, то и можно! Царь-то всегда на виду, все его планы известны наперёд, для службы охранной – сплошное удовольствие, малина спелая – под тёплое парное молоко…»

Всё это время как-то удивительно и ёмко спрессовалось в один сплошной цветной калейдоскоп ярких и завлекательных картинок. Военные потехи равномерно чередовались с пьяными развлечениями.

То милые и где-то даже целомудренные посиделки в Немецкой слободе: с дружным распеванием застольных песен и плавными минуэтами – с разодетыми иностранными дамочками.

То посещения знатных боярских и княжеских дворов, сопровождаемые откровенным, бесстыдным и циничным беспределом. Вламывались бесцеремонно, жёстко и настойчиво требовали незамедлительно выставить на столы закуску и выпивку, напаивали самих хозяев – до полного беспамятства, после чего уже следовали и непотребства – касательно женского пола: всего, что под руку попадалось, независимо от происхождения и возраста… В этом последнем аттракционе Пётр всегда был на первых ролях…

А с теми, кто был такими невинными и милыми шутками недоволен и даже коварно сопротивление оказывал, особо не

церемонились. Кого-то выбрасывали из открытых окошек второго этажа, кого-то по-простому макали в ледяную прорубь и забывали достать…

Егор-то легче всех переносил последствия этих хмельных возлияний: и сачковал иногда, незаметно выливая спиртное куда придётся, да и два-три раза за неделю он умудрялся позаниматься единоборствами восточными – вместе с сотрудниками своей Службы. А вот всем остальным, включая царя, приходилось совсем и несладко. И если бы не мудрый Лефорт, то и непонятно, чем бы всё это закончилось…

Как-то весной 1692 года,[3] ранним ветреным утром, когда Пётр особенно сильно страдал от похмелья и обильного насморка, герр Франц заботливо предложил:

– Милый Питер, а не отдохнуть ли нам? Пьянство это беспробудное – зело надоело… Поехали в Архангельск-городок? Какой там воздух! Морской, свежий, солёный… Посмотрим на настоящие купеческие корабли. Девицы поморские, дебелые, опять же, очень уж хороши…

Какой из этих доводов оказался решающим – неизвестно, только царь тут же отдал однозначный и строгий приказ:

– Алексашка, сучий потрох! Всех будить нещадно, лошадей подать незамедлительно! Никого из забулдыг не отпускать по домам! Кто ослушается – немедленно на дыбу! Через час выезжаем в Архангельск! – Так сказал, будто речь шла об обычной прогулке в ближайшую стрелецкую слободу…

Всех мужей благородных, кто в ту ночь изволил ночевать в Преображенском дворце, без каких-либо исключений, Егоровы сотрудники и повязали – то есть вежливо (в исподнем, как вытащили из-под одеял и тулупов) рассадили по кожаным утеплённым возкам, следом закинули и верхнюю одёжку…

Многие так ничего и не поняли, Яшка Брюс ещё целые сутки отказывался верить в произошедшее и при одном только упоминании о славном городе Архангельске заходился в приступе смеха идиотического…

В прочные и коварные царские сети, кроме Брюса, также попали: Никита Зотов, Фёдор Юрьевич Ромодановский, горький пропойца Иван Бутурлин, Троекуров, Апраксин, полковник Менгден, Лефорт, чуть позже обоз догнал и думный дьяк Виниус – человек весьма дельный, умеющий быстро и грамотно составлять умные бумаги.

Почти три недели они тряслись по раскисшим весенним дорогам до Вологды, потом несколько суток плыли по реке Сухони до Великого Устюга (родине самого Деда Мороза!), там совершили короткий конный перегон, дальше уже поплыли на

неуклюжих чёрных карбасах – по светлой и тихой Северной Двине.

Свежий северный воздух подействовал на Петра самым удивительным образом: его щёки разрумянились, глаза, скучно-мутные весь последний год, снова ярко заблестели, дыхание сделалось совершенно чистым и бесшумным, без всяких глухих хрипов, пропала предательская вялость, движения вновь стали молодыми, резкими и порывистыми.

– Это что же – больше двух лет пролетело в угаре пьяном? – искренне недоумевал царь. – Сколько времени потеряно зазря! А вы, соратники хреновы, куда смотрели? Куда, я вас спрашиваю? Что хари-то наглые отворачиваете свои? Самим стыдно? Ладно, прощаю, не виноваты… Лучше вот посмотрите – какие красоты кругом!

Да, красота русского севера воистину завораживала: скупые, нежно-алые зори, светлая зеркальная речная гладь, высоченные острые скалы, берега, густо покрытые большими круглыми валунами, тёмно-синяя стена диких лесов, беспечные медведи, неуклюже плескающиеся на мелководьях, бесконечные шумные стаи перелётных птиц над головами. Егор зримо ощущал, как отдыхает душа, уставшая и помертвевшая – в этой столичной духоте и бестолковой суете…

В Архангельске Пётр получил новую пищу для дальнейших размышлений.

Более восьмидесяти пяти больших, разномастных торговых судов застыли у причалов и на самом фарватере великой северной реки. Безостановочно в их бездонные трюмы загружались знаменитые русские товары: круглый и пилёный лес, дёготь, рогожа, ворвань, пенька рыба, мёд, пушнина, лён… Над высокими мачтами гордо реяли полотнища самых разных флагов: голландских, валлонских, английских, немецких-торговых…

Пётр очень громко и пафосно восторгался кораблями, без устали переходя с одного на другой и задавая бессчётное количество вопросов. В какой-то момент царь пальцем поманил Егора в сторону, зло зашептал в ухо:

– Давай, Алексашка, бери с собой дьяка Виниуса и быстро чеши на берег. Там опроси русских поставщиков всего этого! – Пальцем указал на причальные стенки, плотно заставленные многоярусными широкими рядами бочек, мешков и кулей из рогожи. – Пусть дьячок все цены аккуратно запишет, ничего не пропуская. Всё понял? А я Лефорта усердно допрошу – на предмет тех же цен, но уже – за дальними морями. В Гамбурге там, например, в Роттердаме, Амстердаме… Сверим потом, сравним, посчитаем…

Вечером они, прихватив с собой умницу Брюса, заперлись в своей комнате, в крепком доме-пятистенке, специально, в спешном порядке, построенном на Масеевом острове – накануне царского приезда, посередине Северной Двины.

– Что там у тебя? Давай сюда! – нетерпеливо велел царь.

Он бросил бумаги свои и Егоровы, на новенький сосновый стол, еще остро пахнущий свежей стружкой, присел на широкую скамью, бережно достал из дорожного мешка флакон с чернилами, длинный футляр с остро отточенными гусиными перьями, углубился в расчёты, гневно и непонимающе шепча себе под нос:

– Тут у Лефорта всё расписано в гульденах, здесь – в ефимках. У тебя же всё – в рублях и алтынах… Как пересчитать-то? Давай, Брюс, кот учёный, помогай! Не лыбся, вражина, а то в морду дам…

Минут через сорок-пятьдесят, совместными усилиями, они пришли, всё же, к единому знаменателю.

– Вот они как, толстосумы иноверные! – всерьёз ярился Пётр. – Гады жадные, скопидомы! Это что же такое получается? На круглом лесе иноземцы имеют пятикратную прибыль? На пиленом – восьмикратную? На ворвани и дёгте – десятикратную? А на русской пушнине – и вымолвить страшно? Ведь так?

– Так, государь, так! – подтвердил Егор, заметив, что Яков утвердительно кивнул головой.

– Кончай поддакивать! Лучше посоветуй, что делать-то?

– Свои корабли строить надобно. Серьёзные, большие, чтобы самим плавать в те Гамбурги и Роттердамы…

Пётр громко и недовольно засопел:

– Корабли строить… Сам знаю про это! Да далёк Архангельск от Москвы. Да и море Белое замерзает надолго. Про моря другие, что лежат ещё севернее, не говоря…

– На Балтийское море выходить надобно! – предложил Яков, невозмутимо попыхивая своей голландской трубкой.

– На Балтийское? – Царь повысил голос. – Вы что, сговорились? Лефорт о том мне без устали дует в правое ухо, теперь вот вы – в левое… Потом – может быть. Потом…

Брюс невинно уточнил:

– Потом, это когда разберёмся с Турцией?

– Откуда знаешь? Князь Ромодановский распустил свой язык? Вот я ему, ужо… Да, есть у нас договор с Веной. Да, рано или поздно – заставят нас воевать Крым. Ладно, об этом потом поговорим, уже в Москве, обсудим, не торопясь, всё…

На берегу Северной Двины Егор и встретил окончание своего Контракта со странной и загадочной службой «SV». Прошло ровно

пять лет с момента его прибытия в семнадцатый век. Егор сидел на пологом берегу устья Северной Двины, наблюдая, как речные окуни бойко гоняют молодь морской наваги, вспоминал обо всём случившемся с ним, рассуждал о будущем… Было окончательно ясно, говоря бессмертными словами Павки Корчагина: «Смены не будет!» А что – будет?

«А будь что будет!» – решил про себя Егор и отправился на корабельную верфь, где звонко и весело стучали русские топоры…

Осенью они вернулись в Москву. Пётр как-то сразу и неожиданно повзрослел, охладел к буйным дружеским попойкам, да и с женским полом начал выстраивать некое подобие разумных и плановых отношений: с женой опять иногда спал, свой «гарем» отправил в дальнюю деревеньку, куда теперь наведывался не чаще одного раза в месяц, да и с Анхен стал встречаться гораздо реже…

Царь опять всерьёз увлёкся военными манёврами, даже принимал личное участие в разработке новых моделей солдатской и офицерской формы.

Полки вскоре полностью переодели: преображенцев – в зеленые кафтаны, семеновцев – в нежно-лазоревые, бутырский полк Гордона – в ярко-красные. Интересовался государь и последними иностранными образцами стрелкового и артиллерийского оружия, составлял тщательные планы по очередной перестройке славной крепости – стольного града Прешбурга…

А ещё иногда Пётр созывал к себе в опочивальню ближайших друзей-сподвижников: Лефорта, Зоммера, Тиммермана, Алексашку (Егора), князя Ромодановского, Брюса, Апраксина. Тогда они раскладывали на обеденном столе и прямо на полу многочисленные карты и планы, пространно рассуждали о предстоящих военных кампаниях: о южной – турецкой, о северной – шведской. Кипятились, яростно ругались, иногда даже дрались и рвали карты на мелкие кусочки…

Егору все эти разговоры, жаркие споры и долгие прения поначалу были скучны и совершенно неинтересны: он-то знал – в мельчайших деталях, как будут происходить оба Азовских похода, знал все этапы и эпизоды Северной войны. Когда его спрашивали – он спокойно и уверенно отвечал, неизменно придерживаясь официальной исторической версии. Как же иначе? Ведь существовал Контракт, согласно которому…

«Какой ещё Контракт, в одно всем известное место? – иногда начинал всерьёз возмущаться внутренний голос. – Нет никакого Контракта! Он автоматически аннулирован и разорван! Сколько

уже лет прошло? Шесть с половиной? Всего полтора года просрочено? Всё – хватит! Начихай, дурак, на всё, и занимайся сугубо своей частной жизнью, наплевав на всякие Контракты и дурацкие обязательства…»

Пока Егор посылал внутренний голос очень далеко и надолго, но в глубине души начинал уже подумывать и о других вариантах. По крайней мере, он, неожиданно для себя, начал с интересом прислушиваться к обсуждениям планов по предстоящей Азовской кампании, а в уме даже начал прорабатывать и её альтернативные варианты. На тот случай, если ему суждено задержаться навсегда в Петровской эпохе…

Осенью 1694 года умерла царская матушка – Наталья Кирилловна.

За два дня до своей смерти она позвала к себе Егора. Когда он пришёл, царица скупым жестом попросила всех остальных выйти из опочивальни, дождавшись, когда её приказ будет выполнен, негромко попросила:

– Прикрой, охранитель, дверь поплотней. А потом садись вон на тот стул, только пододвинь его поближе ко мне… Мне трудно говорить громко. Да и злых чужих ушей всегда следует сторожиться…

Егор осторожно присел на самый край венского стула – с высокой резной спинкой, внимательно всмотрелся в лицо женщины: изможднённое, покрытое сеткой частых морщинок, но всё же ещё хранящее следы былой красоты. А глаза… Чёрно-карие, бездонные – словно провалы двух глубоких колодцев, многознающие и бесконечно печальные – как у тех Святых, изображённых на древних русских иконах…

– Один раз, очень много лет назад, ко мне привели одного молодого странника, – начала свой рассказ умирающая царица. – Это было ещё до рождения моего Петруши… Тот странник был очень красив. Высокий такой, широкоплечий. Длинные волнистые волосы, очень красивые и смелые глаза… Прямо как у тебя, охранитель. Я сразу поняла, что вы с ним – одного поля ягоды… – Женщина зашлась в приступе глухого кашля.

– Государыня, попейте, прошу! – Егор протянул высокий стеклянный бокал с лечебной микстурой. – Сразу полегчает!

Наталья Кирилловна с трудом сделала несколько мелких глотков и, отдышавшись, продолжила:

– Мы тогда очень долго говорили с тем странником. Обо всём понемногу… О погоде. О Боге. О неразделённой любви. О предназначении… Не помню, что ещё было, наверное, я потом уснула… Он ушёл, а я осталась. Одна, и на этот раз – навсегда… Почему-то долго плакала ночью, словно прощалась со своими

молодыми, беззаботными годами… Через девять месяцев у меня родился Петруша. Понимаешь, о чём я тебе толкую, охранитель?

– Нет, государыня! – честно признался Егор. Царица явно засмущалась:

– В этот год у меня ничего с мужчинами не было… Совсем ничего! Ни с мужем, Алексеем Михайловичем, ни с другими… – Наталья Кирилловна отчаянно покраснела, словно юная и непорочная девица.

Несколько минут они напряжённо молчали, не глядя друг на друга, наконец, Егор осторожно спросил:

– Зачем, государыня, вы мне это рассказали?

– Сама не знаю… Может, потому, что ты, охранитель, очень похож на того странника. Я думаю, что тебе пригодится это знание. Зачем? Я не знаю… Береги моего сына, охранитель. Береги. Но и его – берегись! Он очень жестокий и не ведает жалости… Если ты пойдёшь против его воли – он разорвёт тебя! Помни об этом, охранитель. Помни и никогда не забывай… А теперь нагнись, я благословлю тебя…

Егор почувствовал на своём лбу сухие женские губы, выпрямившись, услышал прощальные слова:

– Благословляю тебя – на светлый Путь! Будь честен – всегда… Всё, прощай! Иди…

Глава восьмая
Стрела Купидона, все изменяющая

Через шесть дней после этого памятного разговора состоялись небольшие дружеские посиделки: один из братьев Бухвостовых Василий, проставлялся в честь крестин родившегося месяц назад сына Ивана. Сидели обычной компанией, во главе с грустным Петром, скромно выпивали, вели вполголоса всякие разные беседы – о заботах и потехах воинских, о видах на осенне-зимнюю охоту… Не до веселья было: все прекрасно понимали, что ни сегодня – так завтра Наталья Кирилловна, мать царская, преставится. Любили её все: за нрав кроткий, за беззлобие и полное отсутствие чванливости, за глаза необычные – красивые и печальные…

По мере выпитого, Пётр постепенно оттаивал, изредка мимолётно улыбался, да и весь разговор, постепенно оживляясь, неуклонно менял военную тему – на темы гораздо более весёлые и приятные. Когда речь зашла об обсуждении дел и новостей любовных, Егор тоже решил внести свою посильную лепту в общую застольную беседу. Весело и лукаво поглядывая на разрумянившегося от выпивки Бровкина, он радостно и громко поведал всей честной компании:

– Тут, господа мои, такое дело… У нашего друга, верного царского денщика Алёшки, красавица-сестра давно уж засиделась в девках. Не отдаёт её отец за всяких разных, нос воротит, на сватов цепных кобелей спускает. Мол, сынок-то наш – самому царю прислуживает, за одним столом сиживает с государем! Поэтому и дочери жених нужен знатный и серьёзный, лучше чтоб – из столбовых дворян, либо – из князей каких…

Пётр громко засмеялся, глядя на него, захихикали и другие, Василий Волков – тот и вообще затрясся от безудержного смеха, бокал с малиновой наливкой неловко опрокинул на белую льняную скатерть.

«Понятное дело – смешно паршивцу высокородному: Иван-то Бровкин, Алёшкин отец, всю жизнь у него проходил в крепостных, только совсем недавно на всю семью, включая дочь-невесту, вольную получил, – ударился в ехидные рассуждения внутренний голос. – А ведь, если верить роману Алексея Толстого, да и другим документам серьёзным, то именно наш Васенька и станет мужем той девицы – рода подлого… Вот тебе, братец, и „Ха-ха!“. Смейся, паяц, смейся… Кстати, а как зовут-то Алёшкину сестричку? Санькой, кажется…»

– Ну, это всё – правда? – отсмеявшись, строго уставился царь на Бровкина.

Алёшка застеснялся и, заметно побледнев, ответил глухо, явно неохотно:

– Всё истинная правда, государь-надёжа! Возгордился мой батяня – сверх всякой меры… Ничего, я поговорю потом с ним. Когда загляну в деревню на побывку, так сам и отыщу жениха сестрёнке любимой…

– Э-э, остановись, остановись, денщик верный! – по-доброму усмехнулся Пётр. – Сам он найдёт… А невеста-то и вправду красива? Не привирает мой охранитель? Небось, Данилыч, сам-то и не видел девки?

– Не видел, мин херц! – честно сознался Егор. – Это Бровкин мне нарассказывал сказок…

– Святой истинный крест – первая красавица! – совсем разволновался Алёшка. – На святом Писании присягнуть готов! А батя всё зверствует… Санька горько плачет, говорит, что если так и дальше всё будет, то уйдёт в монахини. Зачем такой красавице – в монастырь?

– Ладно, ладно! Верю, успокойся! – небрежно махнул рукой Пётр. – Зачем вот только, Алёшенька, самому искать жениха, время терять попусту? Сваты существуют для того! Доверишь лично мне жениха найти для сестрёнки? А?

– Конечно, государь, доверяю…

Царь по очереди обвёл строгим и вопрошающим взглядом своих собутыльников, которые тут же перестали смеяться и сделались серьёзными донельзя, остановился глазами на Егоре:

– Поручик Меньшиков, как по поводу – жениться? Домом своим обрасти? Хозяйством полноценным? Потомством? Не слышу ответа!

– Виноват, государь! – Егор вскочил с места, вытянулся в струнку, глазами многозначительно кося на Василия Волкова. – Молод я ещё, не готов к жизни семейной! Да и другие важные кандидаты есть на эту ответственную должность…

– Ага-ага! – тут же смекнул, что к чему, Пётр. – Есть среди нас, конечно же, и более достойные люди, более родовитые… Стольник Волков!

– Здесь я, Пётр Алексеевич! Здесь! – мгновенно вскочил со скамьи Василий.

– Приказываю: незамедлительно жениться на девице Бровкиной!

– Повинуюсь, государь…

– Приказываю! – громко объявил царь. – Сейчас мы все дружно поднимаемся на ноги, рассаживаемся по возкам… А, чуть

не забыл! Надо же туда и вин загрузить разных, закусок достойных! Короче, через час выезжаем… Бровкин, как называется твоя деревня?

– Волковка, государь! – свистящим шёпотом доложил Алёшка, испуганно косясь на Василия Волкова.

– Вот, в деревню Волковку все и выезжаем – свадьбу ладить…

– Гонец к царю! Гонец к царю… Где Пётр Алексеевич? – раздались с улицы взволнованные голоса.

Через минуту дверь широко распахнулась, и в избу ввалился запыхавшийся парнишка в семёновском светло-лазоревом кафтане, повалился перед царём на колени, нерешительно протянул небольшой зелёноватый конверт, запечатанный тёмно-красным сургучом.

– От кого весточка? – напряжённо спросил Пётр, вскрывая конверт трясущимися руками и не отрывая испуганных глаз от гонца.

– От князя Льва Кирилловича!

Царь сразу побледнел, очень медленно прочёл письмо, вскинул голову, обвёл присутствующих невидящим, помертвевшим взглядом.

– Что там, государь? – очень тихо спросил фон Зоммер.

– Матушка… Матушка – преставилась… – Пётр грузно опустился на скамью, уткнулся головой в дубовую столешницу и громко, чуть подвывая, зарыдал…

– Всем вон! – зашипел весенней гадюкой Фёдор Ромодановский. – Какая ещё свадьба, к гадам свинячим? Отменяется свадьба! Потом всё сладим, потом…

«Чего стоишь-то столбом? – нетерпеливо зашелестел внутренний голос. – К Лефорту беги, дурик! Теперь же всё изменится! Теперь Петру надо самому – вершить все дела государственные, послов принимать, думать о пополнении казны государевой. Надо и весь Большой двор незамедлительно переселять в Преображенское…»

– Алёшка, Василий! – позвал Егор. – От царя не отходить ни на шаг! Охрану удвойте, лучше – утройте! Кто у нас за еду и напитки отвечает нынче? Серёжа Бухвостов? Пусть в эти дни будет ещё внимательней! Холопам даёт всё на пробу, нечего только на собак-нюхачей надеяться…

Похоронили царицу. Пётр, не встретив со стороны жены Евдокии должного понимания и сочувствия, тут же наплевал на все условности и ночевать теперь ездил сугубо на Кукуй, к любезной его сердцу Анхен. В одной из комнат домика Монсов для него даже установили отдельную кровать – двуспальную, понятное дело…

Егор очень хорошо рассмотрел царские глаза, когда тот выбегал (навсегда!) из супружеской спальни. Рассмотрел и понял, что именно в этот момент и началась тяжкая дорога несчастной и глупой Евдокии – под чёрный клобук монастырский…

А ещё через два месяца из Вены в Москву прибыл полномочный цезарский посол Иоганн Курций. Встретили посла с пышностью великой, ублажали – как могли, предлагали забавы разные – плотские в основном. Но строгих правил оказался тот посол, уперся, мол: «Желаю с царём Петром лично увидеться!» Объяснили Курцию, что горе нынче у царя – матушка его умерла. Но не унимался противный иноземец, мол: «Тогда буду говорить с Думой боярской!»

Пришлось собирать экстренное заседание думское. Вышел Курций перед боярами, поглядывая вокруг себя гневно и неприязненно, достал старые договора (с Венецией, Римской Империей и Польшей), подписанные ещё прежними российскими Правителями, да и напомнил обязательства русские по договорам тем.

Следовало из этих важнецких бумаг, что если Турция начнёт враждебные действия против вышеозначенных государств (Венеции, Римской Империи и Польши), то Россия обязана учинить ответные воинские действия – против Османской Империи.

Бояре, старательно посовещавшись, начали резонно возражать, мол: «Два раза уже, договора те выполняя, ходили на Крым, воевали его честно. Так что – снимайте ваши претензии необоснованные…»

Непреклонен был посол венский, мол: «Что было ранее – оно и было! А то, что происходит сейчас, – оно и есть предмет для рассмотрения!» После этого Курций подробно рассказал и о событиях прошедшего лета, документы важные – с разноцветными печатями – показал.

Из тех пропечатанных бумаг однозначно следовало, что флот османский, без зазрения всякой совести, нагло захватывает венецианские торговые корабли, янычары турецкие вовсю разоряют венгерские города и сёла, а крымские татары – подданные турецкого султана – очень уж досаждают польским обозам и степным поселениям…

Умело говорил красноречивый Курций: убеждал, стыдил, уговаривал, просил, требовал, умолял… Не выдержали толстомордые бояре, сдались: торжественно подтвердили все старые русские обязательства. А потом хором, предварительно поцеловав кресты нательные, твёрдо пообещали: «Войне –

быть!»…

Отбыл важный посол в свою Вену. Из Венеции, Вены и Варшавы стали письма приходить длинные: благодарственные – с одной стороны, торопящие с конкретными действиями – с другой…

Царские верные соратники и сподвижники разделились на два примерно равных лагеря. Русские настаивали на скорейшем и полновесном вступлении в войну с Турцией.

– Негодно будет, если мы откажемся от данного слова! – убеждал грузный и кряжистый Фёдор Юрьевич Ромодановский, лидер «русской партии». – Засмеют нас в Европах, и поделом засмеют! Да и татары эти – столько горя горького принесли нашей земле! Побить их окончательно и навсегда – дело богоугодное…

Лефорт же, духовный вождь «партии европейской», выдвигал такие дельные возражения и аргументы:

– Черноморские порты – никакого торгового значения не имеют нынче. Абсолютно никакого значения! Денег истратим на эту войну с османами – ужас просто, солдат и офицеров положим – без счету… А где выгода? Если проиграем – позор на весь мир! Выиграем – новые расходы: крепости старые ремонтировать, новые ставить… А смысл какой? Смысл любой разумной войны – в ощутимых выгодах торговых… После войны успешной казна должна златом и деньгами наполняться! Выиграли войну, а в казне не прибавилось денег? Знать – проиграли ту войну… Договора, обязательства, честь? Для этих коллизий и существует сия наука – «дипломатия» называется… А вот море Балтийское, это да, это – торговля, это настоящие прибыли и золото…

– Не всё тугой мошной мерить можно! Противна мне твоя, генерал Франц, философия немецкая! – багровел от праведного гнева князь Фёдор Юрьевич.

– Всё надобно мерить только так! – отчаянно брызгал слюной Лефорт. – Ежели – в конечном итоге…

Пётр послушал-послушал эту жаркую дружескую перепалку, насмешливо поухмылялся в свои редкие кошачьи усы и внимательно посмотрел на Егора:

– Чего молчишь, верный охранитель? Думаешь? Вот и поделись-ка с нами мыслями своими высокомудрыми…

Было у Егора, конечно, и своё видение этого момента, но – Контракт, последняя надежда вернуться, хоть когда-нибудь, в свой мир – к обещанному собственному вечнозелёному островку в благословенном Карибском море… Поэтому и ответил – в правильном русле историческом, стараясь при этом и не дать герру Лефорту веского повода обидеться смертельно:

– О Балтийском море забывать никогда не следует! Там – ключ к будущему величию российскому. Но и с Веной сориться – очень опасно, она – пуп политики европейской. Да и с татарами посчитаться, османам преподнести дельный урок – дело весьма почётное… Неплохо было бы одним выстрелом убить сразу двух зайцев: и Вене угодить, да и свою армию проверить в настоящем деле! Готовы мы всерьёз воевать со Швецией, или рановато ещё задумываться об этом? Сей турецкий поход поможет нам и все недостатки вскрыть окончательно: в подготовке офицеров, в снабженческих и обозных службах, в косности генеральской…

– Чего это ты про генералов рассуждать вздумал, мужик сиволапый? Да высокое воинское искусство – оно подвластно только особам высокородным! – тут же впал в сильнейшую истерику старик-Апраксин, затрясся весь в гневном припадке, насилу успокоили…

А генералы иноземного происхождения – Гордон и фон Зоммер (покойник несостоявшийся) Егора неожиданно поддержали:

– Да, перед шведами – нужна пробная баталия! Весьма полезной будет она…

Борис же Голицын – владелец больших земельных угодий в полосе чернозёмной – всё больше на хлебные дела напирал:

– Воронеж, Курск, Белгород – вот истинные российские вотчины пшеничные! Как нам быть без хлеба? Хлеб – основа российская! А основу – её беречь нужно, и всех ворогов, от которых исходит угроза та, – уничтожать надо без устали! Кем бы те тати ни были…

Спорщики чётко понимали: в этот раз – всё решать царю. Только ему. Но, похоже, все уже прониклись и другой непреложной истиной: Пётр обязательно решится на эту войну! Да, страшно! Но надо же и начинать с чего-то! Определённо – не со шведов, чья дисциплинированная армия на тот момент заслуженно считалась непобедимой, сильнейшей в Европе…

Собралась большая боярская Дума. Серьёзная такая, полновесная, строгая и молчаливая – на этот раз… Пётр неуклюже, выставив вперёд своё правое худосочное колено, сидел на троне, ризы с левой стороны неряшливо сбились на сторону, лицо болезненно дёргалось, правый глаз явственно косил в сторону, мономахова шапка на голове скособочилась…

Царь молчал – до времени и до поры, предоставляя князю Фёдору Ромодановскому руководить всем важным разговором, а Егору (Алексашке) – частными делами и деталями: протокольной частью, если по-современному…

Егор всё понимал однозначно: вопрос о войне был уже решён

– окончательно и бесповоротно, но ведь для войны серьёзной – и деньги необходимы солидные… Бояре, в данном случае, и есть те деньги. Вернее, их воля добрая. И силой грубою можно много денег набрать, но если по-доброму – получится гораздо больше, раза в два…

Долго судили-рядили, часов десять с половиной. Устали все, но перерыва (как и было договорено с царём) Егор не объявлял. Накал споров постепенно сходил на нет, голоса становились всё тише, тише… Он дождался, когда боярские представители полностью осоловели, и подал Петру заранее оговорённый знак…

Царь тут же вскочил с трона, упираясь своей мономаховой шапкой в низкий свод палаты, и рявкнул – неожиданно-страшным голосом:

– Что ж, бояре высокородные? Как приговорите? Не слышу! А?

– Воля твоя, государь наш! – тут же торопливо отозвались несколько плаксивых голосов…

Приговорили (официально) – как и требовалось: войне быть, денег на войну – выделить…

Началась бесконечная и нудная рутина: кто да что, да куда, да сколько… Составлялись тщательные инструкции и предписания, рисовались заумные планы: «Ернсте колонне маршірен, цвайте колонне – маршірен следом, обозы – нихт отставать! Сволочь, ист вешать…» Егор не мог найти себе места, похудел, спал часа три-четыре в сутки, пропал аппетит, одолевали непростые думы… Он-то точно знал (из документов, изученных в Учебном центре секретной службы SV): кто из его близких знакомых и близких друзей живым вернётся из первого Азовского похода, а кому – и не суждено. Не про всех, конечно, знал, но про очень многих… Непростое это дело – непринуждённо общаться с живыми «покойниками», а ещё труднее – с теми, про которых ты точно знаешь, что они из этого похода вернутся жалкими и беспомощными калеками. Например, капрал Стрешнев (сын толкового боярина Тихона Стрешнева) – без обеих ног прибудет из-под Азова, а Серёге Бухвостову только правый глаз выжжет – турецкой (сделанной во Франции) коварной гранатой…

«А может, всё и изменится, а? Почему бы и нет? – старательно, с искренней надеждой, вопрошал внутренний голос. – Ведь уже многое случилось – чего не было тогда (на самом то деле?). Степан Одоевский умер года на три раньше – отведённого ему ранее срока. Кавалер Монтиньи. Ещё – всяких разных уродов – десятка три-четыре. А вот генерал фон Зоммер жив – вопреки всем документам историческим… Может, и всё

остальное изменится? А ежели ещё и царю подсказать всякого, предостеречь от ошибок фатальных, глупых? То скольким же ребятам хорошим можно жизни сберечь? Сколько государственных денег сэкономить можно?»

Но не хватало ему чего-то – для принятия твёрдого решения… Решения – о чём? О вмешательстве (пусть – и достаточно мягком) в течение Истории…

Тем не менее, как-то вечером, после очередного такого жаркого спора – относительно предстоящего Азовского похода, Егор вызвал к себе Алёшку Бровкина и Василия Волкова, отдал строгие указания:

– Срочно отправьте людей надёжных, знающих грамоту, в Царицын, Астрахань и Черкасск! Пусть надзирают там внимательно – за заготовлением продовольственных припасов для предстоящей кампании военной. Каждую неделю они должны подробно отписывать с оказиями, как там да что. Далее, пусть найдут в Черкасске людишек торговых, бывавших по делам в самой крепости Азовской. Пусть подробно их расспросят – о той твердыне, всё запишут, нарисуют примерные карты и планы. Всё это незамедлительно доставить ко мне! Далее, на Москве-реке подрядчики, по Указу государя, строят гребные суда – для переброски войск под Азов. Туда тоже надо – прямо завтра – направить надзирающего. Пусть он подробно и регулярно извещает меня письменно – о делах тех! Всё ясно? Выполняйте!

Уже в начале марта месяца 1695 года, когда весна вовсю стучалась в крепкие зимние двери и до начала похода азовского оставалось всего-то месяца полтора, Пётр неожиданно вспомнил об отложенной свадьбе, велел собираться большим обозом в деревню Волковку.

Приглашены были все знатные и серьёзные особы: Лефорт, Ромодановский, царский дядя Лев Кириллович, Голицыных – князя три, Стрешневы, Брюс – любимый царский прорицатель, Иван Бутурлин, генералы – Зоммер и Апраксин, ещё – прочие…

Егор не любил ездить большими обозами, предпочитая передвигаться верхом, не подстраиваясь под медленный ритм движения неуклюжих тяжёлых саней. Поэтому он выехал вперёд всех, пригласив с собой только Яшку Брюса, друга верного.

Обоз царский выезжал на позднем рассвете – чтобы добраться до Волковки к обеду. Поэтому Егор и Брюс тронулись в полночь: верхами, взяв с собой только четыре пистолета, нож, кистень, с десяток японских звёздочек да волкодава Хмура – оставшегося в наследство от покойного Швельки-предателя. Планировали быть у двора Бровкиных перед утренним колокольным звоном.

Ехалось хорошо, бодро, лёгкий морозец игриво пощипывал щёки. Узкий просёлок без устали петлял между холмами и рощами, было тихо и звёздно… Пару раз Хмур, бежавший впереди на длинном кожаном поводке, зло взлаивал, пытаясь броситься на неизвестного противника. В придорожных кустах тут же раздавался громкий хруст, подтверждающий, что кто-то тяжёлый и громоздкий улепётывал что было сил… Кто это был? Звери дикие? Тати ночные? Егору это было абсолютно всё равно: ехал себе, чуть почмокивая на лошадку, думал о чём-то своём, мечтал, представляя всякие заманчивые приятности, иногда перебрасывался редкими фразами с Брюсом, скакавшим чуть позади…

Как бы там ни было, но уже к заутрене они подъезжали к нужной деревушке. На сером скучном небе неярко горело новогодним китайским фонариком скупое ещё весеннее солнышко, со всех сторон облегчённо мычали выдоенные коровы, звонко и задиристо переругивались деревенские бабы, где-то вдали размеренно звенели монастырские колокола…

Впереди замаячила неуклюжая фигура, одетая в длинный овчинный тулуп и чёрные валенки, с рыжим собачьим треухом на голове: это деревенский рыбак, честно отсидевший ночь на весеннего налима, возвращался, чуть шатаясь от усталости, с ближайшего озера к родимому дому.

Егор нежно пощекотал рукояткой кнута свою лошадку по заиндевевшему выпуклому боку, укоротил поводок Хмура и дружелюбно попросил:

– Эй, рыбак прохожий! Дорогу-то уступи, будь так милостив!

Неуклюжая фигурка испуганно качнулась в сторону и, теряя равновесие, уселась на ближайший придорожный сугроб. Проезжая мимо, Егор слегка натянул поводья, останавливая лошадь, и мирно поинтересовался:

– Как нынче с рыбалкой, дядя? Пошёл уже налим озёрный? Или ёрш забивает?

Рыбачок, сидящий по самые плечи в мягком весеннем снегу, гневно сверкнул на него ярко-голубым глазом из-под своего рыжего треуха и ответил высоким юношеским голоском:

– Вообще-то, полагается говорить сперва: «Бог – в помощь!» А уже потом – уловом интересоваться! Ой, собачка какая…

Хмур, обычно очень зло и настороженно относящийся к незнакомцам, неожиданно заплясал на месте, отчаянно завилял своим лохматым хвостом, даже раза два приветливо и басовито взвизгнул…

Егор удивлённо уставился на волкодава, непонимающе покачал головой, перевёл взгляд на юного рыболова,

пробормотал пристыженно:

– Ты, малец, уж извини, что напугали! Алтын за это с меня. Нормально будет?

– Нормально… – неуверенно прошелестело в ответ.

– А знаешь, где будет двор Ивана Артемича Бровкина? Уже хорошо! Отведёшь – ещё один алтын добавлю. Чего моргаешь? Неужто – маловато? Хорошо – два алтына дам! Чего шепчешь-то? Громче говори, пацан, не стесняйся! Я добрый сегодня…

Малолетка (достаточно высокий, впрочем) робко спросил, слегка заикаясь:

– А вы, б-боярин, по какому делу – к Б-бровкиным будете? Не по с-сватовству ли? К девице Ал-л-л-ександре?

– По нему самому! – широко улыбнувшись, согласился Егор. – А что?

После минутного молчания подросток снова поинтересовался:

– А вы и есть – тот жених, или приятель ваш – рыженький?

– Не, мы только дружки! Жених-то – Волков Василий, барин местный… Знаешь такого? Высокий, симпатичный, с чёрными усиками…

– Знаю, как не знать! – длинно и непонятно вздохнул парнишка. – Ладно, пойдёмте за мной! И Хмура отпустите с поводка, пусть бежит со мною рядом…

– Хмура? Откуда же ты знаешь, как зовут мою собаку?

– Так мне же про него Алёша Бровкин рассказывал, братик мой родненький! Меня зовут… Гаврюшкой меня зовут! Братец я Алёшкин – единокровный… А вы будете – Александр Данилович? Правильно?

Лошадка шла вполшага, рядом торопливо семенил Гаврюшка, слегка задыхаясь, увлечённо и радостно рассказывал – о своей ночной рыбалке:

– Лёд-то толстый ещё! Много лунок не пробить, устаёшь быстро – махать пешнёй… Вот, всего два десятка донок и поставил. Половину наживил сыртью тухлой, ещё пяток – раковыми варёными шейками, остальные – жареными воробьями… Вся сырть осталась не потревоженной, на рачье мясо взялся только один недомерок, а все мои воробьи сработали! Сколько поймалось всего? Да с пудик где-то… Как налима жарить правильно? Самое главное – укропа добавлять побольше… Где пешня? Так на берегу озера осталась, чего тягать-то – туда-сюда. На днях ещё рыбалить пойду…

Паренёк так увлёкся своим рассказом, время от времени с интересом посматривая на Егора, что не заметил толстой сосновой ветки, перегораживающей добрую четверть просёлка.

– Ой, мамочка! – это потрёпанный треух неожиданно встретился с веткой – и отлетел далеко в сторону…

Егор замер с широко раскрытым от удивления, ртом.

– Надо же! – весело прыснул Брюс. – Малец-то девицей оказался! Да и симпатичной в придачу! Прямо как в романах европейских… Да, Данилыч, дела!

Егор же полностью потерял дар речи – от открывшейся его взгляду прекрасной картины: копна, нет, целый океан светло-русых, с платиновым отливом, волос, милый курносый носик, покрытый десятком-другим бледно-рыжих веснушек, и глаза – ярко-синие, прекраснейшие на этой планете (наплевав на все временные сентенции) глаза…

Время остановилось. Да что там – Время… Остановилось всё: лошадь, утренняя заря, мысли…

– Данилыч, друг! Что такое с тобой? – насмешливо заволновался Яков. – Уж не стрела ли Купидона поразила твоё бедное сердце? А если даже и так, то какой смысл – сидеть неподвижно, да ещё и с таким глупым видом? Слезай со своей кобылки, поцелуй барышне руку, разговор заведи душевный… Эй, очнись же!

Егор, совершенно не понимая, что делает, неуклюже соскочил с коня, сжал кисть девушки в своей ладони, поднёс к своему лицу, осторожно и трепетно прикоснулся губами, внимательно посмотрел в бездонные, чуть испуганные ярко-синие глаза, смущённо промямлил-предложил:

– Александра… Александра Ивановна! Вы садитесь на мою лошадку! Неправильно это, когда такая красивая девушка ходит пешком…

– Да что вы, Александр Данилович, право! Тут и недалеко совсем…

– Садитесь, прошу душевно…

Яков Брюс хохотал от души, но, как настоящий друг, совсем даже и негромко, чтобы не мешать жертвам коварного Амура…

Дальше тронулись уже другим манером: Александра – верхом, крепко держа в руке поводок с радостно тявкающим Хмуром, Егор – шагая рядом, неотрывно глядя на ту, что так коварно и нежданно похитила его глупое сердце, Брюс – деликатно приотстав метров на десять-двенадцать…

Они весело болтали – обо всём подряд, будто были уже знакомы не одну тысячу лет, изредка обмениваясь любопытными и приятственными взглядами, широко и призывно улыбаясь друг другу…

Вот уже рядом крепкие дубовые ворота, выкрашенные синей краской, за воротами отчаянно залаяли собаки.

– Ой… – Девушка замялась, явно не зная, как называть своего неожиданного кавалера.

– Сашей меня называй! – чуть подумав, решил Егор. – А я тебя – Саней… Не запутаемся? И давай уже перейдём на «ты»! Хорошо? Согласна?

– Согласна! – радостно улыбнулась девушка, на её розовых щеках даже проявились милые смешливые ямочки. – Давай, я сейчас спрыгну с лошади? А ты меня поймаешь? Мне надо папенькиных кобелей убрать подальше от ворот, чтобы они не покусали бедного Хмура, или чтоб он их не покусал…

Неуклюжий прыжок как-то неожиданно превратился в затяжной поцелуй, они упали в снег и замерли, ни на что уже не обращая внимания…

Озорные голубые глаза, нежные и жадные губы, туман в голове… Где-то нетерпеливо похрапывала лошадь, обличающе ворчал Хмур, удивлённо и чуть смущённо хихикал Брюс, злобно каркали чёрные вороны… Какое это имело значение? Да никакого!

«Пусть весь этот мир – вместе со всеми Петрами, Лефортами и Координаторами – летит в чёрную и бездонную пропасть… Пусть – летит, мать вашу! Лишь бы – вечно чувствовать эти нежные губы на своих губах…»

Губы были безумно вкусные: свежие, чуть солоноватые, упругие, дрожащие…

– Саня! – только и сумел он вымолвить минут через пять. – Саня…

«Что теперь делать? – пронеслось в голове. – Что делать – теперь?»

– Дроля мой! – нежно проворковал рядом чарующий голос…

Безумный собачий лай за воротами неожиданно стих, громко завизжали воротные петли, размеренно заскрипел снег – под чьими-то подшитыми валенками.

– Э-э! – неуверенно прогудел хриплый басок. – Вы чего это тут делаете? Вы это, того, прекращайте баловство…

– Папинька это мой! – испуганно прошептала Александра, сидящая сверху, с трудом переводя дыхание. – Давай – встанем? Осерчает ещё…

– Конечно, Саня, встанем… – Сознание медленно возвращалось, но руки предательски отказывались отпускать эту узкую и одновременно сильную спину…

Санька вскочила на ноги первой, протянула руку, помогая подняться Егору, смущённо зачастила:

– Это – поручик Меньшиков, охранитель царский… Помнишь,

нам про него Алёша рассказывал? А это – его друг, дворянин Брюс Яков…

– Здравствовать вам – долгие годы, Иван Артемич! – склонил голову в почтительном полупоклоне Егор. Вообще-то, не по чину это было – охранителю кланяться перед обычным, пусть и зажиточным, крестьянином, но – Санькин отец, всё же… Яшка, наконец переставший хихикать и глупо улыбаться, незамедлительно повторил жест друга.

Иван Бровкин – мужик сообразительный и много чего понимающий – тут же бухнулся на колени, ловко схватил Егорову руку и попытался жарко облобызать ладонь:

– Александр Данилович, благодетель наш! Уж как мы рады! Ой, спасибо вам за те подряды по лесу строевому – для Прешпурга, по сена закупу…

– Не за что, Иван Артемич! Не за что! Да вы поднимайтесь, Бога ради! – Егор ухватил Бровкина за воротник тулупа, потянул вверх.

(Вообще-то, было за что благодарить: по просьбе Алёшки замолвил Егор полтора года назад словечко перед Лефортом, благодаря чему и получил Иван Бровкин свои подряды выгодные, не грех было бы и долю малую с него запросить… Да, ладно, не до того нынче…)

Они прошли за ворота, у высокого крыльца отряхнули друг друга от снега, привязали к перилам крыльца (с разных сторон) Хмура и лошадок, проследовали в жарко натопленный дом.

– Эй, Матрёна! На стол живо накрывай, гости у нас! Быстро чтоб у меня! – громко закричал Бровкин, вежливо поддерживая Егора под локоток, тут же залебезил: – Александр Данилыч, кормилец! Давайте я помогу кафтан-то снять! Вы – сюда проходите, проходите, отогревайтесь! И вы, господин Брюс, прошу душевно – проходите, не отставайте от нас…

За стол они уселись втроём.

– Перцовочки откушайте, господин поручик, и вы, господин Яков! – радушно предложил хозяин. – Хорошая перцовка, своя, злая… Ну, за знакомство наше?

– За знакомство! – согласился Егор и тремя крупными глотками опорожнил предложенный штоф. Потряс головой, звонко захрустел фиолетовой маринованной редькой: – Ну, и крепка у тебя настойка, Артемич!

– Ой, крепка! – подтвердил Брюс, ехидно улыбаясь и строя уморительные рожицы.

Закусили, помолчали.

– Дело какое важное привело к нам? – полюбопытствовал, хитро прищурившись, Бровкин-старший. – Помочь чем-то могу?

Вы сказывайте, Александр Данилыч, а мы уж расстараемся! Лоб расшибём – но всё исполним в точности…

Егор задумчиво подёргал себя за мочку правого уха, соображая, как доходчивее объяснить сложившуюся непростую ситуацию:

– Дело простое у меня, Иван Артемич. Царь пожелал вашу дочь, Александру, замуж выдать… – смущённо замолчал…

– Что ж, дело, действительно, проще репы пареной! – услужливо пришёл ему на помощь Бровкин. – Царь повелит – тут же и исполним, с нашим удовольствием! – выдержав коварную паузу, продолжил: – А жених-то – боярин Волков Василий? – посмотрел лукаво из-под мозолистой ладони: – Или же всё врут подлые людишки? Ошибаются то есть?

– Позови, Артемич, свою дочь! – попросил Егор. – Это дело её касается, пусть тоже послушает…

– Не полагается, конечно, бабам и девкам в разговоры встревать серьёзные. Да, ладно, коль вы просите… Александра, чадо моё, выйди к нам!

Вошла Санька: в тёмно-синем сарафане и белой рубахе, щедро расшитой красными и синими узорами, толстая русая коса – до колен, синие глаза – бездонные, умные, тревожные… Брюс только крякнул восхищённо и перестал улыбаться…

Егор поднялся со скамьи:

– Саня! – громко сглотнул предательскую слюну. – Саня! Мы с Петром Алексеевичем, государем нашим, планировали, что Василий Волков будет свататься к тебе…

– Не хочу Волкова! – громко и решительно заявила девушка. – Лучше уж руки наложу на себя! В монастырь сбегу…

– Цыть! – пристукнул ладонью по столу Иван Бровкин и прикрикнул, впрочем – не так чтобы уже и строго: – Волю взяла! Спрашивают её, как же! – чуть заметно покосился на Егора. – Так что вы сказали, Александр Данилович? Извините, плохо расслышал, старею, наверное…

Егор глубоко вздохнул, улыбнулся Саньке:

– Иван Артемич! Я приехал первым, поэтому первым и прошу покорно руки вашей прекрасной дочери…

– Я согласна! – торопливо перебила Санька. – Папинька, хоть режьте, но только за Александра Даниловича пойду…

– Цыть! – ещё раз хлопнул ладонью по столу Бровкин, нервно передёрнул плечами, растерянно посмотрел Егору в глаза: – Да я же не против! Но, царь ведь…

– С царём я договорюсь!

– Вот, Александр Данилович, когда договоришься, тогда и решим всё – к общему удовольствию…

Он встретил царский обоз в версте от Волковки: одна карета, семь кожаных возков с крохотными окнами, три десятка всадников.

– Стоп! – Егор повелительным жестом поднял руку вверх. – Стольника Волкова ко мне, живо!

Василий – нарядный, в пышном рыжем парике, одетый в праздничный серебристый камзол, выскочил из срединного возка и, увязая своими чёрными иностранными башмаками в русском весеннем снегу, поспешил к охранителю.

– Здесь я, Александр Данилович! – доложил старательно, слегка запыхаясь.

Егор соскочил с коня, протянул Волкову три пакета, запечатанные коричневым сургучом, пояснил:

– Этот вот – передашь Сергею Бухвустову! Эти два – генералу Гордону лично в руки! Очень срочно, государственной важности! Понял? – Если честно, то он уже и сам не помнил, что было написано в тех посланиях: что первым пришло в голову, то и начертал.

Волков забрал конверты, спрятал за пазуху, зашептал непонимающе:

– Командир, а как же… Сватовство-то?

– Прикрою тебя, выручу! – Егор покровительственно похлопал Василия по плечу. – Ты же не хотел жениться на лапотной крестьянке? Выручу, так и быть! Приму на себя эту долю непростую… Что стоишь? Забирайся на мою кобылку, а я пойду на твоё место… Выполняй приказ, бездельник!

Волков, старательно настёгивая лошадь татарской ногайкой, по снежной целине, объезжая царский обоз, поспешил в сторону Москвы. Из седьмого, замыкающего колонну, возка вывалился пьяненький Пётр, непонимающе и гневно уставился на Егора своими круглыми кошачьими глазами:

– Алексашка, мать твою! Ты чего творишь-то, ворог? Куда это ты жениха услал? Опозорить хочешь меня, гадёныш?

Егор подбежал к царю, картинно повалился в ноги, заговорил жарко:

– Государь-батюшка, надёжа наша! Не вели казнить, вели слово молвить…

– Обалдел совсем? Вина перепил? – удивился царь. – Кончай паясничать и строить из себя юродивого! Говори – чего надо! По делу только…

– Мин херц! Разреши мне жениться на Александре, сестре Алёшкиной! Увидал сегодня с утра, и всё, пропал… А Волкову подыщем чего другого, из дворянок там, или – из княжеских

родов… А, мин херц?

Пётр безостановочно хохотал минут десять, наконец, смахнув со щёк и ресниц мелкие слезинки, выдохнул:

– Будь по-твоему, охранитель! Мне-то всё равно, кто из вас женится на этой девице-красавице… Только – о традиции помни! Первая-то ночь всё равно моя…[4] Это Лефорт, человек весёлый – сверх всякой меры, рассказал царю года два назад о старинном европейском обычае, когда суверен во время свадьбы своего вассала мог, по своему желанию, первым посещать невесту – в спальне для новобрачных. Петру обычай очень даже понравился, и с тех пор он регулярно пользовался этим «правом».

Недовольных и возражающих (желающих голову сложить на плахе) пока не наблюдалось…

Егор благолепно чмокнул рукав царского камзола: – Спасибо, мин херц! Отслужу!

А про себя подумал: «Хрен тебе – а не Санька, урод длинноногий, похотливый…»

Глава девятая
Весенняя рыбалка и новые планы

Сватовство прошло достаточно обыденно: с плоскими шутками и пошлыми прибаутками, ехидными перемигиваньями и откровенно сальными усмешками.

Царю Санька очень и очень понравилась, плотоядно ухмыляясь и похотливо облизываясь, он предложил Егору:

– Ну что, Алексашка, времени до похода – ещё завались, давай, готовься к свадьбе! Сыграем через недельку-другую, повеселимся вволю, потом можно и с турками повоевать! Как думаешь, охранитель мой верный?

– Не, Пётр Алексеевич, не хотелось бы торопиться бестолково, – засомневался Егор. – Дом ведь надо купить хороший на Москве – для молодой супруги… Куда я сейчас её приведу? В казарму солдатскую? В мою каморку в Преображенском дворце? Не, позор получится один, а не гнёздышко уютное, семейное… Ты ведь сам, мин херц, твердил, мол: «Домом своим обрасти. Хозяйством полноценным…» Говорил ведь?

– Ну, говорил, говорил!

– Так чтобы дом выбрать хороший – время требуется! Ремонт опять же, мебель, обстановка, слуг надо подыскать – не абы каких, проверить их… А нету у нас сейчас времени лишнего, к войне готовимся спешно! Вот к осени победим всех татар да турок, вернёмся. Я все дела сделаю – тщательно, никуда не торопясь, к святкам, если Бог даст, и сыграем свадьбу… Я вот так думаю. Куда спешить да суетиться? Я же не мальчишка какой сопливый… Опять же, допустим, я в походе предстоящем совершу целую кучу подвигов? Может такое быть? Вот! Ты мне, государь, новое воинское звание дашь, или даже запишешь в дворянство… Оно тогда и совсем будет солидно, дом уже можно будет каменный заложить, и такую сыграть свадьбу – чтобы обзавидовались все… Иван Артемич, тестюшка дорогой, подтверди, что я прав!

– А что ж! – слегка запьяневший Бровкин согласно затряс своей неказистой седенькой бородёнкой. – Каменный дом – это сила! Действительно, чего понапрасну торопиться? Солидность – это дело первостатейное…

Яков Брюс, всегда и во всём, как и положено настоящему другу, поддерживающий Егора, не задавая лишних вопросов, тоже внёс свою лепту в этот разговор – о свадебной отсрочке:

– Выпишем из Европы мебель хорошую, обои бумажные, всего другого, чтобы дом охранителя царского соответствовал его важной должности! Чтобы не стыдно было принимать в нём персон важных!

– Делайте, что хотите! – небрежно отмахнулся Пётр, по-хозяйски оглядывая ладную Санькину фигуру, мол: «Никуда ты от меня не денешься, краля гладкая…»

К вечеру вся честная компания успешно перепилась и попадала спать – кто куда.

– Алексашка, мерзавец, со мной ляжешь на печи! – непреклонным пьяным голосом велел Пётр. – А то знаю я тебя, испортишь девицу, а это – моё право законное! Гы-гы-гы! – заржал глумливо и гадостно….

– Мин херц! – взмолился Егор, увидев, как из-за приоткрытой двери в сени на него умоляюще смотрит грустный ярко-синий глаз. – Дозволь с невестой перебросится – хоть двумя словечками! Ну, буквально минуту-другую… Не успею я ничего за это время!

– Ладно уж, перебросься, женишок ты наш… Но, смотри у меня, прохиндей! Четвертую безжалостно – ежели что…

Егор выскочил в сени, на несколько секунд жадно приник к Санькиным губам, отстранился, зашептал приглушённо:

– Ни о чём сейчас не спрашивай меня! Давай завтра сходим на рыбалку подлёдную? Давай! Вот там и поговорим нормально… Кого бы ещё взять с собой, чтобы подозрений всяких не было? А, Саня?

– Так я батю своего приглашу! – предложила девушка. – Он у меня с понятием, непременно согласится! Да и Алёша с Гаврюшей пойдут с радостью. Только вставать надо рано, на самой зорьке, тогда и щук больших можно наловить… Мы все в баньке спать ляжем, в избе-то места нет, господа знатные разлеглись везде. Вот и подходи к бане, это там, справа от ворот… Не проспишь?

Он вернулся в избу, забрался на тёплую печь, завозился, устраиваясь рядом с Петром.

– Ну, о чём сговорился с невестой? – сонно поинтересовался царь.

– Да с утра они всем семейством собрались на рыбалку, – объяснил Егор. – Саня, её братья, сам Иван Артемич… Вот и меня позвали с собой. Так я схожу, мин херц, а? Мы к обеду уже и вернёмся…

– Ну, если и сам глава семейства там будет, так и сходи! Тем более что в такой собачий холод – на улице и грешить несподручно… Гы-гы-гы!

В голове тихонько зазвенел «внутренний будильник», он сразу же проснулся, сел, тихонько соскочил с печи, стараясь не шуметь, оделся, обулся. Взял в руки пышный ядовито-рыжий парик (подарок Лефорта), повертел, после непродолжительного раздумья повесил обратно на гвоздь, вбитый в бревенчатую стену. Действительно, зачем на рыбалке нужен парик?

За маленьким окошком чуть заметно серело, стены избы мелко дрожали от дружного храпа Петра и его верной свиты. Егор, сладко позёвывая, вышел на крыльцо, непроизвольно передёрнул плечами: по сравнению со вчерашним днём значимо похолодало, небо было безоблачным, на востоке медленно тлела нежно-алая полоска рассвета…

Он подошёл к бане, тихонько поскрёб в слюдяное окошко, внутри негромко простучали по доскам пола чьи-то босые пятки, через полминуты чуть приоткрылась низенькая дверь и Санькин чуть хрипловатый со сна голос пообещал:

– Саша, мы мигом соберёмся! Подождёшь ведь, да?

– Подожду, куда я денусь! – Егор присел на широкую завалинку, достал из кармана венгерского камзола, подбитого изнутри волчьим мехом, чёрную голландскую трубку, немецкое кремневое кресало, закурил, с удовольствием выпуская в русское небо ароматный дым.

Первым из банного помещения выбрался, нещадно чеша пятернёй свою свалявшуюся бороду, Бровкин-старший.

– Вот же неймётся им, оглашенным! Поспать не дают! – забубнил сонно. – Вот, Александр Данилыч, валенки тебе, тулупчик овчинный, шапка… Переодевайся, чтобы не замёрзнуть. И не спорь со мной, тут я гораздо больше твоего понимаю. Если на рыбалке промёрзнешь, то и горячка может начаться… Переодевайся, зятёк будущий!

Ещё через две-три минуты на улицу выбрались и остальные рыбаки: Санька, Алёша и маленький Гаврилка, все в овчинных полушубках, разномастных валенках и одинаковых рыжих собачьих треухах на головах.

– Саша, как тебе хорошо-то – без этих рыжих волосьев! – заявила невеста. – Так ты ещё красивее! Зачем только баре придумали эти дурацкие парики?

Со стороны забора громко и печально завыл Хмур.

– Алёшка, отвяжи пса! – велел Иван Артемич. – С собой придётся взять, а то он нам всех дорогих гостей перебудит бесстыже.

Минут через тридцать пять они вышли на пологий берег большого, покрытого островами и островками озера.

– Эй, Алёшка! – велел сыну Бровкин-старший. – Возьми

пешню, она должна быть за той берёзой. Нашёл? Вот то-то же. А вы, молодые, – внимательно и чуть насмешливо посмотрел на Егора и Александру, – здесь оставайтесь, на берегу. Костёр разожгите хороший да жаркий. Топор найдёте за той же берёзой… Вам же поговорить надо? Помиловаться? Вот и говорите… А мы пошли, порыбалим. Когда сильно замёрзнем, так поменяемся с вами… Эй, как там тебя, Хмур! Пошли с нами, нечего смущать молодых…

Пока разжигали костёр – молчали, понимающе переглядывались, мимолётно целовались – лёгкими касаниями губ. Наконец костёр разгорелся, Егор бросил рядом с ним охапку пышных еловых лап, улыбнулся невесте:

– Сань, присаживайся!

Крепко обнявшись, они уселись на лапнике, счастливо помолчали несколько минут, глядя на уютное пламя костра.

«Вот оно – настоящее счастье: любимая девушка и весенний костёр! – окончательно определился про себя Егор. – Это надо было – пройти столько дорог, столько вытерпеть и пережить… А счастье своё встретить – на исходе семнадцатого века, в зачуханной русской деревушке Волковке…»

Девушка глубоко вздохнула и робко спросила у Егора:

– Саша, а почему ты нашу свадьбу перенёс? Не нужен мне каменный дом! Ничего мне не надо – только ты…

Найдём, где жить. Давай, женимся до этой вашей войны? Давай! Или… Или я тебе не нравлюсь, не люба?

– Нравишься, конечно! Конечно же – люба! – он провёл ладонью по гладкому лбу, по маленькому, чуть вздёрнутому носику и пухлым губам. – Просто тут имеется одна закавыка…

Егор, глядя в сторону, спотыкаясь через каждое второе слово, рассказал невесте о царском «праве» первой брачной ночи.

Санька не стала причитать, охать и ахать, лишь зло проскрипела зубами:

– Эх! И тут всё – то же самое… Я-то думала – царь, прибежище справедливости! Ан, нет… Понимаешь, Саша, в деревнях такое – совсем обычное дело. Каждый помещик всех девок дворовых да крестьянских топчет – что тот петух куриц, совсем не дожидаясь всяких свадеб… Да то ж – в деревнях! А тут – сам царь, помазанник Божий… Как же так, Саша? Мне что же – спать придётся с ним? Да от него же воняет, как из выгребной ямы, из ушей и ноздрей волосья растут! Не смогу я, меня же стошнит… А ещё могу не сдержаться – и ножом по шее! – Санька начала тихонько всхлипывать. – За что мне это? Думала, что нашла счастье своё настоящее… А всё вот как оборачивается…

Насилу успокоив невесту, Егор объяснил:

– Вот для этого я и выторговал целый год, чтобы придумать что-нибудь. Есть, знаешь ли, некоторые намётки…

– Правда? – преданно заглянула девушка ему в глаза. – Не обманываешь?

– Истинная правда!

– А может, обвенчаемся тайно? Егор хмуро покачал головой:

– Царь узнает, убьёт! Он – бешеный…

– За что убьёт?

– Без разницы. Когда палачи начнут пытать – во всём сознаешься: и в том, что было, и в том – чего и не было никогда…

Санька обняла обеими ладонями его голову и, покрывая лицо короткими жадными поцелуями, предложила взволнованным шёпотом:

– Давай тогда убежим от него! Куда-нибудь далеко-далеко, за Волгу, в Сибирь, например… Давай?

– Если совсем ничего не придумаю, то и убежим. Обязательно! Верь мне! – твёрдо заверил Егор невесту. – Только и к этому надо приготовиться очень тщательно, чтобы потом не поймали…

Потом они ещё долго сидели у костра и разговаривали – обо всём подряд. Егор рассказывал о московском житье-бытье, о том, какую одежду носят знатные женщины в больших городах, о разных европейских странах… Санька слушала, слегка приоткрыв свои нежные бархатные губы, задавала бесконечные вопросы. Но и сама рассказывала много чего интересного: о рыбалке, охоте, о коровах и курах, о севе и жатве…

– А ещё я очень люблю ходить с мальчишками в ночное! – Девушка мечтательно улыбнулась. – Представляешь: тёплая летняя ночь, костёр на берегу тихой реки, над огнём висит ведро, в котором варятся раки, лошади изредка всхрапывают в темноте, а над головой висят яркие звёзды…

«Повезло тебе, братец! – завистливо прокомментировал внутренний голос. – Такую романтическую особу нашёл, это что-то! Ты уж береги её…»

Примерно часа через три с половиной к костру подошли остальные Бровкины.

– Что, ребятишки, наговорились? – по-доброму усмехаясь в свою бороду, густо облепленную «каплями» сиреневого инея, спросил Иван Артемич. – А раз наговорились, то на озеро ступайте, капканы проверяйте, наживку меняйте. А мы уж тут – погреемся вволю, от души…

– Батя, а что – ещё не сняли ни одной рыбины? – удивилась Санька.

– Шустрая она очень у меня. Шустрая и нетерпеливая! Всегда

помни об этом! – усмехнувшись, сообщил Егору Бровкин-старший и терпеливо разъяснил дочери: – Пока пробили два десятка лунок, пока наловили плотвичек да зарядили капканы – время-то и прошло… Так и не проверяли ещё ловушек. Даже те твои, на налима, с сыртью и раковыми шейками… С них и начинайте, благословясь. Пешню я оставил у крайней полыньи. Вот ведёрко с мальком. Только вы воду-то меняйте в нём иногда, чтобы живец не уснул от холода…

Лунки на налима (непривычно для Егора прямоугольные) за сутки покрылись семисантиметровым слоем прозрачного льда, поэтому пришлось на совесть поработать пешнёй.

– Не так делаешь! Не так! – звонко смеялась Санька. – Наклонно же надо! Дай сюда, неумёха, покажу…

В первой же проруби на толстом шнуре сидела сильная и крупная рыба.

– Вытаскивай! Давай-давай, в мужицкую семью ведь идёшь! – весело и беззаботно смеясь, велела ему невеста. Дождалась, когда крупный (в два локтя длиной) пятнистый налим лениво запрыгает на весеннем льду, спросила – тихим и серьёзным голосом:

– Ты, Саша, уйдёшь на свою войну. А я? Что я буду делать? В окошко смотреть? Слёзы лить горькие, глядя на пустую дорогу?

Он вытащил из-за голенища валенка специальный нож с коротким лезвием, ловко и сильно ткнул стальным остриём между глаз налима, рыбина тут же затихла и успокоилась.

– Зачем же слёзы лить, дурочка? – Егор насмешливо покачал головой, забрасывая добычу в холщовый мешок. – Ты у меня будешь учиться!

– Чему мне учиться? – удивилась Санька, часто-часто моргая своими длиннющими ресницами. – Я писать-читать уже умею, до ста считать – также…

– А всему остальному? Носить одежду дам знатных, например. Географии, языкам всяким иностранным. Как держаться на балах у знатных господ…

– Я – на балах?

– Ты, радость моя, ты! Я Ивану Артемичу денег немного оставлю, он ещё одну просторную избу сладит. Я сюда учителей иностранных пошлю, каких найду, будут они тебя учить – до самого моего возвращения… Только совсем старых, противных и уродливых подберу…

С весёлым визгом Санька бросилась ему на шею…

– Сань, – спросил Егор. – А что это такое – на морде у налима?

– Да капкан. Совсем обычный капкан, на земле его ставят на

крыс (в голодные годы их тоже едят – за милую душу), а на воде – на щук да налимов. Вот на этот заточенный штырёк приманку наживляют, эту пружинку натягивают…

К избе они вернулись с богатой добычей: три щуки и четыре налима. Егор вытряхнул рыбу из мешка в ближайший сугроб, позвал Петра, который невдалеке обтирал снегом своё помятое лицо:

– Мин херц, полюбуйся трофеями нашими!

Царь, фыркая, как усталый тягловой коняга, подошёл, небрежно потрогал рыбин носком башмака, недовольно и непонимающе поморщился:

– Времени тратить не жалко – на такую ерунду! Всё, собираемся и прекращаем всякие развлечения! К войне готовиться будем…

Ночью Егор совсем не спал: думал, размышлял, вспоминал, рассуждал, жарко и увлечённо спорил – сам с собой… Теперь, когда появилась Санька, предстоящая военная кампания виделась ему совершенно в другом свете. Из исторических документов, изученных им ещё в двадцать первом веке, следовало, что из первого,[5] полностью и бесславно проигранного Россией, Азовского похода Алексашка Меньшиков вернётся живым, даже без единой царапины. Но ведь он-то, Леонов Егор Петрович, – не был настоящим Меньшиковым Алексашкой… Да и вмешательство в течение Истории уже было, так что всё могло кончиться совсем по-другому…

«И вообще, по факту – Координатор бросил тебя здесь одного, причём, неважно – по каким причинам… – настойчиво уговаривал внутренний голос. – Опять же, пять лет, предусмотренные Контрактом, уже давно закончились, и ты имеешь полное и абсолютно законное право действовать по своему усмотрению… Ты никому и ничего уже не должен!»

– Да и Вьюга предупреждал в своей записке, что новый агент «экспериментаторов» – пусть и нескоро, но ещё может появиться! – негромко поведал Егор своему отражению в маленьком настенном зеркале. – Тогда что получается? Получается, что один военный поход – гораздо безопаснее для особы царской, чем два…

«В чём заключались причины поражения России в первом Азовском походе? – рассуждал про себя Егор. – Наверное, в первую очередь, в том, что не было полной блокады: турки тогда морем постоянно подвозили продовольствие, порох и людские резервы. Следовательно – что? Следовательно, нужен крепкий флот, чтобы надёжно запереть Азов и с моря. А без достаточного количества боевых кораблей и начинать не стоит – осаду эту…» В

назначенный час он торопливо вошёл в малую столовую Преображенского дворца. За широким дубовым столом уже сидели все остальные участники совещания (последнего и решительного, как с вечера ещё объявил царь!): Пётр, Лев Кириллович – дядя царский, Лефорт, Гордон, фон Зоммер, генерал Автоном Головин и Борис Шереметьев.

– Чего опаздываешь, молодой человек? – тут же окрысился нервный, желчный и очень худой Головин, одетый в какие-то мешковатые одежды, которые ему были явно и неприлично велики. – Девицы блудливые спать не дают? Или – винишко хлебное?

– Извините меня, господа хорошие! – Егор глазами показал на целую кипу бумажных листов и рулонов, размещённую на его руках. – Вот, всю ночь работал с планами и картами! Прошу, дайте мне – первое слово!

– Похвально, очень похвально! – одобрительно загудел Гордон.

– Выскочка худородная! – презрительно скривился Головин, вскакивая на ноги – ввиду своей природной живости. – Всю ночь он работал с планами и картами? Ну, надо же – быдло работает с картами! Подсвечник ему в зад…

Головин был человеком новым в этом раскладе собутыльников, его позвали только потому, что он действительно что-то понимал (на уровне обычной разумности, спесь отринув) в деле военном, жарком. То бишь – драчлив был с самых лет младых…

Егор почти незаметно и быстро (пока Пётр не гаркнул) ткнул указательным пальцем Автонома под дых – отчего тот сразу же замолчал и согнулся пополам, отточенным пируэтом переместился назад – относительно согнувшейся фигуры, одновременно доставая из рукава короткий нож, мгновенным движением чиркнул по брючному поясу генерала, другой рукой (ещё на развороте) подхватил за ручку массивный бронзовый подсвечник…

Да, вопль ещё тот вышел: дворцовые кобели тут же перестали гавкать и потом ещё долго испуганно молчали – недели две…

Поржали все знатно, повеселились, похохмили от души. Даже Пётр совсем не сильно гневался, так – больше для порядка… Головина денщики проворно уволокли куда-то, никто его и не пожалел: чужой, непроверенный в делах и пьянках совместных…

Царь самолично помог Егору подобрать с пола разбросанные бумаги и пергаментные листы, посмотрел непривычно строго, нервно дёрнул шеей (следовательно – и головой), веско приказал:

– Прошли времена глупых забав. Если после этого не скажешь

дельного чего… Запорю лично, до смерти самой…

Егор демонстративно медленно, в полной тишине, расстелил на столе (поверх других бумаг) первый бумажный лист, откашлявшись, начал давать подробные и обстоятельные пояснения:

– Эта карта рисовалась со слов многих людишек торговых, посещавших по надобности своей сии места…

– Кто рисовал карту? – угрюмо поинтересовался Ромодановский.

– Люди мои, коих я посылал в Черкасск и Астрахань.

– Для чего посылал? – не отставал дотошный князь Фёдор.

– Надзирать за местами, где будет проходить поход Азовский, – терпеливо и чётко отвечал Егор. – Дабы безопасность государя потом было легче и надёжней обеспечивать. Ещё будут вопросы?

– Нет пока! – усмехнулся Ромодановский. – Сказывай дальше, охранитель!

– Спасибо! – коротко улыбнулся князю Егор. – Итак, про городки Кизикерман, Арслан-Ордек, Шахкерман, Соколиный замок и крепость Очаков мы сейчас говорить не будем. Здесь как раз всё и понятно. Доблестный Борис Петрович с этим, – отвесил Шереметьеву низкий церемонный поклон, – разберётся вне всяких сомнений… Но ядро ореховое данной кампании военной, цель её конечная – это крепость Азов! Без Азова – всё напрасно! Только по Дону мы можем товары свои: зерно, дёготь, лес и прочее, доставлять к Чёрному морю…

– Согласен, согласен! – заволновался Лефорт. – Азовская гавань очень важна для дел торговых, успешных… Причём даже не сейчас, а потом, когда с Босфором и Дарданеллами договоримся…

После недолгого и глупого спора о торговой ценности той или иной гавани Егор продолжил:

– Вот подробный и укрупнённый мною план крепости Азовской…

– Откуда – сей план? – опять продемонстрировал свою природную въедливость Ромодановский.

– От тех же людишек торговых! Так вот, мы хотим эту крепость взять непременно в этом году. А кто из вас, любезные господа, мне чётко может назвать основные слабые и сильные места этой крепости? Кто? И – что?

– А ты кто таков есть, харя мужицкая, чтобы отчёт давать перед тобой? – не сдержался всегда обычно спокойный Шереметьев. – Сказано: надо кампанией воинской взять неприятеля, знать и возьмём! Доля такая, присяга перед

государем… Навалимся и потопчем турка! А нет, так головы свои сложим – в бою честном, кровавом! Чего тут рассуждать и умничать? Шашку наголо – и вперёд…

– Остановись, Борис Петрович, остынь! – повысил голос Пётр, подбадривающе подмигнул Егору: – Давай, охранитель, сам рассказывай – о слабых и сильных сторонах крепости. Ты ведь ни ночь целую размышлял над этим? Зачем тогда задаёшь лишние вопросы? Цену набиваешь себе, прохиндей? Рассказывай, не томи уже!

– Как видно из этого плана, турецкие корабли могут свободно швартоваться прямо у крепостных стен. Следовательно, во время осады к неприятелю будет беспрепятственно доставляться продовольствие, порох, новые солдаты… Это очень плохо!

– Очень даже нехорошо! – подтвердил генерал фон Зоммер.

– Далее. А что у нас? Наш главный военный лагерь будет располагаться вот здесь, у Митишевой пристани, сюда же будет доставлено всё наше продовольствие и военные припасы. От Митишевой пристани до Азова степью более пятнадцать вёрст. А в степи наши обозы будут ждать до двадцати тысяч татарской конницы…

– Хватит врать! – возмущённо перебил его Пётр. – Какие такие двадцать тысяч? Мне докладывали, что не более пяти…

– Государь! – Егор склонился в почтительном полупоклоне. – Я – твой охранитель, мне по должности положено знать многое, всюду иметь надёжных и проверенных людей. Вот, посмотри это письмо, оно писано всего две недели назад, прочти…

Царь недоверчиво покрутил головой и замолчал, читая предложенный ему документ, а старый Гордон снова поддержал Егора, назидательно подняв вверх указательный палец:

– Всегда при составлении кампаний воинских надо исходить из худшего! Так учил ещё славный маршал Конде! Продолжай, молодой человек, продолжай!

– Вот и получается, что у турков не будет никаких проблем со снабжением, а нам голодать придётся, огненных припасов всегда будет не хватать, потому как татары будут постоянно нападать на наши обозы – со всем своим усердием татарским…

– А если прямо по Дону доставлять всё? – вмешался Лефорт. – На баркасах – прямо к лагерю осадному. А?

– Не получится – прямо по реке, – недовольно поморщился Егор. – Дон заперт цепями, а в устье, на разных берегах, расположены две хорошо укреплённые каланчи с очень великой артиллерией. Каланчи, конечно, можно и штурмом взять, но – ценой большой крови. Да не только в этом дело… Было бы что перевозить по реке. С этим у нас – тоже не всё в порядке, господа

мои хорошие…

– Хватить сопли жевать зелёные! – рассердился Пётр, гневно округляя глаза. – По делу говори, Алексашка! Не ходи вокруг да около!

– Слушаюсь! – щёлкнул Егор каблуками. – Подрядчики наши окончательно и бессовестно заворовались! Герр Франц, прочти вслух вот это письмо из Астрахани, чтобы никто не подумал, будто я лукавством занимаюсь…

Лефорт взял в руки бумажный лист, громко зачёл:

– Купцы Воронин, Ушаков и Горезин взялись поставить для кампании военной пятнадцать тысяч вёдер сбитня, сорок пять тысяч вёдер уксуса, столько же – водки, двадцать тысяч солёных осетров, десять тысяч пудов ветчины, масла и сала – пять тысяч пудов, соли – восемь тысяч пудов…

– Короче, суть давайте мне, соратники! – коротко рыкнул царь.

– Деньги эти господа украли, мин херц! – с вселенской грустью во взоре известил Егор. – И почти ничего не поставили, даже соли нет – ни единой щепотки… Только рыбы гнилой в достатке и хлеба лежалого, прогорклого, покрытого зелёной плесенью…

– Правду говоришь?

– Святой истинный крест! – торопливо перекрестился Егор и продолжил: – У меня же свои люди везде… Но это не всё, государь! По твоему указу на Москве-реке были построены струги, каторги и лодки – для перевозки войска и припасов…

– Построили? – Царский подбородок слегка задрожал, предвещая нешуточную бурю – с серьёзными последствиями.

– А вот поехали, сам посмотришь! Это до складов в Черкесске да Астрахани далеко, а Москва-река, вон она, рядышком. К ужину и вернёмся, ужо…

– Едем! – велел Пётр. – Подать лошадей! Все едем! Там и договорим сей важный разговор, на речном раздолье…

Часа через полтора миновали Всесвятский мост, скоро вдоль речных берегов замелькали деревянные помосты, у которых покачивались на волнах крепко привязанные лодки, струги и паузки. По приказу царя кареты остановились у самого длинного помоста, на котором ещё продолжались судостроительные работы: несколько бородатых мужиков лениво конопатили борта новенькой каторги.

Пётр первым соскочил на свежие доски помоста, за ним свои кареты покинули и остальные участники совещания.

– Что это? – грозно спросил царь, указывая своим перстом на

речную гладь. – Что это такое, я вас спрашиваю? Кто здесь главный?

Всего к доскам причала было привязано порядка сорока больших и малых плавсредств. Только вот как минимум одна треть из них находилась в полузатопленном и полностью затопленном состоянии, было слышно, как журчала вода, проникающая внутрь ближайшего струга через хорошо видимую дырку в свежеструганном борту.

По доскам настила звонко процокали чьи-то каблуки, подбитые стальными подковками, пред царские очи, отодвинув в сторону Якова Брюса, предстал дородный бородатый мужчина средних лет, одетый по купеческому обычаю: белая рубашка, тёмная поддёвка, широкие синие шаровары, чёрные, тщательно начищенные, собранные «гармошкой» сапоги.

– Здесь я, государь, здесь! – зачастил бородач, вставая перед царём на колени. – Искал меня?

– Кто таков? – с трудом спросил Пётр, жадно хватая ртом воздух.

– Столяров я! Фёдор Столяров! Рыбой торгую. А сюда купечеством приставлен московским, надзирать за строением лодочным…

– Надзирать? – взревел Пётр, нагнулся, неожиданно схватил в правую руку плотницкий топор, валявшийся на досках настила, махнул им, как показалось, небрежно…

«Вот же, мин херц называется!» – недовольно подумал Егор, обтирая рукавом камзола своё лицо, забрызганное купеческой кровушкой…

– А-а-а! – страшно завопил Пётр. – Всех ворогов казнить, всех четвертовать! Поставщиков, купцов, всех! – Царь со всей силы шарахнул топором по ближнему стругу, глубоко разрубая его борт, кинулся по направлению к карете, неожиданно упал и забился в судорогах, из его перекошенного на сторону рта во все стороны полетели клочья розовой пены…

Петра успокоили только минут через тридцать-сорок: отпоили – сперва хлебным забористым квасом, предоставленным испуганными плотниками, а потом – Мозельским вином, прихваченным с собой дальновидным и рачительным Брюсом.

– Ну, охранитель, прав ты! – очень тихо выговорил царь, после таких припадков он всегда был тих, печален и задумчив. – Не готовы мы ещё к взятию Азова! Не готовы! Придётся отложить на год кампанию сию…

Удивительно, но никто из присутствующих при этом особо и не возражал, только Лефорт негромко ругнулся по-немецки и недовольно постучал своей тростью о доски настила.

– Во дворец! – велел Пётр. – Совещание ещё не окончено, пусть Данилыч теперь предложит нам чего дельного! А то только ругает всех подряд, выводит на чистую воду, обвиняет в воровстве… Да, кстати, чего там с этим… с купцом Столяровым?

– Да помер, конечно же! – невозмутимо доложил Ромодановский, совершенно не боящийся крови. – Рука же у тебя, государь, железная…

Вернулись в малую столовую Преображенского дворца, расселись по прежним местам.

– Продолжай, Алексашка! – устало махнул рукой Пётр. – Ужин повременит!

Егор предложил, стараясь быть максимально убедительным:

– Нужно разделиться на три команды. Первая пусть через неделю выезжает в Воронеж и организует там строительство флота. Настоящего флота: чтобы и пушечные корабли были, и галеры, и брандеры…

– Брандеры – очень дельно! – встрял фон Зоммер. – Порохом нагрузили, подогнали к стене крепостной, рванули и через пролом – на штурм… Милое дело!

– Завтра же выезжать в Воронеж! – непреклонно поправил Егора царь. – Завтра же, без промедления! И команду сию я лично возглавлю! Тут без руки моей железной не обойтись! Продолжай, охранитель!

– Вторая команда займётся армейским снабжением. Старых подрядчиков надо казнить безжалостно, новых – подобрать. Тут, я думаю, князю Ромодановскому и все карты в руки, он справится… Людьми честными и толковыми и я помогу! (Это Егор имел в виду тестя своего будущего, Ивана Артемича Бровкина, мужика хваткого и головастого.) Надо, чтобы к следующей весне всё необходимое было доставлено: и в Черкасск, и в Паншино (остров такой на Дону), и на Митишину пристань…

А третья команда пусть срочно выезжает в Европу. Надо дополнительно нанять дельных корабельных мастеров, толковых офицеров – с опытом взятия крепостей, людей, хорошо понимающих в деле взрывном…

– Я сам поеду! – вызвался Лефорт. – И Якова Брюса прихвачу с собой. Только ты, Александр Данилович, список мне составь подробный…

– Составлю! – согласно кивнул Егор головой. – Теперь о диспозиции военной. Будущей весной войска и флот спускаются к Азовской твердыне. Армия окружает крепость с суши. Флот отгоняет турецкие корабли в море, устанавливает блокаду морскую. Да, ещё по дороге к морю наши корабли разрушают

орудийным боем две каланчи, снимают с устья Дона цепи… Далее, вот безымянный остров точно посередине Дона, прямо напротив крепостных стен. Сюда, под прикрытием артиллерии корабельной, переносим ломовые батареи и мортиры, начинаем старательно разрушать стены крепостные…

– Дельно, дельно! – снова одобрил Гордон. – А потом, под прикрытием этих же мортир, к стенам направляем два-три брандера, взрываем… И апроши не придётся рыть…

– Как это – не придётся? – возмутился Пётр. – Обязательно будем рыть! Надо всё испытать, всё опробовать…

Совещание длилось ещё часа два. Появился, неуклюже переставляя ноги циркулем, Головин, неожиданно, отринув нанесённую обиду, полностью поддержал Егора:

– Отличный план! Лучше воевать серьёзно и солидно, чем людишек класть в горячке удалой…

– А что отпишем в Вену, в Варшаву? – забеспокоился Лефорт.

Пётр только плечами передёрнул небрежно:

– Ничего не будем им отписывать, обойдутся, гниды заграничные! И того им пока хватит, что Шереметьев возьмёт эти Кизикерманы, Арслан-Ордеки… У меня к вам, верные мои соратники, имеется другой важный вопрос. А кто возглавит нашу будущую Азовскую кампанию? А, не слышу? – насмешливо посмотрел на Егора. – Что, охранитель, ты, небось, возглавить желаешь? Мол, планы твои, тебе и вершить?

– Никак нет, мин херц! – Егор в очередной раз вскочил со скамьи и браво щёлкнул каблуками. – Молод я ещё и неопытен! Считаю, что генерал Гордон, Пётр Иванович, достоин сей чести… А я что? Мне не надо всякого лишнего. Дозволь, государь, возглавить полк Преображенский!

– А что, и возглавляй![6] – милостиво согласился царь. – Звание полковника жалую! А сам полк потом заберёшь под свою руку, уже перед самым походом. А пока собирайся, прощайся с невестой, со мной поедешь – в Воронеж…

Вечером он прощался с Санькой.

– Полковник – это хорошо! – согласилась невеста, в очередной раз неохотно отрываясь от Егоровых губ. – Только лучше было бы свадьбу сыграть пораньше… Ты, люба моя, очень прошу, возвращайся быстрей! И думай неустанно, день и ночь, думай: как нам быть с царём и с «правом» его…

Глава десятая
Таблетки, спички, свадьба…

Перед тем как разместиться в царском кожаном возке рядом с Петром, Егор подозвал к себе Алёшку Бровкина, которого оставлял вместо себя за старшего на московском «хозяйстве».

– Так, Алексей Иванович, вчера вот целый вечер мы разговаривали с тобой, а про одно важное дело я и позабыл совсем.

– Внимательно слушаю, Александр Данилович.

– Нужно доктора мне найти одного, иноземного… Нет, не знаю имени и фамилию. Понимаешь, этот врач должен быть запачкан по самые уши – в чём-нибудь очень серьёзном и гадком… Короче говоря, грешки должны водиться за ним. Такие грешки, что дыба ему должна светить, самое меньшее… Понимаешь, о чём я толкую?

– Конечно, Александр Данилович, понимаю! Всех врачей насквозь просветим, найдём тебе знатного супостата, не сомневайся, будь спокоен, езжай себе…

– Потом, когда Брюс вернётся из Европы, и он тебе поможет, я уже толковал с ним…

С другом-Яковом Егор говорил совершенно откровенно, ничего не скрывая, чётко обрисовав суть проблемы:

– Не могу я, Яша, допустить, чтобы Пётр Алексеевич Саньку мою… Ну, того самого! Не могу, и всё! Да, он царь, и всё такое… Но, не могу! Нужен мне этот доктор. Вдруг да и получится эта задумка моя?

– А если не получится? – серьёзно спросил Брюс, озабоченно поглядывая на Егора.

– Тогда мы с Санькой ударимся в бега. Так вот мы с ней решили. Только подготовиться к этому надо очень хорошо, чтобы не поймали. Я для этого и свадьбу отложил на год… Как, друг, поможешь?

– Он ещё спрашивает! – искренне обиделся Яшка. – Конечно, помогу! Дело-то благородное…

Обоз, наконец, медленно тронулся, противно и угрожающе заскрипели по весеннему снегу широкие полозья саней.

– Алексашка, не ленись, подбрось дровишек! – попросил Пётр, зябко кутаясь в медвежью шубу. – Знобит меня чего-то…

В задней части возка располагалась пузатая печка с бронзовой трубой, выходящей наружу. Егор, надев на руку

толстую холщовую рукавицу, открыл печную дверцу, подбросил в топку, на розово-сиреневые угли, два толстых берёзовых полена из большой плетёной корзины, захлопнул дверцу на щеколду. Печка весело и бодро загудела, он вернулся на своё место – рядом с царём.

– Что это нашло на тебя, Алексашка? – задумчиво спросил Пётр.

– О чём это ты, мин херц?

– Да о том, чего это ты вдруг умничать начал? Вот, перенесли из-за тебя кампанию военную на целый год. А раньше ты всё молчал да князю Ромодановскому без устали поддакивал, мол: «Побьем татарву! Вперёд! Почётно это!»…

– Дык, Пётр Алексеевич, мин херц! – очень натурально засмущался Егор. – Я же нынче, почитай, человек почти женатый! И о росте карьерном пора натурально призадуматься… Когда молчал да всем поддакивал – в поручиках ходил обычных, а выступил всего только один раз – сразу же полковником заделался! А годовой оклад полковника – это уже серьёзно, мин херц, куда как серьёзно!

– Ну-ну, – недоверчиво покачал головой Пётр.

В Воронеже царь развернулся сразу и круто, продемонстрировав во всей красе свой организационный талант: орал, страшно угрожал, бил морды и лица – не разделяя провинившихся на родовитых и безродных, отправлял на бессрочную каторгу, силой отнимал у местных помещиков крестьян для нужд верфи корабельной…

По его Указам со всей России сгоняли в Воронеж рабочих и умелых ремесленников, безжалостно вырубались вековые дубовые и сосновые рощи. Строились амбары, погреба, склады, бараки, бани… Любое явное неповиновение и недовольство царь пресекал твёрдо и жестоко, без малейшей жалости.

Впрочем, через два с половиной месяца, когда в Воронеж прибыл царский «гарем», Пётр заметно смягчился, подобрел и перестал посылать всех провинившихся – без разбора – на пытошную дыбу и в сибирскую каторгу…

К поздней осени заложили на воронежских стапелях: три двухпалубных многопушечных корабля, пятьдесят гребных галер, пять брандеров, более ста пятидесяти стругов.

В августе месяце прибыли, даже не останавливаясь в Москве, долгожданные Франц Лефорт и Яков Брюс в сопровождении нанятых на службу морских и армейских офицеров, а также разнопрофильных инженеров и опытных корабельных мастеров, общим количеством – пятьдесят шесть человек. С каждым из вновь прибывших Егор провёл (пользуясь, естественно, услугами

толмачей-переводчиков) продолжительные ознакомительные беседы. Настырно выпытывал, настойчиво выспрашивал, внимательно приглядывался…

Все пятьдесят шесть иностранцев произвели на него вполне даже благоприятное впечатление. Уже чисто страхуясь, Егор попросил Брюса:

– Яша, пообщайся ещё раз с вновь прибывшими иноземцами!

– На предмет? На что обращать внимание?

– Может, кто-то ведёт себя нетипично. Может, говорит странно – с нотками механическими…

– Понятно, всё шпионов ищешь! – усмехнулся Яшка.

– Ищу! – согласился с другом Егор. – Кому-то ведь надо и это делать – шпионов искать…

Через трое суток Брюс доложил:

– Со всеми переговорил, ни с чем подозрительным не встретился! Так что, Саша, если я тебе здесь не нужен, то поеду в Москву. Помогу Алёшке Бровкину доктора-супостата искать для тебя…

В первых числах сентября прилетела первая радостная весть: Борис Шереметьев разбил-таки турок и татар под Очаковом, захватил все мелкие крепости и городки укреплённые.

– Через два дня выезжаем в Москву! – решил Пётр. – Будем праздновать с усердием великим сию первую викторию! Здесь старшим оставим Картена Бранда, он малый честный и надёжный, хоть и медлительный – без всякой меры…

Москва праздновала победу Шереметьева жадно, шумно, со всей широтой души русской. Как же иначе? В кои-то веки отхватили реальный кусок от татарского Крыма! Все приближенные к царю получили различные награды, Егор, по согласованию с Петром, взял деньгами – на покупку хорошего дома, его ремонт и надлежащую мебельную обстановку…

Через неделю, когда в череде нескончаемых праздничных балов и хмельных пирушек образовался небольшой перерыв, Егор вызвал к себе Алексея Бровкина.

– Ну, отыскал мне врача?

– Нашёл, Александр Данилович, а как же! Яков Брюс здорово мне помог, дал наводку дельную, они с врачом искомым – соседями оказались! Настоящий душегуб тот лекарь, как ты и заказывал. Мерзавец законченный, такого и четвертовать мало…

– Подробней давай! Кто таков, чем запачкался так сильно?

– Прозывается Карл Жабо, из французов, года три как на Якиманке открыл большую аптеку, там же и больных принимает. Недавно умерших людей – по его указаниям – выкапывают

кладбищенские мужики из свежих могил. А Жабо режет те мёртвые тела на части, записывает что-то в толстой тетради. Но с мёртвыми многие врачи иноземные так развлекаются, например, немец Александр Шварц, ты знаешь его… Но Жабо, сукин кот, он и живых режет!

– Как так – живых?

– А вот так! Представляешь, подобрал наш лекарь на улице бездомного бродягу, напоил до полного бесчувствия, специальным острым ножом вскрыл грудину, вынул сердце. А потом мужики по его команде забили взрослого хряка и принесли на тарелке ещё тёплое сердце свиное. Жабо этот орган свинский вставил бродяге в грудь, что-то там долго зашивал обычными толстыми нитками… Умер тот безвестный мужичок, понятное дело. Это ещё не всё! Другого нищего пригрел наш добрый доктор, безногого на этот раз. Отрезал у свежего трупа ногу, да и пришил нищему, предварительно опоив того хлебным вином. И безногий малый вскорости скончался… Ну, и по мелочам числится за этим доктором: с маленькими детьми сожительствует, говорят, даже с покойницами и лошадьми…

«Не иначе, наш Яша любознательный тоже принимал участие в этих экспериментах по пересадке человеческих органов! – предположил внутренний голос. – Но ради дружбы сдал-таки своего напарника-эскулапа! Молодец Брюс, учёный сукин кот! Только вот как бы не заигрался – с любопытностью чрезмерной своей…»

– Да, очень занятный фрукт – твой француз! – согласился Егор с Бровкиным. – Станет нашим попам про то известно – не жить лекарю! Особенно если узнают про то сердце свинячье в человеческой груди… Подвози его сегодня, ближе к вечеру, на нашу базу, на ту, что у Покровских ворот…

Уже давно, примерно через полгода после свержения грозной правительницы Софьи, Егор выбил у Петра денег и тайно купил несколько неприметных домишек, разбросанных по всей Москве. Как же действенной тайной службе обходиться без конспиративных квартир? Где агенты могут переодеться, загримироваться, перекусить и отогреться, допрос лиц подозреваемых провести оперативно, наконец…

Алёшка с Волковым набили доктору физиономию – сугубо на скорую руку, раздели, ловко вздёрнули на дыбу, громко и внятно зачитали обвинения. Минут через пятнадцать Жабо во всём сознался и покаялся.

– Снимите его! – велел Егор. – Водой окатите колодезной, дерюжку какую-нибудь набросьте ему на плечи, усадите в кресло, руки крепко привяжите к подлокотникам. Да, дерьмо-то смойте с

пола, деятели… Ну, и свободны, соколы, погуляйте с часик по улицам, я с нашим добрым лекарем сам пообщаюсь…

Карл Жабо не отличался избыточным мужеством: его пухлые щёки мелко-мелко дрожали, на низеньком и покатом лбу выступили капли пота, глазки-щёлочки безостановочно слезились. Егор подошёл к французу вплотную, не обращая внимания на его нешуточный испуг, заботливо обтёр докторскую физиономию льняным белым полотенцем, вышитым красными петушками, уселся напротив – на край дубового стола, не торопясь раскурил свою вересковую трубку, выдохнул в лицо мсье Жабо ароматную струю табачного дыма, посочувствовал:

– Кашляете? Кости ноют, ссадины щиплет на спине? Ай-яй-яй, нехорошо-то как… Меня зовут Александром Меньшиковым, я – царёв охранитель. Узнали? Я польщён, право, сейчас вот заплачу – от умиления нешуточного… Объясните, как же вас, дорогой мой эскулап, угораздило вляпаться во всё это безобразие? А? Любознательность подвела чрезмерная? Ведь четвертуют вас за это: сперва кожу обдерут тщательно, ноги отрубят, потом – руки, повесят минут на пять-десять, после снимут и отсекут голову кучерявую… Что, страшно? А может, царь Пётр Алексеевич специально для вас, мон шер, придумает что-нибудь особенное. Он у нас – выдумщик знатный…

Жабо только жалобно скулил, изредка подвывая, да лепетал нечто совершенно нечленораздельное.

– Слушайте, уважаемый лекарь! – неожиданно сменил тему Егор. – А существуют ли такие хитрые таблетки, с помощью которых можно (на время – понятное дело!) делать мужской орган полностью нерабочим? Например, съел такую пилюлю и целую неделю не можешь выполнять супружеские обязанности?

– Есть у меня такие, есть![7] – отчаянно закивал своей кудрявой головой несчастный Жабо. – Только они месяц действуют, а недельных – нету, извините, добрый господин…

– Месячного действия, говоришь? – искренне обрадовался Егор. – Это же ещё лучше! Повезло тебе, душегуб, знатно повезло… Так договариваемся – на этом берегу: ты мне помогаешь в одном пустяшном деле, я, в свою очередь, закрываю глаза на некоторые твои гадкие шалости. По рукам, зоофил ты наш?

– Конечно, конечно! – обрадовался француз. – Всё что угодно, мой добрый господин охранитель…

– Не твой, козёл ты драный, а царский!

– Конечно, конечно! Извините!

– Слушай сюда, недоносок! Делаем так…

Через три дня, безоблачным ранним утром, когда страдающий от похмелья Пётр пожелал испить капустного рассола (в семнадцатом веке по утрам «лечились» именно капустным рассолом, а вовсе и не огуречным!), Егор лично поспешил выполнить царскую просьбу. Он добежал до поварни, снял с бочки дощечку с расположенным на ней булыжником, прижал краем кувшина квашеную капусту, дождался, пока сосуд на две трети наполнится жидкостью, выскочил в коридор, остановился, бросил в кувшин две круглые таблетки, помешал в кувшине указательным пальцем – за неимением лучшего…

Пётр жадно, дрожа худым кадыком, выхлебал тот рассол до самого дна, поблагодарил Егора и даже отпустил до позднего вечера – проведать юную невесту…

Первым из-за высокого забора его учуял Хмур, оставленный ещё по весне во дворе Бровкиных, залаял, заблажил радостно. Егор слез с коня, тут же широко распахнулись створки ворот, и Санька, словно вихрь торнадо, бросилась ему на шею, осыпая лицо бестолковыми поцелуями, зачастила:

– Гутен таг, майн либхен! Грюсс гот! Их либе дих! Мейне херц! Видишь, как я теперь могу говорить по-немецки? Я старалась! А ещё я занималась Евклидовой геометрией, историей древнего мира, политесом французским, разными танцами европейскими…

После обеда они отправились гулять – по осенним грустным полям.

– У меня, Саня, есть две новости для тебя! – сообщил Егор.

– Одна хорошая, а другая – плохая?

– Нет, что ты! Обе очень хорошие. Во-первых, я купил дом. Каменный, большой, просторный, очень даже красивый – с колоннами мраморными, совсем недалеко от Кремля. Ты рада? Будешь заниматься мебелью и всякой обстановкой?

– Я очень рада! – заверила его невеста. – Только не знаю, смогу ли сама мебель подобрать правильную, всё остальное…

– Да не волнуйся ты, дурочка! Я человека специального определю тебе в помощь. Он и посоветует, и подскажет – ежели что… Да и Яшка Брюс поможет! Ну, тот, рыженький! Помнишь его? Так как, говорить вторую новость?

– Говори! – Санькины лучисто-синие глаза сияли нетерпеливо и требовательно.

– Готовься к свадьбе, душа моя! Думаю, после Крещения и сыграем…

– Ура! – девушка в очередной раз бросилась ему на шею, но уже через несколько секунд отстранилась, тревожно и испуганно заглянула в глаза. – Саша, а как же – царь? Его «право» на первую

ночь супружескую?

Егор рассказал невесте о своём коварном и изощрённом плане. Сперва он хотел отделаться только ничего не значащими фразами, мол: «Все решил», или «Всё само собой разрешилось». А потом заглянул своей невесте в глаза, заглянул – и рассказал всё, ничего не утаивая…

Санька смеялась от души минут десять, в конце даже икать начала, а когда икота, наконец, прошла – мстительно заявила:

– Так ему и надо! Будет знать, как издеваться над беззащитными русскими девушками! Пусть теперь над иностранными тётками безобразит…

Последующие три недели Пётр ходил мрачнее грозовой августовской тучи: безостановочно орал на всех подряд, по поводу и без повода, распускал руки, тяжёлым табуретом разбил дорогущее венецианское зеркало… Были отменены все ранее намеченные совещания – о делах воинских и гражданских, перенесены приёмы всех заграничных послов, верные собутыльники государевы начали по-тихому – от греха подальше – разъезжаться по своим московским домам и родовым вотчинам…

Поговорив со штатными дворцовыми лекарями, Егор узнал причину плохого царского настроения: Пётр неожиданно стал полным импотентом.

– Не знаю, что теперь и делать! – разводил в стороны свои пухлые ладони главный дворцовый врач фон Бранд. – Не помогают европейские лекарства, даже безотказные индийские снадобья совершенно не действуют…

«Что ж, пора переходить к осуществлению второй части плана!» – решил Егор.

Наступил хмурый сиреневый вечер, в царской спальне горела одинокая свеча, Пётр в одной длинной холщовой рубашке сидел за столом и в одиночку упрямо наливался крепкой медовухой.

– Мин херц! – тихонько поскрёбся в приоткрытую дверь Егор. – Мин херц, можно я войду?

– Пшёл вон, пёс паршивый! – В дверь тут же глухо впечатался царский башмак. – Уйди, Алексашка, пришибу!

– Мин херц! Я врача нашёл! Просто настоящее чудо, всё может! Кудесник…

– Всё может? – оживился царь. – Веди немедленно! Но, смотри, если окажется очередным коновалом, голову прикажу отрубить! И ему, и тебе, охранитель хренов…

Карл Жабо был доставлен уже ближе к полуночи, вошёл, горбясь от липкого страха, мелкими шашками просеменил к

столу, согнулся в низком раболепном поклоне, залопотал с лёгким акцентом:

– Царь-батюшка, я прибыл, готов помочь… Твой верный охранитель поведал мне о беде случившейся. Можно помочь. Можно. Только мне осмотреть надо предмет болезни…

Пётр недоверчиво хмыкнул, но спорить не стал, хмурясь, задрал свою рубаху.

После тщательного осмотра царского детородного органа Жабо важно, закатив глаза к потолку, объявил:

– Ничего страшного, государь мой! Вот тебе настойка, принимай по одному глотку. Три раза в день, после еды. Через неделю, может – полторы, все утраченные функции вернутся. Честью клянусь!

– Смотри, лекарь! – неуверенно улыбаясь, пообещал Пётр. – Если выздоровею – ефимками засыплю – до самых ушей! Если нет – не обессудь, умирать будешь смертью страшной, лютой, мучительной…

– Выздоровеешь, твоё Величество, выздоровеешь! – радостно заверил француз и тут же озабоченно нахмурился: – Только вот ещё одно… Как бы это сказать…

– Говори! – побледнел царь, предчувствуя недоброе. – Говори всё, как есть!

– Русские женщины противопоказаны тебе, государь! Флора у них другая…

– Какая ещё, в задницу конскую, флора? Что несёшь-то, чучело заморское?

– Обычная флора, батюшка-царь! – Голос Жабо стал твёрже железа. – Долго объяснять. Одному только поверь: общаться тебе безбоязненно можно только с женщинами европейского происхождения. Если же с русскими будешь сожительствовать, то болезнь злая может вернуться. И моя микстура тогда уже не поможет… Так, видимо, Бог распорядился на небе. Происхождение-то у тебя – царское, божественное…

– Лефорта ко мне! Срочно!

«А ведь он поверил всему! – несказанно обрадовался про себя Егор. – А герру Францу царь сейчас поручит срочно молоденьких проституток выписать из Европы, да побольше…»

Постепенно жизнь вернулась в прежнее размеренное русло: Пётр заметно повеселел, опять с удовольствием начал заниматься делами государственными, готовиться к предстоящему весеннему походу на Азовскую крепость. А вот свой русский «гарем» (вместе с маткой Толстой) разогнал безжалостно…

Егор вступил в полновластное командование

Преображенским полком, оставаясь при этом по-прежнему и главой царской охранной службы: одну неделю он был неотлучно при Петре, другую – в полку, оставляя вместо себя при царской особе Алёшу Бровкина.

Он познакомился с офицерским составом, провёл строевой смотр, подробно ознакомился с вооружением и стандартным боевым запасом вверенного ему воинского подразделения. Французские и немецкие ружья, впрочем, как и русские пищали и фузеи, особого восторга у Егора не вызвали: скорострельность у всех видов огнестрельного оружия была очень низкой, дальность и меткость боя оставляли желать лучшего…

«Надо будет потом у Петра Алексеевича денег чуток попросить и организовать что-то вроде оружейной лаборатории, – твёрдо решил про себя Егор. – Надо же совершенствовать всё это убожество, и ничего сложного здесь нет…»

– А почему у нас так мало ручных бомб? – недовольно спросил он у Фёдора Голицына (Голицыных в то время можно было встретить буквально везде, куда ни плюнь), командира второго батальона.

– Неудобно очень уж с ними работать! – пожал плечами Фёдор. – Пока искру высечешь, пока трут загорится, фитиль шнуровой догорит до нужной отметки, глядь – а противник-то уже скрылся. Или, ещё хуже, к тебе уже подбежал и занёс приклад – над самой головой… Можно, конечно, держать открытый огонь в железном чане, установленном на треногу. Но в атаку бежать с этим чаном, а потом всем выстраиваться в длинную очередь, чтобы поджечь фитиль? Вот когда обороняешься за крепостной стеной, то да, эти ручные бомбы – милое дело! Если, конечно, их вдоволь…

«Бедолаги! У них ведь даже элементарные спички ещё не придуманы![8] – ехидно прокомментировал эту информацию внутренний голос, впрочем, тут же дав дельный совет: – Спички можно и самому „придумать“. Была бы сера. Вспомни-ка, братец, где в двадцать первом веке располагались месторождения серы, так, чтобы поближе к Москве? Вот когда вспомнишь, тогда и поговорим… Хотя, стоп! Сера-то тут совершенно и не при чём! Помнишь, в химическом кружке при Дворце пионеров вы изготовляли самодельные спички? Тебе тогда было лет десять-одиннадцать. Из чего же вы делали спичечные головки? Не из серы – это точно… Вспомнил, из красного фосфора! Или – из белого? Нет, не помню… Надо к Брюсу подъехать и перебазарить! Если Яшку чем-то сильно заинтересовать, то он горы может свернуть…»

– Вот что ещё, ребятушки бравые, надо срочно сделать! –

обратился Егор к своим офицерам. – Лестницы наши штурмовые совсем никуда не годятся! Разочарование сплошное… Одни длинные, другие, наоборот, короткие. А делать надо, обязательно, сборно-разборные! Чтобы можно было длину менять – по мере необходимости… Вот я вам рисую: торец вертикального бруса, здесь – паз вырезается, вот ответная часть, получается надёжный замок, здесь сверлится отверстие, сюда вставляется запорный клин… Что, не понимаете? Ладно. Есть у нас в полку плотник мастеровитый? Даже три? Просто отлично! В следующий мой приезд пусть обязательно подойдут, я им всё объясню подробно… Ладно, если меня будут искать, то я отъехал на Якиманку, в Брюсов дом, а вечером буду у боярина Тихона Стрешнева, что поставлен над снабжением воинскими.

Яков Брюс, без парика очень похожий на английского принца Гарри из двадцать первого века: нос картошкой, колючий рыжий ёжик волос на голове, – мгновенно загорелся предложенной Егором идеей, только вот совершенно не знал, что такое «фосфор».

– Ты мне по-простому объясни, что это за вещество такое! – попросил Яшка. – Каковы свойства его, в чём особенность?

Кроме истории о «собаке Баскервиллей» в голову ничего не приходило, поэтому Егор объяснил Брюсу так.

– Штуковина эта пахнет очень неприятно, а ещё она ночью или просто в темноте светится приятным светло-зелёным светом…

– А, знаю, о чём идёт речь! – перебил его Яков. – Это вещество называется «крем Брандта»! Брандт – это немец такой, химик, уже умерший. Вот он и изобрёл – лет тридцать назад – твой «фосфор». Невеликий его запас, кстати, есть в моей домашней лаборатории. Да и секрет его изготовления мне известен. Что ещё должно входить в состав для этих твоих «спичек»?

– Трудно сказать! – почесал в затылке Егор. – Может, клей какой? Должен же фосфор чем-то закрепляться на деревянных палочках? Ты уж, Яша, сам покумекай. Кто у нас, собственно, алхимик признанный? Ты или я? Ладно извини, друг, мне уже пора… Надо и коммерцией заняться немного…

В доме боярина Стрешнева его уже ждали за накрытым столом: сам хозяин – Тихон Стрешнев, Франц Лефорт и Иван Бровкин – тестюшка будущий.

– Вот все и в сборе! – поднял вверх свою оловянную чарку Лефорт. – Предлагаю тост: за встречу людей деловых, коммерческих!

Выпили, закусили – всякой разностью.

– Да, нечасто встречаемся! – притворно загрустил Бровкин. –

Разъезды сплошные, торговые и государственные! Вот и Тихон наш уже уезжает через неделю…

– Куда? – так же притворно поинтересовался Егор.

– Всё туда же: в Астрахань да Черкесск, по делам продовольственным…

Помолчали.

– Предлагаю создать кумпанство коммерческое, из четырёх присутствующих здесь персон! – мягко предложил Лефорт. – Как вы, господа?

– Дык, можно! Почему и нет…

– Милое дело!

– Сладим, с нашим удовольствием! Выпить предлагаю – за это славное начинание…

Выпили.

– Деньгами скинемся – равными долями, это ясно, – промолвил Стрешнев. – А вот обязанности как разделим?

– Александр Данилович! – обратился к Егору Лефорт. – Ты у нас молодой да умный. Предлагай!

– Спасибо за доверие! – коротко поклонился генералу Егор. – Мы с вами, герр Франц, состоим при Петре Алексеевиче, а следовательно, и при казне государственной. Наша задача такая: чтобы деньги на продовольствие и фураж выделялись исправно! Иван Артемович, – уважительно подмигнул Бровкину, – всё необходимое закупает и доставляет до складов конечных. А Тихон Савельевич и сидит на тех складах: впускает только наше, но и качественное при этом!

– Совершенно верно, молодой человек! Только наше, но – качественное! – поддержал Лефорт. – Деньги надо получать только за хорошо выполненную работу!

– И чужих не пускать никого! Эта поляна богатая – только наша! – встрял Бровкин. – А какие наценки будем делать на те поставки? Какой вкладывать интерес собственный? Предлагаю: на овёс и сено – десять копеек на рубль затрат. На солонину и хлеб – двенадцать копеек на рубль. На ветчину, сбитень и водку – пятнадцать копеек…

Ещё часа три они провели в жарких спорах, обсуждая детали коммерческие…

Через трое суток, сразу после завтрака, в полк к Егору прибыл посыльный от Якова.

Егор распечатал конверт, на маленьком листке бумаги были начертаны три слова: «Спички готовы, приезжай!»

Вечером Егор прибыл в дом семейства Брюсов.

– Давай захватим по бутылочке Венгерского и посетим мою лабораторию! – радостно предложил Яшка.

Венгерское сложили в плетёную ивовую корзину, добавили туда маленький берестяной туесок с лесными орехами, по длинной винтовой лестнице спустились в мрачный подвал.

– Сперва ничего у меня не получалось: не хотел фосфор смешиваться даже с разогретым клеем – до тех пор, пока я не добавил в клей немного мелких свинцовых опилок, – рассказывал по дороге Брюс. – После длительного помешивания получилась однородная и густая буро-коричневая кашица. Я аккуратно опустил в эту массу кончик длинной и тонкой сосновой лучинки, повертел лучинку по часовой стрелке, вытащил, отложил сушиться на специальную подставку. Минут через двадцать, когда фосфорная головка застыла, я чиркнул спичкой об стенку… Сейчас сам всё увидишь! У меня там ещё с утра два десятка новых спичек выложены на просушку…

Через массивную чёрную дверь они попали в лабораторию: высокие стеллажи, забитые колбочками и бутылочками, весы – самых разных размеров и конструкций, нагревательные спиртовки, в углу – обычные слесарные тиски.

– Вот они, спички! – с гордостью указал Яков на узенький столик. – Бери, пробуй!

Егор взял со стола лучинку, один конец которой был покрыт твёрдой коричневой массой, осторожно чиркнул о ближайшую оштукатуренную стенку, на кончике лучинки охотно загорелся яркий, но достаточно неприятно пахнущий огонёк.

– Здорово ведь? – возбуждённо спросил Брюс. – Данилыч, давай откроем с тобой спичечную фабрику, а? На паях, как полагается…

– Может, и откроем! – пожал плечами Егор. – Неплохо бы и патент какой оформить в Европах… А мне этот славный состав нужен совсем для другого: кончики коротких фитилей ручных бомб тщательно пропитывать буду им…

После того, как с Венгерским было покончено, Егор предложил открыть при Преображенском полку оружейную лабораторию. Яков с радостью поддержал и эту идею:

– Разве можно хорошее оружие закупать только за границей? И своё надобно придумывать, чтобы не хуже немецкого и англицкого было… А, допустим, мы с тобой придумаем чего дельного. Где это производить? Нет ведь толковых заводов оружейных…

– Откроем, не сомневайся, братишка! – заверил приятеля чуть захмелевший Егор. – И в Туле откроем, и на Москве…

На испытания новых ручных бомб Егор (через неделю) позвал Петра, Гордона, Лефорта, фон Зоммера, Головина, Брюса, Бориса Шереметьева, да и других ещё…

Многочисленные зрители разместились на вершине пологого холма, склон которого зарос молоденькими редкими сосёнками.

– Вот, господа мои! – обратился Егор к присутствующим, предварительно запихав в свои уши льняные затычки: – Представьте себе, что это не сосны, а коварные вражеские солдаты, штурмующие наши позиции. У меня две корзины ручных бомб, я обороняюсь… Готовы? Тогда – поехали…

Он взял из корзины первую метательную бомбу, провёл кончиком короткого и жёсткого фитиля по рукаву камзола, бросил, взял вторую… Взрывы загремели один за другим, постепенно сливаясь в один сплошной гул, зрители, как по команде, дружно пригнулись к земле, затыкая уши пальцами…

«Ручные бомбы – совершенно дурацкое название! – совершенно некстати подумал Егор, не прерывая своего важного занятия. – Надо будет приказ издать по полку, чтобы с завтрашнего дня все называли эти устройства – „гранатами“, а ещё же их можно начинять всяким, например, рублеными бронзовыми гвоздями…»

Гранаты, наконец, закончились, Егор спокойно вытащил из ушей льняные затычки, снова обратился к зрителям, показывая рукой на склон холма:

– Как видите, уважаемые господа, большинство вражеских «солдат» убито. Было около двухсот сосёнок. Сколько сейчас? Раз, два, три, четыре… Больше не вижу! Предлагаю и все другие полки вооружить такими гранатами!

Пётр был очень доволен: громко хвалил Егора, ставил другим в пример, целовал в дёсны, пообещал наградить орденом, даже деревню пожаловал – с тремястами душ крепостных.

Деревня, которая по совершенно уж странному совпадению называлась Александровкой, была крепкой и зажиточной (когда следовали в Воронеж и обратно, то проезжали через неё), с большим, почти новым господским домом, а прежний её хозяин-помещик вместе со всей семьёй был отправлен царём в вечную сибирскую ссылку – за саботаж при строительстве воронежской флотилии…

А ещё через неделю Егор объявил Петру о своей скорой свадьбе:

– Мин херц, ремонт в доме я уже закончил, мебелью заставил заморской… Мы тут с Иваном Артёмычем немного посовещались, вот думаем, что после Крещения – самое время и справить свадьбу… Ты как – не возражаешь?

– А я что? – скорчил недовольную гримасу царь (после известных событий он разлюбил посещать свадьбы). – Играйте,

конечно! Заеду обязательно, чарку подниму заздравную, вручу подарки…

На следующем семейном совете (Егор плюс Бровкины) решили свадьбу устроить скромную и простую.

– Гордыня и спесь – грехи страшные! – нежно поглаживая свою бороду, поучал Иван Артемич. – За ними следом зависть крадётся людская, а за завистью – беды всякие. Скромность же любого украшает: и владыку всемогущего, и холопа последнего…

Венчание состоялось в маленькой безымянной деревянной церквушке рядом с Покровскими воротами, праздновали же в отремонтированном каменном доме, малым кругом верных друзей. Гостей было всего-то человек шестьдесят пять, что по тем временам, да и по должностям Егора, выглядело более чем скромно.

После второй перемены блюд нанятые иноземные музыканты заиграли разные танцевальные мелодии, Егор, под одобрительные крики гостей, пригласил молодую жену на медленный менуэт. Санька, разодетая по последней европейской моде – с точёными голыми плечами и низким откровенным декольте, очень условно скрывающим полную и аппетитную грудь, танцевала просто замечательно, сонно поводя томными голубыми глазами (как учитель танцев советовал) по сторонам. Гости восторженно хлопали, некоторые даже свистели от нешуточного восторга…

Когда же музыканты заиграли второй танец, то возле свадебного стола, где сидели новобрачные, выстроилась целая очередь из кавалеров, желающих станцевать с юной и ещё непорочной невестой.

Вот тут-то Санька удивила всех без исключения, встала из-за стола и громко объявила звенящим от волнения голосом:

– Любезные мои господа, не утруждайте себя зряшными хлопотами! Я танцую только со своим мужем… Извините, но других мужчин не существует для меня! Могу ещё с царём нашим, Петром Алексеевичем, станцевать. Но только если он прикажет очень строго…

Над залом повисла вязкая и тревожная тишина: в дверях, непонятно улыбаясь, стоял Пётр…

Глава одиннадцатая
Сестры милосердия и Азовский поход

Егор, стараясь немедленно замять возникшую было неловкость, торопливо бросился царю навстречу:

– Мин херц! А мы уж, право, заждались тебя! Всё не едешь да не едешь… Проходи, государь, раздевайся!

Пётр, небрежно сбросив на пол немецкий тёплый сюртук, белый шёлковый шарф и голландскую тёмно-синюю шляпу-тулью, как ни в чём не бывало заключил Егора в свои медвежьи объятия, крепко похлопал по спине, отстранился, звонко расцеловал в обе щёки, громко и душевно объявил:

– Ну, поздравляю, охранитель! Поздравляю – от всей души! Ишь, какую кралю завидную оторвал себе, прямо-таки – королеву! – откровенно жадно стрельнул глазами в Санькину сторону. – Принимайте подарки, молодые, принимайте! Тебе, Алексашка, жалую из моей казны тысячу рублей! Владей, трать, достоин! А тебе, девица Александра, дочь Иванова… Подойди-ка ко мне! Дарю вот это! – протянул подошедшей Саньке небольшой, но тяжёлый ларец изящной работы. – Открывай, молодка, смотри! Нажми вот на тот выступ. Да посильней надавливай, не стесняйся!

Раздался негромкий хрустальный звон, крышка сундучка приподнялась одной своей стороной, заняв вертикальное положение.

– Ой, спасибо тебе, государь, Пётр Алексеевич! – радостно прижала Санька ладони своих рук к груди. – Уважил, так уважил… И кольца, и брошь, браслеты, нитка жемчужная…

– Понравилось? – вкрадчиво спросил царь.

– Очень!

– А раз так, то не подаришь ли мне один танец, красавица писаная? Иль надо приказать строго?

– Музыканты, играйте! – громко и властно велела Санька и бесстрашно посмотрела Петру в глаза. – Я со всей радостью, государь!

Танец оказался очень долгим, Егор уже начал всерьёз нервничать, наблюдая за царём и своей молодой женой: Санька без устали что-то говорила, а Пётр напряжённо слушал, округлив от удивления свои большие глаза.

«Что она там активно вешает на царские уши? – терялся Егор

в догадках. – Как бы не ляпнула чего лишнего, станется с неё! Осерчает царь тогда, разгневается…»

Но ничего, пронесло! Пётр, отведя новобрачную на её законное место, только вскользь улыбнулся Егору, восхищённо покрутил головой и пробурчал:

– Ну и шустра у тебя жёнушка, Данилыч! На ходу режет подмётки…

Царь уселся рядом с Санькой, поглодал – безо всякого аппетита – ножку тетерева, отведал жульена грибного, покусал французского сыра, покрытого сиреневыми нитками плесени, поднял заздравную чарку с перцовкой:

– Ну, други мои верные, за молодых! Пусть дом будет у них – чаша полная, детишек побольше! Счастья и согласия вам, Александр и Александра, во всём…

Ещё минут через двадцать царь неожиданно поднялся из-за стола, оделся, прощаясь, строго велел Егору:

– Завтра после обеда будь у меня в Преображенском, разговор важный есть! – лукаво и уважительно подмигнул Саньке. – Да, задала ты мне загадку непростую, Александра Меньшикова, дочь Иванова…

Когда большинство гостей решили покурить табаку в специально отведённой для этих целей комнате, Егор немедленно отвёл Саньку в сторону – за голландскую печь, покрытую испанскими рельефными изразцами, жарко и нежно поцеловал, после чего обеспокоенно поинтересовался:

– Саня, а что ты такое говорила царю? Ну, во время танца?

Юная жена загадочно улыбнулась и лёгкомысленно передёрнула своими голыми точёными плечами:

– Да просто – на войну попросилась…

– Что? Ты – на войну? Какую?

– В ваш поход Азовский. Не хочу быть вдали от тебя, Сашенька! Переживать, плакать слезами горючими, представлять себе – всякое, нехорошее…

Егор на целую минуту лишился дара речи, наконец, слегка переварив услышанное, уточнил:

– А как ты, душа моя, себе представляешь это? В том смысле: в качестве кого ты собираешься отправиться в Азовский поход? Как моя (то есть командира полка Преображенского) верная супруга? Так и не полагается такого российским воинским Уставом. Опять же, если даже Пётр Алексеевич и разрешит тебе, то смеяться все будут по углам… Какой пример я подам собственным подчинённым? Нет, любовь моя, не обижайся, пожалуйста, но я…

– Совсем не как полковничья жена! – нетерпеливо перебила

его Санька. – А как, как… Вот ты, Саша, прозываешься «охранителем»… А как эту твою должность ещё можно назвать? Ну, иначе, если – чуть по-другому?

– Начальник охранной службы.

– Вот-вот! И я – как «начальник службы»! Только другой, я ещё не придумала, как её обозвать…

Егор потерянно потряс головой, широко открывая и закрывая рот, мягко попросил:

– Санечка, золотце бесценное, какой такой – «другой службы»? О чём ты толкуешь тут, моё сердечко?

Санька преданно заглянула ему в глаза, улыбнулась чуть смущённо:

– На войне ведь бывает много раненых? Ведь так?

– Бывает, что и много…

– Так вот, им же надо раны перевязывать, ухаживать за ними, кормить… Кто этим обычно занимается? Наверное, кто придётся? Вот видишь… Служба специальная нужна! А ведь женщинам сподручней заботиться о болящих и раненых! Руки у них нежнее и ловчее, чем у вас, мужчин. Я уже с девицами Буйносовыми поговорила об этом, с жёнами Сергея и Василия Бухвостовых, с некоторыми другим… Все согласны выступать в поход с армией! Вот только, как называть таких женщин, которые будут помогать докторам и лекарям? А, Сашенька? Подскажи, ты же умненький у меня!

– «Сёстрами милосердия» следует называть таких вот барышень, – машинально ответил Егор. – Только я, Саня, не даю тебе своего супружеского разрешение и согласия на эту… э-э… эту…

– Дашь разрешение, обязательно дашь! – заверила его жена, поглядывая из-под длиннющих ресниц откровенно призывно и обещающе. – Я сегодня ночью постараюсь уговорить тебя! Уж так постараюсь…

Постаралась, уговорила…

В последних числах апреля 1696 года тайно, без пышных проводов и напутствий, тридцать пять тысяч воинского люда загрузились у Всехсвятского моста на Москвереке в самые различные плавсредства, и караван, растянувшись длинной нескончаемой цепочкой, поплыл на юг – к Оке и великой Волге. Шли водным путём тихо, без всякой пафосной музыки и хвастливой пушечной пальбы.

– Тайность тщательная и внезапность полная – вот залоги побед великих! – назидательно поучал Лефорт, плавно размахивая своей дымящейся курительной трубкой. – Пусть турки

и татары пребывают в неведении полном! Свалимся на их горячие бритые головы – как снег русский, холодный…

Рядом с царской многовёсельной каторгой (на время похода Пётр приказал именовать себя господином «Бом Бар Диром») неизменно держались три новеньких струга, на низких мачтах которых гордо реяли бордово-красные флаги с большими белыми крестами посередине – это Егор предложил, а Санька идею безоговорочно поддержала. На стругах, кроме дюжих гребцов и солдат охраны (из Преображенского полка, ясное дело, Егор самолично отбирал – из пожилых, непьющих и серьёзных индивидуумов), находилось порядка двадцати пяти сестёр милосердия: происхождения – как насквозь благородного, так и совершенно подлого, с Санькой во главе.

Двумя неделями позже той памятной свадьбы Пётр после долгих раздумий издал соответствующий Указ, согласно которому создавалась новая служба – «Сестёр милосердных».[9] Во главе службы была единолично назначена Главная Сестра – дворянка Меньшикова Александра Ивановна. На время военных действий царь брал защиту «чести и достоинства» Сестёр под свою личную охрану – со всеми вытекающими последствиями. Сёстрам же милосердным, в свою очередь, запрещалось во время боевых походов вступать в «особые отношения с мужеским полом» – под страхом «плетей, каторги и полного бесчестия». Сотрудницы новой службы – совместными усилиями – придумали себе (учитывая ненавязчивые подсказки Егора) особый, достаточно строгий фасон платьев и необычный головной убор – некий мягкий гибрид головного платка простолюдинок и дамской благородной шляпки…

Заслуженные военные служаки и государственные чиновники старой закваски восприняли создание такой необычной службы достаточно настороженно, глухо и неприязненно шептались в своём кругу, но в открытую выступать против не решались, справедливо опасаясь царского безудержного гнева. Ближайшие же царские единомышленники и собутыльники отнеслись к этому нововведению с полным пониманием и лояльным одобрением.

– Даже во время великих крестовых походов в благословенную Палестину многих славных рыцарей Господних сопровождали в трудах тех нелёгких их благородные жёны! И не менее благородные подруги! – непреклонно вещал Лефорт, очарованный Санькиной красотой и непосредственностью – сразу и навсегда…

Москву на время предстоящей баталии воинской Пётр оставил на попечение верного Фёдора Ромодановского. Егор до возвращения из Азовского похода также переподчинил всех своих

сотрудников, остающихся в городе, под твёрдую и бестрепетную руку князя.

– Фёдор Юрьевич! – душевно просил Егор при личной их встрече-беседе. – Главное – за стрельцами смотри внимательно! Очень тебя прошу! Бди неустанно! Назревает там что-то нехорошее – навроде простудного гнойного фурункула… Мои люди тебе подробнее расскажут. А ты, князь, их (сотрудников-то моих) понукай чаще, пинай без стеснения своими сапогами, если будут лениться: пусть внимательнее смотрят за слободами стрелецкими. По осени мы с Петром Алексеевичем обязательно вернёмся, подчистим там всё – в этом запущенном гадюшнике – не дожидаясь, когда змеи жалить начнут…

Караван шёл речной гладью ходко, без продолжительных и нудных остановок. Заранее проверенные и тщательно отремонтированные струги, баркасы и каторги почти не протекали, запасных вёсел – взамен ломающимся от усердия сытых гребцов – было изготовлено в достатке. Проплыли по светлой и приветливой Оке, вышли в полноводную, благородно-тёмную Волгу, не причаливая, миновали Казань. За Самарой началась вольная степь, навалился нешуточный сонный зной, ещё через пять дней спустились до Царицына, несуетливо пристали к голому и неприветливому берегу.

Четверо суток без устали перетаскивали пушки и мортиры, порох, заряды и прочие грузы к городку Паншино, разбитому на высоком берегу Дона.

– Обязательно здесь надо рыть канал! Широкий, глубокий, настоящий! – настойчиво советовал Лефорт. – Чтобы можно было прямо из Москвы доплыть до самого Стамбула турецкого…

– А что ж, и выроем, Бог даст! – уверенно пообещал Пётр, смахивая обильный пот со лба: он наравне с солдатами нёс за плечами плотный мешок, заполненный огневыми припасами и чугунными ядрами. – Вот возьмём Азов, в Керченском проливе отстроим крепостницу крепкую, надёжную, тогда и выкопаем, ужо…

На бескрайних паншинских складах наблюдался образцовый порядок: амбары и схроны были под самые крыши заполнены мешками, рогожными кулями, бочками и бочонками, всюду были выставлены серьёзные караулы, в незначительном отдалении вились весёлые дымки полевых кузниц, восточнее складов паслись стреноженные табуны сменных лошадей.

– Молодцы, обрадовали! Потешили мне душу! – как заведённый повторял Пётр, осматривая Паншинский городок и без устали похлопывая по хлипкой спине и тощим плечам боярина Тихона Стрешнева, ведавшего всеми кормовыми

припасами для нужд армейских. – Кстати, Никитьевич, кто тут у нас числится в поставщиках? Наградить требуется всех – по их знатным заслугам! Дабы и другим был пример доходчивый! Ну, Тихон, друг любезный, назови нескольких, вспомни! Всех-то и не надо, только самых крупных и надёжных…

– Дык, господин Бом Бар Дир, тут и вспоминать нечего! – торопливо тараторил худенький и подвижный Стрешнев, очень похожий из-за своей тощей козлиной бородки на обычного думного дьячка. – Сейчас у меня всего два надёжных подрядчика: его Превосходительство генерал Лефорт и Бровкин Иван – тесть охранителя вашего, Меньшикова Александра Даниловича. Остальных-то мне и даром не надо, вороватые уж больно, скользкие…

Пётр глухо закашлялся от неожиданности, обернулся и недоверчиво, по очереди, внимательно оглядел с головы до пят Лефорта и Егора, стоявших за его спиной, проговорил со значением:

– Ну-ну, добрые соратники! Благодарю вас, конечно, за службу справную! Но потом – ещё поговорим, родные, ох, поговорим! – развернулся и широко зашагал, размахивая длиннющими ручищами, в сторону своего шатра, разбитого на краю высокого мелового утёса, нависающего над Днепром-батюшкой.

Лефорт ободряюще подмигнул Тихону – чем и ограничился, мелко засеменив вслед за уходящим царём, Егор же задержался на минуту-другую и строго спросил у Стрешнева, имевшего от всех этих поставок более чем приличную долю:

– Надеюсь, Тихон Никитьевич, с бумагами-документами у тебя всё в полном порядке?

– Голодный комар носа не подточит, Данилыч! – истово заверил его столбовой боярин, он же – деловой компаньон. – Всё, как ты учил, бумажка к бумажке: запрос – ответ, предложение – решение, опции всякие.

И эти… как их… оферты… Короче говоря, все правила этих, как их…

– Тендерных торгов, – подсказал Егор.

– Да, условия тендерных торгов соблюдены полностью…

Егор, сознательно не торопясь, шёл к царскому шатру и вдумчиво рассуждал про себя:

«Как было Лефорту отказать? Он мужик хваткий, хоть и строит из себя не пойми чего… Сразу же просёк ситуацию: где монополия – там и деньги серьёзные, где конкуренция – там один головняк безденежный. Естественно, подмяли под себя все поставки лакомые… Но ведь поставлено всё необходимое, в

конечном итоге! Да, прибыль нажили приличную, не шутейную вовсе, но и государственное дело завершили безупречно: продовольствия и всего прочего – на два таких похода хватит! У меня теперь семья: молодая жена, дети пойдут скоро, расходов прибавится… Что ж теперь, каждую полушку-копейку выпрашивать у царя? С другой стороны, и зарываться так не стоит… Чего-то меня понесло вдруг. Слова эти – из других Времён: „оферты“, „тендеры“, „опции“. Когда в Ливии месяц в госпитале провалялся – с малярией, начитался всяких умных книжек экономических – на свою голову, блин горелый! Вот и прилипли эти словечки высокоумные… Не, осторожней надо быть, смотреть тщательней – за своим лексиконом и повседневным поведением…»

По Дону войска уже поплыли на судах свежей, воронежской постройки. С Санькой Егор виделся по нескольку раз за день, но только издали: вежливо махали друг другу руками, перемигивались, иногда даже перебрасывались приветственными фразами. Что тут поделаешь, Указ царский строго запрещал: «Сёстрам милосердным во время потех воинских вступать в особые отношения с мужеским полом – под страхом плетей, каторги и полного бесчестия…» Что-то подсказывало Егору, что Пётр в этот раз совсем и не шутил, более того, даже будет рад, если хоть кто-нибудь нарушит данный запрет…

Погода тогда установилась просто чудесная: яркое жёлтое солнце – но без убийственной колючей жары, мягкий речной воздух, разливающий небесную негу во всём теле, звёздно-чёрные ночи, полные сладкой истомы и загадочного пения никогда не унывающих южных цикад…

День за днём дружная цепочка из пушечных кораблей, стругов, брандеров, галер и казацких ялов, выстроенная в прерывистую кривую, проплывала мимо знаменитых старинных казачьих городков, разбросанных по многочисленным солидным донским островам и крохотным островкам. Вскоре в утренней нежно-розоватой дымке показались и редкие белёсые дымки Черкасска. Сразу стало понятно, что и здесь не теряли времени зря: высокие и солидные дубовые стены крепостного прямоугольника, берега, закрытые свежими плетёными изгородями, из-за которых угрожающе высовывались жерла мортир и картечных пушек…

Ещё через сутки с небольшим, окончательно убедившись, что отставших и потерявшихся нет, флот неуклонно двинулся дальше – непосредственно к Азову, через одну из многочисленных и широких проток речного устья.

– Честное слово, господин полковник, не знаю, где мы сейчас

плывём! – делился с Егором своими переживаниями лоцман Кузьма Титов – из потомственных казаков астраханских, третьего уже поколения: – Устье гуляет почти каждую весну, как хочет! Ещё четыре года назад этот рукав назывался Койсогой. По местным понятиям – «очень глубокий и широкий». А сейчас? Видишь – сплошные камыши, высокие, разноцветные… Не, надо срочно возвращаться и плыть по основному руслу ещё версты три с половиной. Похоже, что знатно «откочевал» прошлой весной этот Койсогой к югу…

В ту тёмную южную ночь, когда русский речной караван, развернувшись на сто восемьдесят градусов, тронулся обратно – в поисках судоходной речной протоки, Егору удалось, наконец-таки, встретиться с собственной женой.

Широкая и неповоротливая царская баржа (ещё старой, «доворонежской» работы, но очень прочная и устойчивая) всё-таки умудрилась сесть на речную мель: неожиданный сильный удар, всё и вся летит куда-то, звон бьющейся посуды, треск рассыпающейся мебели, жалобные стоны и всхлипы пострадавших и ушибленных.

Струги, неизменно следующие за баржей, тут же попытались затормозить и отвернуть. Кому-то это удалось, кому-то и нет…

Два плавсредства – с Сёстрами милосердными на борту, успешно оплыли баржу по противоположным сторонам, а вот третий, центровой струг, где и находилась Санька – Главная Сестра, успешно и крепко впечатался в высокую баржевую корму. Новый могучий удар, опрокинутые масленые светильники, зажжённые в спешке после первого удара, коварные невысокие языки огня, слегка прыгающие по толстым персидским коврам и деревянной обшивке старой баржи, как результат конечный – сильный пожар, всеобщая паника, ночь…

Волей-неволей пришлось приставать к берегу…

Ночь – великая Волшебница, лучшая тётушка-фея – для всех влюблённых этой древней Планеты… Что есть Время? Что такое сто миллионов лет? Что было на самом деле, сто миллионов лет тому назад? Кто ответит? Кто? Наверняка, и там был летний чудесный рассвет, и там безудержно цвели степные цветы, распространяя вокруг, на многие вёрсты резкие и тревожные ароматы, обещающие неземное и волшебное счастье…

Нежные, чуть дрожащие, женские беззащитные губы – на грубых и обветренных, жёстких мужских губах еле сдержанный взаимный стон, несказанные – но взаимно услышанные нежные слова, шорох безжалостно сминаемой травы…

– Саша, любимый, что ты делаешь? Ведь нельзя, Указ…

– Саня, остановись…

Счастье – вещь сугубо субъективная (или, наоборот, объективная?) – в своей истиной и непреложной ипостаси.

Утром передовые суда неуклонно и планомерно забирали влево, продираясь через заросли лилово-фиолетовых камышей, жаркое солнце поднималось всё выше и выше, отставшие струги затерялись где-то – в жарком бесстыжем мареве…

Вдруг впереди опять блеснула полоска чистой серебристой воды.

– Дон-батюшка! Прорвались, слава Богу! – объявил, облегчённо отдуваясь, Титов. – Версту спустимся сейчас, а там уже и лагерь, Митишева пристань! Там этот ваш бешеный генерал, весь одетый в железо, – ждёт…

Все холмы и косогоры, попадающие в поле зрения, были покрыты одинаковыми светло-бежевыми полотняными палатками, расставленными строго по прямым линиям. Это был лагерь генерала Гордона, пришедшего сюда сушей – с пятнадцатитысячным корпусом, от Черкасска, ещё полтора месяца назад.

– Вот что значит природный немец! – уверенно прокомментировал Пётр. – Всё – прямо! Всё – ровненько!

– Мин херц! – тихонько шепнул на ухо царю Егор. – Гордон-то, он будет из шотландцев! Обидится ещё, ты в разговоре будь точнее…

– Обидится… Шотландец… Слышь, Алексашка, может, проедемся в эту Европу? Посмотрим, чего да как? Выясним, в чём там разница. Чего всё – слушать сказки замороченные? Один одно бает, другой – обратное талдычит…

– А чего, господин Бом Бар Дир, съездим, конечно, со всем нашим удовольствием! Пусть любезный тебе герр Франц наметит, спишется с тамошними государями да баронами, чтобы встретили, накормили, обогрели, приютили… Только вот одно…

– Что ещё у тебя?

– Со стрельцами надо предварительно разобраться, мин херц! Не бери лишнего в голову, государь! Там, на Москве, князь Фёдор надзирает, вернёмся – разберёмся…

Егор чётко понимал,[10] что по сути (да и – формально!) поступает совершенно неправильно: из всех исторических книг и документов было достоверно известно, что бунт стрелецких полков произойдёт именно во время годичного отъезда царя за границу, но… По всем расчётам выходило, что Санька в это время уже родит, и с детьми малыми останется одна – то есть без него. Он же в это время будет с царём за границей… В московском доме каменном, или – в новой вотчине воронежской переживут

это время его жена и дети? Да какая разница – в одно место… неприглядное! Всем ведь известно, что во время бунта народного, скоротечного, кровавого – и последствия бывают самыми страшными и гадкими… И нет против них защиты никакой, хоть сколь действенной… Что уж тут говорить – про гарантии надёжные, железобетонные…

Наконец началось главное, то, ради чего они все и прибыли сюда, штурм Азова.

Крепость, надо должное ей отдать, была просто превосходна: высоченные серо-жёлтые стены, из-за которых высовывались тоненькие и изящные минареты, компактная и очень аккуратная (французы проектировали – мать их французскую!), с возможностью приставать серьёзным кораблям и лодкам легкомысленным – прямо к низким и высоким крепостным причалам, предусмотренным заранее.

– Просто идеальная красавица! – искренне, как маленький пятилетний ребёнок, громко восхищался Гордон, даже в тридцатиградусную жару надевавший на себя фамильные стальные латы. – Такую и разрушать грех страшный, непростительный…

– Разрушать! – твёрдо велел Пётр. – Упорно и дельно разрушать крепость сию, как заранее и договаривались… Какое у неё, мать её, место самое слабое, а, охранитель?

– Малая площадь внутренних помещений, мин херц! – тут же объяснил Егор. – На такой территории – самое большее что можно: трёх-пятимесячный запас продовольствия и пороха содержать, не более! Вода? Да, там есть глубокие колодцы… Но не будешь сыт одной сырой водой! А порох, пули, ядра? Блокаду надо незамедлительно устанавливать! Полную, однозначную, без шуток всяких…

Флот, по приказу Петра, незамедлительно пошёл вперёд. Через сутки – под дружным огнём корабельной артиллерии – пала первая турецкая каланча, разрушенная до самого основания, из второй каланчи янычары благоразумно сами отошли, оставив нападавшим даже восемь новеньких французских мортир. Пушечные корабли, дождавшись, когда специальный десант (лучшие солдаты Преображенского и Семёновского полков), ведомый Егором, высадится на берег и разобьёт (вернее – утопит в реке) шесть толстых цепных преград, проследовали до самого моря.

После жаркого двухчасового боя турецкие галеры и фелюги, оставшиеся на плаву, спешно ретировались в направлении дальнего южного берега, скрытого плотной сиреневой дымкой… Началась полновесная блокада Азовской крепости…

На длинный и узкий остров, расположенный почти посередине Дона, напротив восточного крепостного бастиона, переправили ломовые пушки и мортиры, начали методичную бомбардировку, вскоре в Азове вспыхнули сильные пожары, речную гладь заволокло вонючим жёлто-чёрным дымом…

Убедившись, что ловушка крепко и однозначно захлопнулась, царь собрал военный Совет, прошёлся вдоль длинных столов, выстроенных в ряд на свежем воздухе – с отличным видом на морские заманчивые дали, задал три конкретных вопроса:

– Что будем делать дальше, други мои? Штурмовать сразу – без трусливых промедления и сомнений? Брать долгим и терпеливым измором? Эй, морды бесстыжие, кончайте орать хором! По очереди, холопы, талдычьте! Вот ты, Автоном, чего предложишь?

– А я чего? – обидчиво набычился Головин. – По мне так уже завтра нужно идти на лихой штурм, людишек не жалея! А вот твой охранитель призывает их жалеть… Не знаю, может, он и прав. Но если прикажешь, я – тут же… На штурм решительный! Хоть в одиночку, с одной шпагой! Погибну – так с музыкой весёлой…

– Понятно всё! – довольно и поощрительно ухмыльнулся Пётр. – Ежели дойдёт до жаркого дела – возглавишь штурмовую колонну… Герр Франц! А ты предложишь чего?

Лефорт плотоядно потёр одну ладошку о другую:

– Я вот предлагаю усердно рыть апроши[11] и подкопы! Инженеры есть дельные, пороха в достатке… За три недели подведём подкоп под северный бастион, заряд заложим – пудов сто, сто двадцать. Рванёт – просто на загляденье…

– А мы с Картеном Брандом и фон Зоммером займёмся боевыми брандерами! – объявил Гордон. – Три, а может и все четыре под прикрытием пушек корабельных подведём по реке к самой стене крепостной. Пороху заложим – сразу пудов двести…

– Верно, верно! – загорелся Пётр. – Только надо так сделать, чтобы подземный заряд и брандеры взорвались одновременно! Вот так-то оно совсем дельно будет! А ты, Данилыч, чем меня порадуешь?

Егор многообещающе улыбнулся:

– А я вот хочу гранаты новой конструкции опробовать… Первым делом ручные бомбы, оснащённые короткими зажигательными фитилями, на совесть пропитанными фосфорным составом, были розданы бойцам казачьих конных полков и сотен, приданных к основным частям в качестве надёжной охраны – от возможных набегов степной татарской конницы.

Сперва бородатые и недоверчивые казаки только непонимающе крутили головами и криво ухмылялись, но, испытав предложенную новинку в скоротечных схватках с кавалерией противника, резко поменяли своё пессимистическое мнение на прямо противоположное…

– Данилыч! Ещё давай нам этих своих штуковин! – настойчиво и слёзно просил казачий атаман Матвей Шуба. – Ох, не нравятся они узкоглазым! Бежит гололобая татарва от твоих гранат – как черти от церковного ладана!

А ещё через неделю и два дня татарская конница, понеся очередные серьёзные потери, и вовсе ушла из донских степей – откочевала куда-то на восток…

Осада крепости шла солидно, размеренно, как по нотам. Вот и расслабились все немного, накликали беду. Хотя Егор и пытался честно беду ту предупредить…

В русской армии существовал стародавний (абсолютно дурацкий – на взгляд Егора) обычай: после сытного обеда всем лагерем ложиться спать. Воины дружно, на все лады, храпели: от юного солдатика до генерала, убеленного сединами…

«Это же запросто можно большую часть армии спящей вырезать! – возмущался внутренний голос. – Бардак какой-то, натуральный и легкомысленный!»

Предварительно переговорив с генералами Гордоном и фон Зоммером, он доложил об этом безобразии царю. Пётр выслушал очень внимательно и тут же издал приказ, согласно которому половина армии должна была в послеобеденное время непременно бодрствовать – в полном обмундировании и с заряженным оружием. На следующий день спящие и охраняющие их сон менялись местами…

Первую неделю приказ соблюдался строго и повсеместно, а потом навалилась вязкая жара, то да сё, опять местами возобновился бардак послеобеденный, сонный…

Позиции Преображенского полка располагались как раз напротив главных крепостных ворот, до них от первой линии полковых траншей было метров семьсот-восемьсот. В траншеях – по приказу Егора, круглосуточно, меняясь посменно, всегда равномерно располагались семьдесят солдат, у каждого из которых было по пятнадцать ручных бомб – сиречь гранат, сложенных в специальные корзины.

– За воротами бдить неустанно! – наставлял Егор своих офицеров. – В случае вылазки противника – в панику не впадать! Бодрствующим тут же подавать команду на построение, после чего батальонными строями выдвигаться к траншеям и там ждать

– с оружием наизготовку. Огонь по неприятелю открывать только после начала гранатометания. После его завершения примкнуть багинеты и – в штыковую атаку!

Правей преображенцев располагался Семёновский полк, вот там-то явно дисциплина хромала.

– Что у них происходит? – гневно вопрошал Егор, наблюдая в подзорную трубу за семёновскими позициями. – Спят все вповалку, мерзавцы! Всего двух часовых выставили, да и те клюют носом!

– Так их полковник, Иван Троекуров, животом скорбен уже полную неделю, лежит в лазарете, – охотно пояснил Фёдор Голицын. – А его заместитель – Сенька Троекуров, двоюродный братец Иванов, третьи сутки уже пребывает в крепких объятиях Бахуса, в запой, то есть, ушёл…

– Александр Данилович! – обратился к Егору другой его батальонный командир – Андрюшка Соколов. – А турки-то тоже на семёновцев любуются в подзорные трубы! Как бы не случилось чего – паскудного и нехорошего…

– Ладно, не сглазь! Сегодня вечером я поговорю с Петром Алексеевичем, пусть нового командира назначит для семёновцев. Того же Якова Брюса, к примеру…

Не успел он поговорить с царём: минут через семь преображенские барабаны громко забили тревогу.

– Андрюшка, дрянь такая, сглазил! – взвыл Голицын. – Надо же было плевать через левое плечо! – бодро побежал к своему батальону.

Егор достал из-за голенища ботфорта подзорную трубу, жадно приник к окуляру. Из широко распахнутых крепостных ворот показался турецкий отряд. Странный такой отряд: порядка пятидесяти янычар, по двое взявшись за ручки, несли широкие бронзовые чаши, оснащённые короткими треногами-штырями, между носильщиками мелькали одинокие фигуры с горящими факелами в руках.

«Что-то здесь не так! – взволнованно зашептал внутренний голос. – Басурманы явно задумали какую-то гадость неординарную!»

Турки быстро преодолели половину расстояния до преображенских траншей, остановились, выстроив длинный ряд из странных бронзовых чаш на треногах, люди с факелами забегали между чашами, через полминуты Азовская крепость была окутана густым бело-серым дымом.

– Чёрт побери! Да за этой завесой можно что угодно спрятать! – засомневался Егор. – Голицын, Соколов! Выкатывать полевые пушки к траншеям! Незамедлительно открывать огонь по

самому низу этой стены дымовой! Стрелять ядрами и картечными гранатами – через раз, чередуя!

– Данилыч! Турки стороной обходят тот дым! На семёновцев идут! – доложил Егору его третий батальонный командир Никита Смирнов. – Вся сонная команда, два батальона, уже на ногах, строятся! Приказывай, командир!

В подзорную трубу было хорошо видно, как из клубов густого дыма вынырнул другой турецкий отряд, состоящий не менее чем из пяти (может и более, за дымом не разобрать!), сотен янычар, и устремился к лагерю семёновцев, где уже началась предсказуемая паника. Ветер донес отголоски звериного воя, с которым турки устремились на русский лагерь.

– Второму и четвёртому батальонам оставаться здесь, неустанно вести пушечную стрельбу! – громко скомандовал Егор, слыша, как его приказ тщательно дублируется офицерами. – Первый и третий батальоны, примкнуть багинеты! За мной! – быстрым шагом устремился в сторону позиций Семёновского полка, слыша за своей спиной взволнованное дыхание солдат и офицеров первого батальона…

Помощь подоспела вовремя, схватка получилась жаркой и бесшабашной.

Натуральный такой ближний бой – с применением сугубо холодного оружия: визг, хрип, стоны, лязг железа… Только изредка звучали отдельные пистолетные выстрелы да пару раз басовито разорвались ручные бомбы.

Турки не выдержали и побежали к спасительной дымовой стене.

– Отставить, врага не преследовать! – приказал Егор, слыша, как дисциплинированно и безостановочно палят преображенские пушки, – не хватало ещё, чтобы погоня попала под свою же картечь. – Багинеты отомкнуть! Ружья – заряжай! Вслед неприятелю – огонь!

Со стороны дымовой завесы загремели частные взрывы ручных гранат.

«Это Федька Голицын велел гранатомётчикам подползти к стене дымной! – восхитился внутренний голос. – Молодец, сам додумался! Хотя, с другой стороны, это самоуправство натуральное!»

Егор тщательно обтёр свою окровавленную шпагу о тёмно-синие шаровары ближайшего мёртвого турка, отправил – со звоном – шпагу в ножны, огляделся вокруг и принялся сердито ругаться:

– Чего расселись-то, воины славные? Отдыхаем? Встать всем немедленно! Запомните, первым делом после боя завершившегося

полагается раненым помогать! Сперва раненые товарищи, потом уже всё остальное! Только так будет, пока я командую этим полком… Чем перевязывать? Рубашки холщовые да льняные с мёртвых тел рвите на полосы! Для чего покойникам рубашки? Скоро и Сёстры Милосердные подоспеют, помогут! – подавая подчинённым пример, самолично занялся перевязкой усатого солдата-семёновца, получившего секущий удар ятаганом по груди…

Вечером царь возле своего шатра проводил «разбор полётов».

– Получается, что мой приказ – это ерунда полная, на которую можно начихать? – грозным взглядом обвёл Пётр лица собравшихся генералов и полковников. – Шутки всё шутим? Войну считаем за потеху воинскую? Я вам сейчас покажу потеху! Где эти Троекуровы, так их растак?

Вывели перед грозные царские очи братьев Троекуровых – уже без камзолов офицерских, со скованными руками.

– Смотреть на них не хочу! – проскрежетал зубами Пётр. – Треть полка потеряли по их вине! Вороги, душегубы! Отвести их в сторонку и расстрелять! Все их деревеньки и вотчины отписать в казну! Родственников – в ссылку вечную! Кто хочет возразить?

– Дозволь мне, государь! – раздался звенящий Санькин голос.

«Ничего другого я от неё и не ожидал! – грустно объявил внутренний голос. – Сейчас и вам достанется – на орехи! Если всё только Сибирью закончится, то считай – и повезло!»

Но на Саньку царь гневаться не стал, только отмахнулся небрежно – как от комара назойливого, и заявил:

– Не дозволяю! Всем известно, что супруги Меньшиковы у нас – все добрые и нежные из себя! Легко быть добрым! – нахмурился, но уже через секунду улыбнулся: – Но и смелые они, Меньшиковы! Оба – смелые! Вот этому – всем поучиться у них требуется! – обернулся к Егору: – Что вы там ещё придумали, относительно этих Троекуровых?

– Да просто разжаловать в солдаты да и направить к генералу Лефорту – апроши рыть. Работа там трудная, не хуже каторги сибирской…

– Апроши, говоришь? – опять нахмурился Пётр и строго спросил у Саньки: – Скажи-ка мне, Главная Сестра Милосердная, а сколько людей мы лишились сегодня, во время этой наглой турецкой вылазки?

– Убитыми – сто семьдесят человек, ранеными – вдвое больше! – бестрепетно доложила Санька. – Но и турки – убитыми и пленными – потеряли около четырёхсот отборных янычар!

– Это хорошо – четыреста янычар! – согласился царь. – И

заслуга в этом – лично полковника Меньшикова и его подчинённых, которые галок и ворон ртами не ловили! Ладно, принимаю такое – справедливое насквозь – решение: Ивана Троекурова – животом скорбного – отправить в апроши, а братца его Сеньку – расстрелять… Всё на этом, я сказал!

А ещё через неделю из Азовской крепости прибыл парламентёр – с белым платком в одной руке и пергаментным свитком в другой. Прочитав послание, царь скорчил недовольную гримасу, нахмурился, велел посланнику прийти за ответом следующим утром, а сам тут же созвал всех генералов и высших офицеров в свой шатёр – на экстренный военный Совет.

Пётр поднялся со своего раскладного стула, внимательно и печально оглядел верных соратников, объявил – слегка расстроенно:

– Турки хотят сдать крепость! При условии, что мы всех их выпустим – с оружием и знамёнами… Улыбаетесь, смотрю? Рады? Что, уже навоевались? А я вот – нет! Госпожа Главная Сестра! – обратился к Саньке, которую неожиданно для всех тоже пригласил на Совет. – Расскажи, что у нас с потерями. Сколько мёртвых, раненых?

– Всего умерло, господин Бом Бар Дир, двести сорок пять человек: большинство от полученных в бою ран, несколько – от болезней, – совершенно невозмутимым голосом, будто с младых лет участвовала в государственных делах и Советах, ответила Санька, посматривая в основном только на Егора. – Казаков, раненых в схватках с татарской конницей, – четырнадцать. Флотских людей – девять. Армейских – четыреста пятьдесят девять. Но очень много больных и хворых, порядка шестисот человек.

– Шесть сотен больных? – удивлённо нахмурился царь. – Чем страдают? Может – притворяются, чтобы избежать тяжкой лямки солдатской?

– Нет, не притворяются, Пётр Алексеевич! – мимолётно и строго улыбнулась Санька. – Желудками все страдают, поносом кровавым. И всё из-за того, что чистоту не соблюдают! Вот я намедни, третьего дня, читала Воинское Уложение. Много чего там предусмотрено из того, что солдат должен иметь с собой в походе, упомянуты даже косичка накладная и смесь пудры с мукою ржаной. А вот мыла обычного нет в том подробном перечне! Отсюда и грязь, а где грязь – там и болезни! – смущённо покосилась на Егора, чуть покраснела и добавила: – А мыло-то – вещь очень даже полезная…

– Дельно говорит Александра! – загудел бас Гордона. –

Дельно! Надо мыло держать в войсках. В порядке обязательном!

– Мыло? – брезгливо передёрнул плечами Пётр, сам никогда не отличавшийся трепетной любовью к чистоте. – Если на всех служивых людишек мыло в Англии закупать, никакой казны не хватит!

– Если будет надо, то и мыловаренный заводик поставим на Москве! – мягко заверил Лефорт, предварительно перемигнувшись с Егором. – Ворвани-то в Архангельске – с избытком значительным…

– Ладно, коммерсанты ушлые! Перемигиваются ещё, морды… – недоверчиво покачал головой царь. – Потом поговорим про то. А сейчас – по делу. Главная Сестра нам только что доложила, что потери в армии и флоте – совсем копеечные. Так с чего нам войну прекращать, турка с почестями и знамёнами выпускать из крепости?

– Точно, Пётр Алексеевич! – горячо поддержал Головин. – Либо пусть сдаются – вместе со всеми знамёнами, пушками, ружьями, ятаганами – и следуют в Сибирь, либо – штурм кровавый и беспощадный! Хоть прямо завтра! Шпагу из ножен, и – Форверст!

– А у меня подкоп почти готов, – негромко похвастался Лефорт. – Дней пять-шесть, и можно будет порох заносить…

– Брандеры давно уже подготовлены! – сообщил Гордон. – Только и ждём, что герра Франца. Чтобы рвануть – одновременно…

На том и порешили: сообщить утром турецкому парламентёру, что принятие решения откладывается на неделю, мол, царь отъехал в Черкесск – баню посетить тамошнюю. А по прошествии этого времени взорвать всё, что только можно взорвать, и посмотреть – что, в конце концов, получится из этой задумки…

– До чего же все мужчины кровожадные! – неодобрительно покачала головой Санька, но вступать в спор благоразумно не стала.

Через шесть дней, сразу после торопливого завтрака, Пётр и все его ближайшие сподвижники проследовали на ближайший высокий холм, с которого открывался превосходный вид на Азовскую крепость, и, вооружившись подзорными трубами, стали ждать. Отсутствовали только Лефорт и Картен Бранд, находящиеся непосредственно на вверенных им боевых объектах.

– Что, государь, как рванёт, так сразу и двинемся на штурм? – нетерпеливо спросил Головин, нервно облизывая свои тонкие губы.

– Не суетись, Автономка, не суетись! – отмахивался от него Пётр – как от приставучей навозной мухи, неотрывно глядя в окуляр подзорной трубы. – Дождёмся, посмотрим, вот тогда и определимся…

Внезапно под крепостной стеной земля заметно вспучилась, раздался страшный грохот, от которого тут же заложило уши, над бастионом поднялся устрашающий огненный столб, во все стороны полетели крупные камни и обломки брёвен…

А ещё через полминуты крепостная стена зашаталась, дрогнула, потекла…

– Ура! – завопил Автоном. – Есть широкий пролом! Пётр Алексеевич! Давай команду на штурм решительный!

– Подождём брандеров! – после короткого раздумья решил царь. – Нам нынче спешить некуда. А басурманы пусть понервничают, бродяги…

Турки действительно не понимали, что происходит: после взрыва в крепостной стене образовался кривой пролом, но русские войска почему-то не торопились идти на решительный приступ…

– Государь, Пётр Алексеевич! – тоненько взвыл Головин. – Вон басурманы уже строительную команду направили – заделывать проём! Позволь мне…

– Ждать, я сказал!

Наконец и над речной гладью один за другим прогремели три сильных взрыва, Азовская крепость вновь скрылась в сплошном дыму, когда же он рассеялся, Санька радостно объявила:

– Восточный бастион полностью рухнул! Прямо в реку!

– На штурм! – истошно завопил Головин. – Ура! Форверст!

Пётр устало и довольно улыбнулся:

– Не требуется уже штурм! Вон, все уцелевшие стены – в белых тряпках! Сдаются турки! Без всяких переговоров и дополнительных условий сдаются…[12]

Глава двенадцатая
Утро стрелецкой казни

Ранним августовским утром войска, участвовавшие в осаде Азовской крепости, торжественно, с громким барабанным боем и развёрнутыми знамёнами, прошествовали через всю Москву и разошлись по местам постоянной дислокации. Царь в сопровождении Преображенского и Семёновского полков, проследовал прямо в Преображенский дворец, где сразу же и заперся с Егором в своём рабочем кабинете, появившемся ещё год назад благодаря рассказам Лефорта о порядках и обычаях при европейских королевских дворах, заговорил о делах насущных:

– Не будем времени терять понапрасну на всякие бестолковые балы и праздничные пирушки. Я, Алексашка, уже твёрдо и окончательно решил: по весне обязательно отправимся в Европу – Великим Посольством. Что мы должны сделать до этого времени, чтобы отбыть со спокойным сердцем? Давай, перечисли мне всё сразу! Только не забудь – важного чего…

– Перво-наперво, – осторожно начал Егор, – надо обязательно закрепить победу Азовскую. Предусмотреть деньги на ремонт крепости, на обустройство Керченского пролива и на рытьё канала судоходного – между Волгой и Доном…

– С этим всё понятно! – нетерпеливо перебил Пётр. – Распорядишься потом, чтобы завтра собралась большая Дума. Чтобы съехались все толстозадые и важные, бояре то бишь… Ну, и наших скликай, сподвижников и соратников! Продолжай, охранитель!

– Второе, мин херц, это полки стрелецкие… Алёшка Бровкин выехал нам навстречу, успел мне доложить вкратце. Очень серьёзные дела намечаются, надо пресекать – без всякой жалости! И письма имеются перехваченные: от стрельцов – к Софье и в сторону обратную…

– На завтрашний вечер, когда закончится большая Дума, пригласи для тайной беседы князя Фёдора Юрьевича! – подумав, велел царь. – И твои пусть будут – Василий Волков и Бровкин Алёша. Почитаем эти письма, ужо… Что там ещё?

– К весне надо будет подготовить пару твоих, мин херц, двойников…

– Как это – двойников?

– Ну, таких мужиков – из простых, понятное дело, которые внешне похожи на тебя: лицом там, фигурой. Одного оставим на Москве – для всеобщего непонимания. Второго возьмём с собой, в

Европы… Вдруг опять появятся наёмные убийцы? Вот пусть и убивают этих мужиков, думая, что это ты, государь…

– Это – твои дела, охранитель! – небрежно отмахнулся Пётр. – Делай, как знаешь… Всё у тебя, надеюсь?

– Одно только дело осталось! – тяжело вздохнул Егор. – Это касается, Пётр Алексеевич, сынка твоего, Алексея…

– А с ним чего приключилось? Заболел, что ли? – нахмурился царь, не испытавший, впрочем, к своему отпрыску никаких чувств нежных. – Так лекарей хороших отряди к нему!

– Не в том дело, мин херц…

– А в чём тогда?

Егор задумчиво взлохматил на затылке свой огненно-рыжий парик:

– Алексею уже шесть лет, большой уже мальчик… В этом возрасте дети всё впитывают в себя, что вокруг них. А что (и кто?) сейчас вокруг царевича? Попы да Лопухины. Те и другие – жадны без меры до власти и денег. Нашепчут они на ухо мальчишке всяких знатных гадостей, вырастит твой сынок злобным волчонком, зубастым, ненавидящим отца своего…

– Дельно говоришь, Алексашка, дельно! – согласился Пётр. – Предлагаешь отобрать сына у Евдокии? Что ж, готовь Указ, сразу же и подпишу! А кому поручим воспитание наследника моего?

– Предлагаю, чтобы он постоянно жил в Преображенском, под присмотром твоей сестры, мин херц, царевны Натальи Алексеевны. Она девица благонравная и надёжная – во всех отношениях. Евдокии же, как и всем родственникам её, строго запретить появляться во дворце сём! А всех твоих верных соратников мы в том же Указе обяжем участвовать в воспитании царского сына высокородного: раз в две недели посещать его – с беседами поучительными, высокоумными… Всех поимённо укажем. Вот только примерный список: генералы Лефорт, Гордон, Головин, фон Зоммер, мастер корабельный Картен Бранд, Брюс – кот учёный, я, князь Ромодановский, дядя твой – Лев Кириллович…

– Ладно, уговорил, речистый! – Царь расслабленно махнул рукой. – Может, и будет из всего этого толк конечный…

Шёл Егор к своей карете, запряжённой четвёркой гнедых (царский подарок – в честь славной виктории Азовской), и удивлялся про себя: «Что я творю такое? Зачем? Ведь так и всю Историю можно перекроить ненароком… Стрельцам непокорным головы отрубят – на два года раньше. А кто теперь вырастет из царского сына? Вместо подлого и коварного предателя – отцов помощник и верный единомышленник? Впрочем, даже интересно – как оно будет теперь, чем всё завершится… Дай Бог, чтобы

Россия только выиграла от этого!»

Во дворе их нового каменного дома Егора встретила Санька – в обычном летнем цветастом сарафане, с уже заметно округлившимся животом: совсем не стесняясь слуг, бросилась ему на шею, жарко поцеловала в губы, зашептала в ухо:

– Саша, как же я соскучилась! Наконец-то как люди будем ночевать сегодня, в одной постели… А давай, прямо завтра уедем в нашу Александровку? Там, наверное, сейчас очень хорошо, урожай поспел. Я варенья наварю – самого разного: яблочного, грушевого, смородинового… Как ты, Саша, согласен?

– Обязательно съездим в деревню, моё сердечко! – горячо заверил жену Егор. – Где-нибудь через недельку-другую. Вот только сделаем несколько дел важных, неотложных, и съездим…

Для участия в большой Думе государевой съехалось около ста двадцати человек. Порядка сорока пяти бояр – в своих высоких ферязях и бобровых шапках, несмотря на тёплое летнее время. Остальные все – абсолютно новые: генералы, офицеры, люди инженерные и даже – торговые.

– Не бывало такого испокон Руси, чтобы иностранные людишки участвовали в сидениях Думских! – желчно и недовольно перешептывались между собой бородатые бояре. – Что творится-то? Благолепие русское нарушается…

Пётр, чтобы всем можно было разместиться в одном помещении, распорядился:

– Ломайте стенку – между парадной и совещательной палатами! Ломайте, кому сказано! Скамейки несите стулья и табуреты – какие найдутся! Бояре жирные пусть рассаживаются с правой стороны – от трона моего, все остальные, нормальные – с левой…

Стенку быстро и успешно порушили, после чего все расселись по скамьям и стульям – в указанном царём порядке, недоверчиво и зло косясь друг на друга.

– Что ж, крепко схватили мы свою фортуну за волосы! – начал царь сиденье Думское. – Но не стоит на лаврах почивать сонно, как некогда древние римляне (Лефорт о том рассказывал), обыкновение имели! Надо неустанно развивать сей успех – с прилежанием немалым… Поэтому по следующей весне надо восстанавливать крепость Азовскую, стены ремонтировать – со всем старанием, войском заселить надёжным, с надлежащим припасом огненным. То же касаемо и Таганрогской крепости, которую сейчас закладывает славный генерал Теодор фон Зоммер. Требуется посчитать тщательно и выделить денег на то – сколько ни потребуется… Вторая забота – флот азовский и

черноморский следует укреплять кораблями дельными, многопушечными. Делать их будем так. Монастырям всем: с каждых восьми тысяч крестьянских дворов требую построить один корабль! Боярам и прочим чинам: с каждых десяти тысяч крестьянских дворов – также один корабль пушечный… Что за шум такой? Недовольные есть, несогласные? Смотрите у меня! – погрозил увесистым кулаком. – Если что – велю в железо заковывать! Дальше. Купечеству и людям слободским: велю сделать десять, нет, двадцать судов морских! Кто в тех кумпанствах не поспешит участвовать, буду без всякой жалости отнимать вотчины и поместья… В кумпанствах содержать необходимо: дельных плотников, пильщиков, резчиков искусных, кузнецов, иноземных мастеров корабельных, переводчиков…

С царём спорить никто не решился, за три часа посчитали необходимые денежные суммы на крепостное строительство, приговорили к трате, утвердили положение и о кумпанствах корабельных…

– Ещё дело важное имеется! – снова поднялся со своего трона царь, когда все уже облегчённо вздохнули и приготовились разъезжаться по домам. – Необходимо отобрать человек пятьдесят или даже… – Пётр задумался.

– Сто, мин херц, сто! – шёпотом подсказал Егор.

– Приказываю: отобрать сто человек молодых дворянских недорослей – из тех, что побойчей и посообразительней! Пусть ранней весной, когда ещё держится путь санный, отъезжают за границу: учиться математике, корабельному и оружейным делам, фортификации и строительству портов морских… К каждому приставить по здоровому солдату – для услуг и помощи, денег предусмотреть кормовых…

Вечером, идя по коридорам Преображенского дворца к столовой, где было назначено тайное совещание относительно козней стрелецких, Пётр недовольно посмотрел на Егора и жёстко предупредил:

– Воли много взял себе, охранитель хренов! Ещё раз влезешь прилюдно со своими подсказками – вышибу все зубы! Или велю выдрать плетьми, замоченными в соляном рассоле, как последнего дворового холопа…

Пётр, нетерпеливо распахнув дверь кулаком, вихрем ворвался в столовую, широкими журавлиными шагами подошёл к своему стулу, успокаивающе махнув по дороге рукой поднявшимся из-за стола Ромодановскому, Волкову и Алёшке Бровкину:

– Сидите, други, сидите! Сейчас вот перекусим, тогда и поговорим о делах. Алексашка, по правую руку садись от меня! И

не вздумай дуться! А не то обижусь и не отпущу в деревню, с женой развлекаться молоденькой…

Вечерняя трапеза – как обычно – состояла только из холодных блюд и закусок: хлеб ржаной и пшеничный тушёная зайчатина, варёные свиные и говяжьи языки, солонина, ветчина, копчёные грудки гусей и лебедей, всякая рыба – в немалом ассортименте, красная и чёрная икра, солёные рыжики и белые грузди, квашеная капуста и маринованная редька…

Выбор напитков был гораздо скромнее: квас, крепкая зубровка, Мозельское белое вино и красный церковный кагор.

Ужин прошёл в полном молчании: царь напряжённо думал о чём-то своём, остальные же не решались отвлекать его от этих размышлений. Наконец, небрежно зашвырнув в дальний угол тщательно обглоданный селёдочный скелет, Пётр заговорил – глухо и неприязненно:

– Стрельцы! Я всё помню… Мне тогда лет десять было всего, когда стрелецкий бунт правил на Москве… Но я – помню! Кровь, кишки, вылезающие из брюха боярина Матвеева. Как перед матушкиным лицом они размахивали своими бердышами… Пора разгонять все полки стрелецкие, пора! Толку от них в военное время – полный ноль, а шуму – по поводу денег… И всё как бы намекают: денег будет мало – бунту быть! – Правая царская щека сильно задрожала, но он взял себя в руки, велел коротко, по–деловому: – Давайте, подробно рассказывайте! Кто? Что?

Василий Волков, дождавшись короткого, чуть заметного кивка от Ромодановского, поднялся со скамьи, принялся рассказывать, стараясь не глядеть на Петрово лицо – страшное, потемневшее, с кривым волчьим оскалом:

– Четыре стрелецких полка стоят под Торопцом, где ты, государь, и велел службу им нести. Недовольны они этим, очень хотят вернуться на Москву, в свои старинные слободы торговые. Достоверно известно, что бунт они готовят следующим летом, когда ты, государь, надолго отъедешь из Москвы белокаменной. Планируют беспощадно уничтожить всех-всех твоих родственников и сподвижников, а на престол российский хотят посадить царевну Софью…

– Ты что говоришь такое, смерд? – сильно стукнул царь кулаком по столу, болезненно поморщился. – Об этом Посольстве только сегодня объявлено! Я и сам окончательное решение – весной ехать в Европу – принял только пять дней тому назад! А ты уверяешь, что в Торопце уже известно про то? Ты, Васька, держишь меня за дурака последнего? Отвечай, подлец, пока я тебе голову не проломил!

– Никак нет! – сильно побледнев, прошипел Волков.

– Что – никак нет?

– Не держу, государь, тебя за последнего дурака…

– Ой, спасибо, родной, уважил! Ну, а ещё чего скажешь умного?

– Пётр Алексеевич! – вмешался спокойный басом, Ромодановский. – Василий ведь ничего и не говорил про Европу. Он сказал: «Когда ты, государь надолго отъедешь из Москвы белокаменной…» Ты же, Пётр Алексеевич, никогда летом не сидишь на Москве! Всё в отъездах дальних… Вот стрельцы и решили, что и в этот раз так будет: или к Азову отъедешь – на кораблях поплавать по морю, или в Архангельск, или – на горы Уральские. Помнишь, тебя дьяк Виниус звал на Урал – посмотреть на тамошние чудеса, а ты согласился прилюдно?

– Помню! – коротко кивнул Пётр, чуть смущённо посмотрел на Волкова: – Ты, Василий, не сердись на меня! Ну, наорал маленько, ну, бывает! Должность у меня такая – царская… Что там у вас с письмами? Алёшка, докладывай!

Со своего места поднялся румяный и голубоглазый Бровкин, держа в руках несколько листков бумаги, заговорил – раздумчиво, словно бы взвешивая каждое своё слово:

– Перехватили два письма – от стрельцов к царевне Софье, в монастырь. И четыре – от Софьи к ним. Можно с уверенностью сказать, что писем было больше гораздо. Но всё перехватить нельзя, никаких сотрудников не хватит на это…

– Давай сюда стрелецкие писульки, неторопливый ты наш! – властно протянул свою длань Пётр, забормотал, зло усмехаясь, мельком просматривая бумаги: – Матушка-раскрасавица, лебедь белая… На верность присягаем… Займи престол древний… Крови не убоимся… Молим слёзно… Пусть вернутся порядки прежние… Вот же засранцы! Кто подписывал сиё? Смотри-ка, и полковые командиры, и пятисотенные, и стольники! И что им отвечала Софья, лебедь белая?

– Во всех четырёх письмах – один и тот же ответ: «Пусть будет – как Богу сиё угодно! Софья», – доложил Алёшка.

– Ну и хитра моя сестрёнка! Змея осторожная, ядовитая…

По завершении двухчасового разговора они приняли такой нехитрый план: дождаться, когда зарядят хмурые осенние дожди и завершатся плановые учения воинские, выслать в стрелецкие полки богатый водочный обоз – в качестве милостивого царского презента, выждать сутки-другие, после чего тщательно окружить злонамеренных смутьянов и разобраться с ними – как уже получится…

– Мин херц, а можно, я на недельку отъеду к себе в Александровку? – попросил Егор, провожая царя в опочивальню. –

Жена очень уж сильно скучает по жизни деревенской! Вместо меня тут Волков покомандует – в делах охранных, а в полку – Федька Голицын… Можно, государь?

– Валяй! – разрешил сильно захмелевший Пётр. – Даже на две недели можешь, разрешаю! Я вот тоже решил слегка отдохнуть от дел государственных: и Анхен заждалась меня, да и из Дании прибыло с пяток девиц свежих… Преображенцев возьми только с собой десятка два: пусть тщательно охраняют моего верного охранителя…

– Да, чуть не забыл, мин херц! Можно, мы с Яшкой Брюсом при моём полку создадим лабораторию оружейную? Есть, понимаешь, парочка мыслей дельных…

– Создавайте! Кто же вам мешает? А, ефимки нужны… Пятьсот рублей хватит? Возьми в казне, я распоряжусь завтра… Хотя, и сам мог бы выделить из своей тугой мошны! Деньги-то на воинских поставках вы с герром Францем гребёте – совсем даже неплохие…

Александровка встретила чету Меньшиковых голубым безоблачным небом и ласковым, но совсем уже нежарким сентябрьским солнцем.

«И всё же бабье лето – лучшее время года! – подумал Егор. – Даже в поздней весне, когда зацветают плодовые деревья, нет такого шарма и утончённости…»

В полях и садах созрел богатый урожай овощей и фруктов, а все зерновые культуры уже были успешно убраны и размещены по амбарам и житницам. Егор с удивлением узнал, что главным овощем того времени являлась репа.

«Совершенно ничего странного! – прокомментировал этот факт внутренний голос. – Картошку-то ещё не завезли из Европы, вот репа и стала основой среднестатистического крестьянского рациона…»

Из других овощей присутствовали: белокочанная капуста, морковь, редька, мелкий репчатый лук и чеснок, вернее, нечто среднее между классическим чесноком и дикой черемшой. Фрукты на Егора тоже не произвели особого впечатления: сливы выросли мелкими и кислыми, яблоки и груши были густо покрыты чёрными точками парши. Только фундук, росший в северной части господского сада, обрадовал: орехи были весьма крупными, с тонкой скорлупой и очень духовитыми.

– Ничего, Саня! – обнадёжил беременную жену Егор. – Вот весной мы с Петром Алексеевичем поедем в Европу, я там и семян разных накуплю, такое вырастет – удивишься. Мы тут всё переиначим! Крестьян заставим огородничать по-другому. Да и

хороших фруктовых саженцев надо будет прикупить, по весне настроить стеклянных теплиц и парников…

– Ты уедешь, а я? – жалобно спросила Санька. – Как я тут одна – без тебя? Я же обязательно умру – от злой тоски…

– Не умрёшь! – заверил Егор. – Весной ты будешь уже не одна! Так, давай сюда свой живот, я послушаю!

Пока они ехали в карете от Москвы до Александровки, жена всё дремала. Егор же за это время смастерил некое подобие стетоскопа, используя для этого самый разный подручный материал: полый рог сайгака, подаренный ему под Азовом казачьим атаманом Шубой, чашечку от разбившейся фарфоровой курительной трубки, голландскую деревянную пуговицу с круглым отверстием посередине, паклю и свежий рыбий клей.

– Саша, я боюсь! – чуть испуганно заныла жена.

– Так, отставить споры! – притворно нахмурился Егор. – Задирай быстро сарафан! Кому я сказал?

– Ой! – смешливо взвизгнула Санька. – Предупреждать же надо! Эта штуковина такая холодная и щекотная…

– Помолчи немного! Посиди спокойно чуть-чуть: я слушать буду!

Минут семь-восемь он усиленно вслушивался, перемещая фарфоровую чашечку по тугому животу своей беременной супруги, наконец оторвал ухо от голландской пуговицы, надетой на сайгачий рог, и широко улыбнулся.

– Что такое? – забеспокоилась Санька. – Что тебя так рассмешило?

– Двойня у нас народится! Понимаешь? Там два сердечка стучат! Твоего, понятно, не считая. Конечно, я могу и ошибаться… Ты рада?

– Рада! Я и сама чувствую, что их двое. – В голосе жены послышалась неуверенность. – Только тогда надо будет найти опытную бабку-повитуху. Двойню рожать – дело непростое…

– Не волнуйся, моё сердечко, я буду рядом! Помогу повитухе… Почему – повитухе? Доктора позовём хорошего, заграничного, опытного…

Весь день Санька во главе пяти расторопных дворовых девок, занималась варкой всевозможных варений и фруктовых компотов, используя вместо сахара мёд и порошок из высушенных корней иван-чая.

Егор же отправился в ближайшую берёзовую рощу по грибы. Ходил среди жёлтого осеннего листопада, думал о превратностях и странностях этого бренного мира. Русский осенний лес – лучшее место на этой планете для философских раздумий и придумывания мудрых и вечных сентенций…

Он набрал полную корзину крепких тёмно-коричневых маслят и смешных опят, чьи шляпки были густо «поперчены». Понизу кустарника постоянно перепархивали весёлые стайки рябчиков и куропаток, в небольшом лесном озере громко били хвостами по воде крупные щуки, отдохнувшая душа звенела от восторга и искреннего умиротворения.

«Эх, оставить бы навсегда службу царскую и поселиться в этих краях! Я был бы очень хорошим помещиком: в меру добрым, в меру – строгим… – подумал Егор. – Да царь никогда не отпустит, не оставит в покое. Да что там меня, он и всю страну в покое не оставит, никому не даст застояться и закиснуть… Пётр, он очень собаку-таксу напоминает: та тоже не может долго сидеть на одном месте, ей всё надо бежать куда-то, копать, искать лисьи норы…»

Ночью, уже почти засыпая, Санька едва разборчиво прошептала, обнимая Егора за шею своей горячей рукой:

– Ты такой умный у меня, всё умеешь, всё знаешь… Иногда мне кажется, что ты нездешний, не отсюда…

– Как это? А откуда тогда?

– Не знаю. Но я всё равно люблю тебя…

Через полторы недели зарядили скучные осенние дожди Егор понял, что пора возвращаться в Москву, да и царь очень не любил опоздавших…

Саньку же он решил (под охраной пяти надёжных солдат-преображенцев, получивших за это хорошую плату) оставить в Александровке: нечего ей было делать в Москве в преддверии кровавых разборок со стрельцами. Опять же, чистый деревенский воздух, парное молоко – они весьма полезны для женщин беременных…

По случаю окончания регулярных осенних учений и прибытия царского водочного обоза стрельцы на несколько суток встали единым временным лагерем, разбив несколько сот парусиновых палаток – недалеко от стен древнего безымянного монастыря.

– Вот, мин херц! – старательно объяснял Егор, водя своей подзорной трубой вслед за царской. – Здесь собрано четыре стрелецких полка: Гундертмарковский, Чубаровский, Колзаковский и Чермной. Стрельцы сильно устали во время учений, пьют уже вторые сутки, да и огневых припасов у них почти не осталось. Поэтому план простейший: преображенцы заходят с востока, семёновцы – с запада, с юга подпирают лефортовцы – вдоль берега реки Истры, с севера – полк Гордона… Когда окружение полностью завершено, даём залпы поверх их голов, предлагаем незамедлительно сдаться и выдать всех

зачинщиков. Потом…

– Стоп! – остановил его Пётр. – У нас с собой есть полевые мортиры?

– Только у полка Гордона, остальные пришли налегке. А зачем мортиры, государь?

– Я знаю – зачем! – Глаза Петра заблестели нехорошим хищным блеском. – Теперь слушай сюда, Алексашка! Ты ведь командуешь Преображенским полком?

Вот и давай, дуй к своим подчинённым! Утром займёшь восточные позиции. В случае попытки прорыва – всех уничтожать ружейным боем и гранатами! Понял? А гордонцев я сам возглавлю, пусть генерал немного отдохнёт, не мальчик уже, чай… Выполнять немедленно, полковник!

Серенькое утро, одиночные солнечные лучи, боязливо пробивающиеся сквозь бесцветные перистые облака. Настроение у Егора было – ниже всякого плинтуса. Он понимал, что царь, движимый своей звериной ненавистью к стрельцам, вынесенной ещё с детских лет, решил устроить настоящую и беспощадную бойню, но ничего не мог сделать… Губить столько соотечественников было немыслимо, противно, страшно. Но – царская железная воля! Против нее не стоило идти, если, конечно, ты ещё не разочаровался в этой прекрасной жизни и не ищешь быстрой смерти…

Окружённые со всех сторон стрельцы, похоже, так и не осознали всей глубины нависшей над ними смертельной опасности. Несколько полупьяных служак в расхристанных на груди клюквенных кафтанах выбрались на ватных ногах из своих палаток и с удивлением тыкали пальцами в войска, окружившие их лагерь, недоумённо крутили головами, о чём-то достаточно спокойно переговариваясь между собой.

Солдаты первой линии Гордоновского полка расступились в стороны, пропуская вперёд полевые мортиры. Ещё через три-четыре минуты над жерлами пушек взвились вверх клубы белого дыма, утреннюю тишину нарушили гулкие громовые раскаты.

«Картечью лупят! – известил внутренний голос. – Ну что, может, на коня и вперёд? Подскакать к тем дурачкам и закричать, мол, ложитесь, не бегайте во весь рост? Опять же, может, Пётр увидит тебя и велит – прекратить огонь… Сидишь на старом полковом барабане, руками обхватив голову? Ну да, у тебя же молодая жена двойня скоро должна родиться. Не стоит рисковать! Ладно, сиди себе, сиди, трус…»

Егор только зубами немного поскрипел, но с барабана так и не сошёл…

Через некоторое время пушечный огонь прекратился, солдаты

Гордоновского полка медленно пошли вперёд – с ружьями наперевес, вслед за ними шли люди в серых кафтанах, неся на своих плечах связки кандальных цепей. Приглушённо затрещали одиночные ружейные выстрелы.

«Царь велел всех раненых добивать, а в кандалы заковывать только тех, кто догадался спрятаться за естественными укрытиями и уцелел под картечным огнём!» – понял Егор.

Из четырёх полновесных стрелецких полков остались в живых и были закованы в железо только порядка пятисот человек.

– Всех ворогов гнать на Москву, учинить строгий розыск! – глухо велел Пётр, лицо которого почернело и было воистину страшным: щеки постоянно дёргались, кончики усов топорщились вверх и шевелились, как казалось, сами по себе. – Всех сотников и пятисотенных командиров прочих полков стрелецких – арестовать немедленно, заключить в кандалы, вздёрнуть на дыбы и допросить! Рядовых стрельцов, на которых не хватит кандалов, в Сибирь отправить! На рудники соляные! Дороги и просеки рубить в лесах дремучих! Полковник Меньшиков! Оставьте свой полк на Голицына и извольте сесть в мою карету…

Сильно трясло на русских ухабах и рытвинах. Пётр хмурился и нервно покусывал ручку своей немецкой трости… Наконец, он сильно потряс головой, словно отгоняя неприятные и страшные видения, и печально посмотрел на Егора:

– Что, осуждаешь меня, охранитель? Мол, жесток без меры? Ну-ну… Не тебе судить меня! Это мои враги враги по крови! Даже если это и смертный грех, то он только мой… Я сам отвечу перед Богом! Ладно, проехали, как ты сам говоришь иногда. Давай лучше начнём разрабатывать маршруты будущие, европейские…

Большинство закованных стрельцов доставили прямо в Преображенское, рассадили по тесным клетям, амбарам и погребам. Сутки отдохнув в обществе иноземных девиц лёгкого поведения, царь приступил к тщательному розыску. Отбоя от желающих лично проводить жестокие допросы не было. У Егора сложилось твёрдое впечатление, что все вокруг просто горели желанием угодить царю.

«А ведь Петра окружающие уже боятся по-настоящему, до икоты холодной, кладбищенской, – подумалось. – Поняли, бедолаги, что царь способен практически на всё, и ни перед чем и никогда не остановится. И кровь ему – вовсе не кровь, а так – водичка розовая…»

В многочисленных застенках безостановочно скрипели дыбы, глухо щёлкали кнуты, на улицах день и ночь кипели котлы со смолой и дёгтем. Утробные стоны и жуткие звериные вопли

вырывались на улицу через изредка открываемые по той или иной надобности двери…

Егор, пользуясь всеобщей суетой и большим количеством катов-добровольцев, уехал в свой полк, куда также письмом вызвал и Якова Брюса. Целыми днями и вечерами они сидели вдвоём: намечали основные направления работы своей будущей оружейной лаборатории, составляли списки необходимого оборудования, даже рисовали отдельные эскизы и чертежи – по конкретным идеям и наработкам.

– Порох и патроны – это отдельная тема! – старательно втолковывал Брюсу Егор. – Вот примерная схема работы: боёк ударяет по капселю, происходит возгорание пороха, вернее, маленький взрыв, пороховые газы выталкивают с большой скоростью пулю, то есть боевую её часть, наружу… А железо: стволы, курки, возвратные пружины, – это отдельное направление. Понимаешь? Да, ещё и железо нужно качественное… Ладно, начнём с малого. Вот в том пустующем амбаре, за баней полковой, всё и оборудуем. Поставим там токарный и сверлильный станки, тиски слесарные. А с порохом, Яша, ты у себя пока поработай, в домашней лаборатории. Я тебе дам пару наводок…

Через неделю, уже ближе к вечеру, в полк неожиданно примчался царский гонец со срочным посланием. Егор, догадываясь о содержании, передал письмо Якову. Тот вскрыл конверт, вытащил небольшой лист бумаги, прочёл, побледнел, вскочил на ноги, снова опустился на стул, рванул тесный ворот мундира.

– Эк, как тебя проняло! Глотни-ка, братец, винца! – Егор заботливо поднёс к губам Брюса вместительный бокал с испанским хересом.

Яков жадно выпил содержимое бокала – до самого дна, посмотрел на Егора испуганными, совершенно детскими глазами, проговорил хрипло:

– Данилыч! Царь приказывает нам всем стать палачами! Вот, сам прочти…

Егор взял в руки лист мягкой немецкой бумаги, изготовленной из тряпья и ветоши, начал медленно и вдумчиво читать, задумчиво шевеля губами. Из царского послания следовало, что на завтрашнее утро была назначена массовая казнь стрельцов, повинных в измене государственной. Боярам, а также всем генералам и полковникам, неукоснительно предписывалось прибыть на Красную площадь, и собственноручно, пред светлыми царскими очами, казнить «хоть одного ворога злого». Возможность того, что кто-то может

возражать и ослушаться, в письме даже не рассматривалась…

– Александр Данилович, поеду я домой! – потерянно кивнул головой Брюс, который тоже недавно был произведён в полковники, хотя и не имел реального полка под своим началом. – Молиться буду всю ночь, твёрдости у Бога просить, чтобы не опозориться завтра – перед царём и всеми остальными…

Ночью Егору не спалось. Много ему пришлось испытать в этой жизни, и людей убивать приходилось, но то – в боях, схватках, защищая свою жизнь, или жизнь других персоналий, которых он был назначен охранять… А тут предстояло стать настоящим палачом: прилюдно казнить беззащитного человека, не способного даже сопротивляться…

Наступивший октябрьский день выдался неприветливым и промозглым, над Красной площадью мела лёгкая пороша. На высоком и длинном деревянном помосте были расставлены в десять рядов ровно триста пятьдесят массивных плах-колодин, в торцы которых были воткнуты тяжёлые топоры – самого устрашающего вида. С трёх сторон площадь была тщательно окружена несколькими рядами солдат Лефортовского полка, за солдатскими кафтанами неясно угадывались любопытствующие народные массы. Будущие потенциальные палачи, распавшись на отдельные группки, зябко приплясывали на холодном северном ветру – с четвёртой стороны, рядом с отдельной деревянной площадкой-трибуной, значимо возвышающейся над площадью. На площадке, в окружении простых длинных скамей, стоял походный царский трон, спешно доставленный из Преображенского дворца.

Наконец, с почти часовым опозданием, подъехал Пётр, за его возком следовало восемь карет с иностранными послами, приглашёнными на это необычное, но совершенно официальное мероприятие. Царь с выражением бесконечной скуки на помятом лице, закрываясь краем своей голландской шляпы от резких снежных порывов, поднялся по широким ступеням на трибунное возвышение, вольготно устроился на своём троне. За ним поднялись, о чём-то тревожно переговариваясь, иноземные послы.

Пётр махнул рукой, тут и там зазвучали громкие голоса: это дьячки и специальные глашатаи, забираясь на переносные лавки, во весь голос зачитывали все прегрешения и провинности преступников, приговорённых к страшной смерти. Дружно зазвенели церковные колокола, после чего солдаты в форме Гордоновского полка стали заводить на помост обнажённых по пояс стрельцов, руки которых были заведены за спины и крепко скованы там цепями.

Вот уже все приговорённые были поставлены на колени, а их

головы положены на плахи. Царь поднялся с походного трона, поднял руку вверх, дождавшись гробовой тишины, весело объявил:

– Смотрю, палачей у нас явно не хватает: ворогов казнимых раза в два больше будет. Велю: каждому снести по две головы! Кто ослушается, тот познает мой гнев царский! Что застыли? Можете начинать! Охранитель мой верный, покажи другим пример!

Зло сплюнув в сторону, Егор поднялся на помост, прошёл к дальней правой колоде.

«Наплюй на всё и не думай ни о чём! – вдумчиво посоветовал внутренний голос. – Тупо взял в руки топор: удар, разворот направо, два шага, второй удар. Потом, не глядя по сторонам, спрыгнул с помоста и ушёл… Переживаниям душевным предашься где-нибудь в другом месте, уже без свидетелей…»

Он, сильно упёршись ногой в плаху, вытащил топор из её торца, примерился, сделал несколько глубоких вдохов-выдохов…

– Эй-эй! – неожиданно донёсся недовольный голос Петра. – Алексашка, мать твою! Куда – без команды? Жди, не самовольничай у меня…

Егор, болезненно передёрнувшись, бросил топор на деревянный настил, непроизвольно посмотрел вниз: прямо на него с плахи таращился – с совершенно неописуемым ужасом выпуклый серый глаз, на ресницах которого повисла крупная и прозрачная слеза…

– Чтоб вас всех – да по-разному! – негромко ругнулся Егор, еле сдерживаясь, чтобы крепко не заткнуть уши пальцами.

Вокруг творилось что-то невообразимое: грязная матерная ругань, тоскливый вой, жалобные причитания, кто-то громко и безудержно блевал, Яков Брюс потерял сознание, и солдаты уволокли его безвольное тело куда-то в сторону…

Команды на начало казни всё не поступало, голова у Егора закружилась, перед глазами, сливаясь в самые различные геометрические фигуры, заплясали цветные пятна…

Вдруг что-то изменилось: опять послышались певучие голоса глашатаев, совсем рядом с ним кто-то принялся громко, с явным облегчением, истово возносить благодарности Святому Андрею и Святому Георгию…

– Что случилось? – спросил Егор у своего соседа, боярина Буйносова, который мелко крестился и без устали клал поясные поклоны – словно забавная детская игрушка «Ванька-встанька». – Да остановись ты, уважаемый! Толком говори!

– Государь милует злодеев! – радостно объявил Буйносов, и по его щекастой физиономии потекли частые счастливые слёзы…

Вечером за дружеским столом царь очень довольный сам собой, громко вопрошал:

– Что, хорошо я придумал? И своих людей проверил: у кого какая закалка, кто предан мне по-настоящему, а кто – только на словах сладких. Да и послам иноземным показал, что в России нынче не варвары живут кровавые… Пусть теперь весной наше Великое Посольство в Европах принимают с почестями, как равных себе! Вот и выпьем за это! До краёв наполняйте ваши чарки и чаши…

В конце застолья Егор поинтересовался у Ромодановского судьбой прощеных стрельцов. Князь Фёдор громко рыгнул и, печально вздохнув, ответил:

– По бумагам считается, что их отправили в Таганрог – возводить морской мол, за которым корабли смогут пережидать шторма осенние. То – по бумагам… Не, охранитель, уже на завтрашнем рассвете закопают мои люди стрелецкие мёртвые тела в овраге далёком, подмосковном. Пётр Алексеевич врагов своих не прощает, никогда…

Глава тринадцатая
Неизвестные враги

После долгих раздумий Егор решил, что Санька должна непременно рожать в Москве. Рассуждал он примерно так:

«Да, воздух в первопрестольной тот ещё: дымно, чадно, навоз конский кругом, кучи нечистот – вперемешку с золой и недогоревшими углями – беспорядочно разбросаны по улицам. Это не говоря уже о трупном запахе – от гниющих тел повешенных воров и разбойников, которые месяцами болтаются в своих петлях, пока не превращаются в скелеты в обносках. Ещё очень сильно досаждают блохи, тараканы и клопы: сколько ни сторожись, сколько ни изводи их, всё равно снова появляются, наползают откуда-то, словно по мановению чьей-то волшебной палочки. В Александровке-то жизнь гораздо чище, приятней и сподручней: воздух – натуральная небесная амброзия, противных насекомых гораздо меньше, молоко парное – хоть коровье, хоть козье, свои свежайшие овощи и фрукты… Только вот ещё есть вопрос безопасности. Сейчас-то под Воронежем спокойно, никаких сообщений о крестьянских бунтах и восстаниях давно уже не поступало. Но планируется, что Великое Посольство пробудет за границей больше года. Целый год моя жена и дети будут находиться в заштатной деревне – под охраной всего пяти пожилых солдат? Нет, так не пойдёт! В Москве вот целый полк – будет с радостью и прилежанием присматривать за семьёй своего полковника… Да и доктора какие-никакие в Москве присутствуют, помогут – чем смогут, хотя, коновалы они все приличные, которые только и делают, что напускают на себя избыточную важность. Понтярщики дешёвые… Кстати, не задуматься ли нам о пенициллине? А что тут хитрого? В основе пенициллина лежит плесень обычная… Этого добра в России – завались, хоть ешь одним местом известным! Надо будет Брюсу сказать, пусть, бездельник, займётся на досуге…»

Жена поспорила немного – чисто ради приличия, но всё же согласилась переехать. В середине ноября, недели за три-четыре до родов, они окончательно перебрались в белокаменную. Ехали санным путём, по уже хорошо наезженному зимнику. Внутри возка была заботливо уложена толстенная лебяжья перина, возлежа на которой, Санька доехала до Москвы просто прекрасно, не испытав совершенно никаких затруднений. Более того, уже на следующий день она в сопровождении пожилой горничной-немки (Лефорт расстарался, выписал из самого Берлина) отправилась по

купеческим торговым рядам – скупать самые различные ткани. В тот же вечер две специально нанятые опытные мастерицы были усажены за работу: изготовлять нехитрый детский гардероб. Егор тоже внёс свою посильную лепту, сделав развёрнутое предложение по широкому использованию марлевых, в данном случае – одноразовых (раз деньги позволяли) подгузников…

Понимая, что до родов остаётся совсем мало времени, он послал денщика за Карлом Жабо. Тут всё было совсем неоднозначно. По законам жанра француза следовало уже давно и совершенно безжалостно убить. Доктор сделал просимое: убедил Петра, что тому нельзя иметь никаких (и никогда!) интимных отношений с русскими женщинами, благодаря чему Егору и Саньке не пришлось бросаться в скоропалительный побег, шансы на успешность которого были минимальными… Но теперь француз был очень и очень опасен. Расскажи Жабо царю об этом наглом, хотя и элегантном обмане, тут такое бы началось, представить страшно… Но, видимо, душа у Егора ещё не успела окончательно зачерстветь в этом жестоком и безжалостном семнадцатом веке, вот он и тянул с отдачей соответственного приказа. И сейчас, принимая решение позвать Жабо в качестве врача, принимающего роды у своей жены, Егор понимал (пусть и на уровне подсознания), что тем самым он подписывает французу однозначное помилование…

Роды прошли успешно и спокойно, Санька держалась просто молодцом, беспрекословно выполняя все команды Карла Жабо: тужилась, когда было надо, сильно вдыхала-выдыхала, расслаблялась… Французу ассистировала пожилая немка из Кукуя, сама рожавшая в этой жизни более десяти раз, Егор же выступал сугубо в качестве взволнованного и нервного зрителя.

Выскочил первый ребёнок – крохотный, мокрый, красный, с чёрным пушком на голове.

– Девочка! Подвижная и здоровая девочка! – громко объявил Жабо, бережно обтирая младенца льняной простынкой.

Вторым, буквально через три минуты, вышел крепкий и толстощёкий мальчуган, счастливая Санька устало улыбнулась и попросила кваса…

Через три дня заехал Пётр – с поздравлениями и подарками, звонко расцеловал в щёки Саньку, облачённую во французский модный пеньюар нежно-персикового цвета, постучал по спине и плечам Егора, с интересом взглянул на лица ребятишек, мирно сопящих в своих колыбельках.

– Герр Франц предлагал специальные детские кроватки – кукуйской работы, – пояснил Егор. – Но жена настояла на обычных русских колыбелях…

– Мне так больше нравится! – упрямо заявила Санька. – Я троих своих младших братишек качала в колыбели, привыкла, чай…

Пётр подарил Саньке шикарное колье – старинной работы, с крупными разноцветными самоцветами, Егору – полковничью шпагу с золотой рукояткой и маленькую, золотую же, табакерку для нюхательного табака – со своим поясным портретом, вмонтированным в крышку и покрытым прозрачной эмалью.

– Как решили наречь младенцев? – прощаясь, поинтересовался царь.

– Петром и Екатериной, – ласково и нежно глядя на детские лица, ответила Санька. – Это муж так придумал…

– Хорошие имена! – одобрил Пётр. – Пожалуй, я стану их крёстным. Алексашка, не забудь, через две недели – Совет государственный. Готовься, надо уже и по людям – что-то конкретное решать…

Совет, как и всегда, состоялся в Преображенском дворце.

Вопросы рассматривались простейшие. Для чего Великое Посольство следует в Европу? Каким маршрутом двигаться? Кто входит в состав Посольства, и в каких должностях? Кто и в каких должностях остаётся на Москве? Ничего сложного…

Первым слово взял Лефорт:

– Быстрое и красивое взятие Азовской крепости – есть пощечина всей высокой европейской политике. Раньше Россия – для европейских глаз – была полностью понятной. Лапотные дикие мужики, голодные медведи на улицах, большая, но слабая и бестолковая армия. Россию всегда можно было использовать по мелочам, но не опасаться… А теперь? Чего ждать от России? В Европе думают, что мы едем сугубо для одного – просить денег на дальнейшую войну с Османской Империей… – Лефорт коварно замолчал, словно бы подталкивая слушателей к встречным вопросам.

– Разве это не так? – первым, якобы не выдержав, спросил Василий Волков, получивший под столом от Егора мимолётный пинок носком башмака по голени. – Ну, не только деньги нужны, но и союзники военные…

Герр Франц трескуче рассмеялся и высокомерно пояснил:

– Всё это верно! Но надо так повернуть всё дело, будто мы сами ничего и не просим. Это нам предлагают: деньги, дружбу, бесплатное оружие, союзничество… А мы раздумываем будто и сомневаемся – сильно. Это и называется – высокая дипломатия…

– Поясни, пожалуйста, господин генерал! – слегка нахмурился Пётр. – Зачем же время тянуть и демонстрировать

высокоумие своё?

– Слушаюсь, государь! – склонил свою голову в полупоклоне Лефорт и стал бодро излагать – как по писаному: – По моему скромному мнению, мы должны удивить всю Европу, поразить, заинтриговать, озадачить… Наша лёгкая победа под Азовом – для них и так загадка огромная, почти неразрешимая. Никто не ожидал этого. Советники военные, опытные – и в Вене, и в Париже, и в Лондоне, все твердили – в один голос: «Русский медведь обломает себе все клыки об Азовский орешек!» А что получилось? Мы должны продолжать: удивлять, интриговать и ещё раз – интриговать… Пусть все теряются в догадках! Золотое правило дипломатии: если тебя не могут понять, то начнут предлагать свою помощь – пока не предложили другие. Если при этом ещё и не просишь денег, то тебе их дадут – обязательно… Это как в делах торговых, негоциантских, когда предлагаешь незнакомый и редкий товар, например – шёлк китайский…

– Ну, это как раз и понятно – насчёт шёлка китайского, полностью согласен с тобой! – загудел басовито князь Ромодановский…

После жаркой десятиминутной перепалки Великими послами назначили: Лефорта, дьяка Прокофия Возницына и Егора. Свиту определили в составе ста двадцати человек, включая слуг-волонтёров.

– Стойте, соратники верные, а я как же? – наконец, не выдержав, вмешался Пётр. – Вы что же, издеваетесь?

Лефорт возвёл глаза к небу, сложил ладони перед своей хилой грудью – словно перед прыжком в холодную воду, и миролюбиво объяснил:

– Будет считаться, государь, что ты решил путешествовать в Европу инкогнито, то есть под чужой личиной. Ты же и сам так хотел: поехать простым волонтёром – по прозванию Пётр Михайлов? Обычное дело. Многие мужи знатные – и древних времён, и современные, так поступали и поступают. Только вот ещё: было бы совсем уже хорошо…

– Чтобы этот Пётр Михайлов был, государь, твоим двойником! – как и было заранее условлено, подхватил Егор. – Помнишь, мин херц, я тебе рассказывал о двойниках этих? Когда мы из-под Азовской крепости вернулись – с полной викторией?

– Помню, как же! – согласился царь. – Но тогда и совсем непонятно: где же место моё – в том Великом Посольстве? А, охранитель? По лезвию топора ходишь, змеёныш…

Егор успокаивающе улыбнулся:

– Дьяк Прокофий Савельевич Возницын ещё позавчера в Таганрог убыл: надзирать усердно за работами крепостными…

Понимаешь, мин херц? Это же так просто! Ты и поедешь – под дьяковой личиной. Тем более что и настоящий Прокофий – мужчина рослый и костистый…. Парик подберём нужный, правильную одёжку, приклеим усы и бородёнку. А что? Никто и не догадается… А надо тебе будет встретиться в частном порядке – с персонами важными, европейскими, так и нет никаких проблем. Снял парик и бороду накладную, кафтан напялил парадный, да и поехал – на ту встречу нужную…

Пётр, гневно сверкнув глазами, вопросительно уставился на Ромодановского.

– Дельно это, государь, дельно! – тут же подтвердил князь Фёдор. – Пусть уж будет этот… «Двойник», как говорит твой охранитель. Всем нам будет спокойней. Там же, в Европах этих, полно всяких коварных злодеев… А под безопасной маской дьяка Возницына и ты познаешься – со всей дипломатией той хитрой…

– Сговорились, что ли, морды холопьи? – подозрительно спросил Пётр. Внимательно, по очереди, оглядел своих соратников, после чего захохотал – громко, раскатисто, безудержно…

Москва (а значит – и вся Россия) оставалась под личным приглядом князя Фёдора Юрьевича Ромодановского, которому было присвоено чуть смешное, но, вместе с тем, и весьма ёмкое звание – «князь-кесарь». В помощники к Ромодановскому были назначены: Лев Кириллович Нарышкин, Тихон Стрешнев и Василий Волков – как представитель Егора в делах охранных. Над армией поставили командовать заслуженного генерала Гордона, флот вверили заботам опытного Картена Брандта.

– Казну – не разворовывать! Крепости южные – восстанавливать и строить без устали! Татар – продолжать гонять по степям приазовским! – давал Пётр свои краткие прощальные наставления. – Воров и ворогов – жестоко казнить, крови не боясь! Войскам и флоту – проводить манёвры и бои потешные! Флот воронежский – достраивать! Ничего хитрого то бишь… Справитесь! А не справитесь – осерчаю сильно, когда вернусь…

В самом конце совещания Егор тихонько шепнул Ромодановскому:

– Через недельку после того, как мы с Посольством отъедем на Курляндию, ты, Фёдор Юрьевич, выпускай второго «двойника» (или – уже «тройника»?), погулять немного по Преображенскому дворцу. Пусть поползут смутные, но упорные слухи, мол: «Царь-то никуда из Москвы и не уезжал! Сидит себе во дворце Преображенском, да хлебную водку пьянствует – до визга поросячьего…»

– Не сомневайся, Александр Данилыч, всё выполним – в виде

самом лучшем! – успокаивающе гудел князь-кесарь. – И я с этим твоим «тройником» пройдусь под ручку, выпив предварительно бутылку-другую зубровочки…

В самом начале марта месяца отбыл в страны европейские обоз с дворянскими недорослями, призванными для усердного обучения всяким наукам и ремёслам.

Ещё через две недели и Великое Посольство собралось тронуться – в дорогу дальнюю.

– Саша, ты там смотри… Скучай по мне! – жалобно улыбаясь, попросила Санька. – А ещё вот – найми мне снова учителей! Чтобы времени у меня не было – представлять себе всякое… Пусть и языкам меня ещё поучат, другому, истории всякой. А господин Жабо – наукам медицинским, разным. Я ведь – Главная Сестра Милосердная, мне полагается по должности разбираться в этом… Хорошо? А ты – скучай там сильно по мне…

Раздался щелчок ямщицкого кнута, сытые кони тревожно всхрапнули, новенький кожаный возок тронулся – на встречу с новыми странами и неизведанными ощущениями…

– Чего это ты всё ухмыляешься, охранитель лапотный? В ухо не получал давно? – неожиданно вскипел Пётр, гневно округляя глаза. – Что, я так смешно выгляжу?

– Мин херц! – Егор оторвал свой взгляд от крохотного окошка в боку возка, удивлённо развёл руки в стороны. – Да я – ни сном, ни духом! Это просто думный дьяк Виниус, Андрей Андреевич: рукой нам всё махал, махал вслед, оступился да и упал – прямо в большую кучу навозную…

– Смотри у меня! – истово погрозил царь кулаком. – Знаю я вас, олухов! Вам лишь бы поржать да похихикать, насмешки построить… Запорю, сукиных детей!

А выглядел Пётр – как по его образу (дьяка Возницына то есть) и полагалось: длинный и широкий кафтан без пояса – тёмно-коричневого цвета, с лисьей опушкой, сапоги низкие – русского фасона, волосы (парик) длинные, гладкие, щедро напомаженные свежим лампадным маслом и тщательно расчёсанные на стороны редким гребнем, бородка реденькая, козлиная – средней длины, густые тёмно-русые усы – поверх настоящих – чёрных да реденьких, на носу – круглые очки с простыми стёклами. Совершенно обычный такой вид, солидный даже! Смешно, конечно, самую малость, ежели вдуматься. Так ведь – для пользы дела же…

Через неделю с небольшим Великое Посольство прибыло в Курляндию, в славный город Ригу. Тут их – благодаря своевременным письмам Лефорта – уже давно ждали. Встреча

получилась уважительной и очень пышной: при въезде в герцогский замок дружно стреляли пушки – общим числом двадцать четыре, местные худосочные дворяне склонялись в низких поклонах, вежливо помахивая своими шляпами, симпатичные и упитанные дамочки приседали – в реверансах разных и книксенах…

Впрочем, очень скоро выяснилось, что предмета для серьёзных переговоров дипломатических и нет вовсе. Бедной была эта Курляндия, да и желания у местной знати были пошлыми и прозрачными насквозь: что-нибудь задёшево купить в России, да и перепродать – втридорога – в другие страны европейские… Ещё одна неприятность образовалась: жёлто-серый лед на Двине держался упорно, поэтому и судоходный сезон пока не начинался. Приходилось терпеливо ждать, ведь далее уже морем планировали пойти…

От нечего делать много гуляли по старинному и красивому городу, Пётр всё очень внимательно осматривал, громко и серьёзно комментировал увиденное:

– Каменные дома – сила! И нам надо больше строить таких. А замки рыцарские – красота! Только не до замков нам нынче. Хотя потом, когда дел понаделаем громких, можно будет задуматься о замках да крепостях с высокими шпилями, выписать из Европы архитекторов знатных… Вот ещё дело весьма полезное и достойное: дороги, мощённые булыжниками. Да и набережные, одетые в камень, зело приятно глазу! А мы все дрынами дубовыми укрепляем берега рек наших…

На обратной дороге они подошли к неказистым каменным домам, где встала на постой свита Великого Посольства.

– Гляди, мин херц! – весело хохотнул Егор и ткнул пальцем в сторону амбара, стоявшего чуть на отшибе. – Да вон, на дровосека смотри! Неужто не узнаёшь?

У амбарной стены, сложенной из грубо обтёсанных каменных блоков, высокий и костистый мужик сноровисто бронзовым топором с широким лезвием колол толстые берёзовые чурки.

– Кто это такой? – изумился царь. – Смотреть со стороны – так я же это…

– Волонтёр Пётр Михайлов, прошу любить и жаловать! – с заслуженной гордостью пояснил Егор. – По-настоящему его Емелей кличут, из крестьян новгородских. Правда, он похож на тебя?

– Похож! – подтвердил Пётр. – И даже очень… Хват ты у меня, Алексашка! Может, князем высокородным сделать тебя? Не, я твёрдо решил, что высокие титулы давать буду только за заслуги воинские, знатные… За те, которые ещё громче Азовских

будут…

Наконец порт Либавы растаял за кормой в белёсой туманной дымке. Неповоротливый и солидный, многопушечный корабль «Святой Георгий» уверенно взял курс на город Кенигсберг. Громко хлопали паруса, серые волны часто и сильно били в правый борт, нос судна, украшенный деревянной фигурой Нептуна, тяжело зарывался в морскую воду, разбрасывая вокруг высокие и очень холодные брызги…

– Да, это вам не Переяславское озеро! Как качает-то… – высказался Пётр, закрываясь от водяного душа полой своего сюртука. – Да и не тёплое море Азовское! Тут всё другое… Алексашка, чего стоишь столбом? Раздобудь мне плащ путний! Я на корме буду: пойду – слегка поблюю, может, оно и полегчает немного…

Прошли форты крепости Пилау, надёжно охранявшей Кенигсберг с моря.

– Не знаю, стоит ли нам здесь останавливаться надолго? – задумчиво спросил Пётр, оглядывая вскользь низкий песчаный берег, местами покрытый жиденькими сосновыми рощами. – Фридрих, курфюрст бранденбургский, нам не помощник в войне с Турцией. Поэтому и не даст нам ничего: ни денег, ни оружия… О чём тогда толковать с ним?

– О, не скажи, Питер, не скажи! – Лефорт наставительно поднял вверх свой длинный указательный палец. – Фридриху очень шведы досаждают. Если мы решимся на штурм Нарвской крепости, то курфюрст для России никаких денег не пожалеет…

– А мы что, уже окончательно решили – шведа воевать? – неприятно удивился царь, его жилистая шея тут же покраснела, правая щека задёргалась в нервном тике.

– Нет, конечно же, не решили! – сделал «невинные» глаза Лефорт. – Но это и есть дипломатия! С Фридрихом так договариваться надо: за год до начала Нарвской кампании мы ставим его в известность о наших намерениях серьёзных. Он тут же нам присылает денег, ружей, пушек. А если, вдруг, не присылает, то и войны, как бы, не будет…

– Да, дипломатия высокая, это вам – не изюма подгнившего фунт! – уважительно скривился Пётр.

В Кёнигсберге Великое Посольство встретили тоже очень радушно, разместили на постой в купеческих каменных домах. Правда, из пушек никто не стрелял.

– Немцы, понятное дело! – со знанием дела прокомментировал Егор. – Каждую копейку экономят, на этом и стоят, мерзавцы…

Понимая, что начинается большая политика и можно ожидать всяких неожиданностей, решено было волонтёра Петра Михайлова от греха убрать с глаз долой. Заперли беднягу в крохотной комнатушке, щедро снабдив съестными припасами и нехитрой выпивкой, у дверей поставили Алёшку Бровкина – с двумя заряженными пистолетами и наказом строгим: бдить неустанно и, в случае чего, палить на поражение…

До официально назначенного приёма Великого Посольства оставалось целых три дня, поэтому нагулялись вволю по городку, пива немецкого напились в местных чистеньких кабачках – от пуза.

– Ничего не понимаю! – растерянно посвёркивая стёклами своих камуфляжных очков, без устали возмущался Пётр. – У них даже заборов нет! А где кобели цепные, злобные? Они что же – воров и татей ночных совсем не боятся? А двери-то, двери… Посмотри, охранитель, у них же тонкие дверные филёнки стеклом зашиты! Булыжником большим шандарахни, заходи и бери – чего только пожелает душа! Бред какой-то… А почему вокруг – чисто так? Ни тебе навоза конского, ни гор печной золы и углей! А где отбросы и нечистоты? Смотри, деревья растут фруктовые – вдоль улиц… Они, что же, ничьи? Кто с них потом плоды и ягоды собирает? Никто? Они тут растут только для красоты? Хватит врать мне, совесть поимей! – неожиданно царь загрустил и спросил – очень серьёзно: – Алексашка, а у нас – в России – когда-нибудь будет такое?

Егор, хорошо ещё помнящий действительность двадцать первого века, только головой покачал недоверчиво:

– Очень я сомневаюсь в этом, мин херц! Очень сомневаюсь…

Сидели втроём в обычной бранденбургской забегаловке: Пётр, замаскированный под дьячка учёного, Егор и Лефорт – уже переодевшиеся в классическую немецкую одежду, пили светлое, чуть сладковатое пиво, закусывали горячими кровяными колбасками, рассуждали о возможностях строительства в России больших и малых пивоварен – по немецкому примеру…

Неожиданно к их столику подскочил совсем молоденький, щеголеватый и элегантный кавалер: короткополый кафтан и штаны до колен – небесно-голубого шёлка, грудь вся – в пышных белоснежных кружевах, короткий и аккуратный, чёрно-угольный парик, накрытый сверху широкополой шляпой, украшенной – без всякой меры – разноцветными перьями страуса.

Кавалер склонился в низком поклоне, ловко сорвал со своей головы шляпу, замахал ею из стороны в сторону, старательно подметая пышными перьями пол таверны, любезно представился, бойко затарахтел по-немецки:

– Камер-юнкер фон Принц, к вашим услугам! По поручению господина моего, великого курфюрста бранденбургского Фридриха, я имею к вам, господа Великие послы, конфиденциальный разговор…

Егор, не знавший толком немецкого языка, благоразумно промолчал, а Лефорт, широко и приветливо улыбаясь, душевно пригласил посланника курфюрста к столу:

– Присаживайтесь, мой прекрасный фон Принц! Наливайте себе свежего пива из этого кувшина. Эй, трактирщик, подай чистый бокал – для господина камер-юнкера! Говорите, юноша, говорите, мы слушаем вас внимательно…

Фон Принц, насторожённо оглядевшись по сторонам, заговорил – уже вполголоса, обращаясь, главным образом, к Лефорту (действительно, стоит ли обращать внимание на неказистого дьяка и непонятного мужичка, явно тебя не понимающего и увлечённого своей литровой кружкой, полной вкусного и пенного напитка?):

– Из ваших предварительных писем, герр генерал, мы поняли суть предложений России: финансовая помощь в обмен на полномасштабное участие в военных действиях – против Шведского королевства. Мы полностью согласны с таким подходом: названная вами сумма будет, безусловно, предоставлена благородным курфюрстом Фридрихом – за год до того, как начнётся штурм Нарвской твердыни. Что же касается поставок ружей и пушек. Да, это тоже возможно! Но только если Россия осуществит встречные поставки: речь идёт о шнурах к ручным бомбам, пропитанных секретным составом…

Пётр уже открыл было рот – явно чтобы сказать какую-то колкость, но, встретившись глазами со строгим взглядом Лефорта, только негромко крякнул и демонстративно отвернулся в сторону.

Минут за сорок-пятьдесят были согласованы тексты всех документов, предусмотренных к подписанию высокими сторонами, но камер-юнкер не спешил уходить и откровенно мялся, совершенно не зная, как перейти к некой явно щекотливой теме.

Пётр, никогда не отличавшийся терпеливостью, недовольно закашлялся и ломким баском попросил посланца Фридриха – на смеси классического немецкого и голландского матросского языков:

– Говорите толком, Принц, никого не стесняясь! Среди нас нет девственных девиц и безгрешных святош!

Камер-юнкер испуганно втянул голову в плечи, ещё раз тревожно оглянулся на грузного пожилого трактирщика, мирно

дремавшего за своей высокой барной стойкой, тихонько зашептал-зашепелявил:

– Мы знаем, что среди волонтёров Великого Посольства есть некто по имени Пётр Михайлов. Достоверно известно, что это не кто иной, как русский царь Пётр, путешествующий инкогнито. Вот это – очень сильно и беспокоит моего господина…

– Что в том такого? – горячо запротестовал Лефорт, с испугом посматривая на загримированного Петра – как бы не разгневался да не отчебучил чего. – Совсем обычное дело… Даже великий римский Император Гай Юлий Цезарь любил путешествовать таким образом!

Фон Принц извиняющимся жестом прижал ладони к своей кружевной груди:

– Вы не так меня поняли, любезные господа! Речь не идёт о нарушении этикета… Просто у нас имеются серьёзные, не подлежащие никаким сомнениям сведения, что царя Петра могут попытаться убить. Кто? Извините, но я и так сказал слишком много… Мой добрый господин, курфюрст бранденбургский Фридрих, настоятельно советует волонтёру Петру Михайлову незамедлительно вернуться в Россию! Ради его же собственной безопасности…

Над столом повисла тревожная тишина.

– Герр Франц! – Егор решил вмешаться в разговор. – Я по-немецки плохо говорю, но многое понимаю. Главное, о чём толковал этот напудренный павлин, я уловил. Ты спроси у него: почему это они решили предупредить нас о возможном покушении? И ещё. От кого, всё же, исходит сия угроза?

Лефорт перевёл. Камер-юнкер сильно побледнел, чуть передёрнул своими узкими плечами, словно от сильного сквозняка, и ответил – совсем уже еле слышно:

– Царь Пётр готов воевать против нашего врага – Швеции. Если его убьют, то мы лишимся надёжного союзника… А вот второй вопрос, который касается заказчика этого покушения. На него невозможно ответить… В дипломатии европейской все привыкли загребать жар чужими ладонями и тщательно заметать за собой следы – как рыжие лисы хвостами. Поэтому, зачастую, истинная правда всплывает на поверхность только через много лет, и даже – десятилетий…

Егор залпом, в пять-шесть глотков, допил своё пиво, с громким стуком поставил пустую кружку на стол, криво усмехнулся:

– Я всё понял, герр Франц, не утруждай себя переводом! Чего-то такого я и ожидал! Что ж, надо поблагодарить этого милягу фон Принца, и пусть катится – к своему Фридриху… А нам теперь

думать надо. Крепко так думать…

На улице их догнал запыхавшийся Матвей Солев – один из людей Егоровых, состоящий свитским волонтёром.

– Александр Данилович, господин полковник! – тревожно и одновременно настойчиво выдохнул Матвей. – Можно вас – на два слова?

– Смело говори! – велел Егор. – От этих людей у меня нет секретов!

– Неизвестные злодеи пытались проникнуть в комнату, где был заперт волонтёр Пётр Михайлов! (У настоящего Петра от этого известия испуганно и мелко задрожал подбородок.) Поручик Бровкин вступил с ворогами в схватку. Двоих застрелил насмерть. Третьего я проколол шпагой. Уже у самых дверей, когда он хотел выскочить на улицу! Алексей Иванович третьего даже допросить успел, пока тот ещё не умер!

– Что сам поручик Бровкин, цел?

– Две лёгкие раны у господина поручика! Голова чуть рассечена, и плечо прострелено: навылет, кость, вроде, не задета…

– А волонтёр Пётр Михайлов?

– Что ему сделается? Он с утра ещё шнапсом местным налился – по самое не могу, и теперь дрыхнет без задних ног. Только стены во всём доме дрожат от его храпа…

– Ладно, герой! – облегчённо улыбнулся Егор. – Веди, показывай!

Алёшка Бровкин был бледен, но достаточно бодр: сидел в старинном немецком кресле, голый по пояс, с плечом, туго перетянутым холщовыми полосами, без парика, с узкой повязкой на льняной растрёпанной голове.

– Сиди, поручик! – входя в комнату, небрежно взмахнул рукой Пётр-Возницын, заметив, что раненый пытается встать. – Кстати, Данилыч, а почему это такой красавчик до сих пор ходит неженатым? Да и Васька Волков, у которого ты нагло увёл из-под носа красавицу-невесту, всё ещё холост? Так-то ты заботишься о своих подчинённых…

Егор знал, что на царя – в моменты, когда он сильно нервничал или чего-то боялся, – всегда нападала излишняя говорливость, поэтому непринуждённо поддержал разговор:

– Вот думаю, когда вернёмся в Москву – сразу и оженить обоих. На девицах Буйносовых. А что? Девки симпатичные, в самом соку, род, опять же, знатный и древний… Девиц пусть сами делят между собой. Пусть хоть жребий бросают… Работа у них общая, поэтому должны поддерживать друг друга, с полуслова

понимать. Вот пусть и породнятся – для пользы дела… Как ты, мин херц, поддерживаешь такой мой выбор?

– Да поддерживаю я, поддерживаю! Хватит языком молоть – словно жерновами мельничными! – недовольно, словно от зубной боли, скривился царь, уже начавший приходить в себя. Ещё раз посмотрел на Бровкина спросил строго: – Тот, которого ты допрашивал, успел что-нибудь толкового сказать перед смертью?

– Успел, государь! Они все трое – варшавские хваты, тати ночные с большой дороги. Так что тот, которого Матвейка проколол шпагой, немного понимал по-нашему… Нанял их какой-то неприметный тип: убить русского волонтёра Петра Михайлова, заплатил щедро – итальянскими золотыми монетами. Имени заказчика покойник не знал… Точно – не знал! Я его очень хорошо допрашивал – как Александр Данилович учили… Только одно поляк приметил: по характерному выговору этот неприметный господин – типичный англичанин…

Для серьёзного разговора собрались в спальне у Петра. Перед тем, как запереть дверь на ключ, царь велел Солеву, поставленному часовым в общем зале:

– Слышь, как тебя… Матвейка! Раздобудь выпивки хорошей – чтобы глаза повылазили на лоб! А то мне уже порядком надоело это смешное местное пойло, пусть его потребляют дети малые… Да живо у меня чтоб! Как достанешь – в дверь постучишься!

Пётр несколько раз щёлкнул массивным бронзовым ключом, повернув его в скважине замочной, в упор уставился на Егора:

– Ну, охранитель, подробно рассказывай: за что англичане могут иметь на меня зуб острый?

– Напрасно ты, мин херц, сразу на англичан думаешь! Наёмники – польские, монеты – итальянские, говор – английский… Ни о чём мне это не говорит, честное слово! Помнишь, что в таверне сказал этот фон Принц напомаженный? «В дипломатии европейской все привыкли загребать жар чужими ладонями, тщательно заметать за собой следы – как рыжие лисы хвостами. Поэтому, зачастую, истинная правда всплывает на поверхность только через много лет и даже – десятилетий…» Поэтому лично я ничего не понимаю и честно тебе, государь, признаюсь в этом! Пока – не понимаю…

– А ты, герр Франц, что думаешь – про англичан? – на этот раз царь обратился к Лефорту.

Гер Франц скривился – словно зубчик ядрёного чеснока раскусил:

– Очень неприятная нация, государь! Гораздо хитрей и рассудительней, чем немцы, голландцы и французы вместе взятые! И жадные – не приведи Бог! Торговцы и коммерсанты –

первостатейные… И вот ещё, по поводу: «привыкли загребать жар чужими ладонями!» Эта фраза как раз больше всего и подходит к международной политике английской…

– Поясни! – заинтересованно велел Пётр.

– Не любят английские политики, когда у них под боком обитают сильные соседи. Поэтому соль их высокой дипломатии заключается в следующем. Без устали ссорить страны европейские между собой. Пусть, мол, воюют постоянно – друг с другом. Слабый сосед – хороший сосед. Со слабым соседом – и торговать выгодней, сподручней. А выгодная торговля – залог успеха государственного…

– Я-то здесь при чём? – опешил царь. – Я мешаю их торговле?

– Ну, в общем – да! – понимающе переглянувшись с Лефортом, предположил Егор. – Вернее, пока не мешаешь, а просто представляешь некую угрозу… Вот вспомни сам, сколько торговых кораблей иноземных мы с тобой видели в порту Архангельска?

– Ну, где-нибудь около девяти десятков.

– А сколько из них – под английским флагом?

– Да, половина, почитай! Может – и более…

Лефорт назидательно поднял вверх свой тонкий указательный палец, украшенный золотым перстеньком с лучистым бриллиантом:

– Вот, единовременно – пятьдесят английских торговых кораблей! Единовременно! Лён, ворвань, дёготь, поташ, строевой лес, пиленые доски, меха… Это очень серьёзные деньги, милый мой Питер, очень серьёзные…

– А ты, мин херц, собрался заложить на Балтийском море порт, корабли строить – и военные, и торговые. Следовательно, желаешь оставить купцов аглицких без куска хлеба! – подхватил эстафету Егор. – За что же англичанам любить тебя?

– Действительно, не за что! – подумав с минуту, согласился Пётр.

Интересный и познавательный разговор был прерван осторожным стуком в дверь: это старательный Солев притащил просимые Петром крепкие алкогольные напитки.

– Что достал? – несколько раз щёлкнув ключом, строго спросил Пётр.

– В той пузатой бутыли, где якорьки, там ромус ямайский. А во второй, Прокофий Савельевич, водка австрийская, грушёвая, крепкая…

– Какой я тебе к свиньям – Прокофий Савельевич? А, ну да, ну да… Иди, братец, иди. Вот тебе рубль серебряный – за

усердие…

Глава четырнадцатая
Голубые пушки, картошка и ловушка

Они дружно выпили весь ром ямайский, сверху рома – усугубили водкой грушевой, после чего и решили единогласно – что дальше делать.

– А ничего делать и не надо! – подвёл Егор жирную черту под этим разговором. – Чего такого случилось-то? Три польских жулика решили ограбить наших ребят посольских. Да только вот те оказались не робкого десятка: сопротивлялись, даже попытались задержать татей. Ну, убили до смерти всех поляков – в жаркой скоротечной схватке, бывает… Что из того? Вот вам трупы злодеев, забирайте, хороните, Бога ради… К волонтёру Петру Михайлову приставим дополнительную охрану. Главное, что дьяк Прокофий Возницын совершенно никого не интересует! Ещё отпишем князю-кесарю, чтобы «тройника» чаще демонстрировал – всем подряд, включая послов иноземных… Допустим, что нашего Петра Михайлова вороги убьют, всё же. Подумаешь! Честно признаемся, что, мол, это был обычный «двойник», а настоящий-то царь – он на Москве остался, занимается делами государственными, нешутейными…

Все важные и секретные документы были быстро и успешно подписаны. С одной стороны – Великими послами русскими: генералом Лефортом и полковником Меньшиковым Александром Даниловичем, с другой – славным курфюрстом бранденбургским Фридрихом. Царь (он же – Прокофий Возницын) на подписание этих договоров не поехал, мотивируя это следующим:

– Как я подписываться буду? «Возницыным»? Не дождётесь, гордыня не велит мне! А вдруг начертаю: «Царь Пётр»? Что – тоже нехорошо? Не угодишь вам! Вот тогда и скажите курфюрсту любезному, что, мол, дьячок-то занемог – зубами мается сильно… Я же за город отъеду до самого вечера: договорился уже с фон Принцем, постреляем с ним немного из полевых пушек…

Уехал Пётр на стрельбища пушечные – в сопровождении двух опытных и проверенных Егоровых сотрудников, да и пропал бесследно – не вернулся к ночи в Кёнигсберг…

Ранним утром Егор, ругаясь матерно сквозь зубы, трясся в хлипкой карете по местным просёлкам в поисках высокородной пропажи…

– Куда править-то, господин полковник? – искренне

недоумевал сидящий на козлах Матвей Солев. – Тут столько дорог и перекрёстков, враз заплутаем!

– Слышишь, гремит дальний гром? – посоветовал Егор через открытое окошко. – Вот и двигай уверенно – на эти звуки. Не иначе, оно там и есть – стрельбище…

Через час прибыли, всё же, на нужное место. Открывшаяся картинка однозначно засвидетельствовала: царь пребывает в добром здравии. В чистом поле в один ровнехонький ряд было выстроено полтора десятка бранденбургских полевых мортир и гаубиц, на различном удалении от пушек были выставлены большие деревянные щиты, для чего-то старательно выкрашенные в жёлто-синюю полоску. Между артиллерийских орудий суетливо перемещалась длинная сутулая фигура в тёмно-коричневой одежде, держащая в руке короткий горящий факел, чуть в стороне застыла пёстрая группка людей, состоящая из сорока-пятидесяти человек.

Вот гаубицы и мортиры – одна за другой, окутались белыми облачками дыма, с двухсекундным отставанием загремела бодрая канонада, три ближних полосатых щита разлетелись в мелкие щепки…

Егор несуетливо вылез из кареты, огляделся по сторонам. Одни пушкари в бранденбургской форме усердно прочищали длинными банниками жерла орудий, другие поливали охлаждающим уксусным раствором горячие пушечные стволы, третьи готовили к следующему залпу новые пороховые заряды, ядра и специальные гранаты, начинённые картечью. Пётр о чём-то увлечённо и запальчиво спорил с фон Принцем, недалеко от спорщиков неподвижно застыли Егоровы сотрудники – с масками вселенской скорби на лицах. Под глазом одного охранника красовался свежий бордово-синий фингал, у другого была наспех перевязана голова.

«Понятное дело! – догадался Егор. – Ребята в соответствии с полученными строгими инструкциями, настойчиво уговаривали царя вернуться обратно в Кёнигсберг. Вот и доуговаривались, бедняги…»

– Доброго здоровья вам, Прокофий Савельевич! – как ни в чём не бывало приветствовал он Петра. – Смотрю, есть успехи? Вона, аж целых три щита, крепких таких, превратились в полную труху!

Царь самодовольно и гордо усмехнулся:

– Да, уже научился попадать метко! Кстати, при камер-юнкере можешь меня величать именем настоящим, он – свой…

– Ты, милый Питер, настоящий бомбардир! – тут же льстиво, на немецком языке, заявил бранденбургский напомаженный

красавчик, только небрежно кивнувший царскому охранителю головой – в знак приветствия.

Егор мысленно заскрипел зубами, но удержался от грубого слова, наоборот, спросил очень спокойно, практически елейным голосом:

– Что ж ты, Пётр Алексеевич, ночевать не вернулся в город? Мы уже начали беспокоиться: ночи-то ещё холодные… Не замёрз часом, милостивец?

Царь шумно и недовольно засопел, смущённо покосился в сторону юного камер-юнкера, неуверенно пояснил:

– Да тут у фон Принца, совсем недалеко, выстроен этот… Охотничий домик. Там и скоротали ночь, у жаркого камина. Ты, Алексашка, не отвлекай сейчас, мне к следующей стрельбе надо готовиться…

Егор покладисто отошёл в сторону, сел на ящик из-под картечных гранат, нетерпеливым жестом подозвал к себе сотрудников, пострадавших от царского гнева, скупо посочувствовал:

– Эк, как вам досталось, родимые! Ничего, бывает, служба… Получите потом от меня денежное вспоможение, по три рубля серебряных… Молчите уж, недотёпы! Подробности меня совсем не интересуют. Прямо сейчас возвращайтесь в городок, поручику Бровкину передайте следующее…

Уже поздним вечером, на малиновом закате, царь, видимо, сильно притомившись от пушечных и иных утех, согласился вернуться на ночлег в Кёнигсберг. Ехали молча, глядя в противоположные каретные окошки.

– Мин херц, а почему эти щиты деревянные, в которые ты палил из мортир да гаубиц, полосатые все? – невинно спросил Егор, которому эта затянувшая молчанка уже порядком приелась и надоела. – Жёлто-синие какие-то…

– Это цвета королевства шведского, – вяло и неохотно ответил Пётр и строго посмотрел на Егора. – Это всё, охранитель, о чём ты хотел спросить? Нет? Тогда – спрашивай!

– А когда мы дальше поедем? Все важные, секретные до невозможности бумаги уже подписаны, можно и в путь трогаться…

– Когда велю – тогда и тронемся! – жёстко заявил царь, помолчал немного, подумал и добавил: – Через неделю, наверное… Яшка же Брюс обещался нас догнать? Вот, дождёмся его, и – проследуем…

Ещё минут через десять Пётр произнёс – как бы между делом, неотрывно глядя в каретное оконце:

– А этот камер-юнкер – малый хороший и занятный… Может

так статься, что я его с собой захвачу…

– Воля твоя, государь! – почтительно кивнул головой Егор, а про себя подумал: «В нашем гадюшнике российском только что и не хватает фаворитов-педрилл! Хрен тебе, мин херц, а не фон Принц смазливый, перебьёшься…»

Отложив отъезд Великого Посольства на неопределённое время, царь (Егор – на этот раз лично выступал в качестве надёжного охранника) ещё двое суток развлекался в обществе напомаженного камер-юнкера: днём – на артиллерийском стрельбище, ночью – в охотничьем домике, у жаркого камина, на шкуре медвежьей…

На утро третьего дня неожиданно выяснилось, что полностью закончился порох, да и ядер с гранатами осталось – кот бранденбургский наплакал.

– Завтра всё подвезут! – слёзно заверял фон Принц. – Не расстраивайся, милый мой Питер! Отдохни немного, и мы снова будем веселиться…

«Кто-то, действительно, ещё будет веселиться и развлекаться – на полную катушку, а кому-то – уже и не придётся!» – ехидно ответил Егор, разумеется, про себя, наглому и коварному камер-юнкеру…

Обедали на этот раз в столовой комнате купеческого дома, где и квартировали. Хозяйская стряпуха расстаралась на славу: суп из гусиных потрохов и зелёного шпината, свиные рульки, тушённые с кислой капустой, горохом и прошлогодними яблоками, свежеприготовленный печёночный паштет, белый пшеничный хлеб, жёлтое коровье масло, фруктовый штрудель, украшенный сверху заварным кремом…

– Вкусно всё! – громко рыгая, одобрил Пётр. – Только очень уж тяжёлая пища, жирная такая… Как бы изжога потом не замучила. Алексашка, не спи, плесни-ка мне пива! Да в большую кружку наливай, не жалей… После такой жирной сытости маленькой кружкой уже не отделаться! Может оно и рассосётся?

Бесшумно приоткрылась дверь, украшенная цветными стеклянными витражами, в столовую торопливо вошёл Франц Лефорт, за ним шествовал дюжий денщик с тяжёлым холщовым мешком на плече.

– Гутен таг, кавалеры! – громко поздоровался Лефорт. – Иван, поставь ношу возле стола. Теперь свободен. Подождёшь меня на крыльце… Спасибо, господа, за заботу. Но я уже пообедал у друзей, в морском порту. Вот, принёс вам диковинку заморскую! – достал из мешка странный светло-розовый плод – размером с обычный мужской кулак, важно пояснил: – Это

называется – «потато»! Большую партию этого славного фрукта привёз в Кёнигсберг мой старинный английский друг. Шкипер Джон Смит. Его прекрасный бриг «Леди Мари» пришёл неделю назад от берегов Америки. Джон говорит, что все тамошние туземцы очень уважают сию ягоду. Только её едят – и бывают сыты. Шкипер презентовал мне целый мешок «потато»… Угощайтесь, мои добрые друзья!

Егор ограничился тем, что только понюхал заморский плод, после чего радостно улыбнулся – словно старинному приятелю, с которым неожиданно встретился – после долгой разлуки. Пётр же жадно впился в предложенную «ягоду» своими крепкими, чуть жёлтоватыми зубами, аппетитно захрустел, но уже секунд через семь-восемь расплевался во все стороны:

– Гадость-то какая! Скулы так и сводит, тьфу ты… Похоже, герр Франц, твой шотландский шкипер – большой шутник! Большой… Его счастье, что мы сейчас не в России, а то отведал бы этот капитанишка вдоволь плетей русских…

– Как же так? – искренне огорчился Лефорт. – Джон меня уверял, что это – очень даже вкусно. Впрочем, английские шутки мне всегда казались немного странными и грубоватыми…

Поднявшись из-за стола, Егор принялся вдохновенно вещать, немного, естественно, привирая при этом:

– Мин херц! Этот плод – вовсе даже и не фрукт, а самый натуральный овощ! Очень полезный и вкусный, только его надо уметь готовить. Помнишь, я рассказывал тебе, что мальчишкой кочевал с цыганским табором, а у нас был один узкоглазый старик, который меня учил ловко махать руками-ногами? Так вот, он меня как-то угощал этим «потато». Только называл этот овощ по-другому: когда – «картофель», когда – «картошка»…

– К чему ты мне всё это рассказываешь? – широко зевая, перебил Пётр.

– А к тому, что я к ужину приготовлю несколько блюд из картошки, а вы с герром Францем попробуете. Вот тогда и поговорим!

– Да пожалуйста! – равнодушно пожал плечами царь. – Готовь, охранитель, коль тебе не лень. Поговорим…

Егор быстро обо всём договорился с хозяйкой дома, дав денег, отправил кухарку на местный продуктовый рынок с подробным списком (написанным Лефортом – под его диктовку), сам прошёл на кухню, старательно наточил ножи, ознакомился с ассортиментом кастрюль и сковородок.

Пётр, Лефорт и Алёша Бровкин сидели за столом и, в ожидании обещанной вечерней трапезы, отчаянно дулись в карты: в увлекательную игру опен-даун, которой их недавно обучил

Егор, наплевав на тот непреложный факт, что данная игра будет придумана только в начале двадцатого века.

– Уважаемые господа! – церемонно объявил Егор, облачённый в цветастый кухонный фартук и с высоким поварским колпаком на голове. – Слушайте внимательно! Оглашаю полный список предлагаемых блюд. Картофель варёный – с молодым укропом и балтийской селёдкой! Картофель жареный – с молодой нежирной свининой и восточными пряностями… Ну, вот и всё, собственно! – замолчал смущённо и резко махнул рукой местным поварятам, испуганно выглядывающим из-за кухонного дверного косяка.

Ужин прошёл просто великолепно: все наворачивали Егорову стряпню за обе щёки, запивая светлым немецким пивом и крепкой грушевой австрийской водкой, неожиданно полюбившейся Петру, и нахваливали, нахваливали, нахваливали…

– Ох, уважил, телохранитель, уважил! – отдуваясь, объявил Пётр. – Ничего вкуснее мне не доводилось пробовать! Особенно хороша варёная картошка с селёдкой – под водочку грушёвую…

– Очень вкусно! Это не репа пареная, которую я вкушал всё детство своё! – поддержал царя Алёшка и тут же направил разговор в деловое крестьянское русло: – Александр Данилович, а как выращивают это чудо чудное?

– Да проще не бывает! По весне землю удобряешь навозом, перекапываешь, разбиваешь гряду на ряды – с шаговым расстоянием между ними, делаешь борозды, в борозды кладёшь мелкий картофель – с полушаговым промежутком между клубнями, землёй забрасываешь, три месяца ждёшь урожая… Всё очень просто!

– А навоз какой лучше? – не унимался поручик Бровкин, в котором неожиданно проснулся землепашец. – Сколько, кстати, вырастает этого картофеля – с одного клубня материнского?

– Знающие люди рекомендуют (вспомнил Егор покойную бабушку, которая частенько любила рассказывать о своей молодости, прошедшей в одной из новгородских деревень) применять коровий навоз – с очень небольшими добавками конского и куриного. А самый обычный урожай – десять крупных клубней с одного мелкого, изначального…

Пётр недовольно хлопнул в ладоши:

– Ладно, Алексашка, потом письменно изложишь все эти мелочи. В виде подробных инструкций, – вопросительно посмотрел на Лефорта: – Герр Франц, а сможет твой шкипер английский доставить будущей весной в порт Либавы судно этого овоща? Не знаешь? А ты спроси его, скажи, что я заплачу золотом. Куплю всю партию судовую, а потом своим Указом

обяжу дворян, бояр и все монастыри – выкупить весь этот картофель на семена, посадить, а по осени доложить о результатах полученных…

– Я, я, я! – вскинул Егор вверх руку. – Я первый в очереди! Беру для нужд своей Александровки – десять… нет – все пятнадцать пудов!

«Однако, братец, ты опять Историю торопишь! – недовольно и язвительно усмехнулся внутренний голос. – Благодаря твоим сегодняшним стараниям картошка в Россию попадёт на несколько лет раньше отведённого на то срока».[13]

В столовую ворвался взлохмаченный Матвей Солев:

– Александр Данилович, беда приключилась!

– Что такое? – обеспокоенно спросил Егор.

– Да этот… камер-юнкер, фон Принц! Торопился очень. Наверное, хотел Прокофию Савельевичу сообщить побыстрее, что уже доставили на стрельбище порох и ядра… На узком мосту его лошадь чего-то вдруг испугалась и шарахнулась, ну и – вместе с всадником улетела в глубокий овраг… Достали уже этого бедного фон Принца, не жилец он – позвоночник сломан. Стонет страшно, всё зовёт какого-то Питера…

– Ладно, Матвей, спасибо за службу! Иди – отдыхай! – негромко велел Егор и обеспокоенно посмотрел на царя.

Пётр подёргал правой щекой и громко высморкался – прямо в скатерть, медленно поднялся на ноги, прихватив со стола початую бутыль с грушевой водкой, направился в свою спальню, пробормотав напоследок:

– Надо же – лошадь испугалась…

Франц Лефорт состроил скорбную мину, печально покачал головой и тихонько предположил – с лёгким злорадством:

– Наверное, пошёл помянуть. Свою симпатию погибшую, – подумал и добавил: – Безвременно и случайно погибшую. Что тут поделаешь – испугалась глупая лошадь, понесла…

Когда Лефорт через минут пятнадцать тоже удалился в свою комнату, Бровкин понимающе подмигнул Егору:

– А как же ей, бедной, было не испугаться? Когда в одно место – очень нежное и интересное, игла вонзается острая? Солев у нас очень большой дока – ловко управляться с трубкой духовой…

На следующее утро посланец от курфюрста передал солидный пергаментный свиток, запечатанный сургучной печатью. Егор печать сломал, развернул свиток, мельком пробежал глазами и передал Лефорту:

– Герр Франц, там иноземными буквами написано что-то. Ты уж перетолмачь, будь другом…

– Что ж, можно и перевести. Слушайте: «Патент на звание бомбардира. Сим удостоверяю, что господин Прокофий Возницын признаётся и почитается за совершенного метателя бомб, и в теории, и на практике. Сей Прокофий Возницын является осторожным и искусным огненным художником. И я, подтверждая его действительные заслуги, выражаю ему свою личную, преданную благосклонность. Подпись: Курфюрст бранденбургский – Фридрих…»

Егор торопливо спрятал лицо в своих ладонях, с громадным трудом сдерживая приступ гомерического смеха. Пётр вскочил из-за стола, бешено вращая круглыми глазами, метнул тяжёлый буковый табурет в хозяйский резной буфет, после чего выбежал из дома на улицу…

Насилу Егор отыскал его – только часа через два с половиной. Царь сидел на песчаном морском берегу и самозабвенно пускал «блинчики» по тихой водной глади…

На следующий день Великое Посольство тихо и без всякой помпы отбыло из гостеприимного Кёнигсберга.

За полчаса до отъезда Пётр в своём уже привычном камуфляже, голосом, не терпящим даже малейших намёков на возражения, отдал краткие и ёмкие указания:

– Господин кавалер генерал Франц Лефорт! Вот, подписываю Указ: теперь ты – единственный Великий посол. Не спорь со мной, так надо! Езжай во главе Великого Посольства по пути, что мы ранее наметили, проводи переговоры, подписывай договора, секретные соглашения… Я тебе доверяю полностью, без всяких сомнений. Только прошу: никуда не торопитесь, езжайте медленно, договаривайтесь долго… Мы с полковниками Меньшиковым и Брюсом вперёд вас поедем, в качестве квартирмейстеров и предварительных переговорщиков. Вот, подписываю Указ и про это… Далее, с собой я, то есть дьяк Прокофий Возницын, беру три кареты. Одну – для меня и названных полковников. Другую – для четырёх людей моего охранителя. Третью – для денщиков и вещей дорожных. Ещё вот, щедро рассчитайся с хозяином дома нашего – за сломанный буфет и побитую посуду… Ну, у меня всё, можно трогаться. Да, самое последнее, оберегай усиленно этого… волонтёра Петра Михайлова…

Караван, состоящий из трёх неприметных карет, регулярно меняя на конных станциях лошадей на свежих, проследовал, делая короткие и редкие остановки – для приёма пищи и оправления нужд естественных, до знаменитых заводов, расположенных под немецким городком Ильзенбургом.

Вовсе не останавливаясь – по приказу царя проехали через Берлин, Бранденбург, Гальберштадт. Егор терялся в догадках. Обычно Пётр был очень любопытен – как птица сорока: всё внимательно разглядывал, выпытывал, во всё совал свой нос, а тут – даже на окошке каретном задёрнул плотную занавеску. Сидел в полудрёме, небрежно скрестив руки на груди, всё размышлял о чём-то…

Не утерпев, Егор таки напрямую поинтересовался у царя – причинами такой неожиданной хандры и полным отсутствием любопытства.

– Да чего я там не видел, за окошком! – раздражённо отмахнулся Пётр. – Здесь точно так, как и в нашей России-матушке: сколько вёрст ни проедешь – за окошком всё то же самое… Только у нас – деревянные избы кособокие, грязь непролазная, кучи мусорные и навозные вдоль дорог, пьяные оборванные мужики валяются под кривыми заборами, поля заброшенные, свиньи худые бродят повсюду. А здесь – чистота, домики красивые – под крышами красными, черепичными, люди приветливые, чисто одетые, дороги камнем мощённые, поля зелёные, сады цветущие… Эх, жизнь моя – тоска смертная! Что же зря смотреть на все эти красивости? Душу себе рвать? Ничего, вот вернёмся домой, я Москву так встряхну, так… Да что там – Москву? Всю Россию поставлю в позу неудобную и – того самого…

Ильзенбургские заводы, специализирующиеся на работе с разным железом и на оружейном деле, произвели на Петра и Брюса (Егор-то в своей жизни и не такое видал) неизгладимое впечатление. Переходили, рты широко раскрыв, из цеха в цех, завороженно и жадно слушали подробные рассказы пузатого герра Майера – опытного железных дел мастера, выделенного в качестве экскурсовода для важных господ из Великого Посольства русского.

– Запоминайте всё, записывайте, зарисовывайте! – шипел сквозь зубы царь. – Где такое ещё увидишь?

Отстав от них метров на двенадцать-пятнадцать, важно шествовал, держась правой рукой за рукоятку пистолета, засунутого за кожаный пояс и прикрытого полой сюртука, Матвейка Солев – опытный охранитель.

Первым делом представители Посольские посетили самую настоящую доменную печь, только очень маленькую и слегка кособокую – по меркам двадцать первого века. Горячий, огненно-алый чугун разливался прямо на их глазах в самые различные формы. Егор, немного отстав от своих компаньонов, на минутку-другую заскочил на склад готовой продукции. Ассортимент

впечатлял: пушечные ядра, толстые и тонкие цепи, сковороды, чугунки, насадки для крестьянских мотыг, площадки-основы для корабельных пушек, мельничные противовесы, детали каких-то неизвестных станков…

В длинном и узком цеху молодые здоровенные парни, одетые только в холщовые портки и кожаные фартуки до самой земли, варили железо в больших толстостенных горшках. Егор подобрал с пола осколок одного такого разбитого горшка, внимательно осмотрел его, понюхал, даже лизнул.

– Ну, Алексашка, и из чего же делают такие? – насмешливо спросил подошедший Пётр.

Егор слегка наморщил лоб, изображая сильнейшую задумчивость, через минуту важно ответил:

– Основа, безусловно, синяя глина, её ещё «кембрийкой» называют. А смешана она – в соотношении два к одному, с нитками асбеста…

– Чего? – не понял Пётр. – Какая такая синяя глина – когда горшок красный? И этот «асбест» – что ещё за хрень такая?

Егор, улыбнувшись про себя, подбадривающе мигнул Якову Брюсу, и тот невозмутимо и доходчиво объяснил:

– Если ту синюю глину обжечь – в печи специальной, то она красной делается. А асбест – это камень такой, как Данилыч говорит – «горная порода». Он, как будто, сделан из длинных и тонких иголок…

– Да, Данилыч этот! – недовольно набычился царь. – И откуда что берётся? Отец – конюх неграмотный. А сынок всё на свете знает, словечки всякие, умный до чего… Вот поведай мне, Алексашка, сын Данилов, про асбест и синюю глину – это тебя всё те же цыгане научили? Может – другой кто?

– Цыгане, конечно, – упрямо вздохнул Егор, понимая, что надо срочно менять тему разговора. – Но, мин херц, дело не в цыганах…

– А в чём же тогда?

– В том, что и глина синяя, и асбест – всё это есть у нас, в России. И совсем рядом с Москвой, так что…

– А людей толковых, мастеровых – где взять? – вкрадчиво спросил Пётр.

– Кого-то и здесь нанять можно – за деньги очень большие. Но и свои, русские искусники имеются. Мои людишки сыскные докладывали недавно, что есть в Туле-городе одно семейство мастеровых. Мол, наилучшие кузницы-умельцы, такие пистоли знатные делают – гораздо лучше заморских…

– Не врёшь? Хорошо, съездим потом в Тулу, познакомимся с этими искусниками, – царь лукаво подмигнул Брюсу: – Смотри,

Яша, сделал я Данилычу заход – про «умные слова», он и снова заговорил по-нашенски. Хват – одно слово…

В следующем строении усердно трудились немецкие оружейники, изготавливающие ружья, пистолеты и различное холодное оружие. С правой стороны от входа мастера размеренно выковывали из тонких пластин металла оружейные стволы разных длин и диаметров. С левой стороны располагались сверлильные и обточные станки. Герр Майер, неторопливо раскурив короткую фарфоровую трубку, важно и напыщенно сообщил:

– Все эти хитрые механизмы работают от вертящихся колёс водяных…

Пётр и Брюс тут же поспешили к хитрым устройствам и, перебивая друг друга, принялись засыпать несчастного Майера десятками вопросов. Егор же решил выйти на свежий воздух.

Во-первых, он был очень сильно недоволен собой, вернее, тем фактом, что расслабился и перестал должным образом следить за своей речью, допуская неосторожное использование слов из других времён.

Во-вторых, на душе неожиданно заскреблись кошки, интуиция зашептала что-то неразборчивое – о возможной смертельной опасности…

Егор вышел в пустынный цеховой двор, огляделся по сторонам, напряжённо высматривая Солева.

– Чёрт побери! – Он выругался и сунул руку в карман камзола, просунул пальцы в отверстия самодельного кастета. – Куда же подевался этот бездельник?

Слева, в широком проходе, между стенами разных цехов, мелькнула неясная серая тень. Приняв соответствующую боевую стойку, Егор несколькими плавными пируэтами переместился к подозрительному месту, замер на минуту, прижавшись спиной к шершавой кирпичной стене и безуспешно пытаясь унять взволнованный стук своего сердца, осторожно заглянул за подозрительный угол.

Неподвижная спина в зелёном кафтане – на пожухлой траве, из спины торчала чёрная рукоятка, вероятней всего – длинного кухонного ножа.

«Это Матвей! – бестрепетно подсказал внутренний голос. – Сто процентов – мёртвый, лезвие ножа сидит под шестым ребром… Будь осторожнее, браток!»

Егор молниеносно крутнулся на месте, прислушался. Где-то рядом захлопала своими большими крыльями невидимая птица.

Понимая, что всё уже бесполезно, он выставил один защитный блок, другой…

Сильный удар, темнота… «Это тебе с цеховой крыши прямо на голову сбросили что-то тяжёлое, может, даже и обычный, пошлый кирпич!» – подсказал дрожащий и неверный внутренний голос.

Глава пятнадцатая
Дороги европейские, труды праведные

Непонятные и совершенно бессмысленные видения, наконец, рассеялись и отступили куда-то. Головная боль почти прошла, только во рту осталось неприятное послевкусие… Серая вязкая пелена, первые отрывочные мысли, обрывки странного разговора на английском языке. Масляный фальцет вежливо и нервно недоумевал:

– Сэр, чего же мы ждём? Убить их всех без исключения, да и Бог с ними! Потом разберёмся…

– Олух вы, Оуэн, каких белый свет ещё не видывал! – вдумчиво отвечал фальцету ничем не приметный тусклый голос. – Я всегда точно выполняю полученные приказы: от и до! Поэтому и облечён доверием особ высоких и знатных. Был отдан однозначный и чёткий приказ: убить конкретного господина. Одного, заметьте, Оуэн, а не двух или там трёх!

– А как же тот мальчишка – около заводского цеха? – назойливо полюбопытствовал масляный фальцет.

– При чём здесь всякие слуги и чернь? Я вам толкую про господ и персон! В таких серьёзных играх даже малейшие ошибки не прощаются, мой друг. Вы так торопитесь попасть на Небеса? Уверены, что попадёте непременно в рай? Заблуждения, заблуждения… Нет, в отличие от вас, я не намерен спешить. Кстати, вам не кажется, что у нашего дорогого пленника чуть дрогнули ресницы? Ну-ка, плесните на него ковшик кипятка! Впрочем, уже не надо! Похоже, что наш долгожданный гость – человек далеко не глупый…

Первым делом Егор независимо и гордо улыбнулся и только после этого приоткрыл глаза, слегка повертел головой.

Просторное прямоугольное помещение, тёмные каменные стены, местами покрытые бело-серой плесенью, четыре ярких факела на переносных подставках, холодный, явно давно нетопленный камин.

«Очень похоже на элементарный подвал, – невозмутимо предположил внутренний голос. – Плесень на стенах, факелы… В подвалах очень часто ощущается нехватка кислорода: обычные восковые свечи тухнут, а вот факелы, щедро пропитанные сосновой смолой, горят – хоть бы что… Что ещё? Камин в подвальном помещении. Причём, труба-то – широченная.

Следовательно, девяносто процентов из ста, что внутри трубы – с немецкой пунктуальностью, вделаны бронзовые скобы – для трудолюбивых и чумазых трубочистов. По крайней мере, на Кукуе так было заведено – у всех тамошних жителей… Ещё что? Ага, руки заведены за спину и связаны. Да ладно, вязальщики хреновы! Кто ж так узлы стягивает, недотёпы? Две-три минуты – всех делов. А вот этот привкус во рту… Не иначе, тут дело кирпичом не ограничилось, ещё какой-то сонный настой вливали в рот. Следовательно, времени уже прошло – Бог его знает сколько…»

Послышался чей-то негромкий, совсем даже и не весёлый смех, раздались демонстративно жидкие аплодисменты, ничем неприметный голос ехидно произнёс – на чистом русском языке, но с сильным, слегка картавым акцентом:

– О чём это вы так задумались, господин царский охранитель? Очнитесь от своих мечтаний! Может, познакомимся и немного поговорим?

«Как же это я – про людей-то забыл? – удивился сам на себя Егор. – Пути отхода уже просчитал, молодец! А персоналии? Что, совсем и не интересно – кто это тебя так качественно повязал, сбросив на голову кирпич?»

Он перевёл свой взгляд в противоположный от камина торец комнаты, всмотрелся, невольно встретившись со своим собственным взглядом – в большом прямоугольном зеркале, рядом с которым и обнаружились противники.

В массивном, явно старинном кресле, деревянные ручки которого были украшены искусно вырезанными драконьими зубастыми мордами, восседал некто очень важный: в тёмно-синем бесформенном балахоне, с широким капюшоном, небрежно наброшенном на голову. Из-под капюшона виднелись только пухлые щёки и массивный бритый подбородок – натуральная кувалда. Ладони человека в капюшоне барственно-спокойно возлежали на драконьих головах. Рядом с приметным креслом важного господина стоял хилый субъект средних лет, одетый неброско и скромно: обыкновенный классический халдей – неприметный снаружи и коварный – внутри. За спинами этой парочки наблюдались зверские физиономии двух дюжих охранников, в левом углу – шикарная китайская ширма, над которой поднимался чуть видимый молочно-белый дымок…

«А охранники-то – серьёзные такие ребятишки, здоровенные – как быки немецкие! В руках деревянные дубинки, из-за кожаных широких поясов торчат пистолетные рукоятки… – обеспокоенно отметил внутренний голос. – Не, братец, с такими обломами тебе не совладать, даже и не мечтай! Срочно просчитывай другие

варианты – пока ещё не поздно!» – Если не ошибаюсь, то я имею дело с подданным английской короны? – с хорошо сыгранным презрением спросил Егор – на неплохом (в его понимании, ясное дело) английском языке, небрежно поинтересовался: – Эсквайр, баронет, пэр – с правом наследной передачи титула?

Фигура в тёмно-синем балахоне застыла, демонстрируя недюжинную выдержку, а халдей, что стоял возле хозяйского кресла, принялся громко и безудержно икать. Дюжие охранники абсолютно никак не среагировали, было очевидно, что они просто не владели английским языком и были наняты на службу уже здесь, в Германии.

Минуты две-три понадобилось важному господину, чтобы собраться с мыслями. Громко и недовольно скрипнув зубами, он, стараясь не уронить собственного достоинства, спросил (на английском языке) совершенно спокойным и нейтральным тоном:

– Какой из Петров – настоящий? Тот – что в Москве? Или тот, который волонтёр Пётр Михайлов? Ты, страж царский, ответь мне честно… Живым тогда останешься, слово дворянина! Я же всё-всё понимаю и тебя не тороплю. Целых семь минут у тебя есть… Эй, Оуэн, бросайте свинец в ёмкость! Ну? – угрожающе и вопросительно прикрикнул на Егора. – Говори – чего знаешь! Иначе всё, что располагается ниже пояса, залью тебе свинцом раскаленным! Это очень даже больно…

– Может, поболтаем всерьёз? – намекнул Егор (мол, на хрена нам, серьёзным и доверенным людям, всякие пешки рядовые?), после чего развил свою мысль: – Прогони ты этих трёх псов: двух волкодавов и одну болонку, вот тогда и поговорим славно…

Пухлая рука англичанина уже дёрнулась – откинуть капюшон назад, но вдруг застыла.

– Меня предупреждали, что ты, страж царский, очень хитёр! – сообщил с придыханием ничем не приметный голос. – Что очень разговорчив… Сейчас твою кисть левой руки опустят в кипящий свинец. А можно и не кисть, а совсем другой орган… Подождём после этого немного. А потом продолжим наш увлекательный разговор…

Хиляк Оуэн, не торопясь и откровенно рисуясь, прошёл за китайскую ширму, через несколько минут вернулся обратно, неся в вытянутой руке ковшик на длинной ручке – очень напоминающий обычную турку для заваривания хорошего кофе. Над «туркой» клубился угрожающе-фиолетовый пар…

Долго раздумывать Егор не стал. А что? Надо было дождаться, когда на ваши собственные гениталии, к которым вы относитесь с искренним пиететом, – весело закапают раскалённые капли свинца? Симпатичные такие – с точки зрения современного

дизайна, но – слегка горячие…

Незаметно размяв за спиной руки, уже свободные от верёвки, он сильно оттолкнулся ногами от пола подземелья и молнией бросился к широкому зеву камина, нырнув туда, начал быстро подниматься наверх, активно перебирая ступнями по металлическим скобкам, вбитым в кирпичи каминной трубы… Остановился, продолжая сильно ударять по одной и той же скобе кулаком правой руки.

Сзади слышался шум и треск – от переворачиваемой мебели, взволнованные голоса, спорящие о чём-то.

– Не сметь стрелять в каминную трубу! Он мне нужен живым! – на плохом немецком языке громко приказал ничем не приметный голос. – Быстро на улицу! Факела возьмите с собой! С крыши он может спуститься только по старой груше, с восточной стороны…

Выждав с минуту, Егор ловко спустился вниз, выскочил из камина, приняв на всякий случай боевую оборонительную стойку, мгновенно оглядел помещение: одинокий факел, вокруг – ни души, в торце подвального помещения виднелась приоткрытая дверь.

Стараясь продвигаться максимально бесшумно, Егор проскользнул за дверь: короткая лестница, коридор, поворот, новый коридор, близкий голос неожиданно прокричал – тревожно, с просительными нотками:

– Сэр, только держите пистолет наготове! Этот русский очень опасен!

«Вот это точно, опасен! Может, и не очень, но местами – опасен, это точно!» – неслышно хохотнул внутренний голос.

Егор осторожно выглянул из-за угла: одной рукой придерживая широко открытую входную дверь, а другой – поднимая вверх ярко горящий факел, к нему спиной застыл Оуэн, напряжённо вслушиваясь в ночную тишину.

Сильно зверствовать Егор не стал, бесшумно подойдя сзади, просто от души приложил халдея кулаком по темечку, аккуратно прислонил безвольное тело в сидячем положении к двери, не давая ей закрыться, рачительно вытащил из кармана сюртука английского халдея тяжёлый кошелёк.

«С деньгами-то путешествовать гораздо сподручней! – искренне обрадовался внутренний голос. – В любые времена и в любой точке этой планеты… Да что там – планеты! В любой точке Вселенной…»

Егор поднял с земли факел, осмотрелся, определился – на скорую руку, забросил факел в прихожую дома, смело направился в сторону, где в свете факела предварительно высмотрел

невысокую живую изгородь – из ровно подстриженного кустарника.

Никто его так и не заметил.

Ловко перемахнув через неширокий ряд кустарника (кажется, жасмина – по запаху), Егор размеренно потрусил к неширокой реке, матовые воды которой в полукилометровом отдалении, увлечённо игрались с желтоватым лунным светом, удовлетворённо бормоча себе под нос:

– Отсутствие высоких заборов и сторожевых собак – безусловно-позитивное достижение европейской цивилизации…

Тщательно отряхнув и смыв с себя печную копоть и золу, он направился дальше – перпендикулярно к речному берегу.

«В Германии невозможно заблудиться! – рассуждал про себя Егор. – Главное – выйти на любую дорогу и дойти до первого перекрёстка…»

Через три минуты он вышел на неширокую просёлочную дорогу, ещё через пять – дошёл до перекрёстка, достал из «рюкзака» кремневое кресало, сорвал с обочины большой пук сухой травы, намотал траву на длинную ветку орешника, пощёлкал кресалом, дождавшись, когда огонь ярко разгорится, поднял вверх свой импровизированный факел, поднёс его к многочисленным дорожным указателям, щедро натыканным на перекрёстке.

– Ильзенбург! – удовлетворённо прочёл Егор на одной из табличек-стрелок и одобрительно прокомментировал: – Дойче орднунг – дас ист зер гут!

На такой случай (исчезновение Егора) был заранее разработан отдельный вариант: Алёшка Бровкин (как же без него?) должен был тут же послать двух гонцов (разными дорогами) к Лефорту, после чего заселиться в самую большую гостиницу, крепко запереться вместе с царём в номере и терпеливо ждать подмогу. Даже недельный запас продовольствия и напитков был предусмотрен, чтобы существовать автономно, не рискуя случайно нарваться на яд, подсыпанный и подмешанный коварными масонами.

На реквизированные у неприятеля денежные средства Егор нанял у заспанного немецкого крестьянина тележку, в которую был запряжён такой же заспанный и сонный коняшка, и уже к завтраку подъехал к «Золотому поросёнку» – самому известному и крупному постоялому двору Ильзенбурга.

Пётр, выслушав подробный рассказ Егора о ночных злоключениях, откровенно испугался и сильно замандражировал:

– Это что же такое творится на белом свете? Сегодня они тебя, Алексашка, украли, а завтра что – меня? Говоришь, пытать

хотели – свинцом расплавленным? – Пётр неожиданно побледнел, упал на пол и забился в несимпатичных конвульсиях, на царских штанах появилось большое мокрое пятно…

Царя откачали, переодели в запасные сухие порты, усадили в кресло, к ушибленному во время падения затылку приложили кусок льда (хозяин гостиницы любезно принёс из погреба), завёрнутый в толстую холстину.

– Что, мин херц, может, уже поедем домой, в Россию? Раз такие дела происходят – насквозь непонятные? – заботливо предложил Егор. – Насмотрелись вдосталь на эту Европу, хватит! Лично я уже соскучился сильно – по дому, по жене, по детям. Даже по Москве нашей, занюханной и задрипанной…

– По жене он соскучал, надо же! – чуть слышно пробормотал Пётр и тут же строго велел Бровкину: – Алёшка, выясни у хозяина двора постоялого насчёт доступного и весёлого женского пола… Быстро у меня! Да, и скажи, чтобы водки грушевой принесли большой штоф и колбасы свиной, кровяной! А по поводу, куда мы двинемся дальше, я тебе, Алексашка, скажу завтра утром. Вот отдохну как следует, тогда уж и решу…

Отдохнув и знатно развеявшись (как следует – по его понятиям), Пётр во время завтрака следующего дня объявил:

– Не могу я вернуться домой, не посмотрев Голландии! Столько мечтал о том, столько раз она мне снилась по ночам! Да и на Англию зело хочется взглянуть…

– Мин херц! – принялся уговаривать царя Егор. – Ну, ладно, Голландия, раз она тебе снилась… Хорошо, посетим, даже не спорю! Но Англия эта штопаная… Там толком и смотреть не на что! Туманы сплошные, да овцы белые пасутся вдоль дорог – мне Лефорт рассказывал… Знаешь, как можно будет сделать, чтобы неизвестных врагов окончательно сбить со следа? Когда Голландию осмотрим, то корабль наймём, чтобы плыть в Англию. А как только выйдем в открытое море, то капитана сразу и плотно забросаем ефимками, и – в Балтику… Можно высадиться и в Курляндии, а можно и дальше идти: до устья реки Невы. Красивые там места, очень интересные. Вот где бы заложить большой порт торговый… Ещё потом можно будет по Неве выйти в озеро Ладожское, вдоль его берега дойти до устья реки Волхов. А по Волхову доплыть до самого Новгорода, а там уже и до Москвы – рукой подать… Этим путём сам Рюрик пришёл на Русь…

– Рюрик, говоришь? – заинтересованно вскинул вверх правую бровь царь. – Ну-ну! Интересно. Подумаю над твоим предложением, охранитель…

В городке Ксантене, что располагался на пологом берегу Рейна, они наняли два крепких плоскодонных баркаса и пошли вниз по течению великой европейской реки, на встречу с Атлантическим океаном. По совету Якова Брюса, баркасы свернули правым рукавом Рейна и вскорости добрались до первых шлюзов, ведущих в знаменитые голландские каналы.

– Вот они какие – шлюзы! – громко восхищался Пётр, увлечённо разглядывая шлюзное хозяйство. – Умно придумано, умно! Надо будет так же сделать на нашем канале между Волгой и Доном…

По прямым и узким каналам баркасы шли на «конной тяге»: каждое судно тянули по две лошади – специальной тяжеловозной породы, размеренно идущие по разным берегам. Все поля, видимые с баркаса, были разбиты на разноцветные (в зависимости от выращиваемых культур) квадраты и прямоугольники.

– Вся-вся земля у них в деле! – в восхищении хлопал себя по костистым коленям царь. – А у нас – пустошь на пустоши… Эх, лень русская! Ужо, когда вернусь – буду у помещиков нерадивых отнимать землицу пустующую…

– Правильно, государь! – одобрил Егор и тут же развил эту тему: – И не только землю, но крепостных крестьян отбирать надо! Отобрали, и на те же самые наделы земельные и посадили! При этом ещё и пообещать можно, мол: «Если поставишь за десять лет государственной казне столько-то пшеницы, ржи, или там – мяса разного, то и вольную получишь». А что такого? Какая разница: крепостной крестьянин или вольный? Лишь бы работал неустанно, землю пахал, сеял, скотину выращивал бы… А если ещё и порт торговый заложить на Балтийском море, то точно – завалим весь мир житом да пшеничкой русской…

– Может, ты и прав, Алексашка, – немного подумав, согласился Пётр: – В Европе-то все землепашцы вольные. А работают как, видел? Нам только и остаётся – завидовать да тайком утирать слюни…

Одного только царь не одобрял, пессимистически ухмыляясь:

– Зачем им так много разных цветов? Баловство одно и трата денег! Столько земли глупостью занято…

Действительно, поля с зерновыми культурами и созревающими овощами регулярно чередовались с земельными участками, на которых выращивались самые различные цветы: гиацинты, нарциссы, левкои, тюльпаны – всевозможных расцветок…

– Не скажи, мин херц! – не соглашался Егор. – На цветах

можно делать даже очень приличные деньги…

– Ну и как, скажи на милость?

– Да очень просто. Сами-то цветы голландцы скармливают своим коровам и козам, а вот луковицы, из которых те цветы произрастают, их-то они и продают…

– Кому продают-то?

– Ну, графам разным, маркизам, князьям, прочим денежным людям, у которых есть замки, или просто большие загородные дома, окружённые парками. В Европах принято перед парадными входами домов людей знатных и богатых клумбы разбивать цветочные, в парках – так же…

– Ну, если так оно, тогда конечно! – согласно покивал головой Пётр и неожиданно размечтался: – Вот, прогоним шведа с берегов моря Балтийского, заложим там большой город – с дворцами и парками… Тогда и придётся посылать гонцов в эту Голландию – за луковицами цветочными… Да что там – гонцов! Я, в таком раскладе, и сам лично приеду за этими луковицами, да и тебя, Алексашка, прихвачу с собой…

Трое суток – с ночными остановками, плыли по этой цветочной сказочной стране, не уставая восхищаться местными красотами. Вдоль берегов канала часто попадались маленькие хуторки, состоящие из трёх-пяти аккуратных домиков под крутыми красно-коричневыми черепичными крышами, на которых располагались гнёзда аистов и журавлей. Иногда – в загадочной голубоватой дали, вырастали очертания городов и городков, силуэты средневековых замков с многочисленными башенками и величественных католических соборов. И мельницы: десятки, сотни, тысячи этих крылатых сооружений, разбросанных, такое впечатление, повсюду…

– А вот пиво здесь – совсем другое! – сообщил Пётр, опорожняя очередную литровую кружку. – У немцев-то оно светлое, лёгкое и слегка сладковатое. А здесь – гораздо темнее и крепче, да и горчит немного, но – приятно…

Посовещавшись с кормщиком-голландцем, посетили большую птичью ферму. Царь очень удивлялся многообразию её обитателей. Куры – самых разных пород: хохлатые, разноцветные, непривычно крупные и совсем мелкие, некоторые – с ногами, густо покрытыми перьями. А кроме куриц – ещё и утки, гуси, чёрные и белые лебеди, цесарки, индюшки, куропатки, бекасы, фазаны, павлины…

– Вот так чудо! – умилился Пётр и велел Брюсу: – Яша, срочно отпиши Лефорту, чтобы он тоже заехал на ферму эту. Пусть купит каждой твари по паре и отправит на Москву, в Преображенское…

Наконец, подошли к Амстердаму, впереди заблестела – зеркалом старинным – водная бесконечная гладь, покрытая бессчетным количеством разномастных парусов.

– Это и есть – Зейдерзее, море голландское! – скупо объяснил кормщик.

Морской порт Амстердама поражал: мачты, паруса, резные фигурки всех богов и богинь, придуманные когда-либо жителями и жительницами этой древней планеты, рангоуты, тяжеленные якоря, крепкие солёные словечки – на десятках разных языков…

– Столько кораблей – да в одном месте! – удивлённо и одновременно восхищённо качал головой Пётр. – Это же какая здесь торговля? Подумать страшно – какие здесь деньги вертятся… Нужен нам порт на Балтике! Ох, как нужен… Да, Александр Данилович, ты прав: возвращаться в Москву будем тем путём, по которому варяги в греки ходили! Эх, жаль, что нет у нас с собой карт тех мест…

Егор твёрдо заверил:

– Не беда, мин херц! По голландским магазинам пошарим, шкиперов расспросим опытных: вдруг кто-нибудь из них и ходил к Неве-реке? Проработаем маршрут, даже наметим место удобное – для порта будущего…

Всю осень, зиму и часть весны они провели в приветливой, любезной царскому сердцу Голландии, объехав за это время больше дюжины городов, городков и крохотных деревушек. Брюс всё больше интересовался науками точными: математикой, геометрией механикой, гидравликой, навигацией, астрономией, астрологией, основными принципами и методами кораблестроения, химическими и алхимическими опытами. Безмерно жаден был Яков до всяких новых знаний, спал часа по три-четыре за сутки, ел в спешке – если вовсе не забывал, похудел, почернел, но улыбался при этом – широко и счастливо.

– Побольше бы нам таких Брюсов! – не мог нарадоваться царь на Якова. – Не деньги и богатство главное в этой жизни! А стремление к разным знаниям, стремление первым быть во всём!

Сам же Пётр (и Егор вместе с ним, чтобы не выпускать царя из поля зрения) занимался делами более приземлёнными: лично постигал ремёсла разные, совершенствовал своё мастерство. А с октября к ним присоединились и волонтёры Великого Посольства – общим количеством до сорока человек.

Чем только не приходилось заниматься за эти восемь месяцев! Егор даже (а вдруг мемуары придётся писать?) составил подробный перечень всех профессий и ремёсел, которым ему выпало обучаться. Плотницкое и столярное искусство, резьба по дереву и камню, кораблестроительное дело, шитьё парусов и

умение устанавливать их на мачтах, обязанности и профессиональные навыки штурмана, работа на токарных, сверлильных и фрезерных станках, резка стёкол и остекление ими оконных рам, сооружение и обслуживание речных шлюзов, фортификационные работы, кузнечное дело, обустройство ватерклозетов, возведение ветряков и мельниц водяных.

Один Алёшка Бровкин (кроме Брюса, конечно) обучался отдельно, по специальной программе, почти безостановочно плавая по морским волнам, пересаживаясь с одного судна на другое. Умудрился даже – в качестве второго помощника капитана двухмачтового торгового брига – сплавать до Дании, проследовать оттуда в Исландию и вернуться обратно в Амстердам – с грузом вяленой трески и солёной атлантической сельди.

– Ты, Алёшка, станешь первым русским капитаном! – радовался Пётр. – Потом ещё и других будешь обучать, дипломы подписывать!

А трудолюбие голландцев вызывало безграничное уважение. Чуть севернее Амстердама – на морском побережье – безостановочно работали более сорока полноценных верфей. Большие корабли, готовые к долгим плаваниям по морям и океанам, строились в невиданно короткие сроки – от пяти до восьми недель. Многочисленные фабрики и заводы, расположенные тут же, изготовляли всё необходимое для нужд кораблестроителей: доски и мачты, железные гвозди, бронзовые скобы, канаты и пеньковые верёвки, всевозможные паруса, якоря, деревянные скульптуры, корабельную мебель, навигационные приборы, плащи-зюйдвестки… На всех предприятиях большинство станков и прочих механизмов работали от ветряных и водяных мельниц – с помощью хитроумных тяг и сложных приводов.

Раз в полтора месяца – с торговыми оказиями – приходили письма от жены. Санька писала (первая часть каждого письма – на русском языке, вторая – на немецком, третья – на французском), что дома всё хорошо, дети не болеют и растут, а она скучает, любит безмерно и очень ждёт своего беспутного мужа…

В конце января в Амстердам из Германии, успев заехать и во Францию, прибыл Лефорт – похудевший, помолодевший, с горящими глазами, доложил толково:

– Пётр Алексеевич, всего на твою государеву службу мною нанято сто тридцать человек разных! Тридцать пять – опытные офицеры и полковники. Двадцать шесть – морские люди: штурманы, навигаторы, капитаны. Пятнадцать – корабелы и парусных дел мастера. Двенадцать – минёры, строители

крепостные. Остальные – оружейники, литейщики, кузнецы, инженеры шлюзные и дорожные…

– Молодец, герр Франц! – похвалил Пётр и долго обнимал Лефорта, от души хлопая по спине, целовал взасос, предварительно сняв со своего носа камуфляжные очки, в щёки и уста.

– Вот ещё, государь! – вырвавшись из царских объятий, сообщил герр Франц. – Купил я для нужд армейских двадцать тысяч ружей, тысячу пистолетов офицерских, десять гаубиц, десять мортир полевых и единорогов боевых – пятнадцать штук… А ещё беда у нас приключилась, Пётр Алексеевич! Виноват я, дурень старый, не доглядел! Ты уж помилуй, не казни!

– Что ещё произошло? – грозно нахмурился Пётр, его накладная бородёнка взволнованно задрожала. – Сказывай, генерал, не томи!

– Волонтёр Петр Михайлов, которого я всюду возил с собой, преставился надысь, неделю назад, когда проезжали через Лилль французский…

– Что, отравили? – вскочил на ноги Егор.

– Французский доктор сказал, что преставился тот волонтёр от возлияний чрезмерных напитками горячительными. Там и похоронили беднягу… А всем правителям европейским я уже отписал тайно. Как мы и договаривались – на случай такой, несчастный. Мол, Пётр Михайлов – это не царь Московский Пётр. А настоящий царь – на Москве сейчас, дела неустанно вершит важные…

В феврале непривычно потеплело, кругом зацвели первые тюльпаны, на фруктовых деревьях появились зелёные листики, набухли плодовые почки. В воскресный день Пётр и Егор, прихватив с собой Алёшку Бровкина, решили немного погулять по Амстердаму.

Был ярмарочный день, везде пестрели переносные прилавки – с самыми разными товарами, а также разноцветные большие и высокие шатры, где сидели предсказатели, фокусники и гадалки.

Бровкин заскочил в один такой бежево-коричневый шатёр, через две-три минуты выскочил обратно – словно пчелой ужаленный, прикрывая рот платком, завернул за угол, где его успешно и стошнило.

– Ужас какой-то! – часто-часто моргая своими длиннющими (как у сестры) ресницами, испуганно вздрагивая, рассказывал Алёшка. – Там разные уроды сидят в больших стеклянных банках! Такие все страхолюдные из себя, такие противные…

– Уроды? – живо заинтересовался Пётр. – Алексашка, пошли скорее, посмотрим!

Егор, ещё в классе пятом посещавший вместе со своими родителями санкт-петербургскую Кунсткамеру, сразу понял, что там такое – в этом бежевом шатре, и не испытывал ни малейшего желания заходить туда, но – приказ царский… Сглотнув неприятную слюну и тяжело вздохнув, он последовал за Петром.

В больших банках, очевидно, заполненных специальным раствором, чего только не было: человеческие эмбрионы, младенцы с тремя глазами – и прочими аномалиями, отдельные человеческие органы, крыса с двумя головами, непонятная жёлтая рука – с восемью пальцами.

Егор, чувствуя, что его начинает мутить, старался на банки не смотреть, внимательно изучая дощатый пол и матерчатые стены шатра. Была присуща его организму такая странность: совсем не боялся крови – ни своей, ни чужой, а вот перед всяким уродством испытывал сильнейшую брезгливость…

Пётр же, наоборот, как заведённый бегал от одного сосуда к другому, радостно тыкал пальцами, громко и искренне восторгался:

– Алексашка, ты посмотри только сюда, увалень худородный! Красота-то какая! А это? Гы-гы-гы! Ха-ха-ха! Вот славно-то как!

Уже выйдя из противного шатра, царь приказал Алёшке:

– Найди срочно Лефорта! Отведи сюда, велю купить, не торгуясь, всё это – вместе с шатром, и отправить – в Преображенское. Пусть там эти диковинки осторожно, чтобы ничего не разбить, сложат в большую кладовку – до моего приезда…

В конце апреля месяца они стали собираться домой, предварительно распространив слух, что часть Великого Посольства перебирается в Англию – пообщаться с тамошними аристократами, изучить разные ремёсла и хитрости английские…

Алёшка Бровкин, обойдя добрую половину порта амстердамского, высмотрел и нанял подходящую посудину – крепкий трёхмачтовый датско-английский бриг (один компаньон, он же капитан судна, – датчанин, другой – англичанин, постоянно проживающий в Лондоне) с гордым названием «Кинг», то есть по-русски – «Король». Корабль считался сугубо торговым, но вдоль каждого его борта располагалось по шесть бронзовых пушек, могущих стрелять как чугунными ядрами, так и картечными гранатами.

Перед самым отплытием в Москву были отправлены (разными дорогами) трое надёжных гонцов – с почтой к Фёдору Юрьевичу Ромодановскому, состоящей только из нескольких частных писем, в которых, на первый взгляд, не было ничего

тайного: описывались голландские прелести и диковинки, подробно рассказывалось о достоинствах местных дам и скота домашнего… Только в заранее условленном месте было помещено секретное сообщение (симпатическими невидимыми чернилами) – об истинном маршруте следования царя и персон, его сопровождающих…

Петр, Егор, Алёшка Бровкин, Лефорт и ещё полтора десятка дворян-волонтёров из свиты Великого Посольства (все остальные ещё на шесть месяцев оставались в Голландии – совершенствовать приобретённые навыки и получать новые знания) загрузились, вместе со своими вещами и нехитрым скарбом, на корабль.

Поклажа Егора оказалась самой обширной и разнообразной. Как же иначе? Семена всяких разных овощных растений, рассада клубники и земляники, саженцы фруктовых деревьев и кустов, цветочные луковицы и черенки, многочисленные подарки – для родственников и друзей, всякие бытовые мелочи, могущие пригодится в повседневной жизни…

– Скопидом ты, Алексашка! – насмехался царь. – Не охранитель хваткий, а помещик натуральный! В деревне тебе – самое место, яблоки растить, коровам крутить хвосты…

– А я и не против, государь! – в шутку (в шутку ли?) ответил Егор. – Всегда, с лет младых, имел слабость к сельской жизни… Я бы с удовольствием навсегда поселился в деревне. Да вот кто тогда тебя будет охранять и оберегать?

Капитан «Короля» – датчанин по фамилии Лаудруп, неплохо знавший английский язык, скомандовал отплытие. Два пожилых матроса умело убрали сходни, в клюзах противно загремели ржавые якорные цепи, портовые работники упёрлись специальными длинными палками, которые по мере необходимости наращивались – вплоть до пятнадцатиметровой длины, в борт брига, сильно отталкивая его от деревянного пирса и одновременно разворачивая носом в открытое море…

Ветер, дувший с берега, наполнил два прямоугольных паруса, заранее установленные на центральной мачте, «Король» начал уверенно удаляться от полюбившейся всеми Голландии, держа курс на запад…

Когда отошли от берега на три—три с половиной морские мили, произошли два важных и воистину знаковых события.

Во-первых, царь прилюдно сорвал с себя очки и гладковолосый парик, снял накладную бороду и усы. Удивление дворян-волонтёров было безмерно, все застыли с открытыми ртами, совершенно не понимая – что делать дальше…

– Что такое? – дурачился Пётр. – Думали – дьячок Возницын

всё это время был с вами? А тут узрели царя, и душа ушла в пятки? Ай-яй-яй, простота лапотная… Ладно, забудем, братцы! Алексашка, полковник Меньшиков! А где два бочонка с вином бургундским, которые генерал Лефорт привёз из Франции? В моей каюте? Нет, так не пойдёт! Выкатить на палубу и распить – в честь моего возвращения в должность царскую…

Бургундское послушно распили – до последней капли, уже под общий смех и слегка солоноватые взаимные шутки…

Во-вторых, Лаудруп узнал от Алешки Бровкина, который за этот год научился бойко болтать по-английски, что плыть в Лондон никто и не собирается. Датчанин сперва несказанно удивился, затем разгневался и принялся грязно и длинно ругаться, а в конце разговора, осознав до конца величину денежной суммы, предлагаемой ему за резкую смену курса, сразу же замолчал, согласился со всем и отдал чёткое приказание рулевому – повернуть на северо-восток…

Более того, Лаудруп (через Алёшку) радостно сообщил, что несколько лет назад ему уже довелось побывать в устье реки Невы:

– Тогда, в самом начале июля месяца, «Короля» зафрахтовал один шведский купец. Бросили якорь недалеко от безымянного острова в устье Невы. На том острове стояла фактория чухонская. Целые сутки (ночью там летом очень светло) перевозили на лодках и сгружали в трюм разную копчёную и солёную рыбу: гигантских осетров, морских и речных лососей, ещё какую-то – мне незнакомую, с очень красивыми цветными спинными плавниками. С рыбным грузом пошли в Стокгольм, но по дороге ещё в одном месте бросили якорь, на лодках пристали к холмистому берегу, пешком, вдоль реки ходили в крепость Нарву.

– В Нарву ходили? Зачем? – Глаза Петра сразу загорелись.

– Покупать для нужд своих сыр, сметану, творог, – добросовестно перевёл поручик Бровкин. – Нарва, она славится своей едой молочной…

– Кстати это! – Царь взволнованно потёр одну ладонь о другую. – Всё одно к одному! Заодно взглянем и на эту крепость славную… О чём он, Алёша, ещё толкует?

– Говорит, что придётся в Копенгаген заходить, там бумаги выправлять нужные.

– Какие ещё бумаги?

Пообщавшись пару минут с датчанином, Бровкин доложил:

– До Копенгагена пойдём проливом Каттегат, там путь свободен. Дальше, в море Балтийское, придётся идти узким проливом Эресунн, там уже стоят корабли шведские, документы смотрят. Если что не так, дальше не пропускают, заворачивают

назад. Но Лаудруп за дополнительные сто пятьдесят гульденов выправит все бумаги – какие надо…

– Ладно, передай этому жаде, что получит он своё золото… Всё теперь?

– Нет, ещё одно! В устье Невы шведы возвели – на одном из островов, крепость, названную ими Ниеншанц, а там, где река вытекает из озера Ладожского, стоит вторая крепость. Прозывается – Нотебург, Ореховый город – по-нашему… Мимо этих крепостей не пройти, там пушки установлены хорошие. Но за деньги можно договориться. Ещё триста гульденов надо приготовить – как пошлину торговую, её заплатим комендантам Ниеншанца и Нотебурга, и ещё пятьдесят – нашему капитану, за то, что он комендантам слово замолвит нужное…

Ветер внезапно стих, паруса беспомощно повисли на мачтах – бесполезными серыми тряпками.

– Штиль, мать его растак! – через Алёшку объявил Лаудруп – мужчина крупный, усатый, с массивной золотой серьгой в ухе и лицом, украшенным парочкой живописных шрамов. Пират классический – по всем внешним признакам.

– Ну, и что дальше? – забеспокоился Пётр.

– Что будет дальше – знает только Господь Бог! – прозвучал неожиданный ответ – с явной философской подоплёкой. – А возможно, что и он не в курсе. Например, дрыхнет на своём облаке, опившись крепкого пива, и в ус не дует…

Глава шестнадцатая
Морские странствия и сражения

Погода вела себя – как ветреная и взбалмошная красотка, не обременённая никакими серьёзными обязательствами и нормами морали…

Штиль, сопровождаемый мелким и противным дождём, продержался почти двое суток. «Король» беспомощно и неуклюже дрейфовал – то на север, то на юг, время от времени медленно поворачиваясь из стороны в сторону.

– Здесь очень слабые и неверные течения, – терпеливо объяснял Алёшка Бровкин – опытный «морской волк». – Мы же сейчас стоим за островами английскими, в спокойном «мешке». Вот если пройти ещё на север – миль сто пятьдесят морских, то там уже есть сильное течение – Гольфстримом прозывается. Дрейфовали бы себе на восток – со скоростью пешехода торопливого, бодрого… Кстати, там и рыбы можно было бы наловить. Пикши там, палтуса, камбалы, крупного окуня морского…

На самом горизонте с западной стороны, виднелось крохотное светлое пятнышко: это дрейфовал, не убирая парусов, ещё один корабль, попавший в полосу предательского штиля.

Потом выглянуло яркое весеннее солнце, совершенно неожиданно и подло, без предупреждения, ударил сильнейший юго-западный ветер, бриг резко завалился на правый борт.

Иван Лопухин, денщик Лефортов, легкомысленно куривший трубку, свесив ноги за борт, сразу же свалился в морскую воду. Вытащить уже не успели…

– Был Ивашка – и нет Ивашки! – печально улыбаясь, прокомментировал это печальное событие невозмутимый герр Франц.

«Король», забирая своими внезапно ожившими парусами тугие порывы ветра, неудержимо рванулся строго на северо-восток, невесть откуда взявшиеся гигантские волны регулярно догоняли бриг, сильно и настойчиво били в его корму. Солнце потерялось где-то в чёрно-синих, плотных и тяжёлых тучах, из которых время от времени вырывались яркие, непривычно тонкие и очень сильно изломанные жёлто-зелёные молнии, угрожающе гремел трескучий, нескончаемый гром…

– Ничего сделать нельзя! – с трудом перекрикивая противный вой непогоды, сообщил Алёшка. – Очень сильный ветер! Лаудруп божится, что и вовсе не помнит такого. Будем себе лавировать –

как уж получится… Всё равно «Короля» очень сильно отнесёт на север. Потом придётся возвращаться, потеряем несколько суток, может, и неделю полную…

Ветер всё дул: сутки, вторые, третьи… Все паруса, которые не успели вовремя убрать, были порваны в клочья, в трюме началась сильная течь.

– Это ещё хорошо, что Лаудруп – шкипер опытный! – радовался Бровкин. – Никогда не выходит в море с пустым трюмом, вот и сейчас – в последний момент загрузил в Амстердамском порту балласт: триста пятьдесят мешков с песком и крупными камнями. Не сделай он того, давно бы нас перевернуло, рыб кормили бы на дне морском… И ещё раз повезло: такой страшный ураган, а все мачты на «Короле» целы до сих пор! Прорвёмся, Бог даст…

Сквозь сон Егор почувствовал, что его кто-то сильно трясёт за плечо, знакомый голос настойчиво заканючил:

– Данилыч, просыпайся! Просыпайся, Данилыч! Ну, прошу тебя, просыпайся!

Егор разжал ладони, которыми он и во сне держался за бронзовые скобы, вбитые в бортовую обшивку, сел на койке, открыл глаза, увидев перед собой взволнованное и страшно усталое лицо Алёшки, спросил ещё хриплым со сна голосом:

– Какая там ещё новая напасть образовалась на наши бедные головы? Что сейчас – день, вечер, ночь?

– Сейчас утро раннее. Ветер начинает чуть стихать и поворачивать к берегу, господин полковник. А рядом с нами, в половине морской мили, тем же курсом, идёт непонятное судно…

– Чем непонятное? Ты, кстати, сколько часов не спал?

– Не помню уже, Александр Данилович! Не важно это… Может, поднимемся на палубу? Да и Лаудруп там волнуется…

Егор мельком бросил взгляд на спящего рядом Петра, убедился, что царь крепко пристёгнут к своей койке специальными кожаными ремнями и случайное падение – с серьёзными последствиями – ему не грозит, последовал за Бровкиным.

Визуально ветер слабее не стал, но качало-болтало уже гораздо менее ощутимо, да и значительно тише стало на палубе: даже кричать не приходилось, чтобы тебя услышал собеседник… Справа по курсу – на самой линии горизонта, из низкой туманной дымки высовывались многочисленные чёрные чёрточки-штрихи, слева неугомонно мелькал дальний силуэт незнакомого судна.

Решив, что в данной ситуации излишняя осторожность совершенно не нужна, Егор обратился к Алёшке:

– Я английский язык знаю не хуже тебя! Извини, что раньше не сказал… Поэтому с капитаном сам пообщаюсь! А ты, давай, дуй в трюм, отоспись! Не спорить, поручик! Это – приказ!

Удивлённо улыбнувшись, Бровкин согласно махнул рукой и послушно полез в трюм, аккуратно прикрыв за собой крышку тяжёлого люка.

Егор подошёл к датчанину, лично стоящему за корабельным штурвалом, кратко сообщил о своём хорошем знакомстве с английским языком, указал рукой направо, попросил прокомментировать увиденное.

Лаудруп приветливо подмигнул и невозмутимо ответил:

– Чёрные чёрточки на востоке – это горные пики на норвежском берегу. До него миль девять-десять будет. Город Берген? Нет, Берген остался гораздо южнее, гораздо… Здесь же места совсем безлюдные. Горы высокие, извилистые фьорды, дикие скальные козы и снежные бараны…

– А что за судно следует слева, курсом, параллельным нашему?

– Трудно сказать, сэр Александэр! – обеспокоенно нахмурился датчанин и недовольно мотнул своей шикарной пиратской серьгой. – Обыкновенный трёхмачтовый фрегат, но в скорости не уступит моему «Королю». А корабельных пушек – втрое больше. Флаги и всякие вымпелы полностью отсутствуют… Хотя, сэр, сдаётся мне, что силуэт этого фрегата мне определённо знаком. Года четыре назад, сэр, я уже встречался с этим кораблём – в районе северного архипелага Шпицберген. На его мачте тогда висел один очень нехороший флаг. Просто каким-то чудом «Король» ушёл тогда от погони, да и туман помог. Тамошние туманы – самые туманные…

– Хотите, угадаю – про флаг? – предложил Егор. – Чёрный, с двумя белыми, скрещенными костями. Ведь верно?

– Верно, сэр Александэр! Этот флаг – очень плохой. Где он появляется, там тут же бесследно пропадают мирные суда. И каждый раз – с очень богатым грузом! Тогда, около островов Шпицбергена, внезапно исчез почти новый французский бриг, груженный серебряными слитками, добытыми на одном из тамошних северных рудников… Старые моряки утверждают, что кроме диких, настоящих «джентльменов удачи», есть и легальные, так сказать, которые делятся своей добычей с английской короной. Вот и этот фрегат больно уж красив и грамотно построен, такое впечатление, что на английских королевских верфях… Скажите честно, сэр, этот корабль пиратский охотится за нами?

– Всё может быть! – неопределённо пожал плечами Егор. –

Надеюсь, капитан Лаудруп, вы не испугаетесь маленькой морской схватки? Естественно, предусматриваются специальные боевые выплаты. Щедрые, безусловно…

Капитан, презрительно и насмешливо пошевелив своими длинными чёрными усами, гордо ответил:

– Я ничего не боюсь, сэр Александэр: ни Бога, ни чёрта, ни королевской плахи! Боевые премиальные выплаты – просто великолепно! Щедрые? Ещё лучше! Но… – продолжил не очень уверенно, после короткой паузы: – Но, если вы не забыли, сэр, на «Короле» находится сам русский царь Питер! Вы считаете нормальным подвергать его жизнь излишней опасности? В жарком бою всякое возможно, роковые и нелепые случайности – в том числе…

Признав про себя безусловную правоту датчанина, Егор спросил:

– Есть другие, альтернативные варианты?

– Какие умные слова вы знаете, сэр! Говорите, что только недавно выучили английский язык? Позвольте вам не поверить, сэр! – громко хохотнул Лаудруп, впрочем, тут же опять став совершенно серьёзным: – Есть и другой вариант! – Он уверенно кивнул головой в сторону далёкого норвежского берега. – Там многие сотни больших и маленьких островов. Дальше начинаются знаменитые норвежские фьорды, которые вдаются в берег на много-много миль. Новичок в морском деле там обязательно сядет на острые камни, проверено уже! Но ваш покорный слуга, – капитан громко щёлкнул каблуками, – уже двадцать пять лет бороздит солёные моря и туго знает своё дело! Норвежские фьорды? Тьфу, да и только! Так вот, войдём в один хитрый фьорд, он называется «Круговой». По факту и есть – круговой! Входим в него, плывём прямо в берег – миль тридцать-тридцать пять, потом следует один разворот, второй, дальше уже идём по течению. Хоп, снова море! У этого необычного фьорда между входом и выходом – по морской береговой линии, миль двадцать пять будет… Так что затеряемся, обязательно оторвёмся от пиратского фрегата!

– Наши конкретные действия?

Капитан внимательно и вдумчиво посмотрел на хмурое небо, по-прежнему местами покрытое чёрными неприветливыми тучами, после чего предположил:

– Сейчас они не будут идти с нами на сближение: при такой высокой волне палить из пушек – дело пустое, только ядра и гранаты тратить зазря. Но где-нибудь через полчаса ветер по-настоящему начнёт стихать и задует прямо в берег. Проверено уже! Тогда «Король» сразу повернёт к норвежским островам. На фрегате поймут, что мы задумали, попытаются резко сблизиться и

быстренько потопить нас, или же – поджечь и взять на абордаж… Думаю, что ничего такого у них не получится, но лёгкой пушечной перестрелки точно не избежать! Поэтому, сэр Александэр, объявляйте общую тревогу! Пусть мои матросы занимают свои места – согласно боевому расписанию! Если кто из ваших людей захочет помочь в этом благородном деле – просто отлично. Жаль, что доблестному эсквайру Алексею так и не удалось выспаться…

– Стакселя – выбрать! У грота справа концы стравить и надёжно закрепить, слева – взять на риф! – громко скомандовал Лаудруп, ещё через три минуты объявил: – К повороту – готовсь!

«Король» элегантно развернулся – почти на девяносто градусов, всех стоящих на палубе, включая Петра, тут же окатило холодной морской водой.

– Ничего, это к добру, есть такая старинная и верная примета! – утешил капитан. – Тем более что вы, ребята, сделаны не из сахара, следовательно, и не растаете… Сэр Александэр, попросите всех зевак, включая вашего русского государя, незамедлительно спуститься в трюм! Скоро тут пушки начнут палить…

Егор попросил – громко и слегка грубовато, волонтёры (кроме Алёшки Бровкина и ещё двух добровольцев, пожелавших принять участие в предстоящем морском бое) покладисто и шустро полезли в трюмы. Пётр же, плотно прикрыв за ними люк, остался на палубе, зло и неприятно ухмыльнувшись, вытащил из-за пазухи пергаментный свиток, велел Егору – строго и непреклонно:

– Смотрю, Алексашка, ты уже и по-английски болтаешь шустро. Ну-ну! Перетолмачь тогда капитану, что я являюсь бомбардиром опытным, патентованным… Вот и диплом, подписанный славным курфюрстом бранденбургским Фридрихом. Пусть капитан Лаудруп укажет место моё – на случай сражения морского с подлым неприятелем…

Фрегат противника, заложив широченную дугу и подняв дополнительные паруса, незамедлительно устремился в погоню. На клотике его передней мачты тут же зловеще и отчаянно забился на сильном ветру «Весёлый Роджер»…

Минут через сорок пять, когда молочная туманная дымка полностью рассеялась – видимо, из-за изменения направления ветра, впереди показались сотни и сотни островов – самых различных форм и размеров.

Возле одного из таких безымянных островков два корабля наконец-то сошлись на расстояние, пригодное для обмена

пушечными залпами.

– Огонь! – неожиданно завопил Лаудруп. – Не зевать, лентяи, мать вашу!

Раздался дружный грохот шести корабельных пушек, всё вокруг заволокло неправдоподобно густым пороховым дымом…

«Видимо, нашему опытнейшему капитану подсунули бракованный порох!» – насмешливо подумал Егор.

Только минуты через полторы сквозь непроницаемую дымовую завесу донеслись звуки ответного залпа. Судя по всему, грозный противник пошло промазал.

Когда дым рассеялся, стало ясно, что корабли опять расходятся, огибая остров с разных сторон. Причём Егор успел рассмотреть в подзорную трубу, что фрегату здорово досталось от метких выстрелов «Короля»: в нижних парусах зияли неровные и рваные дыры от разорвавшихся картечных гранат, в борту наблюдались свежие раны-пробоины от попадания чугунных ядер.

– Ха-ха-ха! – хрипло и зловеще рассмеялся Лаудруп, плавно и уверенно перебирая своими мозолистыми ладонями ручки штурвала. – Мальчишки сопливые, описавшиеся от страха! Сперва воевать научитесь, а потом уже бросайтесь в погоню за взрослыми и опытными дяденьками!

– Капитан, а почему мы попали, а они – нет? – уважительно спросил Егор. – И этот порох… Почему наш порох – такой дымный?

– Почему порох дымный? – удивился вопросу датчанин. – Да потому, что я специально покупаю такой: итальянский, он в два раза дороже обычного… Именно поэтому мы и попали, а пираты – нет!

– Извините?

– Но это же так просто, мистер Александэр, сэр! Мой «Король» всегда стреляет первым, всегда! Мои матросы постоянно тренируются – стрелять с самых дальних расстояний. И порох – самый дымный порох на этом свете! Понимаете? Мы дали пушечный прицельный залп, скрылись за дымовой завесой и сразу же резко отвернули в сторону… Тактика такая, знаете ли!

Егор недоверчиво покачал головой:

– А как же – настоящие морские сражения? Когда эскадра идёт на эскадру?

– Ну, это же совсем другое дело! – Датчанин небрежным движением поправил на голове свою пиратскую треуголку. – Настоящие морские баталии – совершенно особый случай: корабли, ведомые храбрыми шкиперами, становятся друг напротив друга и безостановочно палят, до тех пор, пока кто-нибудь из них не потонет или не сдастся в плен. «Король» же –

всего лишь мирное торговое судно, и его (то есть меня и мою команду) совершенно не интересуют ни потопленные суда, ни пленные адмиралы, офицеры и матросы. Наше дело – пальнули и ушли, пальнули – и оторвались от того, кто угрожает нам бедой… Кстати, похоже, что вашему великолепному царю Питеру вдруг стало не очень хорошо…

Тут же забыв о хитрой боевой тактике Лаудрупа, Егор бросился к центральной мачте, где располагалась корабельная мортира, куда царь был определён бомбардиром. Пётр сидел, неловко прислонившись боком к деревянному ящику с чугунными ядрами, и болезненно морщился, держась за поясницу.

– Что случилось, мин херц? Тебя ранило? – забеспокоился Егор, подбегая к царю.

– Не знаю, Алексашка, не знаю… По команде капитана пальнули, всё вокруг дымом заволокло. Тут меня что-то и кольнуло сильно – в поясницу… Ох, пробивает-то как, даже сидеть больно!

Алёшка Бровкин лукаво подмигнул Егору, демонстрируя из-за царской спины свой указательный палец.

– У этих пушек морских – отдача непривычная! – понятливо улыбнувшись, высказал своё предположение Егор. – Вот и тебе, мин херц, досталось – той отдачей… Поручик Бровкин, чего ждёшь? Быстро помоги Петру Алексеевичу спуститься в каюту его! Примочки свинцовые приложи к пояснице, ромусом отпои ямайским…

Ещё часов пять-шесть продолжалась эта забавная и увлекательная игра в морские кошки-мышки: лавирование, неожиданные встречи между островов, обмен пушечными залпами, потеря друг друга из вида, новые встречи, новые залпы…

Хотя «Король» по-прежнему сражался более грамотно и искусно, но и несколько выстрелов пушек фрегата достигли своей цели: одно из ядер попало в заднюю мачту, которая сразу же переломилась пополам, другим ядром оторвало правую ногу у юного волонтёра Семёна Ростова, разорвавшейся картечной гранатой убило матроса-датчанина, вставшего у мортиры на место «приболевшего» Петра…

Убитого матроса завернули в холстину, в ноги покойному положили тяжёлое пушечное ядро, холстину зашили суровыми парусными нитками, мешок с трупом, после краткой молитвы, прочитанной капитаном Лаудрупом, сбросили за борт. Семёну Ростову же Егор остановил кровь, тщательно перевязал обрубок. Потом они вместе с Алёшкой Бровкиным спустили несчастного в трюм – под надзор и опеку других волонтёров и Франца Лефорта,

который понимал немного в делах медицинских.

К обеденному времени бриг, подгоняемый сильным попутным ветром, вошёл в широкий фьорд, посередине которого возвышалась величественная треугольная скала, вокруг неё яростно плясали белые невысокие буруны.

– Средненькое течение в Круговом фьорде есть, причём как на входе, так и на выходе, – пояснил Лаудруп. – С ближайших гор во фьорд стекает множество ручьёв – с тающих ледников. Так вот, течение не очень сильное, но почему-то эта треугольная скала его притягивает. Около любого берега бросьте деревянную палку – она обязательно врежется в этот странный камень…

«Король» прошёл по Круговому фьорду едва ли три четверти морской мили, когда Алёшка Бровкин, стоящий на корме брига с подзорной трубой в руке, громко и недовольно (по-русски – потому как от души) воскликнул:

– Не удалось оторваться, чёрт меня побери! Они идут следом за нами, только что миновали треугольную скалу!

Капитан Лаудруп, которому Егор перевёл суть Алёшкиного тоскливого вопля, нисколько не огорчился:

– Посмотрим, как пираты пройдут повороты: фьорд там очень сильно сужается, да и вечер уже не за горами…

Бриг, при поддержке верного попутного ветра, уверенно преодолевал слабое встречное течение, продвигаясь всё дальше и дальше в глубь древней и таинственной Норвегии. Вокруг было очень даже симпатично и величественно. Берега Кругового фьорда представляли собой сплошные скалы – чёрно-синие, изысканно и беспорядочно изрезанные, совершенно неприступные, слегка напоминающие башенки древних средневековых замков.

Впрочем, уже через полчаса пришлось данный маршрут временно прервать, вожделенные повороты, обещающие кардинальное решение «пиратской» проблемы, так и остались недосягаемыми. Ветер, дувший с моря, неожиданно стих – полностью и сразу. Уже через тридцать-сорок секунд «Король» остановился и, под действием силы течения, начал медленно и величественно разворачиваться, становясь поперёк относительно прямого русла фьорда.

– Отдать якоря, бездельники! – русским медведем взревел датчанин. – Быстрее, пока не шандарахнуло о береговые скалы! – Оставив штурвал на попечение Алёшки Бровкина, он лично бросился к кормовому якорному клюзу.

Егор поспешил на нос корабля, резко дёрнул за короткий рычаг простейшей механической лебёдки: противно загрохотала ржавая якорная цепь, раздался громкий всплеск от падения

тяжёлого якоря в тёмные вечерние воды фьорда. Он дождался, когда якорь ляжет на дно, медленно досчитал до пяти и, плавно повернув рычаг в другую сторону, намертво зафиксировал цепь…

Бриг, проплыв по течению ещё несколько метров, чуть-чуть дёрнулся и, словно окончательно подчиняясь поступившему строгому приказу, послушно закачался на спокойной водной глади…

Лаудруп, убедившись, что якоря успешно «забрали грунт», а цепи туго натянуты, достал из-за голенища высокого ботфорта подзорную трубу, раздвинул её телескопические колена, правым глазом приник к окуляру, через несколько минут довольно объявил, передавая Егору свой оптический прибор:

– Противник тоже заякорился – на два якоря. Только не сразу. Молокососы, что тут скажешь! Ещё на шестую часть мили морской снесло их течением…

До пиратского фрегата было – в привычных метрических единицах – немногим больше километра. Судно также застыло на двух якорях, развернувшись поперёк фьорда.

– Что дальше будем делать, капитан? – спросил Егор.

– А что тут можно делать? – флегматично и равнодушно пожал своими могучими плечами датчанин. – Будем ждать, пока с моря подует сильный ветер. Без него ничего не получится… Нет, конечно же, можно тёмной ночью поднять якоря и по течению спуститься – прямо на подлого неприятеля. Произвести залп пушечный, причалить к борту галеона, и – на абордаж! Только вот неизвестно, сколько у них на борту стоящих бойцов… Как вы, сэр Александэр, относитесь к кровавому и беспощадному абордажу?

– Да нормально отношусь! Но только – как к крайней мере. Если уж совсем прижмёт, ну, тогда и на абордаж можно, со всем нашим русским удовольствием…

– Раз на сегодня абордаж отменяется, предлагаю выставить на ночь двух часовых, а всем остальным без промедления лечь спать! – предложил датчанин.

Егор отрицательно помотал головой:

– Не получится всем спать, сэр капитан! Как стемнеет по-настоящему, прикажите, пожалуйста, своим храбрым матросам спустить на воду гребную лодку, да с того борта, который невидим с фрегата.

– Хорошо, спустим. Но – зачем?

– Да вот хочу поближе посмотреть на наших незваных друзей. Кстати, капитан, пусть в лодке разместят ещё с пяток гранат картечных. Лады?

«Вообще-то, меня в двадцать первом веке учили на военного

телохранителя. Но, в рамках этой славной профессии, я прослушал и четырёхмесячный курс по осуществлению простейших диверсионных мероприятий, – рассуждал про себя Егор. – Грех это – не воспользоваться полученными знаниями! Тем более что по данному предмету у меня были исключительно одни пятёрки, включая практические полевые задания».

Лодка, осторожно прижавшись к правому высоченному (скалы поднимались над водой метров на сто двадцать-сто тридцать) берегу фьорда, медленно продвигалась в сторону моря. Ночь выдалась тёмная, облачная, только на западе сквозь рваные прорехи в чёрных тучах робко посвёркивали одиночные бело-желтоватые звёздочки.

– Тише греби, деревенщина! – недовольно шипел Егор, на котором были только льняные портки, на Алёшку Бровкина, сидящего на вёслах. – Верёвку-то взял?

– Взял, Александр Данилович! Как вы и велели – два мотка. А ещё разных бронзовых и медных гвоздей, молоток плотницкий, – так же шёпотом ответил Алёшка. – А зачем мы идём к тому фрегату вражьему? Что делать-то будем?

– Увидишь! Твоя задача – сперва подгрести кормой (где я сижу) к носовой цепи якорной, потом, как постучу по банке, к кормовой. Как ещё раз стукну – прижимаешься к самой корме галеона. Потом я там поныряю немного… После этого – по отдельной команде – возвращаемся обратно к «Королю». Всё понял? Только тихо надо всё делать! Поэтому – больше ни слова! Вернёмся – вот тогда и поговорим…

Вот он уже совсем рядом – чёрный и массивный корпус пиратского судна. Егор тихонько махнул рукой направо, показывая Бровкину правильное направление движения, покрутил в воздухе указательным пальцем, приказывая развернуться кормой.

Он ловко ухватился рукой за носовую якорную цепь, пропустил её себе под мышку, прижал крепко и замер, обеспокоенно поглядывая наверх. На борту фрегата мелькнул свет от толстой свечи, помещённой под специальный стеклянный колпак, послышалась неразборчивая английская речь. Дождавшись, пока огонёк свечи погаснет, а голоса окончательно стихнут, Егор, выждав ещё минуты три, гневно прошептал в Алёшкин адрес:

– Что пнём сидишь, морда глупая? Табань вёслами, табань! Держи лодку на одном месте! Мне теперь обе руки нужны…

Он плотно привязал к звену цепи, расположенному на полуметровой высоте над водами фьорда, одну шестикилограммовую картечную гранату, рядом – вторую, два

раза стукнул костяшками пальцев по лодочной скамье. Алёшка дисциплинированно – кормой вперёд – направил лодку вдоль борта фрегата…

Когда и вторая якорная цепь была успешно оснащена гранатами, они подошли под самую корму вражеского корабля, украшенную деревянной фигурой – то ли гигантской русалки, то ли какой-то неизвестной богини.

– Крепко держись – обеими руками – за хвост девицы сей морской! – строго велел Егор, аккуратно спустился в холоднющую весеннюю воду норвежского фьорда, набрал в лёгкие максимально возможное количество воздуха, нырнул…

«Ага, это – вертикально расположенная стальная пластина рулевого механизма! – на ощупь определил Егор, продвинулся дальше – под корпус фрегата, чуть пошевелив ступнями, начал всплывать, упёрся руками в дно корабля: – Ага, вот бронзовый стержень руля, крепящийся к вертикальной пластине. Идёт, идёт, исчезает в железной трубе, мёртво вмонтированной в корпус судна… Какова величина зазора? Понятно-понятно…»

Егор осторожно и бесшумно вынырнул, отдышался, взял с кормовой лодочной банки несколько медных и бронзовых гвоздей разного диаметра и длины, шляпками засунул в рот, снова нырнул.

Первая и вторая попытки оказались неудачными: одни гвозди были избыточно толстые, другие болтались в зазоре – между штырём и внутренней стенкой трубы…

Только с третьей попытки удалось зафиксировать в зазоре два медных гвоздика. Он вынырнул – в очередной раз, взял в правую руку увесистый молоток, поднырнул под корму, примерился, слегка постучал по шляпкам гвоздей. Мягкая медь, расплющиваясь, начала намертво заклинивать рулевой механизм…

Уже откровенно страхуясь, чисто – на всякий случай, Егор нырнул ещё два раза и, в конечном итоге, вколотил между штырём и внутренней стенкой трубы ещё один гвоздь, бронзовый на этот раз.

Дрожа от холода, он влез в лодку и, мелко стуча зубами и сильно заикаясь, попросил Алёшку:

– Д-д-давай мес-с-стами п-п-поменяемся! М-м-мне с-с-согреться н-н-надо!

На обратной дороге грёб Егор, стараясь орудовать вёслами бесшумно, но одновременно и с усилием. Он даже уже наваливаясь на вёсла в полную силу, прогрёб по фьорду лишний добрый километр – за мирно покачивающийся на водной глади бриг, развернулся, снова вернулся к гостеприимному борту

«Короля» и только там уже на совесть растёрся предложенной Бровкиным толстой холстиной, оделся в тёплую и сухую одежду.

Привязав лодку к специальному бронзовому штырю, торчащему из выпуклого бока «Короля», они по широкой верёвочной лестнице взобрались на борт брига.

– А зачем вы лодку привязали? Разве её не надо поднимать назад? – чуть удивлённо спросил Лаудруп. – И куда делись гранаты картечные?

Егор дружески похлопал капитана по плечу:

– Есть у меня один план. Вот я мыслю, что, когда рассветёт…

Внимательно выслушав Егора, датчанин согласно кивнул головой, подбадривающе улыбнулся и скупо похвалил:

– Отличный план! Я бы не додумался! А у гранат картечных верхняя часть корпуса достаточно тонкая… Вы, сэр Александэр, голова! Вам бы в пираты податься, там сообразительность очень ценится! Запросто ваша задумка может сработать: цепи-то натянуты сильно. Я вам в помощь выделю матроса Ёнсена, он очень метко стреляет из ружья…

На тихом розовом рассвете, когда Егор, Алёшка и Ёнсен (невозмутимый пожилой датчанин) с ружьями за плечами уже спускались по штормовому трапу в лодку, на палубе «Короля» показался заспанный Пётр.

– Куда это вы собрались без меня, голодранцы? – тут же возмутился царь. – Небось, на охоту? Пострелять по горным козам и баранам снежным? Ждите, я сейчас, мигом! Только вот ружьишко прихвачу своё…

– И чего ему не спится? Таскайся теперь… – Егор зло сплюнул за борт, посмотрел на Бровкина: – Возьмёшь царя под свою опеку! Смотри, чтобы Пётр Алексеевич со скал не свалился, руки-ноги себе не переломал…

Лодка пристала к берегу фьорда у горного склона, где Егор ещё вчера высмотрел в подзорную трубу относительно пологий путь наверх – руслом пересохшего горного ручья.

Почти полтора часа с нешуточным риском для жизни они, обливаясь солоноватым потом, забирались на скалы. Очень быстро уставшего Петра буквально на своих руках и плечах тащил двужильный Алёшка. Взобрались, огляделись.

– Нам туда! – уверенно махнул рукой Егор в направлении морского побережья.

– Почему это – туда? – засомневался царь. – В стороне от нашего фьорда скалы ниже гораздо. А вон и чёрные точки движутся… Это же бараны?

– Бараны, государь, они самые! – сообщил Алёшка, улыбаясь

до самых ушей. – Только они – обычные совсем, горные, или там – снежные. А нас нынче только пиратские интересуют…

Фрегат неприятеля находился прямо под ними, метрах в семидесяти пяти.

На палубе прямо под центральной мачтой, был установлен изящный раскладной столик, сервированный к раннему завтраку: серебряная кастрюлька – с серебряным же половником, медный кофейник-турка, плетёная корзинка с аккуратно нарезанными ломтями белого пшеничного хлеба, миска с очищенными куриными яйцами, квадратная маслёнка с большим куском жёлтого масла, две круглые фарфоровые тарелки, два ножа, две ложки, две кофейные чашечки.

– Трапезничать собрались, суки! А на тарелках-то намалёваны морды звериные, прямо – львы африканские! – объявил Пётр, отрываясь от окуляра подзорной трубы. – Вона, вылезают из трюма…

Два очень важных господина в коротких кудрявых париках, тёмно-синих камзолах, с пышными кружевами на груди и на обшлагах камзолов, не торопясь, подошли к столику.

Невесть откуда выскочил, словно чёртик из табакерки, щупленький юноша в белом фартуке и светло-бежевом поварском колпаке на голове, с раскладными стульчиками в руках. Он предупредительно разложил стулья, расставил их возле столика, склонился в почтительном поклоне. Важные господа важно расселись по своим местам, молоденький повар снял с серебряной кастрюльки крышку, половником зачерпнул что-то дымящееся, аккуратно разложил это что-то по фарфоровым тарелкам…

– Овсянка, сэр! – голосом дворецкого Бэрримора, чуть слышно пробормотал себе под нос Егор.

За его плечом громко и недовольно засопел Пётр, спросил нетерпеливо:

– Ну, чего мы ещё ждём? Застрелим этих важных баранов – и вся недолга…

Егор обернулся, внимательно посмотрел на своих спутников и огласил (для Ёнсена – отдельно, на английском языке) предстоящую диспозицию:

– Мы с Ёнсеном стреляем первыми – по гранатам, привязанным к якорным цепям…

– Каким ещё гранатам? – не понял царь, часто моргая своими жидкими ресницами.

– А вот по тем, мин херц! Мы их с Алёшкой ещё ночью прикрепили к якорным цепям… Так вот, только когда те гранаты взорвутся, можно будет стрелять по этим разряженным фазанам.

Всё ясно? Тогда приступаем…

Егор пристроился за круглым удобным булыжником – в десяти-двенадцати метрах от снайпера-датчанина, тщательно прицелился в одну из гранат, привязанных к носовой (дальней) якорной цепи, тихонько скомандовал по-английски:

– Ёнсен, медленно досчитай до десяти и пали. Помни, твоя цепь – кормовая.

– Слушаюсь, сэр! – еле слышно донеслось в ответ. Выстрел, второй, серия громких взрывов, слившихся в один, новые выстрелы, клубы порохового дыма, скрывшие на некоторое время фрегат из вида…

Когда дым минуты через три-четыре полностью рассеялся, стало понятно, что план Егора полностью удался.

– Ура! – громко завопил Алёшка. – Ура! Цепи-то лопнули!

Пиратский фрегат, плавно вращаясь вокруг собственной оси, медленно тронулся по течению по направлению к морю – на встречу с величественной треугольной скалой.

По палубе вражеского корабля бестолково и испуганно забегали матросы, один из важных господ остался неподвижно лежать на палубе, широко разбросав руки в стороны, другой же – совершенно целый и невредимый – бросился к штурвалу, безуспешно пытаясь повернуть рулевое колесо…

Пётр торопливо перезарядил ружьё, тщательно прицелился, опирая ствол ружья о грань прямоугольного камня, выстрелил, промазал, грязно выругался.

– Мин херц, да Бог с ними, не переводи уж заряды! Пойдём берегом фьорда к морю, посмотрим, как друзей наших долбанёт об те камни! – миролюбиво предложил Егор.

Когда до треугольной скалы оставалось метров сто пятьдесят, с обоих бортов обречённого корабля спустили по большой гребной шлюпке, крохотные фигурки начали перемещаться вниз – по сброшенным верёвочным лестницам…

Шлюпки быстро отплыли от корабля в разные стороны, по палубе фрегата забегали люди, которым, очевидно не хватило места в спасительных плавсредствах, загремели одиночные выстрелы…

– А руль корабельный тоже вы испортили? – довольно и хищно улыбаясь, спросил Пётр.

– Мы, мин херц, мы, не гневайся! – честно повинился Егор, понимающе перемигиваясь с Бровкиным…

Фрегат с постоянно возрастающей скоростью устремился к треугольной скале, впечатался правым бортом в её боковую грань, – эхо принесло звук глухого шлепка… Корабль резко

накренился, замер секунд на десять и, наконец, полностью перевернулся, зарываясь верхушками своих мачт в негостеприимные и холодные воды Кругового фьорда…

Глава семнадцатая
Путь из варяг в греки

Они по высокому берегу фьорда вернулись назад, по острым скалам осторожно спустились к своей лодке, расселись, через пятнадцать минут активной гребли успешно причалили к борту «Короля».

– Поздравляю вас, джентльмены, со славной и заслуженной победой! Я имел честь лицезреть всё – через окуляры своей подзорной трубы! – перегнувшись через борт брига, напыщенно поприветствовал их капитан Лаудруп, восхищённо размахивая своей потрёпанной треуголкой. – Об этой славной виктории ещё и легенды складывать будут…

Лодка и все её пассажиры были незамедлительно подняты на борт брига.

Когда с берега подул лёгкий ветерок, Лаудруп скомандовал:

– Поднять якоря! К отплытию – приготовиться!

Ещё через семь-восемь минут «Король», подняв на передней мачте несколько прямоугольных парусов, начал медленно и важно сплавляться вниз по течению Кругового фьорда. У величественной треугольной скалы уже никого и ничего не было, только низкие белые буруны увлечённо перебрасывали друг другу обломки каких-то дощечек и одинокий пустой бочонок из-под французского вина, а на одном из прискальных валунов обнаружилась рваная чёрная тряпка – некогда грозный «Весёлый Роджер»… Бриг уверенно вышел в открытое море.

– Мы что же, не будем искать пиратов? Ну, тех, которые уселись в две шлюпки? – спросил, непонятно к кому обращаясь, Пётр.

Егор перевёл царский вопрос Лаудрупу на английский язык, капитан, прежде чем ответить, задумчиво потрогал-погладил свою золотую пиратскую серьгу, скривился – словно от неожиданной зубной боли:

– Рыцари удачи уже затерялись – где-то среди этих островов. Тут их можно долго искать: неделю, месяц, полгода, год… Стоит ли тратить драгоценное время?

Выслушав мнение датчанина, озвученное Егором, Пётр скомандовал:

– Поиски отменяются! Курс – на датский Копенгаген…

В Копенгагене – городишке симпатичном, но бестолковом и шумном, пришлось задержаться почти на месяц: Лаудруп,

преодолевая местную бюрократическую волокиту, выправлял нужные бумаги, на «Короле» устанавливали новую мачту, примеряли и тщательно подгоняли новые паруса, пополняли запасы питьевой воды, продовольствия и боезапасов…

Пётр (опять – на всякий случай – в личине скромного дьячка Прокофия Возницына), проведя две недели в весёлом беспробудном пьянстве и плотном общении с доступными датчанками, среди которых затесалась и одна негритянка, произведшая на царя самое неизгладимое впечатление, наконец, решил заняться и серьёзными делами.

Он вызвал в свой гостиничный номер Лефорта, Лаудрупа и Егора и выразил жгучее желание подробнейшим образом ознакомиться с имеющимися у датского капитана картами тех мест, куда в скором времени предстояло отправиться славному «Королю» и его доблестным пассажирам.

– Герр Питер, эти карты составлялись долгие годы: сперва один капитан, который плавал в тех местах, что-то рисовал на бумаге или пергаменте, передавал другому, который собирался в те же места, тот потом что-то изменял, дорисовывал, перерисовывал, передавал третьему… Так что не обессудь, выглядят эти планы не очень красиво, тут вот почиркано немного, здесь – масляное пятно…

– Нормально всё! Наоборот, это даже хорошо – что сии карты рабочие… Знать – и правильные! – усмехнулся Пётр и добродушно велел: – Ну, капитан, рассказывай: где да что, почём да почему…

Лаудруп принялся доходчиво объяснять, а Егор и Лефорт – тщательно переводить, по очереди дополняя друг друга:

– Вот это – море Балтийское. Здесь оно разделяется на две части: залив Ботнический и залив Финский. Ботнический уходит далеко на север, в края очень суровые и холодные, Финский же залив следует на восток, к устью великой и весьма рыбной реки Невы. Мы пойдём из Копенгагена мимо большого шведского острова Гогланда, оставляя по правую руку залив Рижский…

– Там мы ходили уже – когда год назад плыли к Кёнигсбергу! – радостно дополнил Егор датчанина.

– Как минуем вот эти острова Курляндские, – невозмутимо продолжил Лаудруп, – то повернём строго на восток, войдём в залив Финский. Поплывём (по-нашему, морскому – пойдём!) мимо низких песчаных берегов, здесь же, по правую руку, в залив впадает небольшая река – по прозванию Нарова…

– Судоходна речка сия?

– Нет, государь! Порожистая очень, бурная… Только по весеннему разливу можно на серьёзных судах двигаться по ней.

Так вот, здесь и стоит крепость Нарвская…

Егор, жестом попросив датчанина прервать свой рассказ, пояснил:

– Остановимся, пройдём речным берегом к крепости, внимательно всё рассмотрим и запомним, купим творога и сметаны, вернёмся и поплывём, вернее – пойдём, дальше… Продолжайте, капитан! – дружелюбно кивнул Лаудрупу.

Датчанин неторопливо постелил поверх первой карты лист со второй, где в другом, более крупном масштабе было изображено – со всей старательностью – Невское устье.

– Ух, ты! – восхищённо покачал головой царь. – Островов-то сколько!

– Тут, герр Питер, отмечены только самые крупные острова! – смущённо признался Лаудруп. – Эту карту я сам составлял, прямо на месте, в то моё путешествие, когда ходили за рыбой ладожской и невской. Но времени было маловато… На самом-то деле их, островов то есть, больше гораздо, во много раз…

– Чем больше – тем лучше! – легкомысленно заявил Пётр, спросил у Лефорта: – Помнишь, Франц, ты мне картинки показывал – про Венецию итальянскую? Вот здесь мы и заложим, когда-нибудь, Венецию Северную…

– Отчего же не заложить, государь? – попыхивая своей курительной трубкой и задумчиво щурясь сквозь ароматный дым табачный, ответил Лефорт. – Можно и заложить. Только в этом месте, судя по карте, берега очень низкие и болотистые… Да и река – широка и глубока. Представляешь, государь, сколько тут потом надо будет мостов построить разных? Большие деньги уйдут на то, великие…

– Очень низкие здесь берега! – подтвердил опасения Лефорта датчанин. – Мне тогда чухонец один рассказывал, что один раз – за десять лет – бывают в устье Невском – наводнения великие. Дует очень сильный западный ветер, речные воды останавливаются, и Нева выходит из своих берегов, затопляя часть островов. Поэтому я внимательно присмотрелся бы вот к этим местам! – кончиком дубовой зубочистки он ткнул в точку на карте.

«Здесь же в двадцать первом веке был расположен город Ломоносов!» – отметил про себя Егор. Лаудруп продолжал:

– Берег здесь высокий, крепкий, песчаный, никогда не затопляется, да и мостов не надо строить. Очень удобное место для построения крепкого города!

– Отличное место! – неожиданно для самого себя поддержал датского капитана Егор: – А левый берег Невы можно поднять повыше, одеть в камень, построить на нём большой порт

торговый, верфи корабельные, крепость охранную. А вот, мин херц, видишь этот длинный остров? Как он называется? Безымянный пока? На нём можно будет заложить и серьёзный форт артиллерийский, да и стоянку надёжную организовать – для будущего флота военного…

– Ладно, стратеги и тактики великие, уймитесь! – насмешливо поморщился Пётр. – Вот дойдёт до дела – тогда и подумаем. Совет соберём государственный – из множества людишек высокоумных, обсудим всё, посчитаем тщательно – по финансам… Только вот шведа ещё надо выбить из тех мест, все крепости, что он занимает сегодня, взять под мою руку…

Наконец, уже в начале июня 1698 года, «Король» покинул порт Копенгагена, прошёл полтора десятка морских миль по короткому проливу Эресунн, оставив по левому борту шведский городок Мальме, после чего был вынужден остановиться и лечь в дрейф. На выходе из пролива солидно качались на мелких волнах три больших шведских многопушечных корабля, украшенные большими тёмно-синими флагами с жёлтыми крестами, над бортом одного из них взвилось маленькое белое облачко, лениво пророкотал одинокий пушечный выстрел.

– С документами нашими желают ознакомиться! – пояснил Лаудруп. – Что ж, придётся продемонстрировать, тут уж ничего не попишешь. Шведа – его лучше не злить, себе дороже будет…

В спущенную лодку-шлюпку по штормтрапу спустились два гребца-матроса, капитан Лаудруп и Егор, одетый под классического английского негоцианта. Гребцы дружно навалились на вёсла, и через десять-двенадцать минут лодка успешно пришвартовалась своим бортом к высокому борту шведского брига.

Матросы остались в шлюпке, Егор и Лаудруп поднялись на палубу корабля, белобрысый и молчаливый шведский боцман, лишь чуть заметно кивнувший в знак приветствия, проводил их к представительному и важному морскому офицеру, надувшемуся натуральным индюком – от осознания собственной значимости. Офицер был одет в совершенно обычную европейскую одежду – за одним исключением: на его ногах красовались длинные, ярко-жёлтые ботфорты.

«Понятное дело! – ехидно прокомментировал внутренний голос. – Подражает, уродец жирный, своим любимым шведским королям, которых в последнее время всё больше „Карлами“ зовут. Те, говорят, свои жёлтые ботфорты не снимали месяцами, даже с женщинами вступали в интимную связь, зачиная наследников короны, – прямо в них, родимых…»

Офицер в ботфортах, действительно, оказался рьяным патриотом своей родины – знал только шведский язык. Поэтому полноценного диалога не получилось:

Лаудруп, согнувшись в раболепном полупоклоне и содрав с головы свою пиратскую треуголку, просительно что-то бубнил – на ужасной смеси датского и шведского языков, а обладатель жёлто-ядовитых ботфортов небрежно изучал бумаги, предложенные его высокому вниманию, и презрительно выпячивал далеко вперёд свою нижнюю губу.

Из пятиминутной речи шкипера «Короля» Егор понял только отдельные слова: «сэр Александэр», «Нарва» и «рыба-осётр» (про рыбу – почему-то на английском языке).

По окончании этого скоротечного рандеву офицер насквозь небрежным движением вернул Лаудрупу все бумаги, после чего тот опустил в протянутую офицерскую ладонь, предусмотрительно сложенную ковшиком, тяжёлый бархатный кошелёк. Швед, меланхолично вздохнув, спрятал кошелёк в бездонный карман длиннополого камзола, снял со своей толстой шеи чернильницу, висящую на толстой медной цепочке, осторожно поставил её на раскладной столик, стоящий на палубе рядом с ним, открыл крышку, бросил на датчанина вопросительный взгляд.

Лаудруп, понятливо кивнув своей пиратской серьгой, достал из-за обшлага капитанского кафтана лист чистой бумаги, предупредительно протянул его офицеру.

Верный подданный и почитатель храбрых шведских королей ловко разместил лист на столике, достал из-за своего уха хорошо заточенное гусиное перо, обмакнул его кончик в чернильницу, задумался на минуту, возведя очи к небу, начертал на бумаге несколько длинных фраз, вернул перо на его прежнее место, презрительно глядя в сторону, протянул исписанный лист датчанину…

Уже когда лодка подплывала к «Королю», Егор поинтересовался у Лаудрупа:

– Капитан, а что это за бумагу вы купили у этого шведского индюка?

– Да пропуск в Нарвскую крепость, – объяснил датчанин. – Без него могли бы и не пустить внутрь. Торговые молочные ряды в хорошую погоду есть и у крепостных ворот. А теперь четырём персонам разрешается: «Пробыть в пределах крепостных – с рассвета и до самого заката».

– Четырём персонам? А кому конкретно?

– Мне, вам, сэр Александэр, и нашим денщикам. Должен же кто-нибудь из простого люда тащить корзинки с купленной

сметаной, творогом да маслом? Сами выберите, кто это будет. Да, ещё не забудьте, сэр, потом вернуть пятьдесят гульденов, те, что я только что на ваших глазах заплатил этому жадному шведу…

Плавание, которому благоприятствовали тёплая летняя погода и умеренный юго-западный ветер, проходило успешно, даже с некоторой приятностью: днём бывшие волонтёры Посольские во главе с Петром, раздевшись догола, много времени проводили на верхней палубе, старательно подставляя свои бледные тела под лучи ласкового северного солнца.

Уже через пять суток «Король» успешно бросил якоря в километре от низкого берега, как раз напротив устья реки Наровы.

Егор, Лаудруп, Пётр и Лефорт по верёвочному штормтрапу спустились в лодку, где их уже ждали два матроса-гребца. Лефорт выступал в роли (и был одет соответствующим образом) денщика датского шкипера, Пётр – в роли Егорова слуги…

– Считаю, что надо приставать к восточному берегу! – предложил Егор.

Пётр, всегда стремящийся проникнуть в суть вопроса – или события, не преминул въедливо уточнить:

– А чем это тебе плох – западный?

– Кроме крепости Нарвской есть ведь ещё и Иван-город, бывший некогда твердыней русской, – пояснил Егор. – Нарва и Иван-город – они на разных берегах реки Наровы стоят, как бы соблюдая равновесие между Европой и Россией. Во Времена Смутные шведы заняли Ивановы бастионы… Может, и стоит начинать шведскую кампанию с возврата Иван-города?

– Чушь полная, никчемная! – вспылил царь, ладонью старательно плеская себе на лицо холодную балтийскую воду. – Забирать – так всё и сразу! Чего мелочиться? Вона, как с Азовскими городками и крепостями получилось, любо-дорого посмотреть!

– Не скажи, государь! – вмешался разумный, как всегда, Франц Лефорт. – В конечном итоге – всё надо забирать… Но ведь можно и по частям? Разумно ведь: на запад – с востока идти?

– Делайте, что хотите, умники! – обидевшись, надулся Петр, подёргивая от возмущения своими редкими усишками. – Алексашка! Вели Лаудрупу приставать к берегу восточному…

Шли вдоль неровного речного русла: Лаудруп и Егор – впереди, как настоящим барам и положено, Пётр и Лефорт – с большими плетёными корзинами в руках, чуть поотстав. В водах Наровы голые мужики усердно тягали короткий бредень, изредка переругиваясь между собой по-русски. На том же языке

перекликались и мальчишки-пастухи, пасущие маленькие стада тощих коз и баранов.

Крепость Иван-города состояла из восьми мрачных башен, покрытых тёмными свинцовыми крышами.

– Глупость какая-то! – заявил Лаудруп. – Представляю, как там жарко в летний полдень! Надо же – столько свинца не пожалели…

Крепостные бастионы Иван-города были густо покрыты заплесневелым мхом и даже местами – реденькой травой, проросшей сквозь камни, на свинцовых крышах башен зияли многочисленные дыры. Было совершенно очевидно, что шведы в последние годы совершенно не занимались этой – когда-то грозной – твердыней.

– Алексашка, постой! – громко закричал Пётр. Егор, внутренне передёрнувшись, пошёл навстречу царю, проговорил – тихо и ласково:

– Мин херц, дорогой ты мой! Что ж ты по-русски-то орёшь? Ополоумел совсем? Повяжут ведь! Договаривались же: общаться только на языках иноземных…

– Ладно, не сердись, охранитель! – тут же покладисто перешёл на немецкий язык царь. – Лучше объясни мне, глупому: зачем нам надо первым делом занимать этот никчемный Иван-город? В чём здесь выгода, профит какой?

– База нам нужна, Пётр Алексеевич! База – где можно заранее заскладировать запасы продовольственные и огневые… Дороги-то наши российские – одно название только. Вот решим мы штурмовать крепость Нарвскую. И – что? Потянутся от самой Москвы обозы длинные, бесконечные. Треть из них застрянет в грязи русской, серьёзной, а у другой трети колёса отвалятся по дороге…

– Верно то! – подошедший Лефорт поддержал Егора. – Для войны со шведами нужны базы промежуточные! И совсем необязательно, что такой базой Иван-город быть должен. Городишко Юрьев вот – тоже расположен удобно весьма. Псков также годится под базу серьёзную…

По хлипкому мосту они перешли через мелководную и шумную Нарову, поднялись на высокий холм, с которого открывался шикарный вид на всю Нарвскую крепость и её ближайшие окрестности.

– О, какое хорошее место для наведения мостов дополнительных! – заявил Лефорт, указывая подзорной трубой на русло Наровы, делящееся в двух верстах от крепости на несколько узких рукавов.

– Очень даже хорошее! – согласился Пётр. – Но ты, герр

Франц, поведай мне лучше о том, что думаешь о самой крепости. Можно ли её взять быстро, наскоком одним?

Лефорт отрицательно покачал головой:

– Нет, государь! С наскока – не взять! Тут осада нужна долгая, по всем правилам…

Каменные бастионы Нарвы, выступавшие широкими полукружьями, действительно, смотрелись очень даже солидно: светлые крепостные стены, сложенные из гранитных валунов, были высоки и широки, из многочисленных башенных щелей и амбразур угрожающе высовывались дула пушек и картечных мортир.

– Фома, Глория, Кристеваль, Триумф, – неторопливо перечислил Лаудруп названия бастионов, подытожил: – Стены сей крепости очень прочны, чугунные ядра раскалываются об них на части мелкие. Да и рыть апроши – дело бесполезное, только порох переводить зазря…

Царь, очевидно, понял датчанина и без перевода, надолго приник к окуляру подзорной трубы, после чего спросил хмуро:

– Это что же получается? Данную крепостицу взять невозможно? Штурмом ежели? Только если долгим измором?

– Это как посмотреть на задачу сию! – важно произнёс Лефорт. – Осада крепости не обязательно должна быть долгой… Ежели противник расслабится, то он и запасов всяких не создаст должных. Так, месяцев на четыре-пять. Стандартное решение… Если начать внезапно – блокаду полную, то и виктория будет всенепременно. Можно и штурмом решить всё. Только вот…

– Что – только?

Лефорт покаянно взялся ладонью за лоб:

– Только пятнадцать штурмовых единорогов, годных к разрушению таких крепких стен крепостных, купил я во Франции, государь! Моя вина…

– А сколь надобно?

– Сам считай, государь! На каждый из бастионов этих требуется по пятнадцать единорогов ломовых… Что получается? Шестьдесят! Без этого не стоит и начинать осаду! Шестьдесят орудий и сто двадцать тысяч ядер чугунных, а лучше – двести тысяч. Докупать ещё пушек теперь надобно…

– Чего это – докупать? – вмешался Егор. – Пусть Фридрих – вместо денег – пушки шлёт осадные! Опять же, есть ещё норвежцы и датчане, коим шведы сильно досаждают. Вот пусть тоже помогут орудиями ломовыми… Да вот же – слабое место Нарвы! Видите, сколь тесно в городке расположены крыши черепичные? Тут и там торчат шпили католических кирх? Сильные и бесконечные пожары – вот что по-настоящему страшно для

Нарвы! Я уже поручил Якову Брюсу поработать с белым фосфором, сделать новый заряд пушечный – горючий такой, жаркий…

Погуляли потом, не торопясь, часа два с половиной, по самому Нарве-городу. Дороги узенькие – булыжником мощённые, дома симпатичные – под крышами черепичными, люди встречные – вежливые да приветливые. Абсолютно ничего необычного, Европа сонная такая, чистенькая, знакомая уже…

– Вона, кстати, ворота тёмно-красные! – чуть заметно кивнул Егор головой. – Это же склады пороховые! А охрана? Смотрите, вона, две шлюхи местные свободно проходят за шлагбаум! Часовые улыбаются ещё… Тут подумать надо крепко… Как это – о чём? Есть, знаете ли, предмет…

Когда «Король», под новенькими парусами, подняв якоря, тронулся дальше, Пётр, жадно поедая столовой серебряной ложкой вкусную нарвскую сметану, сообщил:

– А сметана нарвская – совсем даже обычная! Московская ничем и не хуже! Хотя… Хотя вот эта имеет привкус цветочный, клеверный. Но это уже – на любителя…

Невское устье произвело впечатление откровенно неоднозначное: бурые камыши, сиреневые и лимонно-фиолетовые камыши, камыши всех мыслимых и немыслимых пастельных тонов и оттенков, кишащие утками, гусями, лебедями и их многочисленными птенцами. Широченные круги на речной спокойной воде – от всплесков крупной рыбы, многочисленные тюленьи головы, торчащие из воды тут и там, и неисчислимые стаи голодных комаров – неправдоподобно крупных, злых и ненасытных…

Шлюпка вошла в один из Невских рукавов, проплывая мимо болотистого и топкого берега. На одном из речных поворотов на песчаную речную косу вышел, покачивая своими ветвистыми рогами, матёрый лось. Не обращая никакого внимания на проплывающих мимо него путешественников, зверь неторопливо напился, шумно отдуваясь, развернулся и скрылся в густых прибрежных зарослях…

Пристав к выпуклому полуострову, по упругому зелёному мху, поминутно срывая янтарно-жёлтые ягоды зрелой морошки, они подошли к воротам Ниеншанца. Алёшка Бровкин, одетый под помощника капитана Лаудрупа, долго не думая, постучал рукоятью шпаги в бронзовую сковородку, висящую справа от запертых ворот, за которыми виднелись покатые крыши каких-то непонятных строений, застеленные всё тем же сухим камышом.

– Не надо – рыбы! – с сильным акцентом известил по-русски

заспанный голос.

Алёшка постучал ещё раз, на этот раз более сильно и длинно.

– Не надо – земляники, грибов и молока! – лениво отреагировал голос. – Пошли вон, пока не спустил собак!

Лаудруп, долго не раздумывая, вытащил из-за пояса пистолет и выстрелил в воздух.

На комариные стаи это, впрочем, никакого впечатления не произвело, а вот крепостные жители проснулись и засуетились: где-то громко затрещал старенький барабан, послышался бодрый перестук подошв, подбитых стальными подковками, бестолково спешащих куда-то…

Одна из створок ворот, заскрипев низко и противно, широко распахнулась, продемонстрировав с десяток недовольных усатых физиономий, ощетинившихся оружейными и пистолетными стволами. Стоящий чуть впереди усачей офицер в жёлтых ботфортах на ногах и с белым шарфом, обмотанным вокруг худой шеи, спросил на чистейшем русском языке:

– Чего надо, бродяги? Жирные задницы батогов просят?

«Вот, кстати, богатая пища для вербовочной деятельности! – тут же отреагировал внутренний голос. – Кого купили уже один раз, запросто можно и перекупить!»

Как и было договорено, все дисциплинированно промолчали, демонстрируя свою иноземную сущность, только Лаудруп начал бойко излагать на английском языке версию о наивных купцах, желающих сплавать в Ладожское озеро – в поисках местных, очень дешёвых и жирных осетров. Рассказ сопровождался громким шелестом важных бумаг, купленных в Копенгагене, и тихим позвякиванием золотых монет – в бархатном кошельке, зажатом в ладони датчанина…

Разговор занял минут пять-шесть. Как только кошелёк из рук Лаудрупа перекочевал в карман русскоязычного шведского офицера (которому Егор несколько раз – уже на будущее – многозначительно подмигнул), так разрешение на проход «Короля» в Ладожское озеро и было получено.

– Дрянь – крепость сия! – от души высказался Лефорт. – Стены земляные, солдаты сонные. А вот пушки хороши! Дальнобойные, новые. Двенадцать штук я насчитал. Только не по месту она стоит…

– Действительно, не по месту! – поддержал генерала Лаудруп, которому Егор перевёл высказывание Лефортово. – При желании этот Ниеншанц и обойти можно – ночью тёмной. Если что, то её надо непременно переносить. Вон на тот длинный остров, поросший лесом берёзовым, где, как говорят местные чухонцы, обитает много длинноухих зайцев…

А вот крепость Нотебург (Орешек – в русской транскрипции) оказалась куда как серьёзной.

– Взрослое такое сооружение! – уважительно определил Пётр. – Чем-то мне напоминает крепость Нарвскую…

– Вот-вот! – поддержал царя Егор. – Потренироваться можно – заодно. Опять же, как учит нас генерал Лефорт, запад надо с востока завоёвывать. Орудия ломовые здесь можно будет испытать, прочее – всякое…

Лефорт, Лефорт… Мудрый, всезнающий, хладнокровный, умеющий одним словом всё расставить по местам правильным. Егор помнил (из своего прошлого Знания), что герру Францу осталось совсем немного жить на этом весёлом свете. Пройдёт без малого полгода, и Лефорт должен будет заболеть и скоропостижно скончаться…

«Можно что-то изменить, нельзя? – мучился Егор. – А главное, надо ли – что-то изменять?»

Неожиданно навалилась вязкая летняя жара, над Ладогой повисло знойное марево, озёрная вода испарялась прямо на глазах: белёсые струйки пара дружно поднимались в бездонное голубое небо, заворачиваясь в крутые спирали, тающие под беспощадными лучами злого оранжевого солнца.

Полный штиль, звенящая тишина, странные миражи вокруг…

Ладожские миражи, господа мои, это что-то особенное, не объяснимое простыми словами… Кажется, что само Время переплетается в них своими неверными и длинными щупальцами, совсем не заботясь о соблюдении элементарной событийной хронологии и всякой прочей – ерунде ерундовой…

Прямо по курсу сиреневый мамонт неторопливо трусил куда-то по глади озёрной, навстречу ему медленно выползал огромный светло-фиолетовый таракан с длинными ярко-изумрудными усами… А слева плыла длинная гребная галера, с её борта на зеркало Ладожское неожиданно соскользнула крохотная фигурка, побежала навстречу «Королю», быстро увеличиваясь в размерах. Вот уже перед ними – прекрасная нагая женщина: полногрудая, широкобёдрая, тёмноволосая, улыбчивая, с милыми ямочками на полных щеках. Незнакомка мимолётно усмехнулась чему-то своему, лукаво и призывно подмигнула правым карим глазом и растаяла в розово-оранжевом мареве озёрном…

– Видал? – зачарованно выдохнул Пётр. – Видал, Алексашка? Ах, какая баба! Какая… Найди мне её, охранитель! Прошу – найди… Ничего не пожалею! В золоте утоплю…

«Делов-то – на рыбью ногу! – усмехнулся внутренний голос, уверенно опознавший личность этой озёрной красавицы. –

Крепость Мариенбург, которая расположена на большом острове – посередине озера лифляндского. У местного пастора Глюка эта девица и трудится, то ли горничной, то ли кухаркой. Зовут её Мартой, фамилия – Скавронская. Так что, Пётр Алексеевич, готовь золотишко… Хотя, сколько сейчас этой Марте (то бишь будущей Императрице Екатерине Первой) лет? Что-то около пятнадцати, получается. Молодая ещё, однако…»

Вслух Егор ограничился только пламенным обещанием: незамедлительно и всенепременно начать поиск усердный особы означенной…

На прохладном рассвете «Король» встал на якоря в водах русской реки Волхов, в двухстах пятидесяти метрах от крепостных стен Старой Ладоги.

– Этот городище сам Рюрик заложил, старший из трёх братьев варяжских! – взволнованно вещал Пётр, сверкая своими тёмно-карими выпуклыми глазами. – Вот она – соль земли русской…

– Ты бы, мин херц, опять под дьячка Возницына оделся бы! – посоветовал Егор.

– Зачем это?

– Да так, смеха ради. Одно дело – царя встречать. Другое – купцов иноземных. Вот и посмотрим, что тут за соль такая…

К борту брига уверенно пристал старенький струг, полный людей, одетых в стрелецкие клюквенные кафтаны, на носу стоял упитанный толстощёкий детина – с бородой-лопатой и высокой бобровой шапкой на голове. Детина первым взобрался по штормтрапу, по-хозяйски огляделся вокруг, спросил нетерпеливо:

– Кто тут толмачом будет?

– Я есть толмач! – специально коверкая русскую речь, ответил Егор, по одежде – купец иноземный, спросил в свою очередь: – Кто есть ты?

– Не тыкай мне, харя заморская! – тут же ощетинился бородатый детина. – Я – боярин Феодосий Машков, воевода тутошний! Понял теперь – что к чему? Уяснил?

– Уяснил, понял, господин воевода! – мелко закивал головой Егор.

– То-то же! – самодовольно усмехнулся Машков и с удивлением уставился на Петра (в парике, очках, с накладной бородёнкой и усами), подозрительно прищурился: – А дьяк что делает здесь? Откуда он взялся?

– Немой он есть, от самого рождения, господин воевода! – доложил Егор, заговорщицки подмигивая царю. – Прибился к нам. В Ревеле-городе ещё…

– Пусть живёт! – милостиво махнул боярин рукой, обернулся

к трём стрельцам, залезшим следом за ним на борт «Короля», криво усмехнулся: – Или – в батоги? Или – пусть живёт?

– Пускай его! – громко и весело заржали стрельцы. – Если, конечно же, перцовки нам поднесут…

– Ну, долго мне ждать? Будете уважение выказывать? – прикрикнул Машков, недовольно поглядывая на царя-дьяка.

– Сейчас, господин воевода, всё доставим, не беспокойтесь! – пообещал Егор, оттесняя Петра в сторону, и многозначительно кивнул головой Бровкину.

Алёшка на широком подносе притащил штоф синего стекла, четыре оловянных стаканчика и пшеничный калач.

Воевода выпил первым, довольно крякнул, отломил от калача большой кусок, разбрасывая вокруг себя крошки, зажевал, милостиво посмотрел на стрельцов, которые тут же последовали примеру своего начальника.

– Так, а теперь отвечайте – только без вранья: куда следуете, по какой надобности? – сурово нахмурился Машков, небрежно отталкивая от себя бумаги, протягиваемые ему Егором. – Чего ты мне пихаешь, недоумок? Думаешь, я грамоте обучен? Мне этого не полагается – по должности моей. Гы-гы-гы! Куда плывёте, голодранцы? Отвечать, пока я не разгневался! Что в трюмах везёте? Пошлину готовьте…

– Идём мы, господин воевода, в Новгород, на ярмарку! – объявил Егор. – Рыбу закупать, пшеницу, деготь. А в трюмах – только мешки с песком и камнями, для балласта. Чтобы корабль не перевернулся – в шторм сильный…

– Что, пустые трюмы? – расстроился боярин и ткнул корявым пальцем в одного из стрельцов: – Евсей, морда каторжная, живо в трюм! Осмотри там всё! – снова перевёл свой взгляд на Егора. – На этом бриге – до самого Новгорода? По Волхову?

– Ну да, до Новгорода! По Волхову…

Воевода смеялся минут пять, после чего объяснил причину своей весёлости:

– Не пройдёт ваш корабль до Новгорода через пороги волховские. Воды в этом году совсем мало… Даже струги приходится волоком перетаскивать. Так что, господа иноземные, напрасно вы приплыли к нам. Хотя, можете сходить к Олонцу, там прикупить рыбки разной, мехов русских…

Вернулся пожилой стрелец по имени Евсей, грустно развёл руки в стороны, сообщая тем самым о почти пустых корабельных трюмах, а, следовательно, и об отсутствии уважительного повода взять солидную торговую пошлину:

– Там только книги всякие, железки, ещё – деревья и кусты в горшках, мешки с песком да камнями…

Машков загрустил, сильно задумался, махнул ещё один стаканчик перцовки, после чего объявил непреклонно:

– Тогда сто рублей с вас, господа проплывающие! Можно и гульденами вашими…

– Но, за что, батюшка? – удивлённо спросил Егор. – Товаров-то никаких нет у нас. Пустые же трюмы…

– Молчать! – состроил зверскую физиономию воевода. – Время я потерял, с вами болтая о пустом? Потерял! А мешки с песком, книги, деревья в горшках? Вот и платите! Иначе прикажу палить пушкам крепостным! – махнул рукой в сторону бастионов Старой Ладоги, тут же побледнел и затрясся всем своим дородным телом, бобровая шапка слетела с его головы и покатилась по палубе…

Это Пётр решил, что наступила пора прекратить ломать комедию: сбросил парик свой длинноволосый, бородёнку, пышные усы, очки, представ перед подданными во всей своей красе – со взором горящим, гневным…

– Повесить жадного сукина сына! – громовым голосом велел царь. – Немедленно, прямо на реях! Предварительно – бороду остричь и вору этому в рот её запихать!

Вешать воеводу на мачте «Короля», понятное дело, не стали: вдруг солдаты в крепости ещё поймут неправильно и начнут стрелять из пушек прицельно? Поэтому спустили на воду шлюпку, отвезли боярина Машкова на берег да и вздёрнули на крепостных воротах легендарной Старой Ладоги.

Пётр хотел рядом с воеводой подвесить и трёх стрельцов наглых, да Егор отговорил:

– Мин херц, у нас что – руки рабочие в избытке? Вон, канал скоро надобно будет рыть вдоль озера Ладожского, больно уж много судов в нём тонет торговых. Особенно в период штормов осенних…

– Канал, говоришь? – смягчился царь. – Хорошо, пусть будет по-твоему, охранитель. Влепить мерзавцам по двадцать пять горячих, вырвать ноздри, клейма поставить каторжные! После чего выдать ворогам по лопате, пусть сразу и начинают – с усердием полным – канал тот возводить…

Глава восемнадцатая
Закат Эпохи боярской

Лаудруп, сполна получив все причитающиеся ему денежные суммы, сразу же засобирался в обратный путь. Егор попробовал отговорить датчанина:

– Оставайся, господин капитан! С нами-то оно весело, сам знаешь! Назначим тебя на место повешенного воеводы Машкова, поставим на довольствие – денежное да кормовое. Например, шесть тысяч гульденов в год – на всём готовом? Не, если и «Король» поступит на службу российскую, то это уже отдельные, другие деньги… Скажи, сколько ты хочешь? Люди ведь свои, договоримся, чай…

Капитан весело и по-доброму улыбнулся, слегка дёрнув при этом своими шикарными пиратскими усами, вынул из уха золотую пиратскую серьгу, протянул Егору:

– Сэр Александэр, мы ещё обязательно увидимся! Да и поплаваем вместе по морям разным, если Бог всемогущий даст… Серьга эта – пусть будет залогом тому! А сейчас мне надо обратно вернуться, в Европу. Во-первых, заскочу на неделю-другую в город Лондон, выкуплю, наконец, у моего компаньона английского его долю в «Короле». Во-вторых, у меня в Амстердаме остались жена и сынишка, надо их навестить обязательно, купить новый дом, ещё – по мелочам… А потом я уже подумаю. Может, возьму жену и сына в охапку, да и приплыву сюда: красиво здесь очень… Со шведами-то будет война? Вот это по мне! Флот будете строить на Балтийском море, закладывать новые города? Просто замечательно! Встретимся ещё, сэр Александэр! Обязательно встретимся, зубровки русской выпьем, на дно морское (а надо – и на озёрное!) пустим кого потребуется…

Вообще-то, отпускать Лаудрупа, посвящённого в такое количество секретных стратегических планов, в Европу было более чем неосторожно и неосмотрительно. Но этот прямодушный датчанин был Егору очень симпатичен, да и внутренний голос благодушно молчал, чуть слышно напевая что-то лиричное и светлое…

«Король» отчалил по направлению к руслу Невы. Все остальные собрались плыть дальше – по Волхову до самого Новгорода Великого.

– Государь, позволь мне в Старой Ладоге воеводой остаться! – неожиданно попросил одноногий Семён Ростов. – Места здесь больно вольные, приятные! А чего мне в Москве-то делать – без

ноги?

Пётр, немного подумав, согласился и тут же начертал соответствующий царский Указ. После чего построил в крепостном дворе всех имеющихся в наличии стрельцов и популярно объяснил им, что будет с тем, кто вздумает – хоть в малости какой – ослушаться нового, пусть и непривычно юного воеводу…

Уже взойдя на борт низкого облезлого струга, царь напутствовал Сеньку Ростова такими словами:

– Думай неустанно, братец, как крепость будешь расширять, где новые склады и амбары будешь закладывать, верфи корабельные… О канале, что пойдёт вдоль озера Ладожского, размышляй на досуге. По осени людей к тебе пошлю: и воинских, и инженерных. Денег подброшу прочего всего. По паводку весеннему спустим по Волхову-реке пушки новые, ружья, причиндалы кузнечные. А чтобы воровства не было, велю тело повешенного боярина Машкова до самых заморозков не снимать с ворот крепостных… Да, ещё вот. Пошли гонца (хочешь – берегом, хочешь – стругом по Ладоге) в городок Олонец: пусть верфи и пристани тамошние приводят в порядок, готовятся строить корабли большие…

– Ещё вот что сделай, Сеня! – дополнил царя Егор. – Вызнай, как хочешь, что это ещё за офицер такой, русский по происхождению, обивается в крепости Ниеншанц. Кто такой, откуда, почему служит шведам, есть ли зазноба, родственники? Пошли к крепости человечка ушлого, пусть поговорит с чухонцами местными, деньгой развязав их языки предварительно…

По Волхову пошли на десяти больших стругах, на порогах приходилось два раза приставать к пологому левому берегу, переносить грузы и носильные вещи по болотистым прибрежным перелескам, после чего возвращаться назад и дружно впрягаться в кожаные широкие лямки, аккуратно перетаскивая плоскодонные суда по мелким и каменистым речным перекатам. Царь работал наравне со всеми, был бодр и весел, иногда хищно щурился и приговаривал:

– Эх, скорей бы добраться до бояр толстозадых! Всём отсеку бороды дремучие, блохами засиженные, а некоторым – и головы глупые…

В Новгороде Пётр задерживаться не стал, остановился только на одну ночь, и то в основном для того, чтобы попариться в жаркой русской бане.

– Одного я понять до сих пор не могу! – отдыхая после парной, пустился в философские рассуждения Пётр. – Всё в

Европах тех хорошо: чисто, ухоженно, разумно… А вот бань настоящих – и нет! Почему это? Ведь когда тело хорошо распарено веником дубовым, и грязь дорожная с такого тела зело веселее сходит…

После бани Пётр и все его спутники по путешествиям дальним переоделись в чистую европейскую одежду, на головы нахлобучили короткие, тщательно расчёсанные парики и проследовали в думскую палату местного Кремля, где по царскому приказу собрались знатные бояре новгородские.

– Душно-то как! Потом едким – так и шибает в нос! А ещё – козлами душными! – сердито заявил царь, усаживаясь в широкое кресло, обитое коричневой кожей, поставленное на высоком деревянном помосте. – Алексашка, вели окна распахнуть! Все отворяйте! Да пусть кто-нибудь из цирюльни ножницы принесёт – большие да острые! Будем беспощадно отрезать кое-чего…

В распахнутые окна ворвался летний вечерний воздух, пахнуло полевым разнотравьем, озёрной свежестью.

– С Ильмень-озера ветер дует? – довольно и нервно подёргал ноздрями Пётр. – Хорошо-то как! – внимательно оглядел собравшихся бояр, прищурился недобро: – А что это, любезные мои, вы вырядились – словно лютая зима во дворе?

Знать новгородская, действительно, оделась странно для летнего тёплого времени: парчовые шубы с меховой опушкой, ферязи с высоченными воротниками, солидные бобровые и куньи шапки.

– Так почему оделись так? Не слышу ответа! – повысил голос царь, ткнул пальцем в ближайшего дородного боярина: – Вот ты, борода, кто таков будешь?

Обладатель ухоженной тёмно-рыжей бороды ответил робким басом:

– Стрешнев я, Иван. Боярин столбовой.

– Почему в шубе собольей? Почему шапка бобровая на голове?

– Дык, государь, заведено так! Отцами нашими, дедами… Чтобы подлая чернь издали видела, что боярин следует! Чтобы кланялись смерды низко и шапки ломали истово…

– Ну да, ну да… Чтобы шапки ломали, да низко кланялись… В этом же – смысл жизни высший! – дурашливо покивал головой царь и взревел: – Полковник Меньшиков! Листы с Указами сюда, перо и чернильницу! Быстро! Стол мне…

Два стрельца проворно затащили на помост низенький стол, Егор поставил на него пузатую чугунную чернильницу, рядом положил два остро отточенных гусиных пера, бережно расстелил три бумажных листа с текстами Указов, заранее (ещё в Старой

Ладоге) начертанных Лефортом.

Пётр обмакнул кончик пера в чернильницу, медленно пробежал глазами по первому листу бумаги, поставил – в полной тишине – свою размашистую подпись, насмешливо оглядел присутствующих и торжественно объявил:

– С сего дня всем боярам, а также прочим людям гражданским благородного происхождения ходить только в одежде иноземной! Поручик Бровкин, выйди сюда, покажи им, лапотным!

Алёшка, одетый в серый с тёмно-зеленоватыми полосами кафтан тонкого сукна, с кружевным воротником-жабо на шее, в коротком шелковистом паричке, бодро простукал каблуками немецких туфель по деревянному помосту, медленно повернулся несколько раз вокруг своей оси.

«Первый отечественный манекенщик, чёрт побери!» – усмехнулся про себя Егор.

– Где же мы, государь, прямо сегодня, достанем такую одёжку? – раздался чей-то молодой испуганный голос. – У нас такого отродясь не видали! А так-то мы – со всей радостью нашей! Красиво ведь…

Царь, понимая, что немного погорячился, недовольно уточнил:

– С сего дня Указ подписан. А сроку вам на его исполнение – месяц даю. И не вам одним, новгородцы, это касается всей России! Сейчас исправлю! – торопливо чиркнул несколько слов на первом листе, отложил его в сторону, взял в руки второй, широко и недобро улыбаясь, спросил у Егора: – Ножницы-то принесли?

– Вот, мин херц, возьми! – торопливо положил Егор перед Петром большие, слегка неуклюжие ножницы. – Я проверил, острые…

Царь быстро подписал второй Указ, поднялся на ноги и злорадно оповестил слушателей:

– А вот этот мой Указ начинает действовать прямо сейчас! Всем велю брить бороды! Всем – кроме тех, кому я лично то разрешу! Понятно? Стрешнев Иван, поднимайся сюда! Кому я сказал? Что медлишь? Застрелю! – Пётр выхватил из-за широкого пояса пистолет и выстрелил в боярина Стрешнева, который проявил – по царскому мнению-разумению – непростительную и оскорбительную медлительность…

В палате началась всеобщая паника: одни из бояр в страхе бросились к узким дверям, отчаянно ругаясь и совершенно невежливо отталкивая друг друга, другие побежали к открытым окнам, третьи повалились на грязный пол, закрывая головы длинными полами своих шикарных шуб…

Пётр смеялся как сумасшедший, брызгая во все стороны слюной и сильно дёргая правой щекой. Егор и Алёшка Бровкин сорвали себе голоса, восстанавливая элементарный порядок. Наконец все бояре вернулись на свои прежние места, в палате установилась относительная тишина, изредка прерываемая тоненькими всхлипами раненого Стрешнева.

– Эй, Иван! Ты живой? – спокойным, чуть виноватым голосом спросил Пётр.

– Живой я, государь, живой! – тихонько повизгивая, сообщил боярин.

– Ну, так иди сюда, раб божий! Негоже бросать дело на половине дороги…

Стрешнев уже без шубы и шапки, с туго перевязанным простреленным плечом, чуть пошатываясь, поднялся на помост, покаянно опустился на колени, обречённо выставив бороду вперёд. Подошёл Пётр, обвёл зверским взглядом лица других бояр, дождался, когда все покорно опустят очи долу, захватил бестрепетной рукой боярскую бороду в горсть, несколько раз уверенно щёлкнул большими ножницами, зажатыми в другой руке…

– Дальше сами – стригите друг дружку! – строго приказал царь, брезгливо бросая отрезанные волосья на пол. – Полковник Меньшиков! Передай ножницы ближайшему к тебе бородачу…

Ещё через полчаса, когда львиная доля шикарных бород была успешно укорочена, Пётр милостиво махнул рукой:

– Ладно, потом завершите, уже без спешки… У меня ведь и третий Указ имеется! – всхрапнул загадочно. – Готовы выслушать?

Тишина, установившаяся на этот раз, была уже полной, кладбищенской: только явственно слышалось, как в ручке кресла, на котором восседал царь, усердно работает крохотный жучок-древоточец.

«Что же он, изверг, ещё придумал – на наши головы?» – явственно читалось на скорбных боярских лицах.

Царь без дополнительных раздумий подписал последний на этот день Указ, поднялся на ноги, нетерпеливо спросил в окружающее пространство:

– Небось, знаете уже, что по моему приказу повесили боярина Федоску Машкова, вора злого, первостатейного? А за что повесили? Про то ведомо вам? Из-за побора в сто рублей? Враки, не верьте! Повешен сей Федоска за то, что грамоты не знал! Более того, даже хвалился прилюдно, что ему, как воеводе, знать грамоту – не по должности его высокой… Понятно? Нет? Вот в этом Указе и прописано: шесть месяца даю – на грамоты

изучение, ещё два года – язык выучить иностранный, хотя бы один… Всех, кто не выполнит сиё, забирать в солдаты! Вотчины боярские буду отнимать безжалостно! На каторге лютой, сибирской – сгною…

Следующим утром, уже перед отъездом из Новгорода, Пётр велел:

– Алексашка! Пусть гонец перед нами скачет – с Указами вчерашними! Не хочу и на Москве время терять на объяснения… Пусть всё заранее известно будет. И о простреленном плече Стрешнева – также. И про воеводу Машкова – повешенного. Пусть одёжку иноземную бояре загодя покупают, с усердием…

Вот она – Москва родимая! Колокольный малиновый звон, бескрайние вороньи стаи над покосившимися крестами, чуть сладковатый трупный запах – от ворот Покровских, многочисленные нищие, калеки и уроды, густо облепившие паперти церковные…

Перед поворотом на Преображенское, когда Егор вылез из царской кареты – чтобы пересесть в свой личный возок (за которым следовали ещё два, гружённые всякой всячиной заморской), Пётр через открытое каретное окошко строго велел:

– Три дня даю тебе, Александр Данилович, на нежности семейные. В четверг, с самого утра, будь у меня во дворце, поговорим. А после обеда соберем Думу боярскую, повеселимся немного…

Наконец караван, состоящий из трёх возков, въехал во двор его (полковника Меньшикова) московского каменного дома, Егор распахнул дверцу, торопливо выскочил наружу, огляделся вокруг: сердце бешено и радостно стучало в ожидании встречи долгожданной…

Лица слуг, знакомые и совершенно неизвестные, какая-то смешная низенькая собачка ласково вертелась под ногами, приветливо махая коротким хвостом-обрубком… Вон несколько преображенцев во главе с бравым подполковником Андрюшкой Соколовым, улыбаются радостно, салютуют. А где? Где же – она, которая…

Тёплые ласковые ладони невесомо легли на его глаза, нежные губы легко коснулись затылка… Вот и всё. О чём ещё, собственно, вам рассказать, мои судари и сударыни? Просто встретились два любящих друг друга человека, больше года мечтавшие об этом кратком и волшебном миге…

Уже гораздо позже, ближе к вечеру, когда схлынула первая сладкая пелена-истома, и когда он уже вдоволь поиграл-пообщался с полуторагодовалыми Петькой и Катенькой, Егор

спросил у жены, ласково касаясь её нежного плеча:

– Саня, а почему утром, когда я приехал, ворота были открыты?

– Тебя ждали, родной! Князь Ромодановский, Фёдор Юрьевич, ещё два дня назад сообщил, что прибывает обоз-поезд царёв. Я и попросила Фёдора Голицына выслать кордоны вперёд. Так что мы знали обо всех ваши передвижениях, к встрече готовились… А преображенцы твои, Саша, просто молодцы! Помогали мне весь этот год во всём. И я к ним в полк часто наезжала с царевичем Алексеем…

– Даже так, с Алексеем? – удивился Егор.

– Как же иначе, сердечко моё? – довольно улыбнулась Санька. – По царскому Указу ты один из многих, кому поручено участвовать в воспитании сынка царского. Ты был в отъезде дальнем, так я заменяла тебя, как и положено любящей и верной жене… Уговорила царевну Наталью, сестру Петра Алексеевича, вот и ездили втроём в полк Преображенский. Алексей Петрович уже научился метко стрелять из пищали и ружей, шпажным и сабельным боем много и усердно занимался…

– Молодец ты у меня! – одобрил Егор. – А ещё чем занималась полезным?

– Ещё? Языкам обучалась: французскому, английскому, немецкому, итальянскому, испанскому – только чуть…

– Ого!

– Ещё у доктора Жабо училась – премудростям медицинским. Не одна – с другими Сёстрами Милосердными. И роды сложные помогали ему принимать, и при операциях разных. Воспалённые кишки вырезали из животов, ноги-руки отпиливали почерневшие… Теперь я на Службу сёстринскую не принимаю кого попало. Заставляю обучаться сперва, экзамены (как мсье Жабо говорит) сдавать. Думаю вот школу открыть медицинскую, для Сестёр будущих…

Егор смотрел на жену и не находил слов. Санька похорошела просто несказанно: немного похудела лицом, постройнела фигурой, талия – почти как до родов, а глаза голубые, огромные – ещё умней стали, ещё родней…

Было только одно непреложное и сильнейшее желание: схватить эту неземную красавицу в свои крепкие объятия и зацеловать до смерти…

Уже после полуночи, чувствуя, что сейчас крепко уснёт, Егор вспомнил:

– Саня, я же там привёз растений всяких – саженцы деревьев и кустов, черенки цветочные. Надо же с ними что-то сделать. Что-то, правда, сломалось по дороге, что-то засохло…

– Я уже распорядилась, милый! – нежно и сонно проворковала жена в ответ. – Слуги всё, что уцелело, уже прикопали временно, на огороде. Потом постоянно пересадим – в нашей с тобой Александровке, любезной сердцу…

На следующий день он не утерпел, заехал на часок-другой в свой Преображенский полк. С женой Санькой и заехал, с которой даже на короткое время расставаться и разлучаться не хотел…

– Александр Данилович, радость-то какая! – искренне обрадовался приезду полковника Фёдор Голицын, вскакивая с полкового барабана, сидя на котором, он наблюдал за мушкетными стрельбами. – О, Александра Ивановна, наш ангел-хранитель! Позвольте ручку поцеловать! Прибыло вчера от батюшки вашего, Ивана Артемича, две телеги с мылом. Благодарны премного…

– Это мы с отцом на паях открыли фабрику мыловарную, – объяснила Санька. – Ты же мне денег много оставил, с избытком. Вот и поставили фабричонку в слободе Долгопрудной. Для полка Преображенского мыло отпускается почти бесплатно, со скидкой половинной…

Провели пробные стрельбы – новыми гранатами, начинёнными хитрым зажигательным составом.

– Это полковник Брюс прислал с оказией два бочонка со смесью и инструкцию подробную: как гранаты той смесью правильно начинять, – пояснил Голицын.

– А где сейчас сам Яков? Когда вернуться собирается? – спросил Егор.

– Отписал, что месяца через два-три. Мол, не всё ещё нужное – по части химической – успел прикупить в Европах…

Испытуемые гранаты взрывались только через раз, но пламя поднималось высоко и пылало жарко.

– Очевидно, Брюс смешал порох, белый фосфор и порошок серы самородной, – предположил Егор. – А вот корпус гранатный, брат Фёдор, толстоват! Дай команду, чтобы растачивали больше, усердней…

В четверг он прибыл в Преображенский дворец, как и было велено – незадолго до начала обычного завтрака, положенного этикетом. Вылез из кареты, приобретённой Санькой во время его отъезда в Европу у кукуйских умельцев, не торопясь, прошёлся по изумрудной лужайке, вошёл в просторную беседку, отведённую в жаркое летнее время для приёма трапезы.

В беседке, за длинным нешироким столом, уже сервированным (европейской посудой) для предстоящего завтрака, сидели Лефорт и князь-кесарь Ромодановский,

беседовали о чём-то негромко и заинтересованно. Причём Фёдора Юрьевича было сразу и не узнать: в иноземных бархатах и кружевах, в парике цвета воронового крыла, с бритым подбородком. Только усы оставил князь – по-татарски, крутой длинной подковой.

«Странное сочетание – европейский костюм и усы татарские!» – усмехнулся про себя Егор, но вслух говорить ничего такого не стал, поздоровался вежливо и уважительно.

– И тебе, царёв охранитель, полковник, здравствовать! – прогудел густым басом Ромодановский. – Вот, видишь, строго блюду Указ государев: бороду выбрил, одёжку иноземную прикупил. Что, наверное, смешно смотрюсь? Ладно врать тебе… Я и сам ведаю, что смешно! Ничего, привыкну, раз так надобно – для дела! – неожиданно усмехнулся. – Это ты ещё остальных не видел! После обеда съедутся бояре – Думу сидеть, вот тогда, ужо, обхохочешься! До колик сильнейших, желудочных… Да, вот вино венгерское – славное, просто отличное! Откушай, не пожалеешь…

Егор налил из высокой бутылки полный бокал вина, выпил до половины, поставил на стол, похвалил:

– Неплохое вино, Токайское, черносмородиновое! – после чего спросил: – А где же Пётр Алексеевич? Неужто проспать изволили?

– Жди, как же – проспит такой! – глухо рассмеялся князь Фёдор. – С самого утра уже на ногах! С сыном общается, нарадоваться не может…

– Да занятный мальчик – царевич Алексей! – подтвердил Лефорт. – Так изменился за эти полтора года! Выглядит гораздо старше своих восьми годков. Метко стреляет из пистолетов и ружей. Неплохо говорит на языках немецком и аглицком. Книги читает усердно – по Истории военной. Знает по именам всех героев и полководцев древних…

– А где они, государь с сыном?

– Вона, возле того пруда! – радостно махнул Ромодановский рукой. – Пускают модели корабельные. Три маленьких фрегата смастерил Картен Бранд, а четвёртую модель – брига парусного, сам царевич… Уже полтора часа там бултыхаются, пуская суда по ветру. Всё бегают с одного конца пруда на другой! И кому из них двоих это занятие нравится больше – ещё и неизвестно… А вон, на разных сторонах пруда, и твои люди, Данилыч: Волков Василий, Алёшка Бровкин, ещё три охранника… Бдят! К Волкову-то я заезжал в этом году не один раз, в казарму, что располагается сразу за Преображенским дворцом. Человек пятьдесят под его началом: бегают, прыгают, кулаками и ногами доски разбивают, кирпичи. Стреляют из луков, ножи метают

метко… Красота!

Лефорт, до этого широко и одобрительно улыбавшийся, неожиданно озабоченно нахмурился и предложил:

– Господа мои, может, поговорим серьёзно? Пока нам никто не мешает? Дел-то намечается – клубок змеиный… Правда ведь, князь-кесарь?

– Верно, верно! – в свою очередь помрачнел Ромодановский, и на его лбу прорезалась глубокая вертикальная морщина. – Последние три месяца – до вашего возвращения – тут такое началось… Мрак полный!

– Расскажи про то, Фёдор Юрьевич! – подобравшись, попросил Егор. – Подробно расскажи, без недомолвок!

– Какие перед вами недомолвки? Слушайте, соратники! Ещё в марте месяце скончался «тройник» государев. Отравили? Вряд ли, просто – от пьянства чрезмерного. Хотя, всё может быть… Беднягу похоронили втайне, да слухи пошли гулять разные по Москве. А тут ещё и из Европы новость долетела нехорошая, мол: «Пётр Михайлов, волонтёр Великого Посольства, скончался где-то во Франции»… Послы иноземные стали задавать вопросы разные, неприятные вовсе. Бояре наши толстозадые по углам зашептались радостно… Даже я заволновался непритворно! Но тут – очень кстати – почта пришла из города Амстердама, где рукой Петра Алексеевича описан был тайными симпатическими чернилами ваш путь истинный, через море Балтийское, озеро Ладожское и Волхов-реку. Я тут же всех поставил на места их: на заморских послов наорал немного, матерно, кое-кого из бояр смутившихся заковал в железо да и отправил в темницу. Дело-то привычное… А вот несколько дней назад всем стало известно, что царь в Новгороде уже, следует к Москве. Вот тут-то иноземные послы снова ожили, кругами широкими заходили вокруг меня. Спрашиваете, что им надобно? Да всем – по-разному… Турки замириться хотят с Россией. На время только, понятное дело, чтобы им сподручней было с венцами и венецианцами разговаривать. За турками стоят датчане, норвежцы и бранденбурцы: эти хотят, чтобы мы, помирившись с Османской Империи, навались со всей мощью русской на короля шведского Карла. Шведы тоже не дремлют: предлагают заключить мирный договор – на тридцать лет, более того, обещают помочь и в войне с Турцией. Естественно, когда сами разделаются с поляками… А Польша – вообще отдельное блюдо, хитрое! Знаете уже, что курфюрст саксонский Август стал одновременно и королём польским? Вот то-то же! Теперь полякам выгодно, чтобы русские воевали и со шведами, и с турками… А ещё ведь есть Франция с Англией! И все они, мерзавцы, – Ромодановский возмущённо

воздел руки к небу, – все до одного деньги предлагают немаленькие! Что делать? Голова пухнет и идёт кругом…

Лефорт печально улыбнулся, потом лукаво прищурился:

– Это и называется – высокая дипломатия! Всем обещать – всего. Соглашаться, клясться в дружбе вечной. А, главное, деньги брать – у всех подряд! Пушки и ружья – также. А там уже и разберёмся… Главное – профит свой соблюсти, выгоду денежную, или там коммерческую – на годы вперёд…

– Выгоду, профит… – непонимающе заворчал князь-кесарь. – А как её понимать, выгоду-то? Те князья и бояре наши, у которых вотчины южные, пшеничные, они стеной стоят за войну с Турцией. Мол, когда победим османов, то договоримся с ними о свободном морском проходе в Средиземное море, тогда можно будет пшеничку русскую выгодно продавать в Европу – за цену славную. А те, у которых вотчины северные, они только и говорят – что о портах на море Балтийском. Хотят торговать – всё с той же Европой, но уже лесом, дёгтем и мехами… Ну, и как тут быть? Кого слушать? Ты-то вот как мыслишь, Александр Данилович? А?

Егор раздумчиво покачал головой, волнуясь (всё же не каждый день у него просили совета в таких масштабных делах государственных!), зачем-то стащил с головы свой короткий паричок, повертел его, повертел, напялил обратно и высказался – очень осторожно:

– Нельзя сейчас России усердно воевать сразу на двух фронтах! Не выдержим, и там и там опозоримся знатно! Надо с османами обязательно заключать перемирие! Балтийское побережье сегодня – важнее гораздо. Но и там надо действовать постепенно, начиная с востока: базы создавая складские и оружейные, дороги прокладывая надёжные…

Они так увлеклись этими разговорами о делах политических и военных, что и не заметили, как подошёл Пётр: встал тихонько за столбом беседки, слушал внимательно, от волнения грызя заусенец на пальце указательном. Правда, вскоре царь не выдержал, вмешался в общий разговор, взволнованно замахав руками…

– Пётр Алексеевич, а куда ты сына-то подевал? – спросил Егор во время краткой паузы.

– Сына? Алёшку его тёзка – Бровкин – повёл на занятия по выездке конной. Кстати, царевич тут случайно узнал, что ты, Данилыч, горазд махать руками-ногами, знаешь китайскую гимнастику. Вот, просил, чтобы ты позанимался с ним. Позанимаешься? Ну, спасибо, охранитель! Кстати, когда поедем в Воронеж, я сына возьму с собой, пусть посмотрит на верфи корабельные. Мальчишка-то – зело любопытный! Хорошо

получилось, что вовремя отлучили от него всех святош и Лопухиных-сквалыг… Спасибо тебе за это, Данилыч! Ладно, давайте ещё немного поговорим – о делах польско-саксонских…

На думное сиденье съехалось около ста пятидесяти человек: генералы, советники иноземные, просто соратники и, конечно же, соль земли русской – бояре.

Только вот не узнать было последних – сколь ни старайся: раньше-то в своих шубах и шапках собольих да бобровых они не шли – шествовали, а нынче? Нынче кто-то семенил в тенёчке, чтобы не попасться лишний раз на глаза насмешникам всяким, а другие и вовсе хромали сильно, сразу на обе ноги, набив себе кровавые мозоли башмаками тесными, иноземными. А ещё многие просто-напросто не узнавали друг друга без бород окладистых…

На одних боярах одёжка заморская, купленная в спешке, мешками пузырилась, на других, наоборот, трещала по всем швам. Ну, и парики на всех были разномастные, в большинстве случаев – не по размеру.

– Да, красавцы вы у меня! Только чудные парсуны писать с таких олухов! – довольно объявил Пётр, важно усаживаясь на своём троне. – Но, молодцы, всё же хвалю! Исполнили мой Указ! Ничего, кафтанами можете со временем и поменяться, ушить опять же можно, надставить… А башмаки – разносить… Ладно, перехожу к делу! Решил я, для пользы великой, внести изменения – в устройство государства российского. Ввожу, своим Указом царским, новый орган – Высший Государственный Совет!

Царь выдержал небольшую паузу, внимательно оглядывая притихших слушателей, Егор торопливо прикрыл улыбку рукавом камзола: идея была его, всё долгое плавание на «Короле» втолковывал её царю, объяснял, приводил примеры исторические…

Пётр невозмутимо продолжил:

– Теперь будет так. Я ставлю задачу перед Советом. Государственный Совет говорит, что надо делать. Я, допустим, утверждаю рукой своей – «что». После уже Дума должна сообразить, «как» выполнить это «что». Смотрю, не поняли? Объясняю терпеливо. Государственный Совет, например, приговорил: построить нынешней осенью в пределах крепости Старая Ладога новые зерновые да пороховые склады и амбары, кроме того, и сами стены крепостные перенести в сторону, обновить и приподнять, пушками оснастить дополнительными. И испрашивает Совет для этого в бумаге отдельной, к примеру, опять же, десять тысяч рублей. Я тогда долго думаю, вопросы

задаю дотошные. А потом, допустим, обмакиваю перо гусиное в чернильницу и пишу размашисто на той бумаге: «Быть по сему!» Или же: «Согласен – только на восемь тысяч!» – Царь поднялся с трона, прошёлся туда сюда, заложив руки за спину.

«Да, не так ты и прост, дорогой мин херц, как притворяешься иногда! – восхитился про себя Егор. – Последнее слово – всегда оставляешь за собой!»

– А дальше – всё совсем просто! – Пётр дурашливо развёл руки в стороны: – Бумага та с реляцией моей поступает в Думу. Задача же ваша, бояре, проста: деньги просимые найти и выделить по назначению. Ну, и людишек назначить, которые всё необходимое для того строительства закупят и в Старую Ладогу доставят… Чтобы я потом точно знал – кому рубить голову, если приключится воровство какое. Да, если денег не сыщете, то и вам достанется от меня. Кому – кнутом, кому и топором. Всё поняли, родные?

Вопросов и возражений не последовало. Пётр предоставил слово князю-кесарю.

– Отныне собираться Дума будет один раз в неделю, строго по понедельникам. Кто не хочет сидеть в Думе – пойдёт в простые солдаты, несмотря на возраст и звания! – ласково успокоил всех Ромодановский. – Если пришли на слушанье, а бумаг из Совета Государева не поступило никаких, то все тут же и разошлись по домам. Но если запрос, одобренный Петром Алексеевичем, поступил, то всем боярам сидеть до тех пор, пока задача решена не будет… В понедельник наступающий получите первые документы-запросы: о работах (осенних и весенних) в крепости Старая Ладога, о закупке орудий ломовых в Европе, о выделении необходимых финансов на новое Посольство Великое, плыть которому вскорости – до самого турецкого Константинополя… Может, кто спросить хочет чего?

Со своего места поднялся представительный и дородный Роман Буйносов – из рода княжеского, древнего.

– А позволено узнать будет: кто входит в Совет Высший Государев? – с плохо скрытой надеждой спросил боярин.

Князь-кесарь медленно развернул (чисто для вида) бумажный свиток, поморщился и огласил – важно, с чувством и расстановкой:

– Глава Верховного Государственного Совета – государь всея Руси – Романов Пётр Алексеевич. Постоянные участники: князь Нарышкин, Лев Кириллович, князь-кесарь Ромодановский, генералы Лефорт, Шеин, Головин и Апраксин, полковники Брюс и Меньшиков! Всё на этом!

По залу прокатился лёгкий ропот недовольства. С трона

снова поднялся Пётр, ропот тут же стих.

– Что, думали, в Совет войдёт человек тридцать-сорок? – с признаками лёгкого гнева спросил царь. – Чтобы языками было удобней трепать по-пустому? Не выйдет! Только дельные мне нужны люди, умеющие быстро думать… А вы, столбовые, о деньгах беспокойтесь! Денег нынче мне очень много надобно будет… Кстати! – смягчился неожиданно. – Князь Ромодановский не успел сказать, что есть и второй список – приглашаемых членов Совета Высшего. Их по отдельным вопросам будут привлекать. Кто в списке том? Сами прочтёте потом или глашатая послушаете на Красной площади…

А ещё через час, получив от Петра условленный знак, и Егору пришлось выступить перед Думой боярской.

Чуть волнуясь (Дума всё-таки!), он поднялся на помост, встал на три метра правее трона Петровского, огласил очередной царский Указ:

– Он, государь, милосердуя о людях своя, решил: создать особую Бурмистрскую палату.

Бурмистры, входящие в ту палату, должны ведать расправными, судебными, таможенными и купеческими делами, а также – сборами всех доходов государственных. Выбирать в бурмистры надлежит из людей деловых, купеческих, а также содержащих заводы и фабрики…

Текс указа был очень длинным и развёрнутым, а суть его заключалась в следующем: права и полномочия бояр и воевод на местах сокращались до минимума. Более того, эти вышеозначенные важные персоны максимально удалялись от финансово-денежных потоков. «Да, это удар ниже пояса по знати родовитой!» – в уме поаплодировал царской придумке Егор, а вслух пояснил:

– Членом русской Бурмистрской палаты может быть любой человек – вне зависимости от рода, нации и пола. Главное, чтобы он для России сделал что-нибудь полезное. Например, соорудил лесопилку на водяном приводе как братья Баженовы. Или построил серьёзный корабль и начал самостоятельно торговать с Европой, как архангельский купец Никифоров. Вот ещё: Нарышкин Лев Кириллович совместно с компаньоном в городе Туле заложили завод оружейный, что вдвойне похвально…

– Что там было про баб? – раздался недовольный голос с дальних рядов.

Уловив краем глаза, что Пётр напрягся на троне и готов дать волю своему царскому гневу, Егор многозначительно кашлянул – мол, сам управлюсь, и ответил – подчёркнуто спокойно:

– Не про баб, а про женщин! Да, и женщины могут входить в

палату Бурмистрову… Привожу конкретный пример. Моя жена – Меньшикова Александра Ивановна. Она является совладелицей мыловарни в Долгопрудной слободе. Следовательно, может, если изъявит такое желание, войти в состав той палаты… Всем всё ясно? А если вам не понятны слова Указа царского, то я сейчас сюда приведу полк Преображенский, и каждый тугодумный у меня получит по пуле свинцовой! – В подтверждение серьёзности своих слов Егор выхватил из-за пояса двуствольный пистолет саксонской работы и дуплетом пальнул в дворцовый потолок…

– Молодец, Алексашка, молодец! – от души хохотал Пётр…

Вечером, когда все званые гости разъехались по домам, а сам царь (в сопровождении надёжной охраны) отправился на Кукуй, на встречу с достославной красавицей Анной Монс, Фёдор Ромодановский предложил Егору:

– Ну что, Александр Данилович, сдвинем наши чары за бесповоротный конец Времени боярского? Как думаешь?

– Сдвинем! Чего ж не сдвинуть? – согласился с ним Егор, а про себя подумал: «Это сейчас, в конце века семнадцатого, закончилась боярская Эра. А вот в самом начале века двадцать первого она в России начнётся снова… Уж я-то это знаю точно! По всей стране рассядутся жадные бояре да воеводы и, абсолютно ничего не делая полезного для России, воровать будут – не хуже предшественников своих. Только вместо шуб соболиных да шапок бобровых будут на них надеты костюмы шикарные и галстуки цветастые. История, она по спирали развивается, мать её…»

Глава девятнадцатая
По Дону-батюшке и морю Азовскому

Вечером следующего дня в шикарном московском доме Лефорта состоялся небольшой, но весьма пышный бал: вино дорогущее, европейское, лилось рекой, подавались кушанья изысканные, непривычные русскому желудку, искусные музыканты – в раззолочённых камзолах и напудренных париках – без устали играли что-то восхитительно небесное…

Санька танцевала только с Егором, а он – только с ней да с пожилыми дородными матронами, к которым жена заведомо не могла приревновать.

– Саша, ты опять скоро уезжаешь? – жалобно шепнула ему на ухо Санька во время плавного немецкого менуэта. – Когда? Уже скоро? Надолго?

– На днях, моё сердечко! – честно признался Егор. – Месяца на три, наверное, может, на три с половиной… А когда вернусь, так сразу, вместе с детьми, и отъедем в Александровку нашу желанную. Хоть октябрь месяц и большую часть ноября да проведём там…

Действительно, приходилось торопиться: стояли последние июньские деньки, а ещё предстояло добраться до Воронежа, спуститься по Дону до Азовского моря, выйти в море Чёрное, доплыть до Константинополя, заключить мирный договор с Османской Империей и вернуться к родным российским берегам – до начала затяжных осенних штормов…

Перед самым началом праздничного фейерверка к их столу подошла Петрова сестра Наталья, ведущая за руку царевича Алексея.

– Здравствуйте, тётя Александра и дядя Саша! – звонко приветствовал мальчишка, нетерпеливо приплясывая на месте.

– И вам здравствовать, господа высокородные! – по-свойски подмигнув царевне Наталье, вежливо ответил Егор. – А как, Алексей Петрович, твоё здоровье? После нашего утреннего занятия? Ничего не болит?

– Нормально всё, дядь Саша! – бойко ответил наследник престола российского и вопросительно посмотрел на свою воспитательницу: – Тёть Наташа, вона – Картен Бранд, мой дружок очень хороший. Можно, я к нему один подойду? Нам посекретничать тайно с ним зело надобно!

– Иди уже, иди, пострелёнок, что с тобой поделаешь! – благодушно разрешила царская сестра, выпуская мальчишескую

руку из своей ладони, улыбнулась Егору: – Знаешь, Александр Данилыч, Алёша мне битых два часа рассказывал про ваше занятие утрешнее! Да про то, какой ты у нас сильный да ловкий. Только вот побаливают у мальчонки после этого руки и ноги, да и животик… Он ничего не говорит, но я-то вижу! Может, чересчур ты усердствуешь? Пожалей уж ребёночка-то… Не рано ли ему заниматься карате этим?

– Не волнуйся так, Наталья Алексеевна! – попытался успокоить царевну Егор. – Пока мы с ним один раз в неделю будем заниматься, не чаще. Через годик – посмотрим… А когда я буду в отъезде, то с Алексеем позанимается Вася Волков, ему уже сказано. Это когда царевич уже вернётся из Воронежа…

– Вы уж с братцем-то моим любимым не берите Алёшеньку с собой в Константинополь! – дрогнув голосом, неожиданно попросила Наталья. – Маленький он ещё для дел таких серьёзных да трудных…

– Стоп, стоп! – сильно обеспокоился Егор. – А откуда тебе, царевна, известно, что Пётр Алексеевич собирается лично посетить столицу османскую?

– Да Алёша-племянник и поведал! У государя нынче от сына нет секретов, он ему всё-всё рассказывает, советуется даже…

«Ну и как же в таких условиях можно соблюдать полную секретность? Как надёжную царскую охрану обеспечивать?» – возмутился про себя Егор.

– Поздравляю тебя, Александра! – неожиданно сменила тему царевна. – Такая честь: первая женщина русская, вошедшая в Совет Государственный!

– Спасибо, Наталья Алексеевна! Постараюсь оправдать честь сию! – Санька склонила свою русую голову в почтительном полупоклоне.

Егор отчаянно завертел головой, смотря то на одну красивую женщину, то на другую, выдохнул хрипло и непонимающе:

– О чём это вы, прекрасные дамы? Наталья удивилась в свою очередь:

– Что ж ты, царский охранитель, так и не ознакомился со вторым списком, где перечислены все персоны, приглашаемые на Высший Совет – по отдельным, наиважнейшим вопросам?

– Да нет, как-то…

– Так вот, в списке том – тридцать пять особей мужеского пола и только одна – женского. Твоя собственная жёнушка – дворянка Меньшикова Александра Ивановна, персоной собственной…

– В качестве Главной Сестры Милосердной, – отчаянно покраснев и потупив взгляд, скромно объяснила Санька. – Это

когда война намечается – серьёзная какая, или поход боевой, кровавый…

Настало время фейерверков знатных, «потешных огней» – как тогда было принято говорить. Пётр с сыном, взявшись за руки, дружно и весело бегали между специальными установками и с помощью самодельных спичек конструкции Брюса-Меньшикова поджигали тоненькие шнуры, а потом, когда в небо взлетели крупные разноцветные искры и змеи, хором орали и визжали – громко и восторженно…

Многие высокие гости уже разъехались, Санька отправилась на кухню – записать со слов кухарки Лефортовой рецепт какого-то блюда, произвёдшего на неё неизгладимое впечатление, а Егор, тем временем, залучил хозяина дома в дальнюю резную беседку – для очень важного разговора.

– Что, герр Франц, ты уже собрал вещи-то – для вояжа Константинопольского? Тебе же опять быть Послом Великим! И я так думаю, и князь-кесарь Ромодановский поддерживает это мнение, Шеин с Апраксиным – тоже за…

– Не поеду я в этот раз с вами, Александр Данилович, не обессудь! – огорошил его генерал. – Неважно чувствую себя, останусь на Москве.

– Как же так? – Егор был по-настоящему поражён, это неожиданное решение Лефорта путало все его хитрые планы. А рассуждал он примерно так: «Через два с половиной месяца, исходя из моего знания Истории, герр Франц должен умереть. Но умереть – в промозглой осенней Москве, нелепо и случайно подхватив банальнейшее воспаление лёгких. А что, если он в это время будет находиться на относительно тёплом и сухом морском побережье? Вдруг удастся в очередной уже раз обмануть жестокосердную Историю?» И вот – на тебе: генерал никуда не едет!

– А вот так, – спокойно и несуетливо ответил тем временем Лефорт. – Пётр Алексеевич пошёл мне навстречу и разрешил остаться. Устал я что-то, хочу немного отдохнуть… А одним из Великих Послов ты и будешь, Алексашка. Потому как – заслужил! А в напарники тебе определён дьяк Прокофий Возницын, настоящий – Возницын… Ничего, что я тебя назвал по-старому, без отчества?

– Ничего… – промямлил Егор, совершенно не понимая, что и говорить дальше.

Лефорт грустно и многознающе усмехнулся:

– Ты что-то знаешь, мой мальчик? Знаешь – и волнуешься? Да ладно, брось! Ты – одно знаешь, я – совсем другое. Кто из нас прав? Чьё знание – истинное? Как ты думаешь, может быть такое,

что для кого-то смерть – просто очередной переход в иное качество, или даже – всего лишь смена места работы?

– Даже так…

– Мне это очень трудно объяснить. Ты, скорее всего, не поймёшь… Считай, что у меня здесь было своё, отдельное задание. Вот я его и выполнил, полностью. А теперь возвращаюсь – откуда пришёл когда-то… А ты остаёшься, может даже, и вместо меня. Извини, но давай на этом и закончим сей трудный разговор. И подробных инструкций не жди от меня. Разные у нас с тобой игры, охранитель…

Саньке очень хотелось отправиться в этот увлекательный вояж южный (можно и только до Воронежа!), но дети были ещё слишком малы. Нацеловались, наобнимались вволю, попрощались – со вздохами тяжёлыми и слезинками редкими…

Обоз посольский растянулся на этот раз на целую версту. И людей много – нанятых на государеву службу в недавнем визите европейском – ехало на верфи воронежские, да и всяких гостинцев для предстоящих переговоров с османами: пушнина русская, штуки бархата и шёлка, ружья и пистолеты европейские, золотые украшения – из царских закромов, щедро отделанные жемчугами да самоцветами. Для охраны сего бесценного (во всех отношениях) каравана было выделено четыре эскадрона драгун, да и при каждой карете и повозке состояло по три надёжных человека: ямщиками выступали проверенные и обученные Егоровы сотрудники, рядом с каждым ямщиком сидел вооружённый солдат-преображенец, второй преображенец находился на запятках кареты или повозки.

Егор, за сутки перед отъездом пожалованный званием генерал-майора, ехал в царской карете – вместе с Петром и его сыном Алексеем. Кучером царским являлся поручик Алёшка Бровкин, компанию ему (вместо простых солдат) составляли два подполковника: Андрюшка Соколов – батальонный командир Преображенского полка и Василий Волков – Егоров заместитель по делам охранным.

За каретой следовал возок попроще, в котором располагался царский повар Антоха, он же – специалист по всяким ядам и противоядиям. Антоху сопровождали две низенькие и смешные китайские собачки, надрессированные по запаху определять всякую гадость, могущую нанести вред государеву организму.

Егор всегда помнил, что, несмотря на всё многообразие чинов и обязанностей, свалившихся на его голову (постоянный член Высшего Государственного Совета, генерал-майор, командир полка Преображенского, дворянин, помещик, глава семейства,

фабрикант, поставщик продовольствия и прочего для армейских нужд, начальник оружейной лаборатории, Великий Посол), он, прежде всего, царёв охранитель, обязанный тщательно и вдумчиво оберегать жизнь и здоровье Петра, государя российского.

Алексей Петрович, устав от созерцания через окошки каретные нехитрых российских пейзажей, наконец, угомонился и уснул, пристроив свою курчавую голову на отцовских костистых и угловатых коленях.

– Я тут Указ издал ещё один, перед самым отъездом, – хмуро сообщил Пётр, ласково разглаживая своей большой ладонью тёмно-каштановые волосы сына. – Про то, чтобы Евдокию, мать Алёшкину, в монастырь сослали – на вечные времена. Дура она набитая, ничего не понимает в жизни: лишь бы пошлую лесть выслушивать да гордыней упиваться собственной… Что, Алексашка, не одобряешь, небось?

– Твоя воля, государь! – нейтрально вздохнул Егор, прекрасно понимая, что царь завёл этот разговор совсем не просто так. – Твоя воля…

Помолчали несколько минут.

– А что, если мне жениться на Анне Монс? Царицей её сделать – российской, полноправной? – негромко и вкрадчиво спросил Пётр. – А что тут такого? Женщина она красивая, неглупая, обученная политесу, вона – мажордома завела у себя, слуг ливрейных… Не, а что делать, если твой доктор Жабо мне запрещает с женщинами русскими в связь вступать серьёзную, плотскую? Царю быть неженатым – не по-людски это, народ не поймёт… Опять же, Алексею нужен надзор материнский. Сестра Наташка – молодец у меня, да не то это совсем. А Аннушка Монс умна, она всё правильно делать будет… Как думаешь, охранитель верный? Или что знаешь нехорошее про Анну? Тогда говори, не молчи! Что, путается постоянно – с мужиками всякими? Так не беда то! Станет настоящей, законной царицей – сразу перестанет путаться: под страхом дыбы и топора!

– Прав ты, государь! – Егор начал издалека. – Нет в том беды большой, что Анна Монс, когда ты бываешь в отъездах долгих, знается с мужчинами другими… Она же – не жена венчанная тебе, в конце-то концов. Действительно, поправимо это. Но вот только одно смущает меня сильно…

– Говори же, сукин кот, не тяни жилы! – злым шёпотом, чтобы не разбудить сына, приказал Пётр.

– Вот эти тёплые отношения её – с саксонским посланником Кенигсеком… Одно дело – утехи плотские скоротечные, а тут серьёзно всё. Так и до государственной измены недалеко, шаг

всего один…

– Да, это дело меняет! – подумав с минуту, невесело изрёк царь. – Мне не нужна жена, замешанная в дела политические, скользкие… Мне нужна просто жена, верная, любящая. Женщина, одним словом. Ладно, с Анной я потом разберусь! – неожиданно посуровел взглядом, спросил – уже требовательно и жёстко: – А что по поиску той наяды, что привиделась нам с тобой, Алексашка, над озере Ладожском?

Совсем не хотел Егор говорить на эту тему, берёг своё знание о Марте Скавронской – как туза заветного, козырного, но почувствовал – на уровне подсознания, что надо сейчас шепнуть Петру хоть что-нибудь позитивное, пока тот не наделал всяких глупостей.

– Есть, мин херц, некоторые успехи! – улыбнулся скупо, но при этом – чуть загадочно.

– Ну? Подробнее давай! Быстро! А то в морду получишь! – Царь окончательно перешёл на шёпот, почувствовав, что спящий Алексей беспокойно заворочался.

Егор тоже заговорил – едва слышно:

– Александра, жена моя, рисует здорово парсуны и картины разные. Виды природные, цветы, лошадей и птиц, лица человеческие. Так вот, Санька – с моих слов, нарисовала портрет той странной особы. Лицо только – без прочих разных прелестей, обнажённых тогда… Показывал я тот портрет самым разным людям: своим сотрудникам, купцам русским и иноземным, офицерам, генералам и адмиралам, поступившим к нам на службу из стран европейских. Некоторые из них сказали, что видели девушку похожую…

Санька действительно нарисовала портрет Марты (будущей Екатерины Первой), а вот всё остальное Егор уже присочинил – самым бессовестным образом.

– Кто она? Где живёт? – Пётр нетерпеливо заблестел глазами.

– Вот здесь – не всё понятно до конца! – импровизируя, Егор – словно бы в нешуточной задумчивости – наморщил свой лоб. – Одни говорят, что особа сия – графиня Саксонская, и лет ей сейчас – уже далеко за сорок. – Пётр помрачнел и нахмурился. – Другие утверждают, что это – шведская мещаночка, тоже не молоденькая уже, живёт где-то под городом Стокгольмом…

– Тот ещё вариант! – прокомментировал царь.

– Ещё купчик один, что некоторые дела торговые имеет с Лифляндией, утверждает, что девицу эту Мартой зовут, видел он её в тамошней крепости Мариенбурге, что выстроена на большом озёрном острове.

– А этой барышне сколько будет годков? – с надеждой

спросил Пётр.

– Пятнадцать, может, шестнадцать, она простая служанка в доме пастора тамошнего, католического.

– Это уже интереснее! Послал человека в Мариенбург?

– Нет ещё, мин херц! – Егор решил, что дальше врать не имеет никакого смысла.

– Почему?

– Мариенбург сей сейчас шведами занят. Туда надо обязательно иноземца посылать, или нашего человека, но языки всякие знающего, с корнями заграничными. При этом – шустрого, сообразительного, понимающего, умеющего язык держать за зубами… Дело это – зело щекотливое, мин херц!

– Есть такой человек! – тут же радостно заявил Пётр. – А зовут его…

– Яков Брюс его зовут! – невежливо перебил царя Егор. – Так Яшка-то наш ещё не приехал из Европы. Вот Пётр Алексеевич, я и решил – подождать немного. Вернёмся из этого Константинополя, сразу же и пошлём полковника Брюса аккуратно выкрасть ту Марту Скавронскую и тайно доставить её в Москву…

Над воронежскими степями завис – в лёгкой полудрёме – ленивый летний зной, иногда с диких степей налетал, бросая в лицо горсти раскалённого песка, колючий южный ветер, Дон-батюшка застыл – на много вёрст зеркалом венецианским, над которым поднимались частые белые спирали пара от воды испаряющейся…

Речка Воронеж (одноимённая с городом), до самого своего слияния с великим Доном, была густо заставлена новенькими судами: бригантинами, галерами, стругами, каторгами, серьёзными многопушечными кораблями.

– Вот, государь, трудимся без роздыха! – устало докладывал Фёдор Апраксин – архангельский корабельных дел мастер, два года назад опрометчиво согласившийся переехать на воронежские верфи. – День и ночь идёт работа! Третьего дня полностью закончили отделку «Крепости». Добрый получился корабль: устойчивый на крутой волне, ходкий, оснащён сорока пушками. Сейчас готовим его в путь дальний…

Трёхмачтовый «Крепость» величественно покачивался посредине глубокого речного омута, крепко привязанный к многочисленным деревянным длинным сваям, вбитым в илистое дно. К чёрному, свеже просмолённому борту корабля постоянно, сменяя друг друга, подплывали многочисленные струги и каторги.

– Уже на дно трюмов разместили мешки с песком и камнями

– для балласта при сильной морской качке. Теперь порохом грузим, ядрами, гранатами картечными, ружейными патронами, – пояснял Апраксин. – Как закончим с припасами огненными, сразу перейдём к продовольствию, большим бочкам с водой и вином. Потом уже загрузим грузы Посольства Великого: сундуки со златом и серебром, украшениями разными, самоцветами уральскими необработанными, мехами ценными…

– Кто капитаном назначен на «Крепости»? – спросил царь.

– Португалец Памбург. Дельный моряк, знающий. Правда, злой, как сам чёрт, чуть что не так – драться начинает…

– То и ничего! – понимающе ухмыльнулся Пётр. – Я тоже на руку горяч да скор! Да и мужики наши русские не могут работать дельно – без зуботычины хорошей… А кто поведёт всю эскадру? Вице-адмирал Крейс?

– Так точно! Настоящий адмирал, важный такой, на всех смотрит сверху вниз, всё пыхтит презрительно, плюётся во все стороны – что тот верблюд астраханский…

Над Воронежем (и над городом, и над рекой) без умолка стучали плотницкие топоры и специальные деревянные кувалдочки, с помощью которых судовые мастера конопатили дощатые борта лодок и кораблей. Повсюду густо дымили большие котлы с кипящей смолой, весело звенели кузнечные молоты и молотки, тягуче и тонко визжали ручные пилы, с помощью которых плотники «разбирали» толстенные брёвна на ровные доски.

– Ещё надо месяц ждать, чтобы достроили все суда! – густо дымя своей курительной трубкой, важно сообщил вице-адмирал Крейс.

– Отплываем послезавтра на рассвете! Теми кораблями и лодками, кои готовы! – кратко скомандовал Пётр, резко развернулся и, под удивлённым взглядом голландца, нервно зашагал вдоль пологой речной косы. Царевич Алексей, радостно подпрыгивая и кружась, бросился догонять отца…

Вечером, отправив Алексея кататься на новенькой парусной бригантине в сопровождении его тёзки-Бровкина и португальца Памбурга, Пётр велел Егору:

– Давай, Алексашка, созови всех дельных людей – через час, в избу адмирала Апраксина. Посовещаемся, послушаем дьяка Возницына (настоящего!), он только что вернулся из Карловиц на Дунае, с очередных переговоров о мире. Выпьем, заодно, по-человечески, поболтаем о мирском…

Для начала успешного разговора они слегка перекусили – пищей обычной, корабельной: серый ржаной хлеб, солонина, щедро нашпигованная чесноком, холодная жареная поросятина,

копчёные говяжьи языки, квашеная капуста и редька, ранние яблоки. Да и напитки были простыми, но крепкими: зубровка, анисовка, ром ямайский. Окошки в адмиральской (Начальника Адмиралтейства) избе были маленькие, наполовину даже слюдяные, поэтому сидели при свечах. Было достаточно жарко, вследствие чего все приглашённые сняли свои сюртуки, развесили на вбитых в бревенчатые стенки гвоздях шляпы и парики.

Пётр, предварительно махнув правой рукой, мол: «Сидите уж!», неторопливо поднялся со скамьи:

– Ну, други мои, теперь немного послушаем нашего дипломата славного, занимающегося делами турецкими, Прокофия Возницына, всем вам известного!

Царь снова уселся на своё место, многие, знающие, под какой личиной Пётр Алексеевич путешествовал по Европе, слегка хмыкнули, но тихонько так, чтобы не навлечь на себя неудовольствия царского.

Дьяк Возницын, поправив на носу свои очки, оснащённые большими круглыми стёклами, встал так, чтобы быть видимым всем присутствующим, принялся бойко и доходчиво излагать:

– Переговорил я тайно в Карловицах с турецкими послами: рейс-эфенди Рами и тайным советником Маврокордато – о возможностях замирения временного. Нашли понимание, на день сегодняшний у нас с Османской Империей – временное перемирие. А вот с соглашением о мире прочном, на несколько лет – вышла закавыка… Дипломатия восточная – она особая. Требует переговоров долгих, пышности разнообразной…

– Нет у нас времени на переговоры долгие и пышность всякую! – перебил царь. – Ты, дьяк, предлагай, как нам быстро сладить то дело мирное! Хотя бы лет на пять, а ещё лучше – на семь…

– Удивить надо османов! – уверенно заявил Возницын. – Если их сильно поразить, то они на всё готовы! Восток – дело тонкое… А мир с Россией очень сейчас важен для Турции. Они даже и с поляками мириться готовы. Больно сильно их потрепал маршал Венский, принц Евгений Савойский: земель отнял много, городов и деревень. И в венгерских краях, и в семиградских, и в морейских… Османская Империя сейчас мыслит только об одном: вернуть назад те потери срамные. Но всё равно – надо проявить напор и настойчивость… И ещё одно. Надо, чтобы при этих решительных переговорах с османами рядом не было бы других дипломатов: цесарских, польских, французских, английских… Тогда всё и сладится…

– Понятно, Прокофий! – милостиво кивнул дьяку Пётр, после

чего хитро посмотрел на Егора и спросил – с лёгкой ехидцей: – А что думает по вопросу турецкому наш второй Великий Посол?

Егор вставать со скамьи не стал (генерал-майор всё же!), лихо махнул очередную чарку зубровки и спросил у Возницына:

– Если мы солидной эскадрой нагрянем прямо в Константинополь: с салютом пушечным, флагами развевающимися, музыкой, прочим шумом великим? Будет то для османов удивительным и поразительным?

Дьяк, сам удивлённый таким неожиданным вариантом, радостно закивал головой:

– Это было бы действенно! Турки до сих пор не верят, что на реке, удалённой от моря на тысячи вёрст можно построить настоящий и крепкий флот, способный смело и успешно бороздить моря…

– Вот мой ответ, государь! – обратился Егор к Петру. – Незамедлительно плыть эскадрой солидной к Константинополю турецкому! А для переговоров у меня припасена ещё одна шутка знатная. Понравится она туркам, всенепременно…

Часа через два после восхода солнца «Крепость», шедший первым, войдя в Дон, произвёл залп (холостой, конечно же) всеми восемнадцатью пушками правого борта, приветствуя великую русскую реку и одновременно подавая знак остальным судам эскадры неукоснительно следовать за собой.

А эскадра получилась знатной, за «Крепостью» следовало: двадцать двухпалубных кораблей, тридцать галиотов, двадцать пять бригантин и порядка пятидесяти каторг, яхт и галер. Это не считая шестисот стругов, заполненных бородатыми казаками (казакам – всех званий – царь отдельным Указом разрешил не брить бороды).

Зелёновато-изумрудные, бескрайние степи, тревожно и остро пахнущие чуть горьковатой полынью, густые прибрежные дубовые и буковые рощи, красивейшие пойменные озёра, заросшие цветными камышами.

– Красиво-то как! – без устали восхищался царевич Алексей, с любопытством вертя во все стороны своей кудрявой головой. – А вы ещё не хотели меня брать с собой, зануды!

Пётр виновато подмигнул Егору, мол: «Извини, брат, не смог отказать ребёнку!»

– Дядь Саша! – предложил жизнелюбивый и подвижный Алексей. – А чего время терять зазря? Давай карате займёмся!

– Прямо здесь?

– А что? Места тут хватает…

Егор, царевич и Алёшка Бровкин переоделись в кимоно,

пошитые преображенскими швеями-мастерицами и предусмотрительно захваченные с собой, приступили к занятиям экзотическим под восхищёнными и удивлёнными взглядами матросов, офицеров, адмиралов, Петра и прочей разношерстной публики.

– Молодцы! – подбадривал царь. – Покажите им всем, что русские умеют!

Каждый вечер перед красивейшим южным закатом с «Крепости» (адмиральского корабля) стреляла носовая пушка – громко, на всю реку, потом били склянки – звоном хрустальным. Вся эскадра дружно убирала паруса, слышались звонкие всплески – от падения тяжёлых якорей в тёмную речную воду.

Когда ночи были тёплыми, без дождей, то на берегу разжигали костры, долго сидели вокруг них, болтали – иногда до самого рассвета. Царевичу Алексею эти рассветы и нравились больше всего. Как заворожённый, мальчишка сидел по-турецки на берегу реки, почти не дыша, смотрел немигающими глазами на восток, где всеми оттенками розового и алого разгоралась юная степная заря…

Егор и Пётр понимающе переглядывались между собой: будет из паренька толк, обязательно будет!

Эскадра плыла мимо жёлтых обрывистых берегов, на которых стояли сторожевые казачьи городки, обнесённые земляными валами и высокими плетёными изгородями.

Иногда по берегу эскадру сопровождали отряды конных казаков и башкир.

Наконец, впереди показались элегантные и светлые бастионы Азовской крепости, река начала разделяться на отдельные рукава.

– Отдать якоря, лентяи! – с чудовищным акцентом, по-русски приказал Корнелий Крейс.

– Зачем остановка сия? – тут же забеспокоился Пётр. – До моря-то – рукой подать…

Адмирал флегматично пожал плечами, ответил уже на голландском языке:

– Казак-лоцман говорит, что здесь судоходное русло Дона постоянно перемещается – из стороны в сторону. Необходимы тщательные промеры всех рукавов устья, иначе двухпалубные корабли могут крепко сесть на мель.

Старательно промерили Кутюрму – один из самых широких рукавов Дона.

– Есть маршрут! – обрадовал адмирал Крейс. – Только придётся разгрузить все большие корабли: освободить их трюмы от балласта и всех прочих грузов, включая продовольствие, питьевую воду и порох. Хлопотно это, но придётся сделать…

Двое суток – всё светлое дневное время – казаки загружали на гребные струги всё, что только можно было убрать из корабельных трюмов, и старательно гребли к Таганрогу. На третье утро адмирал решил, что можно начинать спуск к морю.

– Авось – прорвёмся! – заявил Крейс по-русски, ну и ещё добавил несколько солёных русских словечек, до которых был всегда охоч.

Порядка семидесяти гребных стругов и каторг медленно тронулись вперёд, ведя за собой на толстых канатах, словно собачонку на поводке, громоздкого «Крепость». Через час за адмиральским судном проследовали и остальные: «Воронеж», «Азов», «Гут Драгерс», «Апостол Пётр», другие… Вся эскадра встала на рейде Таганрога, спрятавшись от морских волн за высоким молом, началась обратная загрузка в трюмы балласта, пороха и всего прочего. Заодно конопатили рассохшиеся за время долгого плавания борта кораблей, наспех обмазывали их разогретой смолой.

Царевич Алексей предпринял очередную попытку уговорить отца взять его с собой в Константинополь.

Пётр, обычно грубый и решительный, перед мальчишкой только бледнел и мычал что-то неразборчивое, бросая на Егора умоляющие взгляды. Пришлось под благовидным предлогом залучить Алексея на самый край мола и поговорить с ним «как мужчина с мужчиной», наобещать чёрт-те чего, польстить, приврать, напустить разного цветного тумана…

– Ладно, я всё понял! – сдался, в конце концов, царевич. – Поеду с подполковниками Волковым и Соколовым обратно, на Москву. Тёте Александре и дяде Францу передам все секретные указания, присмотрю тайно за князем-кесарем – чтобы дров не наломал…

Вскоре, дождавшись устойчивого попутного ветра, «Крепость» в сопровождении других судов, могущих ходить под парусами, вышел в открытое и беспокойное Азовское море, держа курс на юго-запад. Через трое суток с левого борта показалась Тамань. Эскадра медленно и целенаправленно пересекла неширокий пролив, в виду древних стен Керчи «Крепость» произвел холостой пушечный выстрел, подавая условную команду на остановку.

Загремели якорные цепи, корабли, выстроившись в два относительно ровных ряда, замерли, слегка покачиваясь на мелкой волне.

– Ерунда какая-то – а не крепость грозная! – оторвавшись от окуляра подзорной трубы, презрительно объявил Пётр. – Ни фортов тебе, ни бастионов! Стены и башни даже обвалились

местами. Тоже мне, твердыня! А у самого причала болтаются всего четыре корабля серьёзных…

– Мин херц! – обрадовался Егор, наблюдая за берегом в свою подзорную трубу. – А турки-то засуетились, вона, сколько их высыпало на стены – чисто клопов на московском постоялом дворе! Все в шароварах разноцветных, ручонками размахивают…

Ещё через час к борту «Крепости» подошла одномачтовая фелюга с низкой посадкой и приняла на борт Егора и Алёшку Бровкина, разодетых по последней европейской моде: с многочисленными перстнями, оснащёнными крупными самоцветами, на пальцах и драгоценными брошами, воткнутыми в отвороты камзолов и нагрудные кружева, на левом боку у каждого болталось по длинной шпаге – в богато украшенных ножнах.

– Чисто ёлки новогодние, которые мы видели в Амстердаме! – восторгался Пётр. – Только жарко сейчас, вспотеете… Ну-ка духами побрызгайтесь иноземными. Больше лейте, не жалейте! Вы там, други мои, ужо, в грязь лицом не ударьте! Несите чушь всякую, важность напускайте… Главное, чтобы они эскадру пропустили мимо крепости – без единого пушечного выстрела. Как ты, Прокофий, говорил-то тогда, в избе у Апраксина?

– Удивить надо османов! – словно поцарапанная грампластинка, басом забубнил Возницын. – Если их сильно поразить, то они на всё готовы! Восток – дело тонкое…

В фелюгу, кроме Егора и Бровкина, уселись два переводчика посольских, по фамилиям Лаврецкий и Ботвинкин.

– Какими языками владеете, толмачи уважаемые? – строго спросил Егор.

– Турецким, персидским, арабским – оба владеем, – сообщил Лаврецкий.

– А европейскими – какими?

Ботвинкин, явно смущаясь, промямлил чуть слышно:

– Я по-аглицки могу, немецкий знаю немного, французский…

– Ну, вот и ясна диспозиция наша! – обрадовался Егор. – Я говорю на английском языке, поручик Бровкин – на немецком, Ботвинкин переводит это всё на русский, а Лаврецкий, в свою очередь, на турецкий… Блеск полный!

– Солидно получится! – одобрил Алёшка. Лаврецкий, удивлённо подёргав себя за длинный ус, нервно откашлялся и спросил нерешительно:

– А зачем всё это, господин генерал-майор? Я хотел сказать, что сложно оно как-то…

– Так надо, любезный мой! – Егор, входя в предстоящую роль, надулся от важности, презрительно подрагивая уголками

выпяченных вперёд губ. – Не вашего ума это дело! И вообще, запомните хорошенько: меня зовут – сэр Александэр, я лорд и пэр английский, а поручика Бровкина кличут – маркиз де Бровки, с ударением на слоге последнем… Запомнили, доходяги? Ну и ладушки! Так нас османам и объявляйте…

Фелюга плавно пристала к низенькому каменному причалу, где их уже ждали два важных османских чиновника: в красных кафтанах, с белыми чалмами на головах, на ногах турок красовались розовые атласные туфли – с длинными острыми носками, круто загнутыми вверх.

– Эй, толмачи хреновы! – тихо скомандовал Егор. – Первыми вылезайте на причал, а нам с маркизом руки подавайте, да кланяйтесь пониже, кланяйтесь…

Воспользовавшись помощью переводчиков, они выбрались на керченский берег, осмотрелись по сторонам.

– Смотри-ка, маркиз, какие у османов туфли знатные! – радостно оповестил (на языке английском) Егор. – Только в таких, должно быть, бегать очень уж неудобно…

– Это точно, сэр Александэр! – поддержал его (на немецком языке) новоявленный маркиз де Бровки. – А бороды-то у них смешные, уписаться можно: у одного почти красная, а у второго и вовсе – оранжевая… Эй, Ботвинкин, мать твою! Этого не надо переводить! Представляйте нас, как предписывает этикет ихний, басурманский…

Лаврецкий и Ботвинкин по очереди, сменяя друг друга, разразились целым потоком непонятных цветастых фраз, причём создавалось устойчивое впечатление, что каждой пятой фразой была – «сэр Александэр», а каждой четвёртой – «маркиз де Бровки».

Егор достал из кармана сюртука громоздкий монокль в золотой оправе, сделал два шага вперёд, поднёс монокль к глазам и почти в упор уставился на краснобородого турка.

Тот от неожиданности чуть отшатнулся в сторону и что-то быстро-быстро залопотал – одновременно возмущённо и подобострастно, испуганно поглядывая на Лаврецкого.

– Чего надобно сему уроду? – оторвался от монокля Егор, сделав удивлённые глаза.

– Спрашивает, что ему передать высокородному Муртазе, паше турецкому.

– Что? – громко возмутился Егор. – Вели этой мартышке бородатой, чтобы немедленно отвёл нас к означенному Муртазе свинскому! Немедленно – я сказал! – гневно притопнул каблуком своей туфли по камням причала.

– Не полагается так! – испуганно зашипел по-русски

Ботвинкин. – Турки не могут так сразу начинать прямые переговоры, сперва надо все процедуры соблюсти, этикет восточный…

– Ты что, сучий выползок, на непонятном мне языке разговариваешь? – Егор уже вошёл во вкус своей английской роли, даже шпагу свою со звоном несколько раз демонстративно бросил туда-сюда в ножнах. – А процедуры всякие, пусть они в задницы свои жирные запихают! Переведи ему, что я – личный друг королевы английской, а маркиз – сводный братишка короля французского! Переводи, кому сказано, на каторге сгною…

Через полчаса они уже предстали перед крохотные поросячьи очи высокородного Муртазы.

– Разрешите поинтересоваться, дорогой сэр Александэр, по каким делам вы направляетесь в Константинополь? – вежливо, но твёрдо спросил керченский паша на очень плохом английском языке.

– Личное дело – к самому Небесному Султану! – важно, гордо глядя поверх белоснежной чалмы мурзы, ответил Егор. – Торговое дело – на сотни и сотни тысяч гульденов. На сотни сотен тысяч гульденов! И большая их часть пойдёт в личную казну Небеснородного! Понял ты меня, паша Муртаза?

Турок очень сильно побледнел (личная казна Небеснородного – дело страшное, тут потерять голову бородатую – раз плюнуть!) и закивал головой:

– Я всё понял, сэр! Но зачем так много здесь кораблей русских? Говорят, что на одном из них находится сам русский царь?

– Нет, царь со своим сыном решили вернуться в Воронеж. А корабли русские меня сопровождают! Эскорт почётный, так сказать, положенный по моей миссии высокой! Да и посланника русского я везу с собой, навязался, понимаешь… Но это – неважно всё! Главное – казна Султана Высокомудрого и Светлого! Хорошо, паша Муртаза, я пойду тебе навстречу: возьму с собой… – Егор старательно изобразил благородную задумчивость, – всего десять кораблей, остальные пусть возвращаются обратно, к Азову, мне они не нужны…

На следующее утро «Крепость» в сопровождении девяти русских и двух турецких кораблей (ещё один турецкий бриг остался у крепостных стен Керчи, а другой минувшим вечером спешно отбыл в Константинополь – с вестью о неожиданных визитёрах) вышел на просторы Чёрного моря.

– Хвалю, просто отлично сработали! – Пётр ласково приобнял за плечи Егора и Алёшку Бровкина. – Да, а что же теперь делать-

то – со званьями вашими высокими? Эй, Прокофий! Тащи сюда бумагу и чернила! Придётся узаконить эту шутку дурацкую… Кстати, Алексашка, и чёрт тебя дёрнул обозваться пэром? Чего не просто бароном, или там – графом?

– Так ведь, мин херц, вы же сами с Возницыным велели: «Удивляйте, поражайте!» Старались мы с Алёшкой…

Ещё через пятнадцать минут на свет появился новый царский Указ,[14] согласно которому в России вводились новые (помимо традиционных князей) титулы благородные: графы, бароны, маркизы и пэры.

Егору было пожалован первый титул пэра, Алёшка же Бровкин, бывший некогда обычным крепостным крестьянином, стал первым маркизом русским…

Глава двадцатая
Константинопольский вояж

Русская эскадра, сопровождаемая турецкими судами, аккуратно по широкой дуге обогнула керченский мыс и, подгоняемая умеренным попутным ветром, уверенно двинулась вдоль южных крымских берегов. Прошли мимо Балаклавы, окружённой высокими жёлтыми скалами и издали очень сильно напоминавшей большой среднеазиатский аул.

Ветер усилился. Памбург, кратко переговорив с адмиралом Крейсом, велел матросам прибавить парусов. Все остальные русские суда послушно повторили манёвр своего адмиральского корабля, на самом большом турецком бриге, который нёс на клотике передней мачты вымпел знаменитого адмирала Гассан-паши, коротко гавкнула носовая пушка, на мачте взвились цветные флажки-вымпела.

Памбург торопливо подбежал к Петру, мрачно и зло сдвинув свои густые чёрные брови, спросил по-голландски:

– Турецкие корабли очень тихоходны. Просят нас убавить парусов и плыть вместе с ними. Что будем делать, государь?

Пётр, которого уже достаточно сильно мутило от бортовой качки, только отмахнулся:

– Делай, капитан, что хочешь! Лишь бы быстрей всё это закончилось…

Португалец проследовал на корму, где располагался капитанский мостик, сложил ладони рупором, громко скомандовал:

– Ещё добавить парусов! Ставим фор-бом-брамсели! Потом – грот! Потом…

Через полчаса прозвучала новая бодрая команда:

– Готовиться к повороту! Уходим в море! Поворот – на левый борт!

«Крепость», подавая пример другим судам, осуществил задуманный своим капитанам манёвр и взял курс на Константинополь, некогда именовавшийся Царьградом…

– Неплохо было бы догнать тот турецкий корабль, что раньше нас вечером вчерашним, ушёл к Османской столице! – высказал своё пожелание Егор.

– Догнать – вряд ли получится: в море – тысячи тысяч дорог разных, – невозмутимо ответил ему португалец. – А вот перегнать – это запросто! Если, конечно, Бог поможет всемогущий…

Ветер набирал силу, волны становились всё выше и выше,

корабельный караван стал неуклонно растягиваться по бескрайней глади Чёрного моря. Первыми отстали и исчезли из вида тихоходные турецкие суда, потом и русские корабли, один за другим, начали отставать от своего флагмана. За «Крепостью» смогли удержаться только «Воронеж» и «Апостол Пётр». Так и шли втроём – через тёмно-серую пучину, у которой, как казалось иногда, нет ни конца, ни края…

День шли, ночь, ещё – день, снова – ночь… Болтанка, качка, всё Посольство Великое, Егора включая, лежало в лёжку по своим каютам и пошло блевало – без устали и роздыха. Один Алёшка Бровкин, он же – маркиз де Бровки, держался бодрячком и даже иногда подменял на капитанском мостике самого Памбурга.

Ранним утром шестого дня этого плавания Егор, превозмогая предательскую слабость, поднялся на палубу – глотнуть живительного морского воздуха. Алая заря неуверенно и робко просвечивала местами сквозь рваные, тёмно-фиолетовые облака, ветер заметно стих, волны явно поумерили свою неуёмную прыть.

– Как дела? – прокричал Егор в ухо Памбурга.

Тот в ответ только неопределённо передёрнул узенькими плечами, заключёнными в тёмно-коричневый камзол, и длиннющими чёрными усищами, лихо закрученными своими кончиками вверх, мол: «Чёрт его знает – как эти дела!» А своим указательным пальцем, густо поросшим рыжими толстыми волосинками, португалец ткнул в облачно-голубое небо, где кружила большая стая крикливых и наглых чаек. Егор так и не успел понять глубинного смысла этого жеста…

– Земля! Земля! Земля! – истошно завопил из марсовой бочки юнга-казачонок. – Вижу землю! Над ней торчат какие-то блестящие палки…

Ещё через час из низких облаков (серой прибрежной дымки?) выступили таинственные, нежно-голубоватые холмы Босфора, тут и там замелькали бело-серые паруса, волны, словно по мановению длани кого-то Всесильного, превратились в лёгкую и безвредную рябь, злой ветер неожиданно перевоплотился в тёплое и ласковое дыхание маленького безобидного котёнка.

– Прибраться на палубе! – скомандовал (по-голландски) вице-адмирал Крейс. – Будите людей посольских, музыкантов! Всем привести в порядок свою одежду! – вежливо обратился к Егору: – Сэр Александэр, не будете ли так любезны довести мои указания до сведения ваших уважаемых соотечественников?

Уже значимо за полдень русские корабли мимо грозных сторожевых башен вошли в вожделенный Босфор.

Над чёрными бортами «Крепости» звучала громкая и величественная музыка, Памбург взмахнул рукой, и дружно

выстрелили корабельные пушки – хитрыми зарядами: в бездонное голубое небо взвились яркие искры приветственного фейерверка. Через минуту аналогично отсалютовали благословенным турецким берегам «Воронеж» и «Апостол Пётр».

Адмирал Крейс, оторвавшись от окуляра своей подзорной трубы, почтительно обратился к Петру:

– Государь, на специальных крепостных шестах турки подняли сигнальные флаги. Спрашивают, какой стране принадлежат наши корабли? С какой целью мы прибыли? Нужен ли нам лоцман? Что отвечать им, государь?

– Раз спрашивают про лоцмана, значит, уже прекрасно поняли – кто мы и откуда! – довольно прокомментировал Пётр, а адмиралу ответил так: – Герр Корнелий, с этого момента на борту «Крепости» больше нет русского царя, он давно уже вернулся в Воронеж. Понимаете меня?

– Не очень! – честно признался Крейс. – А кто тогда есть – на борту корабельном?

– Пётр Михайлов, бомбардир пушечный! Вот так и никак иначе… А все вопросы задавать необходимо Послу Великому! С момента этого он за всё отвечает, головой собственной! – Царь ткнул своим пальцем в грудь Егора. – Ну, генерал-майор, сэр Александэр, что отвечать басурманам?

– Ну и пальцы у тебя, мин херц, железные прямо! – болезненно поморщился Егор. – Ты уж это, поосторожней тыкай ими… Что туркам передать? Отвечайте так, господин вице-адмирал: все корабли принадлежат русскому Великому Посольству, цель визита – мирные и торговые переговоры, – подумал и уточнил: – Торговые – в первую очередь! Потому как, где торговля взаимовыгодная – там и мир надёжный… Что там ещё? Ах, да, передайте: на подходе ещё семь кораблей! Лоцман?

Это ваша компетенция, любезный мой мистер Крейс, сами решайте, посоветуйтесь с капитаном…

– Зачем нам, спрашивается, лоцман? – спесиво проворчал адмирал, направляясь к капитанскому мостику. – Мы что же с капитаном Памбургом – дети малые?

Русские корабли, убрав большую часть своих парусов, медленно продвигались по проливу. По левому берегу тянулись бесконечные поля, засеянные самыми разными сельскохозяйственными культурами, на пышных лугах паслись большие стада упитанных белых овец. На правом же берегу утопали в густой зелени садов черепичные крыши белостенных домиков и шикарных многоярусных дворцов, над которыми возвышались купола и шпили многочисленных минаретов.

– Умно это! – решил Пётр. – На одном берегу сеют и пашут,

на другом – жизнью наслаждаются. Разделение такое. А у нас в России – всё в куче единой, где жрём, там и… А тут – запах какой! Какой запах, Алексашка!

Пахло, действительно, чудно: розами, морем, свежестью…

– Знаешь, мин херц, в моей Александровке тоже славно пахнет! – упрямо возразил царю Егор. – И в лесах русских – знатные ароматы! Москва-город – это ещё не вся Россия, так, только крохотная часть её. Причём, загаженная такая – во всех смыслах, часть…

Встали на якоря – уже на ярко-кровавом закате, в трёх с половиной милях от славного града Константинополя. Через тридцать минут мимо них, не останавливаясь, проследовал турецкий бриг, отчаливший из Керчи на добрую половину суток раньше.

Наступила чёрная южная ночь, только слегка разбавленная жидким звёздным и лунным светом.

– Какие здесь звёзды! – восторгался Пётр. – Крупные, лучистые, яркие!

– Это ты, мин херц, ещё тропического неба ночного не видел… – ляпнул Егор, которому довелось однажды, в той его жизни, как-то провести две недели между тропиком Рака и тропиком Козерога, и тут же мгновенно прикусил язык.

Но царь отнёсся к этим его неосторожным словам достаточно легкомысленно, только пропыхтел презрительно:

– В тропиках он был, как же… Заврался ты совсем, Алексашка! Наслушается баек купеческих, и давай языком молоть без устали…

На туманно-сером рассвете рядом с «Крепостью» бросили якоря отставшие русские суда, после завтрака появились и два припозднившихся турецких корабля, которые, обойдя русскую эскадру, заякорились на четверть мили ближе к столице Османской Империи, словно бы перегораживая незваным гостям дорогу к прекрасному городу.

– Капитан Памбург, поднимите на мачте сигнал, что мы хотим посетить с визитом великолепного и храбрейшего адмирала Гассан-пашу. Желаем, мол, засвидетельствовать своё безграничное почтение, одарить скромными подарками.

Вскоре португалец на английском языке доложил:

– Сэр Александер! Гассан-паша выразил своё согласие принять вас незамедлительно!

Гребная шлюпка пристала к турецкому флагману, вице-адмирал Крейс, Егор и Алёшка Бровкин, все разодетые в пух и прах, взошли по специальному парадному трапу на борт корабля.

Следом за ними два дюжих моряка подняли тяжеленный сундук, третий матрос (слегка загримированный Пётр – в соответствующей одёжке) притащил на своих плечах две пухлые связки мехов.

Турецкий адмирал, облачённый в шёлковый светло-розовый халат и белоснежную чалму, вышел им навстречу, в знак приветствия поочерёдно приложил пальцы правой руки к своему лбу, бороде и груди, проговорил – на неожиданно приличном голландском языке, лукаво посверкивая умными чёрными глазами:

– Добро пожаловать, господа! Я рад вам, сэр Александэр, и вам, маркиз! Но, не обижайтесь, особенно я счастлив видеть господина адмирала Крейса! Всё дело в том, что в период своей молодости наивной я три года провёл в прекрасном городе Амстердаме. Изучал там высокое искусство постройки судов морских, уменье управлять кораблями, бороздящими океаны…

– О-о-о! – обрадованно хлопнул в ладоши сентиментальный Крейс. – Милая моя, добрая Голландия, как же я скучаю по тебе! После услышанного я отношусь к вам, любезный Гассан-паша, как к своему названому брату…

Адмиралы нежно слились в дружеских объятиях, церемонно похлопывая друг друга по плечам…

Егор ни капли не удивился: он знал – из сведений, почерпнутых в Учебном центре секретной международной службы «SV», что Гассан-паша в молодости достаточно много времени провёл в Голландии, и именно поэтому напросился к нему в гости, прихватив с собой адмирала Крейса.

«А помнишь, братец, Координатор тогда в Питере тебе советовал, мол: „Тщательно изучай турок, всё, что касаемо – войн с ними?“ – неожиданно проснулся внутренний голос. – Получается, что он и тогда знал, что ты пробудешь в Прошлом гораздо более чем пять лет! Как же иначе? Он знал, что ты здесь зависнешь, знал – сука старая…»

Турецкие матросы – босоногие, голые по пояс, в широченных разноцветных шароварах, принесли четыре стула – обитые золотой парчой, с высокими резными спинками, разложили маленький складной столик. Толстый повар ловко расставил на углах стола четыре фарфоровые чашечки, наполнил их из пузатого медного кофейника ароматнейшим кофе, посередине поставил две большие стеклянные вазочки с разнообразными восточными сладостями, предупредительно отошёл в сторону, замер в низком поклоне.

– Прошу, господа, присаживайтесь! – вежливо, уже на английском языке, пригласил к столу Гассан-паша.

Егор насторожённо обернулся, высматривая царя. Пётр – в компании с двумя матросами-голландцами – о чём-то оживлённо, размахивая руками во все стороны, болтал с двумя пузатыми янычарами, из-за широких поясов которых высовывались деревянные пистолетные рукоятки.

«Эх, розгами, хорошо просолёнными, да по заднице худой, царской!» – от души высказался внутренний голос.

Выпили по две чашечки великолепного напитка, болтая о погоде – вчерашней и завтрашней, и закусывая рахат-лукумом, сушёными финиками и сливами, миндальным и абрикосовым печеньем.

– Этот кофе заварен по-арабски, в раскалённом белоснежном песке! – пояснил турецкий адмирал и плавно перешёл к делу. – То, что вы, господа, являетесь тонкими ценителями кофе, я уже понял. Но, может быть, у вас имеются ко мне и другие дела?

– Конечно же, уважаемый Гассан-паша! – вежливо кивнул пышными страусиными перьями на своей шляпе маркиз Алёшка. – Мы просим вас принять сии скромные подарки: меха чернобурки и соболя, отрезы разных тканей, изящные золотые украшения – для прелестниц из вашего блистательного гарема, сабли стали дамасской…

– Полноте, не утруждайте себя, дорогой маркиз, этим перечислением! Я нисколько не сомневаюсь в вашей щедрости! Чем я, в ответ, могу помочь вам? – Паша многозначительно посмотрел на Егора.

Прежде чем высказать суть своей просьбы, Егор выложил на край столика тяжёлый холщовый мешочек, осторожно подтолкнул его к Гассан-паше, тихо пояснил:

– Здесь пятьсот гульденов!

Турок понимающе склонил голову и невозмутимо убрал мешочек в широченный рукав своего халата, после чего надел на своё бородатое лицо маску покорного ожидания.

– Во-первых, я бы хотел – с вашей помощью, уважаемый адмирал, составить подробный список: каким пашам и министрам из султанского Дивана давать бакшиш и сколько, собственно, давать? Чтобы и не обидеть, да и не передать лишку…

– Это понятно: зачем лишнее отрывать от себя? – хитро прищурился Гассан-паша. – Но с какой целью давать тот бакшиш?

– Чтобы Великий визирь как можно быстрее принял полномочного Посла русского, дьяка Прокофия Возницына.

– Это можно! – покладисто согласился турок и что-то коротко приказал повару, почтительно замершему невдалеке – всё с тем же медным кофейником в руках.

Толстяк, поставив кофейник на палубу, тут же трусцой убежал куда-то.

Неожиданно со стороны носа корабля раздались громкие и возмущённые голоса, Егор обернулся: Пётр и два голландских матроса разговаривали с янычарами уже явно на повышенных тонах, вот русский царь, широко размахнувшись, отвесил своему турецкому оппоненту увесистую и звонкую оплеуху…

Егор мгновенно вскочил на ноги, но и только: Гассан-паша так громко рявкнул на турецком языке, что заложило уши, после чего оба янычара в течение секунды исчезли в распахнутом люке трюма.

Адмирал Крейс не пожелал отставать от своего турецкого коллеги и, в свою очередь, разразился отборной голландской руганью: все три его подчинённых, включая российского царя – то есть корабельного бомбардира Петра Михайлова, испуганно втянув головы в плечи, быстренько спустились по трапу в шлюпку.

– Ничего страшного! – словно ничего не случилось, миролюбиво улыбнулся турок.

– Да, бывает! – вальяжно усмехнувшись, согласился с ним голландец.

Тем временем вернулся повар, составил на поднос пустые кофейные чашки и вазочки, положил на стол лист бумаги (английской – отметил про себя Егор), гусиное перо, рядом водрузил квадратную серебряную чернильницу. Гассан-паша, часто обмакивая кончик пера в чернильницу, минут за десять составил подробный список, внимательно перечёл его, протянул бумагу Егору:

– Возьмите, дорогой сэр Александэр! А вы сами тоже поедете на встречу с Великим визирем? Вместе с этим Возницыным или же – отдельно? Впрочем, я, наверное, предвосхищаю события… Вы же сказали: «Во-первых…» Следовательно, должно быть и «во-вторых»?

– Вы очень мудры, эфенди! – уважительно кивнул Егор и, мимолётно улыбнувшись, выложил на стол ещё один тяжеловесный мешочек – брата-близнеца первого.

– С радостью готов вам помочь, сэр! – очень серьёзно и уважительно проговорил Гассан-паша, ловко отправляя во второй рукав своего халата очередную посылку с гульденами.

– Я хотел бы незамедлительно и конфиденциально встретиться с морским капитаном Медзоморт-пашой. – Произнося эти слова, Егор неотрывно и очень пристально смотрел в глаза адмирала. – Встретиться, что называется, один на один, без всяких свидетелей и переводчиков…

Не выдержав взгляда собеседника, турок прикрыл свои глаза и минуты три просидел молча, тихонько раскачиваясь из стороны в сторону. Наконец, он очень тихо произнёс – будто разговаривал сам с собой:

– Медзоморт-паша, знаменитый и легендарный корсар, больше десяти лет безжалостно грабивший – под славным алжирским флагом – торговые европейские корабли. Потом он остепенился, поселился в Константинополе, поступил на службу к нашему Небеснородному Султану, более того, очень скоро стал его личным другом. Единственным другом Небеснородного! – Гассан-паша открыл глаза и чуть напряжённо уставился на Егора: – Сэр Александэр! Откуда вы узнали об этом алжирском пройдохе? Про этого человека и в Турции мало что известно. Да и не любит его местная знать: независим очень и горд. Давно уже зарезали бы – чёрной константинопольской ночью, да опасаются, все же – личный друг Султана…

Егор извинительно развёл руки в стороны и слегка потупился, мол: «Не полагается разглашать свои информационные источники, простите уж!» Не мог же он сознаться, в самом деле, что о Медзоморт-паше, человеке, только к мнению которого и прислушивался всемогущий правитель Османской Империи, узнал в двадцать первом веке, всё в том же тайном Учебном центре? Причём – абсолютно целенаправленно, по чёткому указанию коварного Координатора…

Внутренний голос взорвался потоком отборной ругани: «Куда же ты смотрел, дурик долбанный? Что, трудно было тогда даты сравнить? Понять, что война с Турцией начнётся гораздо позднее, уже после истечения срока твоего пятилетнего контракта? Эх, недотёпа! Опять, получается, что втёмную использовали тебя – в очередной раз, дурика – на букву „ё“…»

– Хорошо, я устрою вам встречу с этим «корсаром на пенсии»! – немного подумав, обнадёжил Гассан-паша. – Мы с ним не то чтобы дружим, просто иногда имеем некие общие дела…

– Спасибо, эфенди! – Егор, хорошо знавший и об этих совместных делах, благодарно приложил ладонь к своей груди и отвесил лёгкий поклон.

– Только вот маленькая трудность… Медзоморт-паша разговаривает только на турецком, арабском и французском языках. А вы, сэр Александэр, говорили о встрече «один на один»…

– Ничего, адмирал, я думаю, что мы с этим славным «корсаром на пенсии», как вы выразились, обязательно найдём общий язык!

Вот в этом Егор был совершенно уверен: во время своей

будущей (в двадцать первом веке) службы – в качестве военного телохранителя – ему пришлось почти двадцать месяцев провести в одном секретном армейском городке – на границе Ливии и Алжира, так что навыки как французского, так и арабского языков однозначно присутствовали…

Когда шлюпка отчалила от борта турецкого корабля, Егор тихонько поинтересовался у Петра:

– Мин херц, а чего вы там с янычарами не поделили-то?

– Да понимаешь, поспорили немного, – смущённо промямлил царь, – о том, где женщины страстнее и умелее: в Турции или в Европе, – неожиданно широко улыбнулся: – А здорово, Алексашка, я врезал тому басурману? Нет, ты скажи – здорово?

На следующее утро толмачи и приданные к ним матросы приступили к планомерной развозке бакшиша. Весь день мелькали туда-сюда фелюги, над бортами «Крепости» висела густая матерная ругань: это дотошные каптёрщики требовали у переводчиков отчётных документов о том, что все ценные подарки доставлены по назначению. «Какие могут быть расписки за бакшиш?» – удивлённо возмущались переводчики. «Ничего знать не хотим, у нас – инструкции!» – достойно отвечали им каптёрщики. Только после личного вмешательства Егора процесс наладился: появились расписки, правда, на турецком языке, украшенные какими-то очень уж подозрительными печатями, но каптёрщикам они неожиданно понравились, скандал постепенно сошёл на нет.

Результат этих мероприятий дал о себе знать через двое суток: во время завтрака к правому борту «Крепости» пристали – один за другим – два султанских сандала, густо застеленные пёстрыми персидскими коврами. С русского флагмана незамедлительно спустили парадный трап, по которому бодро поднялся дядечка, очень напомнивший Егору старика Хоттабыча (из одноимённого кинофильма): остроносые туфли, чалма-лепёшка, халат характерного покроя, нос крючком, длинная, заострённая книзу седая борода.

«Хоттабыч» склонился в низком подобострастном поклоне, руками изобразил маслобойку, после чего бодро залопотал по-турецки, мелко и часто кивая головой:

– Великий визирь приглашает русских Послов к себе! – начал усердно переводить Ботвинкин. – Приём пройдёт в его стамбульском (то есть в константинопольском) дворце и начнётся через три часа… Как – через три часа? Да, через три… Господа Послы, надо торопиться, дорога до дворца Великого визиря занимает часа два с половиной!

– Что, Александр Данилович, пошли одёжку напяливать важнецкую? – поднялся на ноги Возницын, жалобно косясь на свою тарелку, наполненную разнообразными ветчинами, колбасами и копчёностями. – Здесь не принято опаздывать…

Егор оглянулся на корабль Гассан-паши: на клотике передней мачты турецкого флагмана трепетал на ленивом утреннем ветерке узкий бело-зелёный вымпел, соответствующий словесному указанию: «Никуда не отлучайтесь, есть очень важные новости!»

– Поезжай, Прокофий, один! – лениво зевнув, предложил Егор.

– Как – один? – от изумления с носа Возницына свалились очки и упали (не разбившись, слава Богу!) в чашку с недопитым кофе. – Александр Данилович, да ты что? Мы же договаривались с тобой… – Дьяк беспомощно и просительно покосился на сидящего рядом Петра.

– Алексашка, ты что творишь, подлый изменщик? – гневные морщины густо легли на царский лоб. – В острог захотел, в железа – с клеймом на лбу и рваными ноздрями? Я не посмотрю, что ты мой друг…

– Мин херц, то бишь – корабельный пушечный бомбардир Пётр Михайлов, а по какому праву ты вмешиваешься в дела Посольства Великого? Не, по какому? – напустил на себя строгости Егор. – Я же за всё отвечаю – собственной головой? Твои слова? Вот и помалкивай теперь, сударь мой! – требовательно посмотрел на Возницына: – Чего столбом стоишь, дьяк Порфирий? Иди, переодевайся в представительское, да и отправляйся срочно к Великому визирю – отрабатывать свой хлеб! Поручик Бровкин да толмачи посольские поедут с тобой, помогут – чем смогут… А я пойду другим путём. Как гласит мудрость народная: «Нормальные герои, они завсегда идут в обход!»

Как только султанские сандалы отчалили от «Крепости», он велел капитану Памбургу спустить с другого корабельного борта гребную шлюпку.

На корме турецкого флагмана стоял давешний толстый повар и призывно махал рукой.

– К корме, братцы, гребите! – приказал Егор. Увидев, что шлюпка приблизилась к корабельному борту вплотную, турок спустил на верёвке какой-то явно тяжёлый предмет, завёрнутый в бумажный лист. Егор ловко поймал посылку в ладонь, чиркнул по верёвке острым стилетом, зажатым в ладони другой руки, дал краткую команду своим гребцам возвращаться назад.

«Страхуется, Гассан-паша, лис старый! – подумал про себя. – Не хочет лишний раз светиться в моём обществе…»

Только поднявшись на борт «Крепости» и неторопливо завершив утреннюю трапезу, Егор достал из кармана камзола послание от турецкого адмирала, развернул бумажный лист, аккуратно положил на край стола массивный бронзовый крепёжный костыль, внимательно прочёл текст, начертанный на французском языке ярко-зелёными чернилами, косым убористым почерком.

– Ну, что там? – нетерпеливо фыркал за его плечом Пётр. – Чего пишут-то?

– Медзоморт-паша встретиться хочет со мной, – задумчиво сообщил Егор.

– Когда? Где?

– Сегодня вечером, «когда догорит закат». На берегу Босфора, «на пристани, за третьим дворцом от султанского», меня встретит его человек, отведёт – куда надо. Это милях в пятнадцати отсюда, придётся загодя отплывать.

– Побольше дельных людишек возьми с собой! – заботливо посоветовал царь. – Ружья и пистолеты пусть захватят с собой, гранаты ручные…

– Не поможет это, мин херц! – криво усмехнулся Егор.

– Почему это?

– Фелюгу-то я могу набить людом, вооружённым до самых зубов, под завязку полную. А вот от той пристани я один должен пойти, в сопровождении только верного слуги Медзоморт-паши, и никак иначе…

– Тогда не ходи на ту встречу! – перебил его Пётр. – Ну их всех, этих алжирских басурман, к чертям свинячим! Великий визирь есть, послы французские и английские. С ними будем говорить, помощи просить…

– Нормально всё будет, Пётр Алексеевич! – заверил царя Егор. – Бог не выдаст – свинья не съест, подавится!

Проплыв по Босфору полторы мили, его фелюга встретилась с передовым султанским сандалом (второй заметно отстал), на носу которого возвышалась фигура Великого Посла Возницына, рядом с дьяком стоял ехидно улыбающийся Алёшка Бровкин, одетый на этот раз в обычную полевую форму Преображенского полка.

– Табань! – прикрикнул на своих гребцов Егор, Возницын дисциплинированно продублировал эту команду гребцам сандала, после чего, смачно плюнув за борт, развернулся и гордо удалился на корму.

Гребцы (те и другие) ловко убрали вёсла и руками крепко зафиксировали борта встретившихся судов.

– Чего это с нашим дьяком случилось? – небрежно поинтересовался Егор, также одевшийся на это рандеву более чем скромно: чёрный камзол, чёрная шляпа на голове, лишённой уже привычного парика, короткая шпага на боку, полное отсутствие перстней и прочих дорогих побрякушек, только в правом ухе красовалась массивная золотая пиратская серьга – подарок доблестного датчанина Лаудрупа.

– Ух, ты! – восхитился Бровкин. – Ты, Александр Данилович, загадочный сегодня такой! Прямо – благородный граф-разбойник, я про таких в Амстердаме читал в книжках аглицких… Что с Возницыным? Да обиделся он смертельно. И на весь белый свет, и на тебя лично. Продержали нас в визиревой прихожей часа три – словно ждали ещё кого-то. Потом, всё же, пригласили в парадную залу. Пышно там у них очень, помпезно – как ты, Данилыч, любишь говорить. Так вот, Великий визирь – мужчина важный и очень сердитый, Возницына нашего выслушал – через толмача, очень внимательно, а потом и заявил, мол: «Серьёзный разговор состоится только в присутствии высокородного сэра Александэра и благородного маркиза де Бровки!» И пухлой ручкой своей, все пальцы которой унизаны перстнями драгоценными, небрежно так махнул, мол: «Попрошу на выход, любезные мои!» – Не выдержав, Алёшка громко прыснул, тут же вежливо прикрыв рот ладошкой…

– Ладно тебе, поручик, нашёл время веселиться! – притворно нахмурился Егор. – В темпе перебирайся в фелюгу, со мной поплывёшь! – крикнул в сторону Возницына: – Эй, Прокофий, кончай дуться, не будь дураком! Всё идёт по плану…

Пока фелюга шла по Босфору до условленного места, Егор кратко проинструктировал Бровкина:

– Значится, так, Алёшка! Ждёте до утренней зари, вернее, до момента, когда солнце полностью вылезет из-за линии горизонта… Ты же у нас нынче образованный, знаешь, что такое «горизонт», «линия горизонта»? Молодец! Если я не появлюсь к этому моменту, то быстро возвращаетесь на «Крепость», ставите в известность – об исчезновении моём, Великого визиря и Гассан-пашу. После этого берёшь с собой наших проверенных людей и собаку-нюхача – у Антошки-повара. Возвращаешься на этот причал, к которому сейчас подплываем, и начинаешь мои поиски. Только Петра Алексеевича не бери на те поиски – под любым предлогом. У меня с собой будет мензурка – с пипеткой на конце, наполненная анисовой вытяжкой. Запах её почти неуловим для человеческого носа, а вот китайские собачки на него специально надрессированы. По дороге к этому Медзоморт-паше я буду незаметно, через дырку в кармане, капать анисовой вытяжкой на

дорогу, а в другой карман камзола положу носовой платок, пропитанный ею же… Понятно?

Они подплыли к условленному месту, когда уже дотлевали последние бордовые угольки вечерней зари: двадцать-тридцать секунд – и всё вокруг погрузилось в полную черноту, но с правого борта тут же загорелся крохотный яркий огонёк.

– Править на свет фонаря! – распорядился Егор. Фелюга осторожно коснулась своим бортом высокого причала, Егор ловко выскочил на берег – рядом со стоящим на каменной плите горящим масляным фонарём, пламя которого было предусмотрительно накрыто стеклянным колпаком. Из темноты показалась неясная фигура, укутанная в чёрное покрывало, хриплый голос спросил на французском языке:

– Вас зовут – сэр Александэр?

– Да, так меня зовут.

– Тогда идите за мной! – Незнакомец развернулся спиной к Босфору, извлёк из-под полы своего балахона ещё один, гораздо менее яркий масляный фонарь, тонкая дужка которого была зажата в его ладони, медленным шагом двинулся перпендикулярно – по отношению к берегу пролива.

– Я пошёл! – Егор коротко махнул рукой Бровкину. – Делай всё, как договорились!

Шагали минут сорок, Егор держался за своим проводником метрах в трёх с половиной. Шли мимо высоких заборов, за которыми негромко и лениво брехали собаки, потом – узкими тропинками, замысловато петлявшими между высокими фруктовыми деревьями, на ветках которых (в неярком свете масляного фонаря и жёлтой половинки луны) виднелись крупные груши, персики и абрикосы.

Наконец они упёрлись в неприметную тёмную изгородь – не так чтобы и очень высокую, раздался негромкий щелчок ключа в замке, бесшумно приоткрылась узенькая калитка.

– Прошу за мной! – пригласил хриплый голос.

Эта часть пути проходила уже через ухоженный парк: по сторонам угадывались высокие цветочные клумбы (розы – судя по запаху), весело журчали – тут и там – крохотные фонтанчики, вдалеке кричали дурными голосами капризные павлины.

Подошли к стене трёхэтажного особняка, провожатый, полминуты поколдовав над запором, широко распахнул дверь, чуть утопленную в кирпичной кладке, вежливо посторонился и предложил:

– Дальше, господин, идите один. Всё время прямо. Потом толкнёте дверь, она не заперта…

Егор сделал несколько шагов по узкому коридору, сзади

раздался тоненький скрип закрываемой двери. Он невольно вздрогнул, ожидая, что сейчас всё погрузится в непроглядный мрак. Но этого не произошло, вокруг царил зеленоватый таинственный полумрак: квадратные каменные плиты коридора были густо изрезаны тонкими прожилками неизвестной горной породы, тускло светящимися мягким и очень приятным для глаз светом.

Машинально касаясь пальцами правой руки гладкой и чуть тёплой стены, он прошёл по коридору метров семьдесят пять, остановился около широкой, полукруглой сверху двери, взялся за железную, искусной ковки ручку, несильно толкнул.

Помещение, в которое он вошёл, очень сильно напоминало парадный зал средневекового рыцарского замка – каким его себе представлял Егор по голливудским фильмам, просмотренным когда-то: высокий, тонущий в полумраке потолок, покрытый толстыми деревянными балками, неровный каменный пол, стены, увешанные самым разнообразным холодным оружием, многочисленные чучела различных животных, неподвижно замершие повсюду. Для полноты ощущений не хватало только гигантского камина, сложенного из диких валунов… В специальных металлических подставках, вбитых в стены, ярко горели с десяток бездымных факелов.

Егор вышел на середину зала, огляделся по сторонам и в одном из углов обнаружил хозяина этих экзотических апартаментов: на толстом ворохе звериных шкур возлежал обнажённый по пояс пожилой турок, лицо которого было украшено короткой и аккуратной седой бородой, и невозмутимо, чуть булькая какой-то жидкостью, покуривал кальян. По всему залу распространялся аромат розового масла.

– Приветствую вас, благородный Медзоморт-паша! – вежливо поздоровался Егор. – Вы не будете возражать, если я буду говорить на смеси французского и арабского языков? Немного знаю один, немного другой…

– Мир вашему дому, сэр Александэр! – вежливо ответил турок, вынув изо рта мундштук кальяна. – Располагайтесь напротив меня, поговорим. И на французском, и на арабском…

В пяти-шести метрах от Медзоморт-паши на камнях пола лежал большой ворох звериных шкур, по разные стороны от которого стояли два горящих масляных светильника, за шкурами располагался ещё один разогретый кальян.

В помещении было достаточно жарко, поэтому Егор первым делом, предварительно отстегнув от пояса ножны со шпагой, снял с себя сюртук, бросив его в изголовье своей «подстилки». Потом он стащил с ног чёрные низкие кожаные сапоги, аккуратно

запихал в них льняные портянки, отставил сапоги далеко в сторону и, вытерев босые ступни о специальный коричневый коврик, с удобством устроился на мохнатых шкурах, сжал зубами янтарный мундштук кальяна, затянулся, с удовольствием вдыхая ароматный дым, блаженно прикрыл глаза…

«А шкуры-то у паши – куда как интересные! – отметил наблюдательный внутренний голос. – И зебра есть в наличии, и львы с леопардами, не говоря уже о прочей мелочи…»

Егор открыл глаза, чуть заметно повертел головой, мысленно составил перечень чучел, попавших в поле его зрения: «Благородный олень, косуля, кабан – две штуки, маленький верблюжонок, какая-то африканская антилопа с винтообразными рогами…»

– Поражаюсь я на вас, сэр Александэр! Ну и выдержка у вас! – отвлёк его от созерцания чужих охотничьих трофеев голос «алжирского разбойника». – На зверушек любуетесь, а на меня – ноль внимания. Обидно даже немного!

– Извините, эфенди! – мимолётно улыбнулся Егор выпуклым умным глазам Медзоморт-паши. – Устал я немного за последнее время, а у вас такая обстановка – располагающая к отдыху. Вот и расслабился… Турок хитро прищурился:

– Прекрасно вас понимаю! Я именно для этих целей и построил данное поместье: чтобы было где забыться, развеяться, хоть немного отдохнуть душой от дел мирских… – тяжело вздохнул и продолжил – уже насквозь деловым тоном, искусно переплетая французские и арабские выражения: – Знаете, уважаемый сэр, но вы совсем не похожи на жителя туманного Альбиона. Скажу вам даже больше: вчера я беседовал с английским послом, он никогда и ничего не слышал об английском пэре по имени Александэр, да ещё и личном друге семьи королевской. Аналогичная история и с доблестным маркизом де Бровки. Не объясните мне эту загадку?

Изобразив своими бровями бесконечное удивление, Егор ещё раз с удовольствием побулькал кальяном и разъяснил ситуацию – с не меньшим удовольствием:

– Кто-то намеренно ввёл вас в заблуждение, уважаемый Медзоморт-паша. Или толмачи напортачили – в очередной раз… Я действительно являюсь пэром, только русским…

– Как это может быть? Поясните!

– Всё очень просто: недавно наш царь Пётр, мой личный добрый друг, издал свой царский Указ, согласно которому в России введены новые титулы благородные: пэр, граф, барон, маркиз…

Медзоморт-паша, демонстрируя своё тонкое чувство юмора,

смеялся, временами похрюкивая, минут пять. Отсмеявшись, он внимательно посмотрел Егору в глаза и очень серьёзно произнёс:

– Вы мне положительно нравитесь, сэр Александер! Это даже очень хорошо, что вы оказались русским. Очень уж я не люблю всех этих европейцев…

– За что же, если не секрет?

– Очень уж они хитрые, напыщенные, лживые. А ещё при этом – хилые…

Алжирский «корсар на пенсии» неторопливо поднялся со своего места, тщательно вытер ладони белоснежным полотенцем, небрежно отбросил его в сторону.

Турок, несмотря на свой почтенный возраст – лет пятьдесят пять, выглядел как русский молоденький гриб-боровик: невысок ростом, но очень широкоплеч, тонок в талии, под гладкой кожей перекатывались упругие мышцы, руки у него были непропорционально длинными и жилистыми.

«Да, дедушка-то у нас – настоящий боец!» – уважительно прокомментировал внутренний голос.

Медзоморт-паша сделал несколько шагов в сторону, где недалеко от горящего масляного светильника стоял неопределённый предмет, напоминавший собой обычный утюг, только большой, высокий и без заострённой части.

«Это у них здесь гири такие смешные!» – самостоятельно догадался Егор, не дожидаясь подсказок от внутреннего голоса.

Заслуженный и легендарный «морской волк» крепко ухватился за ручку «утюга», рывком поднял до уровня плеча, технично подсев тазом, выжал гирю вверх. Повторив это движение ещё пять раз, турок сменил руку и продолжил свои атлетические упражнения.

– Ну, сэр Александэр, а как вы относитесь к «железным играм»? – вернувшись на свои шкуры и слегка отдышавшись, спросил Медзоморт-паша.

Егор молча встал, неторопливо расстегнув пуговицы, сбросил рубашку, подошёл к необычной гире и, не без труда повторив все упражнения, исполненные турком, поставил «утюг» на прежнее место. Естественно, он мог бы попытаться и превзойти – в спортивных результатах – своего пожилого собеседника, но существовало неписаное правило восточного этикета: гость не должен подавать хозяину ни малейшего повода для обиды. Особенно если ты хочешь, чтобы этот хозяин стал твоим надёжным деловым партнёром…

Медзоморт-паша одобрительно несколько раз хлопнул в ладоши и поинтересовался:

– А чем, сэр Александэр, вы еще меня можете удивить?

– Я очень хорошо умею метать ножи. Причём любые и на весьма дальние расстояния.

– Очень интересно! Не покажете ли? Вон – ножи! – Турок махнул рукой на стену за своей спиной. – Куда метать? Ну, хотя бы в чучело кабана, оно стоит – очень уж удобно…

Егор подошёл к стене, вытащил из прикрепленных к стене ножен семь самых разных по форме и размерам клинков, вернулся к светильнику, стоявшему возле гири-утюга, посмотрел на предполагаемую мишень. До чучела матёрого кабана-секача, расположенного по отношению к нему в профиль, было метров четырнадцать-пятнадцать.

– Если это расстояние велико, то можете подойти к кабану поближе, – любезно предложил Медзоморт-паша.

Легкомысленно передёрнув плечами, Егор коротко взмахнул рукой, второй раз взмахнул, третий… Семь серебристых молний, одна за другой, просвистели негромко и таинственно, в зале опять наступила полная тишина, нарушаемая только редкими потрескиваниями горящих факелов. Кабан сразу же стал похож на экзотического дикобраза, испуганно ощетинившегося стальными иглами…

Личный друг Небеснородного Султана опять тихонько поаплодировал и задал очередной вопрос:

– Сэр Александер, а вот эта приметная серьга в вашем ухе… Она – откуда? Чей-то презент?

– Вы опять угадали, эфенди! – почтительно поклонился Егор. – Это подарок моего хорошего друга, датского капитана Лаудрупа.

– Лаудруп всё так же ходит по морям на своём «Короле»?

– Да, всё на нём, родимом! Несколько месяцев назад я тоже удостоился чести быть пассажиром этого славного брига.

Медзоморт-паша задумчиво подёргал себя за седую бороду, восхищённо покачал головой, промолвил почтительно:

– Эта серьга, сэр Александэр, для меня – самая лучшая рекомендация! Капитан Лаудруп – человек, бесспорно, уважаемый – во всех отношениях. Кстати, достопочтимый сэр, не назовёте ли ваше изначальное русское имя? Другие ваши благородные титулы – кроме пэрского?

– Дворянин Меньшиков, Александр Данилович, генерал-майор, командир Преображенского полка…

– И личный Охранитель царя Петра! – закончил за Егора турок. – Итак, перейдём к делу. России нужен мир с Османской Империей, чтобы развязать себе руки для шведской кампании. Это понятно. Что вы, уважаемый Охранитель, можете предложить за его незамедлительное подписание?

– Деньги. Очень большие деньги! – честно признался Егор и тут же поспешил уточнить, заметив, как у его собеседника презрительно дёрнулись брови: – О пошлом бакшише речь не идёт! Я говорю – о совместно заработанных Больших деньгах.

– Объясните!

– Последние четыре года были для России годами урожайными. У некоторых наших помещиков в амбарах хранится двухгодичный урожай пшеницы, у других – даже трёхгодичный…

– Это тоже понятно! – кивнул головой Медзоморт-паша. – Куда вам продавать пшеницу? Балтийских портов у России нет. Путь до Архангельска долог, да и моря северные – штормовые, жестокие… Ливония и Курляндия? Они там все бедные и жадные: такую заломят пошлину перевалочную, что и от прибыли ничего не останется. Есть, конечно, и южный путь. Но здесь – мы, турки, держащие под своим полным контролем проливы, ведущие в море Средиземное, к богатым европейским рынкам… Так в чём суть предложений ваших, господин генерал-майор?

– Суть предложений – проста! – усмехнулся Егор. – Я скупаю, да и казна поможет государева – ежели что, пшеницу у помещиков русских… – задумался (якобы) минуты на две, – по две пятых части гульдена за пуд. Продаю вам, вернее – Султану Небеснородному, за четыре шестых гульдена. Вы, Османская Империя, сбываете пшеничку эту – за полновесный гульден – пудик. Всё просто. Русские корабли подошли к Константинополю, извините – к Стамбулу, перегрузили мешки с пшеницей на корабли турецкие, получили деньги, ушли к Азову – за следующим грузом. А к Азову – по Дону– батюшке – непрестанно баржи с пшеницей спускаться будут. Главное, чтобы мир был, тогда и коммерция будет процветать…

– Гульден – за пуд? Да, в Европе польскую пшеницу покупают по этой цене, – подтвердил турок – бывший алжирский корсар. – Русская же пшеница будет получше польской. Гораздо лучше… А сколько будет кораблей – с тем грузом?

Егор ответил – с погодовой разбивкой на ближайшие пять лет. В умных глазах Медзоморт-паши замелькали бесконечные нули…

– Всё это очень серьёзно, нужно подумать, посчитать! – заявил турок, и громко щёлкнул пальцами правой руки.

Тут же – словно из-под земли, в зале появились четверо тёмнокожих слуг, одетых в одни набедренные повязки, ловко и оперативно заменив розовую жидкость и табак, перенастроили кальяны, после чего – словно бы испарились…

Время тянулось в полной тишине, вязко и медленно: лежали, курили – словно в ожидании чего-то… Егор краем глаза заметил,

что Медзоморт-паша изредка поглядывает на голову африканской антилопы, висящей на правой стене – рядом с горящим факелом. Стал тоже исподтишка наблюдать за этой головой. Минут через пятнадцать винтообразные рога антилопы – до этого смотрящие в разные стороны, совершенно бесшумно развернулись, становясь параллельными друг другу.

«Не иначе, за той стеной сидел сам Небеснородный – с обычными деревянными счётами в руках! – радостно предположил внутренний голос. – Всё это время считал и пересчитывал – выгоду предложенную. Вот, похоже, наконец, принял окончательное решение…»

Как бы там ни было, но через три дня оба Договора были успешно подписаны: и о семилетнем мире, и об оптовых поставках в Стамбул русского зерна…[15]

А потом – случилась беда… Беда? Да ладно, с точки зрения политики европейской, высокой – просто маленькое недоразумение, не более того. Пропал Прокофий Возницын…

Целую неделю после подписания судьбоносных Договоров следовали – чередой бесконечной – различные радостные и праздничные мероприятия: торжественные приёмы, частные приватные встречи-переговоры, тайные (чтобы Аллах не увидел!), дружеские пирушки-посиделки… В какой-то момент означенный дьяк, видимо, устав, откололся от остального дружного коллектива: возжелал посетить древний греческий монастырь, расположенный в отдалении от Константинополя, верстах в десяти-пятнадцати. Возжелал, уехал и пропал – вместе с охраной, повозками и лошадьми…

Объявили всеосманский поиск. Через трое суток после исчезновения дьяка к борту «Крепости» пристал длинный султанский сандал. По парадному трапу на борт российского флагмана величественно поднялся лично Медзоморт-паша – легендарный алжирский корсар, вежливо, больше ни на кого не глядя, поздоровался с Егором, достал из своей наплечной сумки коричневый камзол Возницына, небрежно бросил его на палубу корабля, грустно улыбнулся и пояснил:

– Этот окровавленный камзол мои люди нашли на окраине Стамбула, в трущобах простолюдинов. Только это и нашли…

«Вот и ещё один человек погиб – по твоей вине! – внутренний голос, холодный и сумрачный, не ведал жалости. – Кто-то из многочисленных врагов узнал, что по Европе Пётр Алексеевич путешествовал под личиной дьяка Возницына. Решили проверить – а что в этот раз? Подло выкрали бедного Прокофия (тем более что он ростом и не намного ниже царя), убедились, что это

совсем даже и не Пётр, после чего безжалостно зарезали бедного дьячка – за полной ненадобностью…»

Эпилог

Погода благоприятствовала: небо ясно-голубое, легкий и стабильный юго-западный ветерок. За неделю, не останавливаясь у древних крепостных стен Керчи, вернулись в море Азовское, по Кутюрму-рукаву вошли в Дон-батюшку, пересели на гребные струги, пошли вверх по течению.

Пётр аккуратно и тщательно разложил на наспех выстроенном дощатом столе-стеллаже различные карты, поманил к себе:

– Ну, Алексашка, давай разрабатывать план войны… Как же её обозвать-то?

– Предлагаю – «Северной войной» назвать сиё действо! – не раздумывая ни минуты, предложил Егор. – А что такого? – недовольно обернулся на захихикавшего Автонома Головина. – Хорошее, на мой взгляд, название, благородное…

– На раз возьмем шведа! – заявил Головин. – Мы их… Егор даже замахнулся на Автонома:

– Ты, бездельник, думай, о чём говоришь! Зачем нам – позорные конфузии? А? Тут план нужен – сразу лет на десять! Первый этап – лет на пять-шесть… Чтобы стопой железной встать на побережье Балтийском…

– Тихой сапой – склады строим, дороги… По весне штурмуем крепость Ниеншанц, забираем, укрепляем, часть пушек переносим на Заячий остров, – старательно объяснял Егор. – Потом ждём до осени: крепость «Орешек» без поддержки продовольственной сама сдастся. Потом – Иван-город, Нарва, Мариенбург, Рига, Ревель… Да, и Курляндию надо забирать – под русскую руку! Главное, без спешки, шаг за шагом…

– Действительно, а чего торопиться? – покладисто соглашался Пётр. – Годом раньше – годом позже… Спешка она хороша – когда блох ловишь, или там – клопов давишь…

Когда до Воронежа оставалось всего ничего – полдня пути, навстречу стругам попалась новехонькая каторга – под косым парусом, на носу которой стоял взволнованно машущий рукой Василий Волков.

– Табань! – скомандовал Егор гребцам, понимая, что случилось что-то явно плохое, раз Василий, которому велено было безотлучно надзирать за царевичем Алексеем, покинул Москву.

Суда поравнялись.

– Докладывай! – велел Егор.

– Генерал Лефорт скончался! – объявил Волков.

– От простуды?

– Никак нет! Застрелили! Из груди достали три пули. Все – шведские…

– Что? – взревел Пётр. – Мать его! Дьяка ко мне – с бумагой и чернилами! Чердынцев? Указ пиши! Война! С весны – начинаем штурм Нарвы! Молчать всем! С весны, я сказал… Месть моя будет страшна… В порошок! В труху полную…

– Мин херц! – выждав несколько минут, нерешительно обратился к царю Егор.

– Молчи, гнида трусливая! – попросил царь и от души заехал Егору в ухо, пристально всмотрелся в правый (по ходу течения) речной берег: – Что там за лагерь?

Временная стоянка драгунского полка? Немедленно пристаём! Сейчас я шведскому Карлу письмо напишу – об объявлении войны…

«История – дама очень упрямая! Не хочет она изменяться, сопротивляется – изо всех своих сил! – известил, мерзко ухмыляясь, внутренний голос. – Столько ты, братец, положил усилий, чтобы отсрочить на год-другой начало Северной войны? А ничего и не получилось! Ну, что скажешь в ответ?»

– А что тут можно сказать? – растерянно пробормотал себе под нос Егор. – Похоже, что в этот раз История победила. Теперь вот – воевать придётся, однако…

notes

Примечания

1

Дата рождения А. Д. Меньшикова точно не известна, существует несколько версий, ни одна из которых не признана однозначно достоверной.

2

Некоторые частные письма Петра свидетельствуют о том, что он и его ближайшие друзья называли Никиту Зотова именно Зотычем.

3

Точная дата посещения Петром города Архангельска до сих пор неизвестна.

4

Существуют документы, свидетельствующие о том, что Пётр пользовался «правом» на «первую брачную ночь». Однако до сих пор эти факты официально не признаны.

5

Первая попытка взять Азовскую крепость была (по-настоящему) осуществлена Петром в 1695 году, она полностью провалилась, лишь через год (в 1996-м), повторная попытка увенчалась успехом. Егор начинает убеждать себя, что первый Азовский поход не нужен, следует потратить лишний год на тщательную подготовку и взять Азовскую крепость с первой попытки.

6

В реальной Истории А. Д. Меньшиков никогда не являлся командиром Преображенского полка.

7

На сегодняшний день об изобретении таблеток, способствующих *временной* мужской импотенции, ничего не известно. По крайней мере – официально…

8

Спички как изобретение были официально запатентованы только в XIX веке.

9

Авторский вымысел. Сёстры милосердия появились в России (по-настоящему) гораздо позже.

10

Стрелецкий бунт состоялся («по-настоящему») в 1698 году, когда Великое Посольство во главе с Петром находилось в Европе. Егор, опасаясь за жизнь своей жены и детей, хочет «разобраться» со стрельцами заранее, до отъезда Великого Посольства в Европу.

11

Апроши – инженерные сооружения, глубокие рвы, предшествующие глубинным подкопам (с целью подрыва) под крепостные стены.

12

Авторский вымысел. По официальным историческим документам, Азовская крепость пала в результате планомерной осады, вследствие истощения запасов продовольствия и пороха.

13

Сроки появления картофеля в России – в разных документах – разнятся: от 1698 – до 1706 года.

14

Авторский вымысел. Титулы «маркиз» и «пэр» в России никогда не вводились.

15

Это уже полностью альтернативный вариант. В «реальной» Истории данный Договор о мире подписывался очень долго, посольство под руководством Прокофия Возницына провело в Константинополе более года, и, естественно, никаких торговых договоров не заключалось.